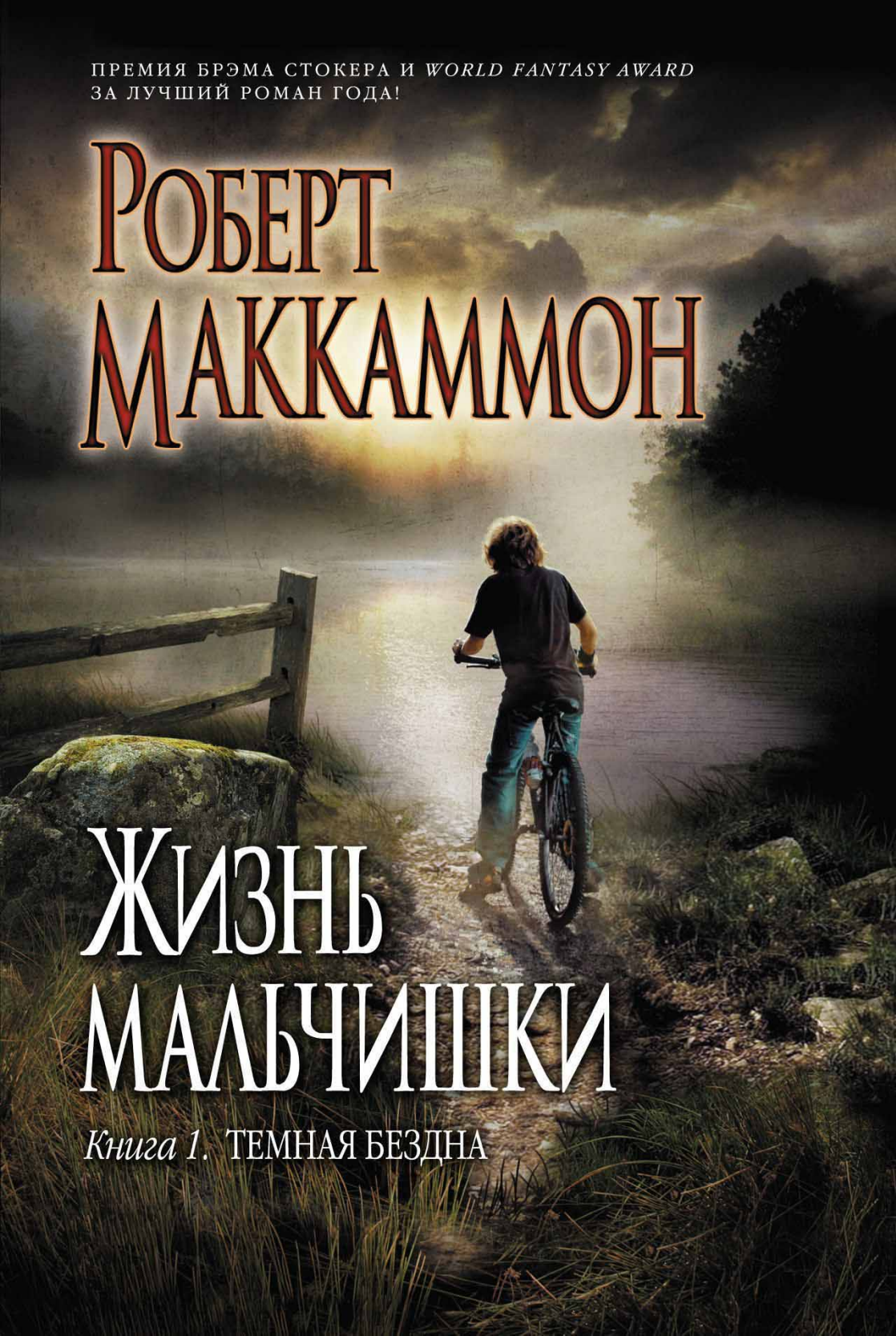


ПРЕМИЯ БРЭМА СТОКЕРА И WORLD FANTASY AWARD
ЗА ЛУЧШИЙ РОМАН ГОДА!

РОБЕРТ МАККАММОН

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Книга 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА





РОБЕРТ МАККАММОН

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Книга 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА



ЭКСМО
МОСКВА
ИД ДОМИНО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
М 15

Robert R. McCammon

BOY'S LIFE

Copyright © 1991 by McCammon Corporation

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Маккаммон Р. Р.
М 15 Жизнь мальчишки : кн. 1. Темная бездна / Роберт Р. Маккаммон ; [пер. с англ. Б. Кадникова, О. Колесникова]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. — 432 с.

ISBN 978-5-699-47839-2

Кори Маккенсон — 12-летний американский мальчишка, фантазер с жным воображением и явными способностями к сочинительству. Он живет в особом, ярком мире, где проза жизни тесно переплетена с волшебством, явь — со сном, реальность — с мечтой. Особый колорит происходящему придает атмосфера американского Юга: на первый взгляд сонный, захолустный городок Зефир таит в себе множество нераскрытых загадок и населен людьми с причудливыми, эксцентричными характерами.

Ранним мартовским утром Кори и его отец случайно становятся свидетелями ужасного преступления...

«Жизнь мальчишки» — лучшая из полутора десятков книг мастера мистического романа Роберта Рика Маккаммона, принесшая ему две престижные литературные премии — Bram Stoker Awards 1991 и World Fantasy Award 1992.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Кадников Б., Колесников О., перевод на русский язык, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-47839-2

Предисловие

ПОЧЕМУ Я НАПИСАЛ «ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ»

Оказывается, легче написать книгу, чем написать о книге, которую ты написал.

Есть ли в этом смысл? Да, есть, наверно, потому, что книга, которую я уже написал, словно вырублена в камне. Здесь уже не добавить, не убавить, все на своих местах. А может, и нет, потому что писатель, если ему повезет, еще не вырублен в камне и находится в пути, то есть узнает все больше и больше, о том *как* писать. Поэтому иногда трудно оглядываться на более ранние работы: неизбежно найдешь такое, что захочется убрать или добавить, но каменную глыбу не сдвинуть.

Сказав все это, замечу: когда я оглядываюсь назад и перечитываю «Жизнь мальчишки», я нахожу немного, что хотел бы изменить. Всегда верил, что, когда ты заканчиваешь книгу, хорошо, если в ней есть пятьдесят процентов того, на что ты надеялся, когда ее начинал. К своему удивлению, я обнаружил, когда закончил «Жизнь мальчишки», что в ней около девяноста процентов того, что я надеялся увидеть в этой книге.

Я не пишу и никогда не писал, имея четкий план. У меня есть, как я их называю, «ключевые сцены»: то, что происходит в начале, в середине и ближе к концу и, как я надеюсь, позволяет мне идти в правильном направлении.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды я попытался использовать план и не закончил книгу. Я уже знал все, что должно случиться, так в чем же смысл?

Пожалуй, я пытаюсь сказать, что пишу прежде всего для самого себя: я хочу стать «первым читателем». Хочу писать книги, которые прочел бы для удовольствия, если бы так усердно не работал, чтобы написать их. В этом есть смысл, по крайней мере для меня, и такой подход к писательству всегда дает мне возможность что-то предвкушать в будущем.

Итак, если вы держите сейчас в руках это новое издание «Жизни мальчишки» и просматриваете эту мою болтовню, вы, возможно, уже прочли книгу или собираетесь читать ее в первый раз. Думаю, я сумел вам объяснить, почему я написал эту книгу, но вначале позвольте дать вам ответ на вопрос, который мне часто задают в связи с этой книгой.

Вопрос в том, не является ли «Жизнь мальчишки» автобиографической книгой?

Ответ: «Да», и я действительно считаю себя персонажем книги, но я не Кори — главный герой. С кем я больше всего идентифицирую себя в «Жизни мальчишки»? Я вам расскажу немного позднее.

О книге. Она начиналась с загадочного убийства в маленьком южном городе, и намечалось, что в ней будет еще одна тайна, связанная со вторым городком, который был затоплен и оказался на дне озера. Главным героем должен был стать шериф и... о господи, здесь меня потянуло в сон!

Я долго и внимательно перечитывал две сотни уже написанных страниц и решил, что этот сюжет не сработает: картина не обретала жизненных черт. В течение нескольких лет я держал в голове историю мальчика, кото-

ПОЧЕМУ Я НАПИСАЛ «ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ»

рый хочет стать писателем, и события, происходящие в его родном городке, которые повлияли на его жизнь, но все время откладывал ее в долгий ящик. И вот в моей голове вновь возник южный город и убийство, и я подумал... хорошо, попробую написать книгу о мальчике.

Я начал писать «Жизнь мальчишки» без всякого плана, но идей у меня было много. И внезапно картина заиграла красками. Она обрела яростную жизнь, которую я прежде редко ощущал в своих произведениях. Я бегло просмотрел написанное. Теперь, не говоря уже о том, что это было не трудно и мне не приходилось многое обдумывать и работать многие сотни часов, «Жизнь мальчишки» действительно продвигалась, мне только приходилось слегка поворачивать рулевое колесо, чтобы задать правильное, как мне казалось, направление.

Вот как бывает с писательством, такая уж это штука. Когда не пишется, ни одна душа на свете тебе не поможет. Ни жена, ни брат или сестра, ни лучший друг, ни редактор. Никто. Потому что никто не понимает твою работу так, как ты сам. Если возникает проблема, решать ее тебе и только тебе.

И наоборот: когда работа идет хорошо... что можно сказать? Что я слышу пение ангелов? Слышу музыку сфер или нечто подобное? Что каждое предсказание судьбы гласит: «Большой успех ждет тебя впереди, если ты чего-нибудь не напутаешь»?

Думаю, что-то вроде этого. Но когда работа идет хорошо, ты видишь, что картина обретает жизнь: люди реальны — ты знаешь их, видишь их лица и понимаешь, что некоторым образом творишь жизнь. Не думаю, что в мире есть большая радость.

Когда я закончил «Жизнь мальчишки», испытывал эйфорию от того, что сделал. Я отправил книгу издателю и думал при этом: «Рик, они позвонят тебе и будут на седь-

ПРЕДИСЛОВИЕ

мом небе и скажут, что и не подозревали в тебе такого, не похожего ни на что, и как они рады, что тебе удалось выполнить такую замечательную работу».

И я ждал. Долго ждал. И наконец мне позвонили.

«Рик, послушай. Ну, ты знаешь... Насчет книги. Нам она действительно понравилась, но... эта история об убийстве, ты собьешь с толку читателей: они будут думать, что книга автобиографическая, и, знаешь, тебе придется выбросить все, что ты написал о городе и его людях, и сосредоточить внимание на убийстве».

Простите. Простите. Я только... наверно, что-то не в порядке с телефоном. Извините.

Собравшись с духом, я перезвонил и сказал: «Мы обсудим то, о чем вы говорили, в вашем офисе завтра». И потом я поехал в аэропорт с парнем из Бирмингема, Алабама, без всякого литературного образования, но любящим читать и писать, и с чувством, что в этот раз мне предстоит отстаивать то, во что я верю, и я полетел в Нью-Йорк, чтобы предстать лицом к лицу с «большими псами».

Я сказал, что не могу ничего менять в книге, что мне придется разорвать контракт, подписанный с ними, если они будут настаивать на этих изменениях, пусть даже веселый костер, которым была моя карьера, превратится в пепел.

Они привели некоторые факты и цифры из диаграммы, висящей на стене, о том, какие неприятности случаются у писателей, которые пытаются выйти за пределы отведенных им рамок, но потом сказали: «Ладно». Пусть будет по-вашему: вы автор, и если вы так убеждены в своей правоте, мы на вас полагаемся».

И это было здорово, по-настоящему здорово. И все же... Понимаете, когда кто-то смотрит на вашего ребенка и говорит: «Ну что ж, очень милый, хороший и сильный», — частичка радости творчества улетучивается. Частичка же-

ПОЧЕМУ Я НАПИСАЛ «ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ»

лания, заставившего вас стать писателем, очень тихо выходит за дверь.

«Жизнь мальчишки» была написана не для детей, но за годы, прошедшие с ее первой публикации, она приобрела огромную аудиторию среди юных читателей. Я не знаю точных цифр, но ее изучают в школах по всей стране. Я знаю это, потому что много раз выступал перед школьниками и студентами, изучающими английский язык, в гимнастических залах и аудиториях. Однажды я получил письмо от шотландского джентльмена, которому было за восемьдесят, в другой раз — от тринадцатилетнего мальчишки из Сиэтла, и они оба писали, как им понравилась книга. Думаю, она теперь издана во всем мире. Удивительно видеть обложку японского издания с изображением Кори, стоящего на берегу озера.

Должен упомянуть еще об одном полученном письме, потому что оно было для меня... не знаю даже, как мне описать свои чувства.

Несколько лет назад мне написала женщина и сообщила, что скончался ее престарелый отец и он перед смертью попросил, чтобы экземпляр его любимой книги похоронили вместе с ним. Она хотела, чтобы я знал об этом.

Ее отец вновь и вновь перечитывал эту книгу, так часто, что она превратилась из книги в постоянного спутника и собеседника.

Не так давно я побывал в большом книжном магазине, причем не в моем родном городе, и набрел на стенд, названный ими «стол классиков». На этом стенде были романы Диккенса, Гюго, Стейнбека, Твена, Жюль Верна, Апдайка, Воннегута... — всего, что учителя рекомендуют для чтения учащимся, того, что им *следует* прочитать, чтобы мир не стал хуже.

И там же была моя книга. «Жизнь мальчишки» лежала среди этих книг, этих великих имен.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мое дитя.

Я сомневаюсь, что смогу когда-нибудь написать еще одну книгу, достойную оказаться на этом стенде. Бог свидетель, я буду пытаться. Но здесь уже есть одна моя книга, и, думаю, одной достаточно.

Персонаж, с которым я в первую очередь идентифицирую себя в «Жизни мальчишки»?

Наверно, вы уже поняли. Это Вернон, чья мечта разрушилась под тяжестью доски с диаграммой, упавшей со стены. Потому что он не выдержал жизни в том офисе в Нью-Йорке. Потому что без боя вернулся домой в Зефир и оттородился от окружающего мира.

Он пробудился и по-прежнему был жив.

Я всегда хотел где-то использовать эту фразу. Мне кажется, это удачное место.

Если вы читаете «Жизнь мальчишки» в первый раз, я надеюсь, что она вам понравится. Я надеюсь, что благодаря ей вы сможете побывать в местах, о существовании которых даже не догадывались... в местах, о существовании которых, возможно, забыли.

Если вы читаете книгу во второй или в третий раз, добро пожаловать в Зефир снова! Вы вновь прочтете о жизни Кори и о его мире, о вечно длящихся летних днях, о восхитительных тайнах, о скрытых от постороннего глаза местах и магии, которая есть во всех нас, просто иногда она сворачивается калачиком и ложится спать, дожидаясь, когда ее лучший друг вернется домой.

Спасибо вам.

Роберт «Рик» Маккаммон

29 января 2008 г.

Сразу же после полуночи

Ватагой шумных бестий,
Всех дьяволов страшной,
По самым гиблым чащам
Гоняли мы чертей.
А выпив лимонада,
Сквозь горлышко и дно
На горизонт смотрели:
Он был недалеко.
За ним, в краю волшебном
И наш остался след,
Хоть на автомобиле
Туда дороги нет.
Нам псы были как братья,
На великах на Марс,
Оттуда и обратно
Гоняли мы не раз.
Тарзаном на лианах
Любили мы летать
И шпаги, словно Зорро,
Отважно обнажать.
Грядущее казалось
Далекою страной,
Где мамы не старели,
Где каждый был герой.
Напоминало время
Зыбучие пески,
Взахлеб тогда мы жили,
Плевав на синяки.
Уж в зеркале седины
Я вижу у висков.
Но книга не об этом —
Она для пацанов.

(Перевод Михаила Тарасова)

Прежде чем мы начнем наше путешествие, я хочу сказать вам важную вещь.

Я сам все это пережил. Но когда ведешь повествование от первого лица, возникает одна проблема. Читатель уже заранее знает, что рассказчик не будет убит в конце. Поэтому что бы со мной ни происходило — что бы со мной ни произошло, — вы можете быть уверены, что я пережил все это, и подобный опыт мог сделать меня как чуточку лучше, так и чуточку хуже. Но об этом, впрочем, вы сможете составить свое собственное мнение.

В некоторых местах этого рассказа вы, пожалуй, скажете: «Эй-эй, погодите-ка, откуда он мог тогда знать, что произошло это событие или что тот человек сказал или сделал то-то и то-то, если самого рассказчика там вовсе не было?» Ответ на этот вопрос заключается в том, что многое я узнал позже, что дало мне возможность заполнить пробелы, а в некоторых случаях мне пришлось додумывать события, иногда изменяя то, что происходило на самом деле.

Я родился в июле 1952 года и сейчас нахожусь на пороге своего сорокалетия. Это уже солидный возраст, правда? Я больше не «многообещающий молодой талант», как меня называли критики. Я тот, кто я есть. Писать я начал еще в школе, а придумывать всевозможные истории стал задолго до того, как понял, чем же на самом деле занима-

юсь. Писателем себя по-настоящему ощутил в 1978 году, после первой публикации. Или я был всего лишь автором? «Сочинителем книг в мягких обложках», как пели когда-то «Битлз»? Или автором книг в твердых переплетах? В одном я определенно уверен: я всегда мечтал увидеть свои книги в твердых переплетах. Я страдал от пинков и улыбался, когда сталкивался с добрым к себе отношением, как и любой другой из наших братьев и сестер в этом изменчивом мире. Бог благословил меня, наделив способностью кроить характеры и миры из словесной ткани. Так кто же я? Писатель? Автор?

А может быть, просто рассказчик?

Мне захотелось изложить на бумаге то, что сберегла моя память: так мои воспоминания сохранятся надолго. Дело в том, что я верю в магию и волшебство, потому что родился и рос в удивительное, волшебное время в волшебном городке, в котором жили волшебники. Увы, мало кто понимал, что мы жили в паутине магии и волшебства, связанные серебряными нитями случайностей и обстоятельств. Но я знал об этом всегда. Когда мне было двенадцать лет, мир был моим волшебным фонарем, и благодаря его зеленому призрачному свечению я видел прошлое, настоящее и мог заглядывать в будущее. Возможно, и у вас было то же самое, просто вы не можете вспомнить об этом. Видите ли, я думаю, что мы все несем в себе волшебство в начале нашей жизни. Все мы рождаемся с ураганами, лесными пожарами и кометами в душе. Мы рождаемся наделенные даром петь, как птицы, читать по облакам и видеть нашу судьбу в крупинках песка. Но чем больше мы узнаем, тем меньше волшебного остается в наших душах. Волшебство уходит от нас вместе с привычкой посещать церковь, со шлепками родителей, оно вы-

мывается и вычесывается из нашей души. Мы вынуждены выбирать прямые и узкие дорожки, нам постоянно твердят, что мы должны воспитывать в себе чувство ответственности. Нам следует поступать так, как приличествует нашему возрасту. Нам велят сначала вырасти, повзрослеть... Боже мой! А знаете почему? Потому что люди, которые так говорят, боятся нашей юности и нашей необузданности, потому что волшебство, которым мы обладаем в детстве, заставляет их стыдиться и горевать о том, что они позволили погубить в самих себе.

Когда ты удаляешься от всего этого, то действительно не можешь вернуть это назад. Потом могут быть только мимолетные мгновения. Какие-то секунды ощущений и воспоминаний. Когда люди плачут в кино, это происходит потому, что в темном зале их на миг омывают золотые воды магии, но длится это какой-то миг, не более. Потом они вновь оказываются на ярком безжалостном солнце неумолимой логики и рассудка, и солнце это иссушает их души. Они продолжают испытывать какое-то легкое сердечное томление, сами не зная почему. Но когда песня пробуждает воспоминание, когда пылинки попадают в луч солнечного света, приковывая внимание и отвлекая от остального мира, когда слышишь ночью, как где-то далеко стучат колеса поезда, и гадаешь, куда он может направляться, ты выходишь за отведенные тебе пределы и на краткий миг оказываешься в сфере волшебного.

Именно в это я и верю.

Правда жизни в том, что с каждым годом мы уходим все дальше и дальше от той сущности, с которой были рождены. Мы взваливаем на себя многочисленные обязанности, некоторые из них приятные, некоторые — не очень. С нами происходят разные события. Умирают те, кого мы

любим. Некоторые попадают в катастрофы и становятся калеками. Люди по той или иной причине сбиваются с пути. Такое нередко случается в нашем мире безумных лабиринтов. Жизнь делает все возможное, чтобы лишить нас воспоминаний о волшебном. Вы даже не подозреваете, что это происходит с вами, пока в один прекрасный день не ощутите какую-то потерю, не зная наверняка, что именно утратили. Словно вы улыбнулись хорошенькой девушке и услышали в ответ удивленное: «Сэр». Это просто происходит с вами, и все.

Воспоминания о том, кто я и где жил, для меня очень важны. Они составляют существенную часть того человека, каким я хочу стать, когда подойдет к концу мое путешествие. Мне просто необходима память о магии и волшебстве, если я когда-нибудь собираюсь вернуть их себе. Мне нужно знать их и помнить о них, и я хочу рассказать вам об этом.

Меня зовут Кори Джей Маккенсон. Я родился в городке под названием Зефир, на юге Алабамы. Там никогда не бывает слишком холодно или слишком жарко. Улицы Зефира затенены черными дубами, дома там с верандами и противомоскитными сетками на окнах. Есть парк с двумя бейсбольными площадками, одна — для детей, другая — для взрослых. Вода в общественном бассейне отличалась чистотой и синевой, и дети ныряли в самую глубину за монетками, лежащими на дне. Каждый год 4 июля в Зефире устраивали барбекю, а в конце лета — литературный конкурс. В 1964 году, когда мне было двенадцать лет, население Зефира насчитывало примерно пятнадцать тысяч человек. Достопримечательности города включали кафе «Яркая звезда», магазин «Вулворт» и маленькую бакалейную лавку «Пигли-Вигли». На трассе 10

был даже дом, где жили плохие девушки. Телевизор был не в каждой семье. В округе существовал «сухой закон», что означало процветание подпольной торговли спиртным. Дороги вели на юг, север, восток и запад, а ночью мимо проходил товарный поезд в сторону Бирмингема, оставляя после себя запах окалины. В Зефире было четыре церкви, начальная школа и кладбище на Поултер-Хилл. Озеро здесь такое глубокое, что его вполне можно считать бездонным. Мой родной город был полон героев и злодеев: здесь жили честные люди, которые знали прелесть правды, и такие, чьим идеалом была ложь. Мой городок наверняка напоминает тот, где провели свое детство вы.

Но все же Зефир был волшебным местом. Там при свете луны по улицам прогуливались духи. Они выходили из могил на заросшем травой кладбище, стояли на холме и разговаривали о старых временах, когда кока-кола имела свой подлинный вкус, когда можно было запросто отличить демократа от республиканца. Я знаю это. Я сам их слышал. Легкий бриз дул вдоль улиц, проникая сквозь противомоскитные сетки на окнах, принося с собой в дома легкий аромат жимолости и пробуждающейся любви, а зазубренные синеватые молнии разбивались о землю и будили ненависть. У нас случались ураганы и засухи, а речка, которая протекала рядом с нашим городом, имела дурную привычку разливаться. В мою пятую весну наводнение принесло на улицы змей. Потом сотни ястребов, словно черный смерч, спустились на землю и унесли змей в своих смертоносных клювах, а река незаметно вернулась в свои берега, как побитая собака. Потом показалось солнце, словно над городом прозвучал призывный клич трубы, и с ржавых, будто запятнанных кровью крыш моего родного городка за клубился пар.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

У нас была своя чернокожая королева, которой было сто шесть лет. У нас был свой меткий стрелок, спасший жизнь Уайатту Эрпу* у скотоводческой фермы «О. К. Коррал». У нас было чудовище, которое жило в реке, у нас была тайна, связанная с озером. У нас было привидение, которое витало над дорогой, преследуя черный гоночный автомобиль с языками пламени на капоте. У нас были свои Гавриил и Люцифер, и мятежник-конфедерат, составший из мертвых. У нас был иноземный завоеватель, мальчик с совершенной рукой, и, наконец, динозавр, преспокойно прогуливающийся по Мерчантс-стрит.

Это было волшебное место.

Мои воспоминания о мальчишеской жизни были окутаны ореолом волшебства.

Я помню.

И хочу всем вам об этом поведать.

* Эрп, Уайатт Берри Стрэпп (1848–1929) — легендарная личность, картежник и авантюрист, самый известный из четырех братьев Эрп. (Здесь и далее примечания редактора.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИЗРАКИ ВЕСНЫ

Глава 1

ДО ВОСХОДА СОЛНЦА

— Кори? Просыпайся, сынок. Пора...

Я позволил ему вытащить меня из темной пещеры сна, потом открыл глаза и взглянул вверх, на него. Он был уже одет в темно-коричневую форму, на нагрудном кармане которой белыми буквами было написано его имя — Том. Я учуял запах бекона и яиц, услышал радио, которое тихо играло на кухне. Гремели кастрюли и звенели стаканы: мама находилась в своей родной стихии, словно форель, попавшая в попутную водную струю.

— Пора,— повторил отец, включил лампу на столике рядом с моей кроватью и оставил меня потягиваться и прищуриваться — освобождаться от остатков сна, которые постепенно таяли у меня в мозгу.

Солнце еще не взошло. Была середина марта: в окно было видно, что деревья на улице обдувал холодный пронизывающий ветер. Я мог почувствовать этот ветер, положив руку прямо на стекло. Мама, поняв, что я проснулся, когда папа вошел на кухню выпить кофе, сделала радио чуть погромче, чтобы слышать прогноз погоды. Весна началась несколько дней назад, однако зима в этом году была очень суровой и цеплялась за южные края, словно бе-

лый кот. У нас не было снега — у нас вообще никогда не выпадает снег,— однако зима выдалась на редкость холодной, и холод этот исходил прямо из полярных легких севера.

— Не забудь теплый свитер,— закричала мама.— Слышишь?

— Слышу,— ответил я и достал из комода зеленый шерстяной свитер.

Моя комната была освещена желтым светом лампы, заполнена приглушенным гудением калорифера: индейский ковер, красный, как кровь Кочиса*; стол с несколькими потайными ящиками; стул, покрытый сине-черным бархатом цвета плаща Бэтмена; аквариум, где плавают такие прозрачные рыбки, что можно видеть, как бьются их сердца; уже упомянутый выше комод, к которому приклеены переводные картинки с самолетами моделей «Ревелл»; кровать со стеганым одеялом, вышитым родственницей Джефферсона Дэвиса**; чулан и полки. Да, да, полки. Коллекции бесценных сокровищ. На этих полках — куча моих книг, сотни комиксов: «Лига правосудия», «Флэш», «Зеленый фонарь», «Бэтмен», «Дух», «Черный Ястреб», «Сержант Рок» и «Приятная компания», «Аквамен» и «Фантастическая четверка». Еще тут номера журнала «Жизнь мальчишки», а также дюжина номеров «Знаменитых чудовищ мира кино», «Сенсаций экрана» и «Популярной механики». Журналы «Нэшнл джиографик» высятся желтой стеной, и я не без некоторого смущения должен признать, что могу на память указать, где в них расположены все картинки из африканской жизни.

* Кочис (1815?–1874) — вождь индейского племени чирикауа-апачи.

** Дэвис, Джефферсон (1808–1889) — сенатор, в 1861–1865 годах президент Конфедерации южных штатов.

Полки тянутся бесконечно. Моя коллекция стеклянных шариков мерцает в банке с завинчивающейся крышкой. Засушенная цикада ждет лета, чтобы снова запеть. Игрушка йо-йо модели Дункана, почти целая, если не считать того, что у нее лопнула веревка, и папа давно обещает ее починить. Моя маленькая книжечка образцов тканей, которую я получил от мистера Парлоу в магазине «Стэтгшоп для мужчин». Вырезанные из этой книжечки лоскутки играют роль ковров в моих моделях самолетов, я выстилаю ими проходы между вырезанными из картона сиденьями. Серебряная пуля, отлитая Одиноким ковбоем* для охоты на оборотня. Пуговица времен Гражданской войны с формы солдата-южанина, потерянная в битве при Шилохе**. Мой резиновый нож для выслеживания заползших в ванну крокодилов-убийц. Мои канадские монеты, ровные и гладкие, словно северные равнины. Я просто невероятный богач.

— Завтрак уже на столе! — позвала мама.

Я застегнул свитер, который был того же оттенка, что и рваная рубашка сержанта Рока. На коленях джинсы были покрыты заплатами — знаками доблести, свидетельствующими о моих смелых столкновениях с колючей проволокой и гравием. Моя фланелевая рубашка была такой красной, что могла привести в неистовство быка. Носки были белыми, как голубиные крылья, а кеды темны как ночь. Моя мама страдала дальтонизмом, а папа любил в цветах максимальные контрасты. Так что со мной все было в полном порядке.

* Одинокий ковбой — персонаж популярного сериала в жанре вестерна, сначала на радио (с 1933), а позже на телевидении (1949–1961), герой в маске, борец за справедливость в Техасе.

** Битва при Шилохе (6 апреля 1862 года) — одна из самых кровопролитных битв в истории Гражданской войны Севера и Юга: обе сражавшиеся стороны вместе потеряли в ней 24 тысячи человек.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Забавно, что иногда смотришь на людей, которые подарили тебе жизнь и ввели в этот мир, и видишь в них самого себя. Тогда ты понимаешь, что каждый человек является своего рода компромиссом с природой. От мамы мне достались тонкий легкий костяк и волнистые темно-каштановые волосы, а от отца я получил голубые глаза и заостренный нос с горбинкой. У меня длинные пальцы моей матери, «артистические» руки, как она любила говорить, когда я высказывал недовольство, что мои пальцы слишком тонки, густые брови моего отца и маленькая расселинка его подбородка. Я мечтал проснуться однажды в облике Стюарта Уитмена из «Полосы Симарона» или Клинта Уокера в «Шайенне». Истина заключалась в том, что я был тощим, неуклюжим ребенком среднего роста и заурядной внешности, однако я мог воплощать себя в них обоих, закрывая глаза и задерживая дыхание. И потому, невзирая ни на что, в фантазиях я отслеживал нарушителей закона вместе с ковбоями и детективами, которых нам каждый вечер показывали по телевизору, а также в лесах, которые начинались сразу позади нашего дома, помогал Тарзану сражаться со львами, в одиночку воевал с нацистами, уничтожая их. В нашу небольшую компанию входили такие ребята, как Джонни Уилсон, Дэви Рэй Коллан и Бен Сирс, но меня едва ли можно было назвать заводилой. Когда я начинал волноваться во время разговора, мой язык прилипал к гортани, и тогда я просто был вынужден помалкивать. Мои друзья были примерно одного со мной возраста, роста и темперамента, и мы старались не лезть на рожон, будучи весьма жалкими воинами.

Именно потому, думаю, я и начал писать. Занялся исправлением ошибок, если вам будет угодно назвать это так. Исправлением ошибок как попыткой изменить сло-

жившиеся обстоятельства в свою пользу, чтобы создать такой мир, каким он должен быть по твоим собственным представлениям, а не таким, каким он был сотворен. В реальном мире у меня не было силы — в *моем* мире я становился Геркулесом, срывающим с себя цепи.

Одну черту, знаю точно, я унаследовал от моего деда Джейберда, отца моего отца, — страсть к познанию окружающего мира. Ему было семьдесят шесть лет, но он был крепок, как вяленое мясо, невоздержан на язык, к тому же имел невыносимый характер. Он постоянно рыскал по окрестным лесам вокруг своей фермы и часто приносил домой нечто, заставлявшее мою бабушку Сару падать в обморок: змеиную кожу, пустые осиные гнезда, даже мертвых животных. Он любил разрезать всяких тварей перочинным ножом и разглядывать внутренности, извлекая их кровоточащие кишки прямо на газеты. Однажды он повесил на дереве дохлую жабу и пригласил меня понаблюдать, как мухи пожирают ее труп. Бывало приносил домой дерюжный мешок, набитый листвой, вываливал все его содержимое в гостиную и начинал тщательно изучать каждый листик через лупу, записывая замеченные между ними различия в одну из сотен своих блокнотов. Он хранил окурки сигар и высушивал плевки жевательного табака, собирая их в специальный стеклянный флакон. А то просто часами сидел в полной темноте и смотрел на луну.

Может, он был сумасшедшим. Возможно, сумасшедшими и называют всех тех, у кого внутри еще остается магия и волшебство, хотя они давно уже не дети. По воскресеньям дедушка Джейберд читал мне комиксы и рассказывал истории о доме с привидениями, который был в маленькой деревушке, где он родился. Он мог быть при-

дирчивым, глупым и мелочным, однако он зажег во мне огонек ожидания и жажду чуда, и с помощью этого света мой взор простирался далеко за пределы Зефира.

В то утро, еще до восхода солнца, я завтракал с родителями в нашем доме на Хиллтоп-стрит, а на дворе был 1964 год. Везде на земле ощущались тогда ветры перемен, но меня это совсем не беспокоило. В ту минуту я лишь хотел заполучить еще стакан апельсинового сока и помнил, что должен помочь отцу в делах, прежде чем он отвезет меня в школу. Потом, когда завтрак подошел к концу и все тарелки были вымыты, после того как я вышел на холод, чтобы поздороваться с нашим Бунтарем и накормить его любимой подливкой, мама поцеловала нас с папой, я надел подбитую овечьей шерстью куртку, взял свои учебники, мы с отцом вышли из дома и направились к нашему старенькому чихающему грузовичку-пикапу. Бунтарь следовал за нами на некотором расстоянии, но на углу Хиллтоп и Шоусон-стрит он неожиданно вторгся на территорию Бодога, доберман-пинчера, принадлежавшего семье Рэмси, и под громкий лай разгневанного хозяина вынужден был дипломатично отступить.

Перед нами простирался мирно спавший Зефир, в небесах светился белый серп луны.

В нескольких домах уже горел свет. Но таких окон было немного. Еще не было и пяти утра. Месяц блестел в изгибах реки Текумсе, но если бы там сейчас вздумалось поплавать Старому Мозесу, то ему пришлось бы скрестить животом по грязи. Деревья на улицах Зефира пока еще были лишены листвы, их ветви слабо шевелились на ветру. Светофоры — в городе их было ровно четыре, и располагались они на пересечениях основных трасс — с неизменным постоянством мигали желтым. На восточной

окраине, над широкой впадиной, на дне которой бежала река, раскинулся каменный мост с целым выводком горгулий. Кто-то говорил, что эти горгульи были вырезаны примерно в начале двадцатых годов и изображали известных генералов Конфедерации, павших ангелов, если можно так сказать. На западе скоростная магистраль извивалась среди лесистых холмов и убегала по направлению к другим городам. Железнодорожные пути проходили через Зефир на севере, в Братоне, где обитало все негритянское население города. На юге располагался городской парк, где была эстрада с акустической раковиной для оркестра и несколько бейсбольных площадок. Парк был назван в честь Клиффорда Грея Хейнса, основателя Зефира, и там же стояла его статуя. Он сидел на утесе, подпирая рукой подбородок. Отец говаривал, что статуя выглядела так, словно Клиффорд страдал от длительного запора и не мог ни сделать свое дело, ни избавиться от горшка. Еще дальше на юг трасса 10, вырвавшись за пределы города, петляла черной лентой среди болотистых лесов, проходя мимо стоянки трейлеров и берега озера Саксон, отлого уходящего вниз на никому не ведомую глубину.

Отец повернул машину на Мерчантс-стрит, и мы оказались в самом центре Зефира, где находилось множество магазинов. Здесь были «Парикмахерская Доллара», «Стэгт-шоп для мужчин», магазин кормов и металлических изделий, бакалейная лавка «Пигли-Вигли», магазин «Вулворт», кинотеатр «Лирик» и прочие достопримечательности. Впрочем, не так-то много их и было: стоило мигнуть несколько раз подряд, и окажется, что ты уже миновал все эти места. Потом мы оставили позади железнодорожные пути и проехали еще примерно мили две, прежде чем повернули к воротам с надписью: «Молочная ферма “ЗЕ-

ЛЕННЫЕ ЛУГА»». Автоцистерны стояли у погрузочной платформы, заполняясь свежим товаром. Повсюду кипела бурная деятельность, поскольку ферма открывалась очень рано, а время поездок молочников было установлено заранее.

Иногда, когда у отца был особо напряженный график работы, он просил меня помочь ему развезти товар по городу. Я любил тишину и спокойствие, царившие по утрам. Я наслаждался миром, каким он был до восхода солнца. Мне нравилось наблюдать, какие разные люди приезжали в «Зеленые луга». Я не знаю, почему я испытывал от этого такое удовольствие: возможно, во мне проявлялось любопытство, унаследованное от моего дедушки Джейберда.

Отец пошел отнести накладную мастеру, остриженному под ежик крупному мужчине, которого звали мистер Боуэрс, а потом мы с отцом стали загружать нашу машину. Там были бутылки с молоком, картонные упаковки со свежими яйцами, ведерки с творогом, особый картофельный салат «Зеленые луга» и салат с бобами. Все еще было холодным, недавно извлеченным из морозильной камеры, и молочные бутылки искрились в огнях погрузочной платформы. На картонных крышках было нарисовано улыбающееся лицо молочника и написано: «Товар для вас!» Пока мы работали, мистер Боуэрс подошел и стал наблюдать за нами, держа в руках папку с зажимом для бумаг. За его ухом торчала ручка.

— Думаешь, тебе понравится быть молочником, Кори? — спросил он у меня, и я сказал, что да, может быть, я и стану молочником. — Миру всегда будут нужны люди нашей профессии, — продолжал мистер Боуэрс. — Разве не так, Том?

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

— Верно, как дождь, — ответил мой отец.

Это была одна из его фраз на все случаи жизни, которую он произносил, когда слушал разговор вполуха.

— Приходи на работу, когда тебе стукнет восемнадцать, — сказал мне мистер Боуэрс. — Мы непременно устроим тебя здесь. — Он так хлопнул меня по плечу, что мои зубы клацнули, а бутылки, которые я нес в ящике, отчаянно зазвенели.

Потом отец вскарабкался по колесу в кабину, я сел рядом, отец повернул ключ зажигания, и мы отъехали от погрузочной платформы, увозя молочный груз. Перед нами луна опускалась вниз, последние звезды еще цеплялись за край ночи.

— Ну и что ты можешь мне сказать? — спросил папа. — Насчет работы молочником. Тебе действительно это нравится?

— Это будет интересно, — ответил я.

— На самом деле не совсем так. Это хорошая работа, но каждый день это вовсе не интересно. Кажется, мы никогда еще не говорили о том, чем ты хочешь заняться в будущем?

— Нет, сэр.

— В общем, я не думаю, что ты должен стать молочником, хотя бы потому, что я сам им работаю. Видишь ли, я вовсе не собирался заниматься этим делом. Дедушка Джейберд хотел, чтобы я стал фермером, как и он. Бабушка Сара мечтала, чтобы я выучился на доктора. Ты можешь себе это представить? — Он взглянул на меня и ухмыльнулся. — Я и вдруг доктор! Доктор Том! Нет, сэр, это работенка не для меня.

— А кем же тогда ты собирался стать, папа? — спросил я.

Отец некоторое время молчал. Казалось, он глубоко задумался над вопросом, который я ему задал. Мне пришло в голову, что, наверно, никто прежде не спрашивал его об этом. Отец вцепился в руль своими большими руками взрослого человека, словно вел беседу с дорогой, которая длинной лентой разматывалась перед нами в свете фар грузовика, а потом сказал:

— Первым человеком, высадившимся на Венере. Или наездником на родео. Или человеком, который способен прийти на пустырь и мысленно представить дом, который он хочет там выстроить, до последнего гвоздочка и последнего мазка краски. Или детективом.— Отец издал горлом слабый смешок.— Но ферме был нужен молочник, им я и стал.

— Я не против стать гонщиком,— сказал я. Отец иногда брал меня на трассу недалеко от Барнсборо, где проходили соревнования гоночных машин, и мы сидели там, расправляясь с хот-догами и наблюдая за снопами искр, вспыхивающими при ударах металла о металл.— Быть детективом тоже неплохо. Буду разгадывать разные тайны, как в серии книг «Мальчишки Харди».

— Да-а, неплохо,— согласился отец.— Никогда заранее не угадаешь, как пойдут дела, но такова правда жизни. Идешь к своей цели уверенно, как стрела, летящая в мишень, тебе кажется, что твоя мечта уже почти осуществилась, но направление ветра внезапно меняется, и все рушится. Я ни разу не встречал человека, который стал тем, кем мечтал стать, когда был в твоём возрасте.

— Мне хотелось бы перепробовать все работы в мире,— сказал я.— Я хотел бы прожить на этом свете миллион жизней...

— Да.— Отец задумчиво кивнул.— Это было бы замечательным примером волшебства, верно? Ага, вот наша первая остановка.

В этом доме наверняка были дети, потому что вместе с двумя квартами обычного молока они заказали две кварталы жидкого шоколада. Потом мы снова двинулись в путь по тихим улицам, на которых не было слышно ни звука, не считая шума ветра и лая ранних собак, а затем остановились на Шентак-стрит, чтобы вручить пахту и творог кому-то, по-видимому любившему кислятину. Мы оставили блестящие от выступивших на них капель воды бутылки почти у каждого порога на Бевард-лейн; пока отец быстро работал, я проверял путевой лист и готовил очередную порцию бутылок и упаковок, вытаскивая их из холодного кузова грузовика. Мы действовали как слаженная команда.

Отец сказал, что осталось еще несколько покупателей на южной окраине, недалеко от озера Саксон, а потом мы вернемся в этот район и закончим работу по доставке товара еще до того, как раздастся школьный звонок. Отец повел машину мимо парка и выехал за пределы Зефира. По обеим сторонам дороги вокруг нас сомкнулись лесные чащи.

Время приближалось к шести утра. На востоке, над холмами, поросшими соснами и кудзу, небо начинало светлеть. Ветер пробивал себе путь сквозь плотно сомкнутые ряды деревьев, словно кулак драчуна. Мы миновали машину, следовавшую на север. Ее водитель мигнул нам фарами, а отец помахал ему рукой.

— Марти Баркли развозит газеты,— объяснил он мне.

Я подумал об особом мире, в котором работа начинается еще до восхода солнца, и о том, что люди, которые

сейчас только просыпались, не были частью этого своеобразного мира. Мы свернули с трассы 10 и поехали по грунтовой дороге, оставляя у маленьких домиков, которые гнездились в лесу, молоко, пахту и картофельный салат, а потом вновь двинулись на юг, в сторону озера.

— Колледж,— проговорил отец.— Тебе следует поступить в колледж — вот мое мнение.

— Вполне возможно,— ответил я, но это прозвучало так, словно сам я к этому не имел никакого отношения, по крайней мере сейчас. Все, что я тогда знал о колледжах,— футбольные матчи между командами Оберна и Алабамы и то, что некоторые хвалили Медведя Брайанта, а другие поклонялись Шагу Джордану. Тогда мне казалось, что выбор колледжа зависит от того, какого тренера ты считаешь лучшим из лучших.

— Но чтобы попасть в колледж, надо иметь хорошие оценки,— сказал отец.— Придется заняться твоими уроками.

— А чтобы стать детективом, тоже надо ходить в колледж?

— Думаю, да. Если хочешь стать настоящим профессионалом. Если бы я поступил в колледж, то наверняка смог бы стать таким парнем, который знает, как выстроить дом на пустом месте. Никогда не знаешь, что тебя ждет впереди, и это истинная...

«Правда» — хотел он сказать, но так и не договорил. Мы как раз сворачивали за поворот лесной дороги, когда из чащи прямо перед нами выскочил автомобиль коричневого цвета. Отец вскрикнул, словно его укусил шершень, и резко вдавил педаль тормоза.

Отец вывернул руль влево, коричневый автомобиль проехал мимо, и я увидел, что машина съехала с трассы 10

и покати́лась вниз по насыпи справа от меня. Ее огни не были включены, но за рулем кто-то сидел. Шины подмяли мелкий подлесок, а потом машина выехала на невысокий утес из красного камня и полетела вниз, в темноту. Раздался всплеск, и я понял, что машина свалилась прямо в озеро Саксон.

— Она упала в воду! — заорал я.

Отец тут же остановил грузовик, поставил его на ручной тормоз и спрыгнул в придорожную траву. Когда я выбрался из кабины, он уже со всех ног бежал к озеру. Ветер кружился вокруг нас, хлестал по щекам. Отец остановился как раз на уступе той красной скалы, откуда упала машина. В слабом розоватом свете мы смогли разглядеть качающийся на волнах автомобиль. Огромные пузыри лопались вокруг его багажника.

— Эй-эй,— закричал отец, рупором сложив руки вокруг рта.— Вылезай оттуда, быстрее!

Всем было известно, что Саксон — озеро глубокое, как первородный грех, и когда автомобиль погрузится в темную бездну, он навсегда останется там.

— Эй, выбирайся оттуда! — опять закричал отец, но тот, кто был за рулем, не отозвался.— У него, скорее всего, шок от холода,— сказал мне папа, скидывая ботинки.

Автомобиль стал поворачиваться к нам правой стороной, а потом раздался ужасный ревущий звук, который, вероятно, издал поток воды, с силой ворвавшийся внутрь машины. Отец сказал мне:

— Отойди чуть назад.

Я повиновался, а он прыгнул в озеро.

Он всегда был отличным пловцом. В несколько мощных гребков папа добрался до машины и увидел, что окно со стороны водителя открыто. Он чувствовал, как во-

доворот бешено крутится вокруг его ног, постепенно увлекая машину в бездонную глубину.

— Вылезай! — завопил папа диким голосом, однако водитель продолжал сидеть на своем месте. Отец зацепился за дверь, просунул руку внутрь и схватил водителя за плечо. Это был мужчина, рубашки на нем не было. Тело его было бледным и холодным, и отец почувствовал, как по его коже поползли мурашки. Голова мужчины откинулась назад, его рот был широко открыт. У него были светлые, коротко остриженные волосы, глаза заплаыли от черных кровоподтеков, лицо было изуродовано зверскими ударами до неузнаваемости. Вокруг его шеи была затянута медная струна от фортепиано, так туго, что тонкий металл впился в кожу и разрезал ее на горле до мяса.

— О боже! — прошептал отец, бултыхаясь в воде.

Автомобиль накренился и зашипел. Голова водителя вновь бессильно упала на грудь, как во время молитвы. Вода поднялась уже до уровня его голых колен. Папа вдруг осознал, что водитель совсем без одежды, в чем мать родила. Что-то блеснуло на рулевом колесе — и отец заметил наручники, которыми правое запястье мужчины было приковано к внутреннему ободу руля.

К тому времени мой отец прожил на свете тридцать четыре года. Он и до того видел мертвецов. Один из его лучших друзей, Ходж Клемсон, утонул в реке Текумсе, когда им обоим было по пятнадцать лет. Тело обнаружили лишь спустя три дня, раздувшееся и покрытое таким слоем желтой донной тины, что оно напоминало древнюю мумию. Он видел то, что осталось от Уолтера и Джанин Трейнор после ужасного лобового столкновения, происшедшего шесть лет назад, когда «бьюик» Уолтера столкнулся с передвижной каротажной станцией, которой управлял

паренек, наевшийся таблеток, стимулирующих нервную систему. Он видел темную блестящую массу, в которую превратилось тело Мальшпа Стива Коули, после того как пожарные потушили огонь, охвативший черный гоночный автомобиль под названием «Полуночная Мона». Он уже не один раз видел страшный оскал смерти и переносил это зрелище так, как подобает мужчине, но теперь все было иначе.

Лицо этого человека имело явные признаки насильственной смерти: его убили.

Автомобиль погружался все глубже и глубже. Когда его капот ушел под воду, заднее крыло поднялось вверх. Прикованное к рулю тело снова дернулось, и отец что-то увидел на плече трупа. Голубоватое пятно на белом фоне. Нет, это был не синяк, а татуировка. Череп с крыльями, плавно скругленными в сторону костистых висков.

Вода потоком хлынула в машину, пузыри воздуха с громким хлопком вырвались наружу. Озеру нельзя было отказать в игрушке, которую оно требовало, чтобы упрятать в потайной ящик. Когда автомобиль начал плавно погружаться в темную глубь озера, невидимый водоворот схватил отца за ноги, чтобы утащить на дно и его. Стоя на красном утесе, я увидел, как голова отца исчезла под водой, и закричал, охваченный ужасом:

— Папа!

Там, под водой, он боролся с мощью озера. Автомобиль под ним стремительно скользил вниз, и когда отец стал отчаянно бить ногами, чтобы не провалиться в эту водную могилу, образовавшиеся пузыри воздуха устремились к поверхности и освободили его из плена. Он стал взбираться вверх по их серебристой лестнице к спасительной воздушной мансарде.

И тут я увидел, как его голова пробила водную гладь.

— Папа! — закричал я пронзительно. — Возвращайся на берег, папа!

— Со мной все в порядке! — отозвался он, но голос его предательски дрогнул. — Я возвращаюсь!

Он поплыл по-собачьи к берегу, но тело его вдруг стало хилым и вялым, как выжатая тряпка. Там, где автомобиль вспорол водную поверхность, озеро продолжало бурлить, словно переваривало что-то нехорошее. Отец не сумел залезть на выступ красной скалы, поэтому подплыл к тому месту, где смог зацепиться за стебли кудзу и камни.

— Со мной все в порядке, — повторил он, когда выбрался из озера и его ноги по колено погрузились в ил. Черепаха размером с обеденную тарелку быстро проскользнула мимо него и с недоуменным фырчанием плюхнулась в озеро. Я обернулся в сторону нашего молочного фургона: не знаю почему, но я это сделал.

И заметил фигуру человека, стоявшего между деревьями в чаще леса по другую сторону дороги.

Он просто стоял там, одетый в длинное темное пальто, полы которого развевались на ветру. Возможно, я почувствовал глаза того, кто наблюдал за мной еще тогда, когда следил за отцом, который плыл к тонувшему автомобилю. Меня передернуло, холод пробрал до костей. Потом я несколько раз мигнул — и на том месте, где только что стояла загадочная фигура, снова были лишь деревья, раскачивающиеся на ветру.

— Кори! — позвал отец. — Дай мне руку, сынок!

Я спустился вниз, к заросшему тиной берегу и помог ему настолько, насколько был способен это сделать продрогший, испуганный ребенок. Потом его ноги ступили на твердую землю, и он откинул мокрые волосы со лба.

— Надо найти телефон,— озабоченно сказал отец.— Там в автомобиле был мужчина. Он пошел ко дну...

— Я видел... Я видел...— Я указал рукой на лесную чащу по другую сторону от трассы 10.— Там кто-то был...

— Пошли!

Отец уже пересекал дорогу, держа мокрые ботинки в руке. Я как можно быстрее поспешил за ним, словно превратившись в его тень. Мой взгляд вновь возвратился к тому месту, где я видел силуэт человека, однако никого там не было, вообще никого.

Отец завел наш молоковоз и включил обогреватель. Зубы его выстукивали дробь, лицо в сером свете раннего утра было бледным, словно свечной воск.

— Проклятье! — воскликнул он. Это меня потрясло: раньше он никогда не позволял себе ругаться в моем присутствии.— Он был прикован к рулю. Наручниками. Боже мой, все лицо этого парня изуродовано!

— Кто это был?

— Не знаю.— Он переключил обогреватель на полную мощность, а потом повел машину на юг, к ближайшему дому.— Кто-то хорошенько поработал над ним, это уж точно! Боже мой, как же мне холодно!

Грунтовая дорога свернула направо, и туда же выгнул отец. В пятидесяти ярдах от трассы 10 стоял маленький белый домик с затянутой противомоскитной сеткой верандой. По одну сторону от дома росли кусты роз. Под зеленым пластиковым навесом были припаркованы две машины: красный «мустанг» и старый «кадиллак», местами покрытый пятнами ржавчины. Отец остановил пикап перед домом, сказав мне: «Подожди здесь», в одних носках подошел к двери и нажал на кнопку звонка. Но только когда он позвонил во второй раз, дверь, звякнув

колокольчиком, распахнулась, и в проеме появилась рыжеволосая женщина раза в три крупнее моей мамы, одетая в синий халат с вышитыми на нем черными цветочками.

Отец обратился к ней:

— Мисс Грейс, мне необходимо срочно позвонить. Нельзя ли воспользоваться вашим телефоном?

— Вы весь мокрый! — Голос мисс Грейс напоминал скрежет ржавой пилы. Она взяла сигарету в другую руку, блеснули кольца на пальцах.

— Случилось большое несчастье, — сказал ей отец. Она вздохнула, напоминая своим обликом рыжую грозовую тучу, но потом сказала:

— Ладно. В таком случае можете пройти... Только поосторожнее с ковром...

Отец вошел в дом, и дверь с колокольчиком закрылась за ним, а я продолжал сидеть в нашем молоковозе. Тем временем из-за холмов на востоке стали пробиваться первые оранжевые лучи солнца. В грузовике пахло озером: на полу под водительским сиденьем стояла лужа. Я видел кого-то, стоявшего в лесной чаще. Точно знал, что видел. Почему же он не вышел посмотреть, что произошло с человеком в машине? И кем вообще был тот человек?

Пока я раздумывал над всем этим, дверь вновь открылась, и на пороге показалась мисс Грейс, которая теперь надела поверх своего халата мешковатый белый свитер. На ногах у нее были тапочки, лодыжки и икры казались толстыми, словно молодые деревца. В руках — пачка печенья «Лорна Дун». Она подошла к нашему молоковозу и улыбнулась мне.

— Эй, там, в машине, — позвала она. — Ты, конечно же, Кори...

— Да,— ответил я.

Улыбка не слишком красила мисс Грейс. Ее губы были тонкими, нос — широким и плоским, а брови, подведенные черным карандашом, нависали над глубоко посаженными глазами. Она протянула мне пачку «Лорны Дун»:

— Печенья хочешь?

Я был не голоден, но родители учили меня никогда не отвергать дары. Я взял одно печенье.

— Бери два,— предложила мисс Грейс, и я взял второе печенье. Она сама тоже съела печенье, потом затащила сигаретой и выпустила дым через ноздри.— Твой отец — наш молочник,— сказала она, немного помолчав.— Я думаю, ты найдешь нас в вашем путевом листе. Шесть кварт молока, две пахты, два шоколада и три пинты сливок.

Я сверился с перечнем заказов. Там оказалось ее имя — Грейс Стаффорд — и заказ, в точности такой, как она говорила. Я сказал, что сейчас все для нее достану, и стал собирать заказ.

— Сколько тебе лет? — спросила мисс Грейс, когда я принялся за дело.— Двенадцать?

— Пока нет, мэм. Двенадцать исполнится только в июле.

— У меня тоже есть сын.— Мисс Грейс стряхнула пепел со своей сигареты и принялась жевать очередное печенье.— В декабре стукнет двадцать. Он живет в Сан-Антонио. Знаешь, где это?

— Да, мэм. Это в Техасе. Там, где Аламо.

— Верно. Ему исполнилось двадцать, а, значит, мне должно стукнуть тридцать восемь. Настоящее ископаемое, верно?

Это явно вопрос с подвохом, подумал я.

— Нет, мэм,— наконец решился я ответить.

— Так ты — маленький дипломат? — Она опять улыбнулась мне, но на этот раз улыбка светилась в ее глазах.— Бери еще печенье.

Она оставила мне всю пачку, направилась к двери и закричала, обращаясь к кому-то внутри дома:

— Лэйни! Лэйни, оторви от дивана свою задницу и иди сюда!

Но первым появился мой отец. В безжалостном утреннем свете он выглядел постаревшим, под глазами у него темнели круги.

— Я позвонил в участок шерифу,— сказал он мне, усаживаясь на мокрое водительское сиденье и втискивая ноги в ботинки.— Кто-нибудь подъедет, чтобы встретиться с нами на том месте, где упала машина.

— Кто, черт возьми, это был? — спросила мисс Грейс.

— Понятия не имею. Его лицо было...— Он быстро взглянул на меня, потом опять повернулся в сторону женщины.— В общем, он был сильно избит.

— Скорее всего, надрался до потери сознания.

— Я так не думаю.— Отец ничего не сказал по телефону о том, что мужчина был раздет, удушен фортепианной струной и прикован наручниками к рулю. Эти подробности предназначались только для шерифа, а уж никак не для ушей мисс Грейс или кого-нибудь вроде нее.— Вы когда-нибудь видели здесь парня с татуировкой на левом плече? Она изображает череп, из которого растут крылья.

— Я видела огромное количество татуировок,— заметила мисс Грейс,— но не могу припомнить ничего подобного. А что: тот парень был без рубашки? Как вы узнали о его татуировке?

— Да, он был без рубашки. Череп с крыльями был татуирован прямо вот здесь.— Отец дотронулся до своего

левого плеча, вновь вздрогнул и потерял руки.— Они никогда не смогут поднять эту машину. Никогда. Глубина озера Саксон — три сотни футов.

Раздался звон колокольчика. Я посмотрел в сторону двери, держа в руках ящик с бутылками молока.

Из дома вышла девушка с опухшими от сна глазами. Она была одета в длинный клетчатый купальный халат, ноги ее были голыми, волосы цвета кукурузы рассыпались по плечам. Приблизившись к молоковозу, она сощурилась от яркого света и произнесла:

— Как мне все острое...нелю...

По всей вероятности, я тогда чуть не свалился на землю от неожиданности, потому что никогда прежде в своей жизни не слышал, чтобы из уст женщины вырывалось такое грязное ругательство. О, я уже прекрасно понимал, что значило это слово, но меня повергло в шок, что его без тени смущения произносили уста хорошенькой девушки.

— У нас в доме молодой человек, Лэйни,— сказала мисс Грейс таким голосом, которым, казалось, можно было согнуть стальной гвоздь.— Следи, пожалуйста, за своим языком.

Лэйни посмотрела на меня холодным взглядом, и я сразу вспомнил, как когда-то ткнул зубцом вилки в электрическую розетку. Глаза Лэйни были карими, почти шоколадного цвета, а губы слегка улыбались мне, но при этом на ее лице сохранялась презрительная гримаса. Ее лицо выражало упрямство и настороженность, словно она только что сбежала из-под стражи. Бросалась в глаза маленькая красная отметина на ложбинке под горлом.

— А что это за парнишка? — спросила она про меня.

— Сын мистера Маккенсона. Веди себя прилично, слышишь?

Я с трудом проглотил комок в горле и отвел глаза от Лэйни, от ее распахнувшегося халатика. Только сейчас до меня дошло, какого сорта девушки употребляют столь нехорошие слова и что здесь было за место. Я несколько раз слышал от Джонни Уилсона и Бена Сирса, что где-то рядом с Зефиром есть самый настоящий бордель. Это, несомненно, входило в круг знаний, получаемых в начальной школе. Когда говоришь кому-то: «Отсоси-ка!», ты сразу ступаешь на тонкую грань между миролюбием и насилием. Раньше я всегда представлял себе публичный дом так: особняк, вокруг него плакучие ивы, черные слуги подают клиентам джулеп* на веранде. Однако на самом деле публичный дом не слишком далеко ушел от вышедшего из строя автоприцепа. И все же прямо здесь передо мной стояла девушка с волосами цвета кукурузы и ртом, изрыгающим непотребную брань, которая зарабатывала себе на хлеб утехами плоти. Моя спина покрылась гусиной кожей, и я просто не в силах признаться, какого рода сцены возникали тогда в моем воображении, словно медленно надвигающаяся, но таящая смертельную опасность буря.

— Возьми молоко и отнеси его на кухню, — распорядилась мисс Грейс.

Презрительная ухмылка вытеснила улыбку с лица девушки, ее карие глаза потемнели.

— Я не обязана заниматься кухонными делами. На этой неделе очередь Донны Энн!

— Это мне решать, чья сейчас очередь, мисси, и ты знаешь, что я могу сделать так, что ты проторчишь на кухне целый месяц! А теперь делай то, что тебе велят, и держи свой прелестный ротик на замке!

* Джулеп — напиток из виски или коньяка с водой, сахаром, льдом и мятой.

Лэйни надулась, заученно изобразив обиду: губы вытянулись, лицо сморщилось. Но ее глаза — холодные сгустки гнева — не лгали: она вовсе не приняла наказание безропотно. Она взяла у меня ящик и, повернувшись спиной к моему отцу и мисс Грейс, высунула свой розовый влажный язык, изогнутый трубочкой, прямо мне в лицо. Потом ее язык скользнул обратно, и она удалилась, не преминув продемонстрировать свое презрение ко всем нам, нагло виляя задом, что поразило меня, как удар мечом. Когда она исчезла из поля зрения, мисс Грейс громко фыркнула и проговорила:

— Груба, как лошадь...

— А разве не все они такие? — спросил отец, и мисс Грейс ответила ему, выпустив изо рта очередное колечко дыма:

— Да, но она даже не притворяется, что у нее есть какие-то манеры. — Ее взгляд остановился на мне. — Кори, почему ты не берешь печенье? С тобой-то все в порядке?

Я посмотрел на отца. Он пожал плечами.

— Да, мэм, — неуверенно ответил я.

— Отлично. Мне было действительно приятно познакомиться с тобой. — Мисс Грейс тут же вновь переключила внимание на отца и на сигарету, которую передвинула языком в угол рта. — Дайте мне знать, как будут разворачиваться события.

— Обязательно. Спасибо, что разрешили воспользоваться вашим телефоном. — Отец вновь уселся за руль. — Ящик из-под молока я заберу в следующий раз...

— Да-да, будьте осторожны, — ответила мисс Грейс и скрылась внутри выкрашенного белой краской борделя, а отец завел двигатель и снял машину с ручного тормоза.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Мы поехали обратно к месту, откуда машина свалилась в воду. Озеро Саксон, освещенное утренним светом, было покрыто голубыми и пурпурными полосами. Отец свернул на грунтовую дорогу, по которой, как мы поняли, приехал упавший в озеро автомобиль. Потом мы сидели и ждали приезда шерифа, в то время как солнечный свет набирал силу, окрашивая небо лазурью.

Я испытывал раздвоение сознания, думая об утонувшем автомобиле и силуэте виденного мной человека, одновременно гадая, откуда отец так хорошо знает мисс Грейс и ее публичный дом. Отец лично знал всех своих заказчиков: он часто рассказывал о них маме за ужином. Но я никогда не слышал, чтобы он когда-нибудь упоминал хоть одним словом о мисс Грейс и ее борделе. Конечно, это была неподходящая тема для разговора за ужином. И кроме того, они не стали бы говорить о таких вещах в моем присутствии, хотя все мои друзья, все школьники, начиная с четвертого класса, знали, что где-то на окраине Зефира существует такой дом с плохими девушками.

И вот я побывал там. Мне даже удалось увидеть плохую девушку. Я видел ее изгибающийся язык и зад, хохливший из стороны в сторону под ее халатом.

Теперь я мог стать в школе своего рода знаменитостью.

— Кори? — тихо спросил отец. — Ты знаешь, какими делами заправляет мисс Грейс в своем доме?

— Я. — Даже третьеклассник мог бы догадаться. — Да, сэр.

— Обычно я оставляю заказ перед ее дверью. — Он смотрел на озеро, словно все еще видел автомобиль, медленно погружающийся в бездну с трупом, прикованным наручниками к рулевому колесу. — Я поставляю товар

мисс Грейс вот уже два года. Каждый понедельник и четверг, строго как часы. И если это тебя волнует, могу сказать: мама *знает*, что я наведываюсь сюда по работе.

Я ничего не сказал в ответ, но почувствовал, что на душе у меня стало гораздо легче.

— Я не хочу, чтобы ты рассказывал кому-нибудь о мисс Грейс и об этом доме, — продолжал отец. — Я хочу, чтобы ты забыл о том, что побывал здесь, о том, что успел увидеть и услышать. Ты можешь сделать это?

— Почему? — не удержался я от вопроса.

— Потому что мисс Грейс немного отличается от тебя, меня и мамы: она может казаться грубой и злобной, а ее работа не из тех, о которых мечтают люди, но она хорошая женщина. Я просто не хочу, чтобы об этом молчали языками. Чем меньше говорят о мисс Грейс и об этом доме, тем лучше. Ты меня понимаешь?

— Думаю, что да...

— Хорошо. — Его пальцы сжали руль. Вопрос был закрыт для дальнейшего обсуждения.

Я сдержал свое слово. Моя грядущая популярность развеялась как дым, но, значит, такая судьба.

Я уже собирался раскрыть рот, чтобы рассказать отцу о силуэте человека, которого заметил между деревьями, но в этот момент черно-белый «форд» с мигалкой наверху и изображением герба города Зефира на левой передней двери завернул на повороте и остановился недалеко от нашего молоковоза. Шериф Эмори, инициалы которого читались как Джей-Ти, что означало Джуниор Талмедж, вылез из машины, и отец пошел ему навстречу.

Шериф Эмори был худым высоким мужчиной, его лицо с вытянутым подбородком напомнило мне фильм,

который я когда-то видел: Икабод Крейн* пытается настичь Безголового Всадника. У него были большие руки и ноги, а также пара ушей, которым позавидовал бы слоненок Дамбо**. Будь его нос чуточку подлиннее, он мог бы послужить превосходным флюгером. Шерифская звезда была приколата спереди на шляпе, прикрывавшей почти абсолютно лысую голову, если не считать единственной пряди каштановых волос. Шериф вновь надвинул шляпу на блестящий от пота лоб. Они разговаривали на берегу озера, а я наблюдал за движениями рук отца, который, вероятно, показывал место, откуда выехал автомобиль и куда он потом упал. Они оба смотрели на неподвижную поверхность озера, и я догадывался, о чем они в то время думали.

Автомобиль мог уже погрузиться до самого центра земли. Даже каймановые черепахи, обитавшие на берегу озера, не смогли бы нырнуть так глубоко, чтобы добраться до утонувшей машины. Кем бы ни был водитель, сейчас он сидел где-то там, в темноте, с илом между зубов.

— Прикованный наручниками,— повторил шериф Эмори спокойным голосом. У него были густые темные брови над глубоко посаженными глазами цвета угля, а бледность его кожи свидетельствовала о том, что он вел ночной образ жизни.— Ты уверен во всем этом, Том? И насчет этой струны?

— Уверен. Кто бы ни разделался с этим парнем, это была дьявольская работа! Его голова была почти отрезана.

* Икабод Крейн — герой новеллы американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783–1859) «Легенда о Сонной Лощине», по которой были сняты мультипликационный и художественный фильмы.

** Слоненок Дамбо — герой одноименного мультфильма Уолта Диснея (1941).

— Прикованный наручниками,— снова повторил шериф.— Думаю, для того, чтобы тело не всплыло.— Он слегка постучал по своей нижней губе указательным пальцем.— Ладно,— наконец проговорил он.— Полагаю, налицо все признаки убийства.

— Если это не так, то тогда я вообще не понимаю, что же считать убийством.

Пока они разговаривали, я тихо вышел из молоково-за и пошел к тому месту, где, как мне показалось, заметил фигуру наблюдавшего за мной человека. Там, где он стоял, не было ничего, кроме сорной травы, камней и грязи. «А был ли это мужчина? — подумал я.— Что, если то была женщина?» Я не разглядел длинных волос, но, по правде говоря, мне ничего особенного и не удалось разглядеть, кроме пальто, которое развевалось на ветру. Я ходил взад-вперед по краю леса между деревьями. За опушкой лес густел, и обычную землю сменял болотистый грунт. Я не нашел абсолютно ничего.

— Хорошо бы вам заехать в мою контору, чтобы я мог все это записать,— сказал шериф отцу.— Правда, неплохо бы сначала съездить домой и переодеться в сухое.

Отец кивнул:

— К тому же я хочу закончить развозку заказов и отвезти Кори в школу.

— Ладно. Во всяком случае, мне кажется, мы вряд ли сможем помочь парню на дне этого озера.— Шериф хмыкнул и засунул руки в карманы.— Убийство. Последнее убийство произошло у нас в Зефире в тысяча девятьсот шестьдесят первом. Помнишь, как Бо Каллаган забил до смерти свою жену кубком за победу в соревнованиях по боулингу?

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Я возвратился в наш пикап и стал ждать отца. Солнце уже взошло высоко, освещая мир. Тот мир, который я знал. Однако пережитое давило на меня тяжелым грузом. Мне теперь казалось, что существуют два мира: один — перед восходом солнца, другой — после. А если бы это было правдой, то отличались бы друг от друга и люди, жившие в этих мирах. Некоторые легко передвигались бы по ночным ландшафтам, другие предпочитали бы период яркого света. Возможно, перед восходом солнца я наблюдал за одним из ночных жителей. А потом меня посетила кошмарная мысль: возможно, он видел, что я заметил его.

Я понял, что нанес на ногах грязь в молоковоз. Она облепила мои кеды.

Я посмотрел на подошвы, на которые налипла земля.

К левому кеду пристало маленькое зеленое перышко.

Глава 2

ПАДЕНИЕ В ТЕМНОТУ

Сначала зеленое перо оказалось у меня в кармане. Оттуда оно перекочевало в мою комнату, в коробку из-под сигар «Уайт Оул», где хранились коллекция старых ключей и засушенные насекомые. Я закрыл крышку коробки, положил ее в один из потайных ящичков стола и задвинул его.

А затем вовсе забыл о своей находке.

Чем больше я думал о силуэте человека в лесу, тем больше склонялся к мысли, что ошибся, просто был сильно напуган зрелищем автомобиля, упавшего в воду, и отца, который начал погружаться в бездну вслед за машиной. Несколько раз я пытался рассказать об этом отцу, но всегда что-то мне мешало. У мамы чуть было не случился нервный приступ, когда она узнала, что отец нырял в озеро. Она так переживала за него, что кричала и рыдала во весь голос. Отцу даже пришлось усадить ее на кухне и спокойно объяснить, почему он сделал это.

— За рулем был мужчина, — сказал отец. — Я не знал, что он уже мертв, думал, он просто потерял сознание от холода. Если бы я стоял сложа руки, какие бы я нашел для себя оправдания после случившегося?

— Ты же мог утонуть! — упрекала его мама, и слезы катились по ее щекам. — Мог стукнуться головой о камень и пойти на дно!

— Я же не утонул. И не ударился головой о камень. Просто сделал то, что должен был сделать. — Он протянул ей бумажную салфетку, и она вытерла глаза. Затем все-таки выдала последнюю словесную эскападу:

— В этом озере полным-полно ядовитых змей — водяных щитомордников, и ты мог угодить в самое их гнездо!

— Но не угодил ведь, — ответил отец, а мама вздохнула и покачала головой, словно жила с самым большим глупцом, который когда-либо рождался на свет.

— Тебе надо переодеться во все сухое, — сказала она, уже вполне овладев голосом. — Я не перестаю благодарить Бога, что ты не очутился на дне этого ужасного озера. — Она поднялась с табуретки и помогла ему расстегнуть промокшую насквозь рубашку. — Ты хоть знаешь, кто это был?

— Никогда раньше его не видел...

— Кто мог сотворить такое с другим человеческим существом?

— Это задачка для Джей-Ти. — Отец стянул с себя мокрую рубашку, и мама взяла ее двумя пальцами, словно озерная вода несла в себе проказу. — Мне еще надо будет заехать к нему в офис, чтобы помочь составить протокол. А еще я хочу сказать тебе, Ребекка, что, когда я взглянул в лицо мертвецу, сердце у меня чуть не остановилось. Я никогда раньше не видел ничего подобного и молю Бога, чтобы больше никогда не увидеть...

— Боже правый! — воскликнула мама. — А что, если у тебя случился бы там сердечный приступ? Кто тогда спас бы тебя?

Беспокойство было образом жизни моей матери. Она беспокоилась о погоде, ценах на бакалейные товары, из-за поломки стиральной машины, загрязнения бумажным заводом русла Текумсе вплоть до Адамс Вэлли, о ценах на новую одежду — обо всем, что происходит вокруг. Мир представлялся маме огромным, почти безразмерным стеганым одеялом, швы которого постоянно расплывались. Ее беспокойство выполняло роль иглой, которой можно было зашить эти опасные швы. Если ей удавалось вообразить наихудший, трагический вариант развития события, то она, казалось, обретала таким образом контроль над ними. Как я уже говорил, это был ее образ жизни, способ мышления. Отец мог просто бросить горсть игральные кости, когда требовалось принять решение, тогда как мама часами испытывала мучительные сомнения. Я думаю, что они таким образом уравнивали друг друга, как и подобает любящим.

Родители моей мамы, дедушка Остин и бабушка Элис, жили в двенадцати милях южнее, в городке, который назывался Ваксахачи, возле военно-воздушной базы Роббинс. Бабушка Элис была даже более беспокойным человеком, чем моя мать; некая часть ее души взывала к трагическому началу. Дедушка Остин работал лесорубом, и одна нога у него была деревянной из-за небрежного обращения с электропилой. Он не раз предупреждал жену, что отвинтит свою деревянную ногу и стукнет ее по голове, если она не заткнется и не даст ему от нее отдохнуть. Он называл свою деревянную ногу «трубкой мира», но, насколько я знаю, никогда не использовал ее в каких-либо иных целях, кроме тех, для которых она была вырезана. У моей мамы были старшие брат и сестра, а отец был у своих родителей единственным ребенком.

Как бы то ни было, в тот же день я отправился в школу и при первом удобном случае рассказал о случившемся Дэви Рэю Коллану, Джонни Уилсону и Бену Сирсу. К тому времени как прозвенел последний звонок и я отправился домой, новость уже распространилась по всему городу подобно пожару. Слово «убийство» было у всех на устах. Родители не успевали отвечать на телефонные звонки. Всем хотелось узнать о происшедшем вплоть до самых мрачных подробностей. Я вышел из дома погонять на своем ржавом велосипеде и дать возможность Бунтарю порезвиться среди деревьев, и тут мне в голову неожиданно пришла мысль: а что, если кто-то из звонивших уже все знал и просто пытался разнюхать, не видели ли мы его там, на опушке, и вообще какой информацией располагает шериф Эмори.

Именно тогда, когда я крутил педали на лесной тропинке, а Бунтарь пытался играючи схватить меня за пятки, я осознал, что кто-то в моем родном городке вполне может быть убийцей.

Весна была в разгаре, с каждым днем теплело. Спустя неделю после того, как отец прыгнул в озеро Саксон, шериф Эмори объявил: никто не пропал за последнее время в нашем городе и его окрестностях. Статья, опубликованная на первой полосе единственного в Адамс Вэлли еженедельника «Журнал», также не содержала ничего нового. Шериф Эмори, двое его помощников, несколько пожарных и полдюжины добровольцев на легких лодках прошли по озеру сетями вдоль и поперек, но не вытащили ничего, кроме каймановых черепах и водяных щитомордников.

До двадцатых годов на месте озера Саксон была каменоломня, а потом паровые экскаваторы пробили путь

к подземной речке, которую не удалось перекрыть или отвести в сторону. Ее глубина составляла, по различным оценкам, от трехсот до пятисот футов. На земле не существовало такой сети, которая могла бы поднять на поверхность затонувший автомобиль.

Однажды вечером шериф Эмори зашел к нам, чтобы переговорить с моими родителями, и они разрешили мне при этом присутствовать.

— Кто бы ни сделал это, — стал объяснять шериф, сидя со шляпой на коленях, отбрасывая на стену тень своего длинного носа, — он должен был направить автомобиль на грунтовую дорогу, выходящую прямо к озеру. Мы обнаружили там отпечатки шин, но все следы были стерты. Убийца наверняка зафиксировал педаль газа, прикрепив что-то к ней. Перед тем как вы выехали из-за поворота, он отпустил ручной тормоз, захлопнул дверь и отпрыгнул, а машина свободно покатила вниз. Конечно же, он и не подозревал, что вы появитесь в этот момент. Если бы вы не оказались там, машина просто упала бы в озеро, утонула и никто даже не узнал бы, что вообще что-то произошло. — Он пожал плечами. — Это все, что мне удалось выяснить.

— Вы разговаривали с Марти Баркли?

— Да. Он ничего не видел. Эта грунтовая дорога расположена так, что вы можете проехать мимо на средней скорости и даже ее не заметить.

— Так что же теперь со всем этим делать?

Шериф обдумывал вопрос отца, его серебряная звезда поблескивала на свету. Снаружи залаял Бунтарь, окрестные собаки подхватили его клич и разнесли по всему Зефиру. Шериф вытянул свои большие руки и посмотрел на пальцы.

— Понимаешь, Том,— наконец заговорил он.— Ситуация действительно странная. Имеются отпечатки шин, но нет самой машины. Ты говоришь, что видел внутри автомобиля мертвеца, прикованного наручниками к рулю, и что вокруг шеи трупа была намотана медная струна, но у нас нет тела, и мы вряд ли сможем когда-нибудь получить его. Никто в городе и его окрестностях за последнее время не пропадал, если не считать девочки-подростка, мать которой полагает, что она убежала вместе со своим дружкой в Нэшвилл. Но у того парня, кстати, не было никакой татуировки. Я не слышал ни об одном человеке с татуировкой, которая была бы похожа на ту, что ты описал.— Шериф Эмори взглянул на меня, потом на маму, а потом снова на отца своими темными, как уголь, глазами.— Помнишь ту загадку, Том? Ну, насчет того, что когда дерево падает в лесу, а поблизости никого нет, бывает ли при этом какой-нибудь шум? А раз нет тела, и никто в округе за последнее время не пропадал, было ли вообще убийство или нет?

— Я знаю только то, что видел своими глазами,— ответил отец.— Ты разве сомневаешься в моих словах, Джей-Ти?

— Нет, этого я не говорил. Речь идет лишь о том, что больше я не смогу ничего сделать, пока мы не установим личность жертвы. Мне нужно его имя, Том. Мне необходимо иметь описание его внешности. Без этого я не знаю даже, с чего начинать расследование...

— А убийца между тем преспокойно разгуливает на свободе и совсем не боится, что когда-нибудь будет пойман. Так прикажешь тебя понимать?

— Угу,— признал шериф.— Получается именно такой расклад.

Конечно, шериф Эмори обещал, что продолжит расследование, что обзвонит все полицейские участки штата, чтобы получить от них сведения о пропавших людях. Рано или поздно, сказал он, кто-нибудь заявит именно о том человеке, который покойтся в озере вместе с машиной. Когда шериф уехал, отец вышел на веранду, чтобы посидеть в темноте наедине со своими мыслями. Он оставался там и после того, как мама велела мне ложиться спать.

Уже ночью меня разбудил крик отца.

Встревоженный, я сел на кровати, слыша, как за стеной мать говорит отцу:

— Не беспокойся. Это был плохой сон, всего лишь дурной сон, теперь все в порядке.

Отец молчал довольно долгое время. Я слышал, как в ванной течет вода. Потом раздался скрип пружин на их кровати.

— Ты хочешь рассказать мне об этом? — спросила мама.

— Нет, о господи, нет.

— Это был всего лишь дурной сон.

— И все же я видел это как наяву.

— Ты сможешь опять заснуть?

Он тяжело вздохнул. Я мог без труда представить, как он сидит там, в темной спальне, прижав руки к лицу.

— Не знаю, — ответил отец.

— Дай-ка я потру тебе спину.

Пружины заскрипели под тяжестью их тел.

— У тебя здесь все напряжено, — сказала мама. — Особо ближе к шее.

— Тут чертовски болит. Там, где твой большой палец.

— Это растяжение. Ты наверняка потянул мышцу. Молчание. Мои шея и плечи, казалось, тоже расслаблялись под нежными руками матери. Каждое движение в спальне родителей сопровождалось скрипом пружин. Потом снова раздался голос отца:

— Я опять видел кошмарный сон — мужчину в машине...

— Я так и подумала.

— Я видел его лицо, превратившееся в кровавое месиво, шею, стянутую струной. Наручники на запястьях и татуировку на плече. Машина погружалась все глубже, а потом... потом его глаза открылись...

Я вздрогнул, ясно представив себе все это. Отец говорил с трудом, ловя ртом воздух.

— Он посмотрел на меня. Прямо на меня. Из его глаз вытекала вода. Он открыл рот, и его язык оказался черным, как голова змеи, а потом он сказал: «Идем со мной...»

— Не думай об этом,— прервала его мама.— Просто закрой глаза и попытайся расслабиться.

— Я не могу расслабиться.

Я представил себе, как отец лежит, скрючившись, на кровати, а мама массирует его твердые, как железо, мышцы.

— Кошмар на этом не закончился,— продолжал он.— Тот человек в машине протянул руку и схватил меня за запястье. Ногти у него были синими. Его пальцы впились в мою кожу, и он сказал: «Идем со мной, вниз, во тьму». А машина... Она стала погружаться все быстрее и быстрее, я попытался освободиться, но он не захотел меня отпустить и опять сказал: «Идем со мной, идем со мной, вниз, во тьму...» А потом озеро сомкнулось над мо-

ей головой, и я не смог выбраться наружу и открыл рот, чтобы закричать, но его заполнила вода. О боже, Ребекка! Боже правый!

— Это все не настоящее. Послушай меня! Это лишь страшный сон, но теперь все в порядке.

— Нет,— ответил отец.— Не все в порядке. Это гложет меня, и мне становится все хуже. Я думал, что смогу избавиться от этого кошмара. Я хочу сказать... Боже мой, я видел мертвецов и раньше. Совсем рядом. Но это... Это совершенно другое. Струна вокруг шеи, наручники на запястье, лицо, изуродованное до неузнаваемости... Это совершенно другое. Я не знаю даже, кем он был, вообще ничего о нем не знаю... но это гложет меня день и ночь...

— Это пройдет,— сказала мама.— Ты и сам так меня успокаивал, когда я боялась, что от лягушки будут бородавки. Да брось, говорил ты, пройдет...

— Может быть, и так. Я надеюсь, что с Божьей помощью это пройдет. Но сейчас этот ужас засел у меня в голове, и я никак не могу от него избавиться. Но самое худшее, Ребекка: это подтачивает меня изнутри, гложет меня. Кто бы ни совершил убийство, он или они наверняка были местными. Тут не может быть сомнений. Тот, кто сделал это, отлично знал, насколько глубоко озеро Саксон. Он прекрасно понимал, что если автомобиль пойдет на дно, то навсегда исчезнет и тело жертвы. Ребекка... ведь это может быть один из тех людей, которым я развожу заказы, кто сидит в церкви на одной с нами скамье. Кто-то, у кого мы покупаем бакалейные товары или одежду. Нечто, кого мы знаем всю жизнь... по крайней мере, *думаем*, что знаем. Это пугает меня так, как ничто никогда не пугало. И ты знаешь почему? — Он немного помолчал, и

я представил себе, как кровь пульсирует в его висках. — Потому что если нельзя чувствовать себя в безопасности здесь, то нельзя чувствовать себя в безопасности нигде во всем мире. — На последнем слове его голос дрогнул. Я почувствовал облегчение, что меня нет в той комнате и я не могу видеть его лицо.

Прошло две или три минуты. Я думаю, отец просто лежал, давая матери возможность спокойно массировать ему спину.

— Теперь ты сможешь заснуть? — спросила мама, и он ответил:

— Попробую...

Несколько раз скрипнули пружины. Я услышал, как мама шепчет что-то ему на ухо. Он ответил:

— Надеюсь, что так.

Потом они замолчали. Отец, бывало, храпел во сне, но не этой ночью. Я гадал, не лежит ли он с открытыми глазами, после того как мама отодвинулась от него, видит ли он все еще перед собой труп, который тянет к нему руки из машины, чтобы утащить вниз, во тьму. Сказанное отцом неотвязно преследовало меня: «Если нельзя чувствовать себя в безопасности здесь, то нельзя чувствовать себя в безопасности нигде во всем мире». Рана, нанесенная отцу, была глубже, чем озеро Саксон. Возможно, причиной тому явилась внезапность происшедшего или его чудовищная холодная жестокость. А может быть, это было осознание того, что за закрытыми дверями одного из самых спокойных и безобидных городков мира скрываются какие-то ужасные тайны.

Я полагаю, мой отец всегда верил, что все люди в глубине души добрые и хорошие. Это происшествие разру-

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

шило основу его жизни, и мне пришло в голову, что убийца приковал моего отца к этому ужасному мгновению так же, как он приковал свою жертву наручниками к рулевому колесу. Я закрыл глаза и стал молиться за папу, чтобы он нашел дорогу из этого царства тьмы.

Месяц март испустил дух, как жертвенный ягненок, однако работа убийцы еще не была закончена.

Глава 3

ЗАХВАТЧИК

Все утряслось и забылось, как обычно это случается.

В первый субботний вечер апреля, когда на деревьях уже начали набухать почки, а из теплой земли полезли цветы, я сидел между Беном Сирсом и Джонни Уилсоном, окруженный орущими полчищами себе подобных, а Тарзан — Гордон Скотт, самый лучший Тарзан из всех существовавших, — вонзал нож в брюхо крокодилу, откуда била струей алая кровь.

— Ты видел? Нет, ты видел? — не переставая, спрашивал Бен, толкая меня локтем в ребра. Ну конечно, я все видел. У меня ведь были глаза, но я боялся, что мои ребра не выдержат столь интенсивный натиск до того, как начнется короткометражка «Три неудачника», обещанная в перерыве между двумя полнометражными игровыми фильмами, первый из которых был о Тарзане.

«Лирик» был единственным кинотеатром в Зефире. Его построили в 1945 году, сразу после Второй мировой войны, когда сыны Зефира, маршируя или ковыляя, возвращались домой и жаждали удовольствий, которые могли бы прогнать кошмары, порожденные свастикой и восходящим солнцем. Несколько преисполненных благородных намерений отцов города порылись в своих карманах

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

и наняли инженера-строителя из Бирмингема. Он подготовил чертежи и разметил участок на пустом пространстве, где некогда располагались табачные склады. Меня, конечно, тогда еще не было на свете, но мистер Доллар мог красочно поведать эту историю любому. Вознеся дворец с ангелами лепной работы, и каждый субботний вечер мы, простые смертные мальчишки, протирали штаны, ерзая на стульях, уничтожали попкорн и сладости, оглашали воздух воплями, давая нашим родителям возможность на время избавиться от нас и перевести дух.

В общем, два мои дружка и я собственной персоной в этот апрельский субботний день сидели в кино и смотрели Тарзана. Да, забыл объяснить, почему с нами не было Дэви Рэя: его тогда, кажется, посадили под домашний арест за то, что он попал в голову Молли Люйджек огромной сосновой шишкой.

То было время, когда запускали спутники, разбрызгивающие искры в околоземное пространство. На острове возле побережья Флориды, где залив был окрашен кровью свиней, тараторил что-то по-испански мужчина с бородой и сигарой. Лысый русский стучал башмаком по столу. Солдаты укладывали свои вещмешки, чтобы отправиться в джунгли под названием Вьетнам. Атомные бомбы взрывались в пустыне, выбрасывая куклы из гостиных покинутых домов. Нас тогда все это ничуть не заботило. Это не было волшебством. Подлинное волшебство было внутри «Лирика» на сеансах из двух полнометражных фильмов по субботним дням, и мы с радостью погружались в этот магический мир.

Я вспомнил телевизионный сериал «77 Сансет Стрип», в котором главный герой тоже ходил в кинотеатр под названием «Лирик», и задумался об этом слове. Я разыскал

его в толстенном словаре с двумя тысячами четырьмястами восьмьюдесятью тремя страницами, подаренном мне дедушкой Джейбердом на десятилетие. Там говорится: «Лиричный» — мелодичный, пригодный для пения. Лирическое стихотворение. Образовано от слова «лира». Все это не слишком подходит для названия кинотеатра, и потому я отыскал в словаре слово «лира». «Лира» привела меня в эпоху, когда еще существовали замки и короли, во времена странствующих менестрелей, которые сочиняли и пели стихи-истории. Тогда мне пришлось обратиться к прекрасному слову «история». В раннем детстве мне казалось, что все способы передачи различной информации, будь то телевидение, кино или книги, начались с того, что кому-то захотелось рассказать какую-нибудь историю. Потребность рассказать, подключиться к этой универсальной розетке — возможно, одно из величайших желаний в мире. А в потребности услышать историю, пожить, пусть даже недолго, жизнью другого человека, наверно, и состоит ключ к разгадке того волшебства, которое всем нам изначально присуще.

Лирик...

— Заколи его, Тарзан! Воткни ему нож! — кричал Бен, неустанно тыча меня локтем под ребра. Бен Сирс был полным мальчиком с каштановыми коротко подстриженными волосами. Он имел высокий, как у девчонки, голос и носил очки в роговой оправе. Его рубашка никогда не была как следует заправлена в джинсы. Он был настолько неловок, что мог случайно задушить себя шнурками от ботинок. У Бена был широкий подбородок и пухлые щеки, и он не имел шанса когда-нибудь стать похожим на Тарзана из девчоночьих снов, но он был моим другом. В отличие от излишне упитанного Бена, Джонни Уилсон был ху-

дощав, спокоен и начитан. В его жилах текла толика индейской крови, о чем можно было догадаться, заглянув в его темные блестящие глаза. Под лучами летнего солнца кожа его становилась коричневой, как кедровый орех. Волосы у него были почти черными, зализанными назад, лишь небольшой чуб торчал, словно побег дикого лука. Его отец, работавший мастером на фабрике по производству гипсокартона между Зефиром и Юнион-Тауном, носил точно такую же прическу. Мать Джонни была библиотекарем в начальной школе Зефира, и, думаю, именно это определило его пристрастие к чтению. Джонни буквально пожирал энциклопедии, как другие дети ели сосиски и лимонные дольки. Нос его напоминал томагавк индейцев племени чероки, на правой брови в 1960 году появился маленький шрам в том месте, куда его ударил палкой кузен Филбо, когда мы все играли в войну. Джонни Уилсон мог спокойно выдерживать любые насмешки школьных остряков, называвших его «сыном скво» или «негритенком». Кроме того, он родился с деформированной стопой и вынужден был носить специальный ботинок, из-за которого над ним смеялись в два раза сильнее. Он был стойким задолго до того, как я узнал значение этого слова.

Кино двигалось к своему завершению, как река в джунглях, текущая к морю. Тарзан победил злых браконьеров — охотников за слонами, возвратил звезду Соломона племени и исчез в лучах закатного солнца. Потом показали короткометражку «Три неудачника», в которой Мо вырывал волосы у Лэрри целыми клоками, а Керли сидела в ванне, полной омаров. Мы классно провели время.

А потом, без всяких фанфар, начался второй полнометражный фильм.

Он оказался черно-белым, что вызвало гул недовольства в зале. Все уже оценили преимущества цветного кино. Потом на экране появилось название: *«Захватчики с Марса»*. Фильм, похоже, был очень старым, начала пятидесятых.

— Я сметаюсь за попкорном,— объявил Бен.— Купить кому-нибудь что-то еще?

Мы отказались, и он в одиночку стал пробираться по проходу.

Титры закончились, начался фильм.

Бен возвратился с ведерком политого маслом попкорна как раз к тому моменту, когда герой фильма увидел в свой телескоп, направленный в грозовое ночное небо, какой-то предмет, который оказался летающей тарелкой, приземлившейся как раз позади его дома. Обычно по субботам толпа шумела и смеялась при отсутствии на экране погони или драки, но на этот раз вид спускающейся с небес зловещей тарелки заставил всех присутствовавших в зале затаить дыхание и замолчать.

Думаю, что в течение последующих полутора часов торговая палатка не получила никакой прибыли, хотя на-шлись и ребята, которые поднялись с мест и бегом устремились на выход, к дневному свету. Мальчишка из фильма не смог никого убедить в том, что видел, как садится летающая тарелка, поэтому ему пришлось наблюдать в телескоп, как одного из полицейских засосало в песчаном вихре, словно включили некий чудовищный таинственный пылесос. А потом этот же полицейский пришел в дом к мальчику, чтобы убедить его: мол, само собой разумеется, никакая тарелка нигде не приземлялась. Никто ведь этого не видел, кроме самого мальчика? Но полицейский

вел себя... как-то странно. Словно он был роботом с мертвыми глазами на бледном лице. Сзади на его шее мальчик заметил жуткую иксообразную рану. Полицейский, который до прогулки по песчаному холму был весельчаком, теперь не улыбался. Он стал другим.

Иксообразные раны стали появляться и на затылках других людей, но никто не верил мальчику, который пытался убедить своих родителей, что марсиане свили на Земле гнездо как раз позади их дома. В конце концов его родители вышли взглянуть на это своими глазами.

Бен совершенно забыл, что купил ведро попокорна. Джонни сидел так, что колени его были прижаты к груди. Я никак не мог как следует сделать вдох.

Какой ты еще глупенький мальчик, сказали герою фильма мрачные не улыбочивые родители, вернувшись домой после прогулки. Там абсолютно нечего бояться. Все прекрасно, все замечательно. Пойдем с нами, сам отведи нас туда, где, по твоим словам, приземлилась летающая тарелка. Ты увидишь, какой ты еще глупый мальчишка.

— Не ходи,— зашептал Бен.— Не ходи туда, не ходи!

Я слышал, как его ногти царапали подлокотники кресла.

Мальчик побежал. Прочь от дома, прочь от этих не улыбочивых чужаков. Куда бы мальчик ни обращал свой взор, он видел иксообразные раны. Даже у шефа полиции была такая рана на затылке. Люди, которых мальчик знал, внезапно изменились: они не хотели отпускать его, желая сдать с рук на руки родителям. Глупый, глупый мальчишка, говорили они ему. Марсиане высадились на Землю, чтобы покорить мир? Ну разве можно поверить в такое?

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Весь этот ужас закончился, когда армия добралась до целой сети туннелей, которые марсиане вырыли под землей. Там марсиане прятали машину, с помощью которой они вырезали метку на затылке у людей, превращая их в существа, подобные себе самим. Вождь марсиан, голова которого напоминала стеклянную чашу с щупальцами, выглядел так, словно только что вывалился из канализационного отстойника. Мальчик и армия стали бороться против марсиан, которые с трудом передвигались по туннелям, словно преодолевая силу земного притяжения. В результате столкновения между машинами марсиан и армейскими танками Земля вот-вот могла потерять равновесие, но тут...

...мальчик проснулся.

Сон, сказал отец. Мама улыбнулась ему. Сон. Нечего бояться. Спи спокойно, увидимся утром.

Всего лишь плохой-плохой сон...

А потом мальчик поднялся наверх в темноте, посмотрел в телескоп и увидел летающую тарелку, которая спускалась с предвещающего бурю ночного неба на песчаный холм позади его дома.

Конец?

Включили свет. Субботний день в кино закончился.

— Что с ними случилось? — спросил мистер Стелко, управляющий кинотеатра «Лирик», одного из билетеров, когда мы выходили из зала. — Почему они сидели так *тихо*?

Абсолютный ужас не имеет голоса.

Кое-как нам удалось оседлать свои велосипеды и начать крутить педали. Некоторые ребята отправились домой пешком, другие остались дожидаться своих родителей, которые должны были забрать их из кинотеатра. Все

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

мы были объединены тем, что нам только что довелось увидеть. Когда Бен, Джонни и я остановились у автозаправочной станции на Риджтон-стрит, чтобы подкачать переднюю шину на велосипеде Джонни, я заметил, что Бен искоса поглядывает на затылок мистера Уайта, на котором шелушилась обгоревшая на солнце кожа.

Мы расстались на углу Боннер и Хилтоп-стрит. Джонни помчался домой, Бен давил на педали своего велика короткими толстыми ногами, а я боролся с ржавой цепью за каждый фут пути. Мой велик уже отбегал свои лучшие дни. Его купили на каком-то блошином рынке, он был старым уже тогда, когда попал ко мне. Я не раз просил, чтобы мне купили новый, но отец говорил в ответ, что мне придется обходиться тем что есть или жить вообще без всякого велосипеда. С деньгами у нас тогда было трудно: даже субботние походы в кино считались роскошью. Несколько позже я обнаружил, что лишь в субботу днем пружины в спальне моих родителей могли играть свои симфонии так, что мне не приходилось гадать, что же там происходит.

— Повеселился? — спросила мама, когда я вошел в дом, немного поиграв с Бунтарем.

— Да, мам, — ответил я. — Фильм про Тарзана был просто классный.

— А разве показывали не два фильма? — поинтересовался отец, который полулежал, задрав ноги на диван. По телевизору шла показательная бейсбольная игра — сезон как раз начинался.

— Да, сэр. — Я прошмыгнул мимо них на кухню, чтобы разжиться там яблоком.

— И о чем же был второй фильм?

— Да так, ни о чем.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Родители умеют почувствовать неладное быстрее, чем голодный кот способен учуять мышь. Они позволили мне взять яблоко, помыть его под краном, вытереть, а потом принести его в гостиную. Они позволили мне погрузить зубы в яблочную мякоть, но потом отец оторвал взгляд от телевизора и спросил:

— Так что с тобой, сын?

Я захрустел яблоком. Мама села рядом с отцом, их глаза пристально изучали меня.

— Со мной? — переспросил я недоуменно.

— Каждую субботу тебя буквально разрывает на части от желания рассказать нам об увиденных фильмах. Тебя с трудом удается уговорить, чтобы ты не разыгрывал нам фильм сцена за сценой. Так что с тобой произошло сегодня?

— Э-э... Думаю, я... Ну, точно не знаю...

— Подойди сюда, — сказала мама. Я повиновался, и она приложила руку мне ко лбу. — Нет, температура нормальная. Кори, ты хорошо себя чувствуешь?

— Вполне.

— Итак, один фильм был про Тарзана, — стал выяснять отец с бульдожьим упрямством. — А о чем был второй фильм?

Я подумал, что могу, конечно, сообщить им название, но как объяснить, о чем *на самом деле* шла речь в том фильме? Как я мог им рассказать, что фильм, который я только что видел, разбудил во мне главный страх, живущий в глубине души каждого ребенка, который боится, что его родители в какое-то мгновение необратимого времени навсегда исчезнут, а вместо них появятся холодные, мрачные, никогда не улыбающиеся пришельцы?

— Это было кино о чудовищах, — признался я.

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

— Ага, тогда все понятно.— Внимание отца вновь переключилось на бейсбольный матч по телевизору. Словно пистолетный выстрел, щелкнула бита.— Эй! Беги же за ним, Микки! Беги!

Зазвонил телефон. Я поспешил снять трубку, пока предки не задали очередную порцию вопросов.

— Кори? Это миссис Сирс. Можно поговорить с твоей мамой?

— Минуточку. Мама! — позвал я.— Тебя к телефону!

Мама взяла трубку, а мне пришлось удалиться в ванную. От первой атаки отбился, слава богу. Однако я не был уверен, что готов сидеть в ванной комнате наедине с воспоминаниями о марсианской голове со щупальцами.

— Ребекка? — сказала миссис Сирс.— Как дела?

— Все в порядке, Лизбет. Ты взяла лотерейные билеты?

— Конечно. Четыре, и надеюсь, что на этот раз среди них уж точно окажется один счастливый.

— Хорошо бы.

— Да, вот почему я тебе звоню... Бен недавно вернулся из кинотеатра. В общем, я хотела бы знать, как чувствует себя Кори.

— Кори? Он...— Мама чуть помедлила, но в уме наверняка анализировала мое странное поведение.— Он уверяет, что с ним все в порядке...

— Вот-вот. Бен говорит то же самое, однако ведет себя немного... Пожалуй, немного... беспокойно, что ли, если попытаться найти правильное слово. Обычно он донимает нас с Симом своими рассказами об увиденном в кино, но сегодня молчит как рыба. Он сейчас вышел на задний двор, сказал, что хотел бы кое в чем убедиться, но он не желает признаваться, в чем именно.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

— Кори сейчас в ванной,— сказала мама так, словно это обстоятельство ее тоже несколько озадачило. Чтобы я не смог расслышать ее слова сквозь шум воды, она понизила голос.— Он ведет себя как-то странно. Думаешь, в кино с ними что-то случилось?

— Я думала об этом. Может быть, они поссорились?..

— Не исключено. Они дружат уже давно, но и между старыми друзьями иногда случаются ссоры.

— Например, как у меня с Эми Линн Макгроу. Мы шесть лет были близкими подругами, а потом целый год не разговаривали из-за потерянной пачки швейных иголок. Но я тут подумала: может быть, мальчикам надо собраться вместе? Если у них и вышел какой-то спор или ссора, то, наверно, следует все это обсудить.

— Пожалуй, это вполне разумно.

— Я собиралась спросить Бена, не хочет ли он, чтобы Кори переночевал у нас. Ты не будешь возражать?

— Нет, конечно, но сначала мне надо поговорить с Томом и Кори...

— Подожди минуточку,— неожиданно сказала миссис Сирс.— Идет Бен.— Мама услышала, как хлопнула дверь.— Бен? Я говорю сейчас по телефону с мамой Кори. Ты не хочешь, чтобы Кори сегодня переночевал у нас? — Мама прислушалась, но не смогла разобрать, что ответил на это Бен, из-за шума воды в нашей ванной.— Он говорит, что был бы рад этому,— сказала в трубку миссис Сирс.

Из ванной я вышел исполненный благих намерений.

— Кори, ты не хочешь переночевать у Бена?

Некоторое время я думал.

— Не знаю,— ответил я, но причину своих сомнений я назвать не мог. В последний раз, когда я ночевал у Бена

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

в феврале, мистер Сирс так и не появился дома до самого утра, а миссис Сирс разгуливала по всем комнатам, гадая, куда же он мог запропасться. Бен рассказал мне, что его отец, уезжая в рейс, часто задерживается допоздна, но просил об этом никому не говорить.

— Бен хочет, чтобы ты пришел к ним,— стала уговаривать меня мама, ошибочно истолковав мою нерешительность.

Я пожал плечами:

— Ладно. Пожалуй, можно.

— Пойди спроси у отца, не будет ли он против.

И пока я шел к двери гостиной, моя мама сказала миссис Сирс:

— Я знаю, как важна дружба. Если возникли какие-то проблемы, мы все обязательно уладим.

— Папа не возражает,— сказал я маме, вернувшись. Когда отец смотрел по телевизору бейсбольный матч, он мог согласиться на что угодно, например почистить зубы колючей проволокой вместо зубной нити.

— Лизбет? Он будет у вас. Часам к шести? Хорошо.— Она прикрыла трубку рукой и тихо сказала мне:

— У них на ужин будут жаренные цыплята.

Я кивнул и попытался изобразить улыбку, но все мои мысли по-прежнему устремлялись в те темные туннели, где марсиане замыслили уничтожить человечество, город за городом.

— Ребекка? Как там насчет того происшествия? — спросила миссис Сирс.— Ты понимаешь, о чем я говорю..

— Иди, Кори,— велела мне мама, и я исполнил ее приказ, хотя отлично знал, какие важные вещи сейчас будут обсуждаться.— Да, да,— сказала мама, обращаясь уже к Лизбет Сирс.— Тому спится сейчас немного лучше, но

ему по-прежнему снятся кошмары. Мне хотелось бы чем-то ему помочь, но, думаю, он сам должен с этим справиться.

— Слышала, что шериф забросил это дело.

— Прошло уже три недели, но расследование не дало никаких результатов. Джей-Ти в пятницу сказал Тому, что оповестит все округа нашего штата, а также Джорджию и Миссисипи, но так и не разобрался с этим делом. Словно этот человек в автомобиле прилетел к нам с другой планеты...

— От этой мысли мороз идет по коже.

— И вот еще что, — сказала мама, тяжело вздохнув. — Том... изменился. Это волнует меня больше, чем всякие ночные кошмары, Лизбет. — Она повернулась в сторону кухонной кладовой и отошла к ней, насколько позволял провод, чтобы отец не услышал ее слов. — Он стал тщательно следить за тем, чтобы все замки и двери были заперты, а раньше вообще не думал ни о каких запорах. До этого случая мы обычно вообще не запирали двери, как и все в нашем городе. Теперь Том каждую ночь встает два-три раза и проверяет запоры. А на прошлой неделе он вернулся после рейса, и на его ботинках была красная глина, хотя в тот день никакого дождя не было. Я подозреваю, он снова ходил к озеру.

— Зачем?

— Не знаю. Прогуляться и подумать, быть может. Помню, когда мне было девять лет, у меня был кот с золотисто-желтой шерстью. Его раздавило грузовиком прямо перед нашим домом. Кровь Калико долго было видно на мостовой. Это место меня притягивало. Я ненавидела это пятно, но постоянно подходила туда, чтобы увидеть, где погиб Калико. Мне всегда казалось, что я могла бы

что-то сделать, чтобы предотвратить его гибель. А может быть, до того случая я думала, что все на нашей земле живут вечно и не могут умереть. — Она помолчала немного, глядя на карандашные пометки на двери, которыми родители фиксировали мой неуклонный рост. — Думаю, у Тома много всего на душе накопилось...

Их разговор перескакивал с одной темы на другую, но главной из них по-прежнему оставалось происшествие на озере Саксон. Наблюдая вместе с отцом за бейсбольным матчем, я заметил, что он периодически сжимает и разжимает правую руку, словно пытается или схватить что-то, или освободиться от чьей-то хватки. Потом настало время уходить, я взял пижаму, зубную щетку, чистые носки и нижнее белье, а потом сунул все это в просторный армейский ранец. Отец велел мне быть осторожнее, а мама пожелала хорошенько повеселиться, но вернуться домой утром, так чтобы не опоздать в воскресную школу. Я потрепал Бунтаря по загривку и швырнул ему палку, чтобы он за ней погнался, потом вскарабкался на свой велосипед и нажал на педали.

Бен жил не так далеко, в какой-то полумиле от нашего дома, в глухом конце Дирман-стрит. На Дирман-стрит я ехал неторопливо, потому что на пересечении Дирман и Шентак-стрит стоял дом из серого камня, где жили пользовавшиеся дурной славой братья Брэнлин. Одному из них было тринадцать, а другому — четырнадцать, они красились под блондинов и находили наслаждение в разрушении. Братья частенько колесили по округе на одинаковых черных велосипедах, напоминая стервятников, кружащихся в воздухе в поисках свежего мяса. Я слышал однажды от Дэви Рэя Коллана, что Брэнлины на своих быстросходных черных велосипедах пытались тягаться с маши-

нами в скорости, кроме того, Дэви сам был свидетелем, как однажды Гота Брэнлин, старший из братьев, вслух послал собственную мать в одно очень плохое место. Гота и Гордо были похожи на черную чуму: можно было только надеяться, что они до вас не доберутся, но если уж они напали, убежать было невозможно.

До сих пор я был слишком незначительной фигурой, чтобы практиковаться на мне в подлости и коварстве. Я надеялся и в будущем держаться от них подальше.

Дом Бена во многом напоминал мой собственный. У Бена был коричневый пес по кличке Тампер, который лаем возвестил с веранды о моем прибытии. Бен вышел из дома, чтобы встретить меня, а миссис Сирс поздоровалась со мной и спросила, не хочу ли я выпить стаканчик пива из корнеллодов. У нее были темные волосы, очень милое лицо и бедра величиной с арбузы. Мистер Сирс поднялся из столярной мастерской, расположенной в подвале, чтобы немного со мной поговорить. Он был толстым, почти круглым мужчиной с румяным лицом, тяжелой челюстью и коротким ежиком волос. Мистер Сирс скалил свои торчащие зубы и производил впечатление довольного собой человека. За его полосатую рубашку цеплялись стружки. Он рассказал мне анекдот о баптистском проповеднике и уборной во дворе, юмор которого я до конца не понял, но сам мистер Сирс рассмеялся и пытался намеками объяснить суть анекдота, пока Бен не сказал: «Ну, папа!» — словно он слышал эту глупую шутку уже дюжину раз.

Я распаковал свой ранец в комнате Бена, где хранилась отличная коллекция открыток на бейсбольную тематику, бутылочных крышек и осиних гнезд. Когда я управился со своим ранцем, Бен уселся на постельное покрывало с изображением Супермена.

— Ты рассказал предкам о фильме?

— Нет, а ты?

— Ну...— Он выдернул из лица Супермена торчавшую ниточку.— Как это ты не рассказал?

— Не знаю. А почему *ты* не рассказал?

Бен пожал плечами. Было видно, что в голове у него крутятся разные мысли.

— Думаю,— ответил он,— что это слишком ужасно, чтобы рассказывать...

— Да-а...

— Я даже выходил на задний двор нашего дома,— продолжал Бен.— Песка там нет. Только камень, сплошной камень...

Мы оба сошлись на том, что марсианам, если они вдруг к нам заявятся, придется нелегко, когда они начнут сверлить туннели в скальной породе холмов, на которых стоит Зефир. Потом Бен открыл картонную коробку, где у него хранилась коллекция вкладышей от жвачек, и показал мне серию о Гражданской войне, с кровавыми картинками, изображающими застреленных, проколотых штыками и разорванных пушечными ядрами солдат. Мы стали придумывать свои истории по каждой картинке, а потом мама Бена позвонила в колокольчик, оповещая всех, что настало время жареных цыплят.

После ужина и великолепного пирога, испеченного миссис Сирс, который запивали холодным молоком с фермы «Зеленые луга», мы стали играть в скрэббл*. Родители Бена были в игре партнерами, и мистер Сирс время от времени пытался использовать слова собственного сочинения, которые и в словаре не найдешь. Миссис Сирс

* Скрэббл — фирменное название настольной игры в слова, которые составляются из кубиков с буквами.

сказала, что он такой же ненормальный, как чесоточная мартышка, но при этом лишь по-доброму усмехалась, слыша его забавные словечки, как, впрочем, и я.

— Кори,— обратился ко мне мистер Сирс.— Слышал ты историю о трех священниках, которые захотели попасть на небеса?

Прежде чем я успел ответить отрицательно, он уже принялся рассказывать очередную хохму. Казалось, ему нравилось рассказывать анекдоты о священниках. Мне вдруг стало интересно, что бы подумал об этих анекдотах его преподобие отец Ловой из методистской церкви?

Шел уже девятый час, и мы начали вторую партию в скрэббл, но вдруг Тампер на веранде залаял, а спустя несколько секунд раздался стук в дверь.

— Я открою,— сказал мистер Сирс. Он отворил дверь жилистому мужчине с грубым морщинистым лицом в джинсах и рубашке в красную клеточку.

— Здорово, Донни,— приветствовал его мистер Сирс.— Ну, заходи, заходи, дружище!

Миссис Сирс пристально посмотрела на мужа и на мужчину, которого звали Донни. Я заметил, как напряглось ее лицо.

Донни вполголоса сказал что-то мистеру Сирсу, а тот потом обратился ко всем нам:

— Мы с Донни немножко посидим на веранде и поговорим, а вы можете продолжать игру.

— Но, дорогой! — Миссис Сирс изобразила на своем лице кривую улыбку.— Мне ведь нужен напарник!

Сетчатая дверь за его спиной закрылась.

Миссис Сирс долго сидела, глядя на закрытую дверь. Улыбка сползла с ее лица.

— Мамочка,— сказал Бен.— Твоя очередь.

— Хорошо.

Она попыталась сосредоточиться на игре. Было видно, что она изо всех сил старается это сделать, насколько могла, но взгляд ее снова и снова возвращался к двери. Там снаружи, на веранде, сидели на раскладных стульях мистер Сирс и мужчина по имени Донни. Разговор у них, по видимому, был обстоятельный и серьезный.

— Хорошо,— повторила мама Бена.— Теперь дайте мне минуточку подумать.

Прошло уже больше минуты. В некотором отдалении залаяла собака, потом еще две. Вот и Тампер вступил в общий хор. Миссис Сирс все еще пребывала в глубоком раздумье, когда дверь вдруг настежь распахнулась.

— Эй, Лизбет! Бен! Выходите, быстрее!

— Что такое, Сим? Что...

— Да просто быстрее сюда! — проревел он, и, конечно, мы все выскочили из-за стола, чтобы посмотреть, в чем дело.

Донни стоял во дворе, глядя на запад. Соседские собаки исходили неистовым лаем. В окнах домов зажигались огни, люди выходили посмотреть, из-за чего такой переполох. Мистер Сирс указал туда, куда смотрел Донни:

— Вы видели когда-нибудь раньше нечто подобное?

Я поднял глаза к небу. То же сделал и Бен, и я услышал, как он чуть не задохнулся, будто ему крепко дали под дых.

С ночного неба, словно сойдя со звездного полога над нашими головами, спускался сияющий, раскаленный докрасна предмет, озаряя темноту багровыми огненными стрелами, оставляя за собой дымный след.

В это мгновение сердце мое чуть не разорвалось. Бен сделал шаг назад и наверняка упал бы, если бы не натолкнулся на бедро матери. Своим бешено стучащим сердцем я чувствовал, что сейчас по всему Зефиру дети, кото-

рые были сегодня днем на сеансе в кинотеатре «Лирик», точно так же задирают головы вверх и смотрят на небо, ощущая, как их охватывает панический ужас.

Я чуть было не намочил штаны. Каким-то образом мне удавалось сдерживаться, но угроза еще не миновала.

Бен зарыдал. Он издавал невнятные звуки и хрипел сквозь слезы:

— Это... это... это!

— Комета! — закричал мистер Сирс. — Смотрите, как она падает!

Донни хмыкнул и сунул зубочистку в угол рта. Я взглянул на него и в свете ламп веранды увидел его грязные ногти.

Комета падала по длинной неторопливой спирали, оставляя за собой искрящиеся ленты. Она двигалась совершенно бесшумно, но люди кричали, призывая друг друга смотреть на небо, а собаки подняли такой вой, что от этих звуков мог задрожать позвоночник.

— Упадет где-то между нами и Юнион-Тауном, — предположил Донни. Его голова склонилась набок, лицо было угрюмым, а темные волосы скользкими от бриллиантина. — Падает-то как, сукин сын!

Между Зефиром и Юнион-Тауном простиралось восемь миль холмов, лесов и болот, через которые текла река Текумсе. «Это все станет территорией марсиан, если произойдет вторжение», — подумал я и почувствовал, что мои мозги гудят, как испорченная пожарная сигнализация. Я взглянул на Бена: его глаза, казалось, вылезали из орбит от распиравшего его изнутри страха. Единственное, о чем я мог думать, глядя на огненный шар в небе, — о голове в виде стеклянной чаши со щупальцами и безмятежно-порочным лицом, слегка похожим на азиатское. Я едва мог стоять — настолько ослабели ноги.

— Эй, Сим? — Донни говорил низким и тягучим голосом, к тому же продолжал жевать зубочистку. — Как насчет того, чтобы отыскать эту хреновину? — Он повернулся к мистеру Сирсу. Нос Донни был плоским, словно его когда-то расплющили огромным кулаком. — Что скажешь на это, Сим?

— Ага! — ответил он. — Отлично, поохотимся за ней! Найдем место, где она свалится!

— Нет, Сим! — воскликнула миссис Сирс. В ее голосе ощутимо слышалась мольба. — Останься сегодня со мной и с мальчиками!

— Это же комета, Лизбет! — объяснил он, ухмыльнувшись. — Часто ли тебе приходилось охотиться за кометами?

— Пожалуйста, Сим! — Она схватила его за предплечье. — Останься с нами. Хорошо? — Я видел, как сжались ее пальцы.

— Она вот-вот опустится на землю. — Донни продолжал жевать зубочистку, отчего на его щеках двигались желваки. — Мы теряем время...

— Да! Медлить больше нельзя, Лизбет! — Мистер Сирс убрал ее руку. — Я только возьму куртку!

Он взбежал по ступенькам, затем через веранду в дом. Не успела дверь захлопнуться, как Бен побежал вслед за отцом.

Мистер Сирс направился в спальню, которую они делили с женой, открыл шкаф, взял коричневую поплиновую куртку и надел ее. Потом дотянулся до самой верхней полки шкафа и стал искать что-то на ощупь под красным одеялом. Когда мистер Сирс вытащил оттуда руку, Бен вошел в комнату и успел заметить блеск металла.

Бен прекрасно понял, что это было. Он знал, для чего это предназначалось.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

— Папа! — позвал он. — Пожалуйста, останься дома.

— Эх, парень! — Отец обернулся к нему и усмехнулся, а потом засунул металлический предмет в карман и застегнул куртку на молнию. — Я собираюсь вместе с мистером Блэйлоком посмотреть, куда упадет эта комета. Я скоро вернусь.

Бен встал в дверном проходе, отгородив отца от внешнего мира. Глаза мальчика были мокрыми и испуганными.

— Могу я пойти вместе с тобой?

— Нет, Бен. Не в этот раз. Мне надо спешить...

— Разреши мне пойти с тобой, папа. Ладно? Я не буду мешать. Хорошо?

— Нет, сынок. — Мистер Сирс опустил руку на плечо Бена. — Ты должен остаться здесь вместе с мамой и Кори. — И хотя Бен продолжал упорствовать, загораживая ему дорогу, отец отодвинул его в сторону. — Ну, будь же хорошим мальчиком.

Бен сделал еще одну попытку задержать отца. Он схватил его за пальцы и попытался остановить.

— Не ходи, папочка! — закричал он. — Не ходи! Ну, пожалуйста, не ходи!

— Бен, не води себя как малое дитя. Дай мне пройти, сынок...

— Нет, — настаивал на своем Бен. По его пухлым щекам текли слезы. — Не дам...

— Я только посмотрю, где упадет комета. Я отлучусь ненадолго.

— Если ты уйдешь... если ты сейчас уйдешь, — горло Бена сдавило от избытка эмоций, поэтому он с трудом выдавливал из себя слова, — то вернешься *измененным*...

— Идем же, Сим! — закричал с веранды Донни Блэйлок.

— Послушай, Бен,— строго сказал мистер Сирс.— Я иду с мистером Бэйлоком. Веди себя как мужчина.— Он высвободил свои пальцы, а Бен так и стоял, глядя на отца с отчаянием и страхом в глазах. Тот провел рукой по стриженным волосам сына.— Я принесу тебе от нее ку-сочек, хорошо, тигренок?

— Не ходи,— выдавил из себя рыдающий «тигр».

Отец повернулся к нему спиной и направился к двери, за которой его ждал Донни Бэйлок. Я по-прежнему стоял вместе с миссис Сирс во дворе и наблюдал за последними секундами полета огненного шара. Миссис Сирс сказала:

— Сим? Не делай этого.

Однако голос ее оказался таким слабым, что его по-просту не заметили. Мистер Сирс ничего не сказал жене, а направился вслед за своим приятелем к темно-синему «шевроле», припаркованному у обочины. С антенны свисала какая-то красная поролоновая пластина, а вся правая задняя часть машины была сильно помята. Донни Бэйлок проскользнул за руль, а мистер Сирс разместился с ним рядом. «Шевроле» завелся со звуком, похожим на пушечный выстрел, выпустив при этом густой черный выхлоп. Когда машина тронулась с места, я услышал смех мистера Сирса: наверно, он только что рассказал очередной анекдот про священников. Донни Бэйлок, похоже, вовсе давил на газ: шины отчаянно визжали, когда машина пронеслась по Дирман-стрит.

Потом я снова взглянул на запад и увидел, как пылающий предмет исчез где-то за лесистыми холмами. Его сияние пульсировало в темноте, словно ритмично сокращавшееся сердце. Комета падала на землю в каком-то диком и глухом месте. Песка в окрестностях и в помине не

было. Я подумал, что марсианам предстоит тяжелая работа — продаться через толщу глины и заросли трав.

Я услышал, как хлопнула дверь, повернулся и увидел Бена, стоящего на веранде. Он вытер глаза тыльной стороной ладони и уставился на Дирман-стрит, словно мог проследить за движением «шевроле», но к тому времени машина уже свернула направо, на Шентак-стрит, и исчезла из виду.

Где-то вдалеке, возможно в Братоне, продолжали лаять собаки. Миссис Сирс испустила слабый продолжительный вздох, а потом обернулась к нам с Беном.

— Пойдемте в дом,— проговорила она.

Глаза Бена были все еще опухшими от слез, но он уже не плакал. Казалось, у всех пропало желание заканчивать партию в скрэббл. Миссис Сирс снова обратилась к нам:

— Почему бы вам не поиграть в твоей комнате, Бен?

Он задумчиво кивнул. Глаза его остекленели, словно он только что получил сильный удар по голове. Миссис Сирс прошла на кухню и включила воду. В комнате Бена я уселся прямо на пол и стал разглядывать вкладыши с картинками о Гражданской войне, а Бен застыл у окна.

Я знал, что он страдает. Прежде я никогда еще не видел его таким, и мне следовало его успокоить.

— Не волнуйся,— сказал я Бену.— Это не марсиане. Просто метеорит, вот и все.

Он не ответил.

— Метеорит — это всего лишь большой раскаленный камень,— продолжал я.— Внутри его нет никаких марсиан.

Бен хранил молчание. Его все еще одолевали тяжкие мысли.

— Ствоим отцом все будет в порядке,— продолжал я успокаивать Бена.

Бен заговорил. В голосе его звучало какое-то жуткое спокойствие:

— Он вернется измененным.

— Нет. Слушай... это ведь всего лишь кино. Выдумка и не более того.— Я подумал, что говорю так, потому что и сам пытаюсь избавиться от чего-то в своей душе, и это казалось одновременно болезненным и приятным.— Слушай, ведь на самом деле не бывает такой машины, которая вырезала бы знаки на затылке у людей, нет и никакой огромной марсианской головы в виде стеклянной чаши. Все это выдумка тех, кто снимал фильм. Не нужно этого бояться. Понимаешь?

— Он вернется измененным,— упрямо повторил Бен.

Я всячески пытался убедить его в своей правоте, но ничто из сказанного мною не могло заставить его поверить мне. Миссис Сирс вошла в комнату, ее глаза тоже казались опухшими, как и у Бена. Однако ей удалось изобразить на лице бодрую улыбку, которая бритвой резанула по моему сердцу. Она сказала:

— Кори? Не хочешь ли ты первым принять ванну?

Мистер Сирс так и не появился дома к десяти часам, когда его жена выключила свет в комнате Бена. Я лежал рядом с Беном под хрустящей белоснежной простыней и прислушивался к звукам ночи. Собаки то тут, то там еще гавкали что-то друг другу, и всякий раз Тампер отзывался на это ворчанием.

— Бен,— прошептал я.— Ты не спишь? — Он ничего не ответил, но по его дыханию я понял, что он не спал.— Не волнуйся,— сказал я.— Ладно?

Он перевернулся на живот и уткнулся лицом в подушку.

Наконец меня понесло по волнам сна. Удивительно, но мой сон не был связан ни с марсианами, ни с иксообразными ранами на затылках. Во сне мой отец плыл к тонущему автомобилю, и когда его голова погрузилась под воду, она уже больше не всплыла на поверхность. Я стоял на красном утесе и звал его, пока Лэйни не подошла ко мне, словно белый туман, и не вложила мою руку в свою влажную ладонь. И когда она повела меня прочь от озера, я услышал, как где-то вдали меня звала мама, а на лесной опушке стояла фигура в длинном пальто, полы которого развевались на ветру.

Меня разбудил резкий толчок.

Я открыл глаза, мое сердце бешено колотилось. Что-то разбилось, и звук этот застрял в моей голове. Огни еще не горели, по-прежнему царствовала ночь. Я протянул руку и дотронулся до Бена. Он резко втянул воздух, словно мое прикосновение до смерти напугало его. Я услышал гудение двигателя, выглянул в окно на Дирман-стрит и увидел задние огни отъезжающего «шевроле» Донни Бэйлока.

Дверь на веранду, догадался я. Меня разбудил стук сетчатой двери.

— Бен! — позвал я хриплым со сна голосом. — Твой папа пришел домой!

Что-то грохнуло у входной двери. Мне показалось, что весь дом задрожал.

— Сим? — Это был визгливый голос миссис Сирс. — Сим?

Я выскользнул из кровати, но Бен по-прежнему лежал. Думаю, он просто смотрел в потолок. Я прошел в тем-

ноте по коридору, доски пола скрипели под моими ногами. В темноте я наткнулся на миссис Сирс, которая стояла как раз там, где коридор выходил в гостиную. Света нигде не было.

Я услышал ужасное хриплое дыхание.

Это был звук, который, как я подумал, могли издавать марсиане, если бы их инопланетные легкие втягивали земной воздух.

— Сим? — спросила миссис Сирс. — Я здесь...

— Здесь? — ответил хриловатый голос. — Здесь... мать твою... прямо здесь...

Это был голос мистера Сирса, но он несколько отличался от его обычного голоса. Он был какой-то измененный. В нем не чувствовалось ни юмора, ни веселья, как бывало, когда он рассказывал свои любимые анекдоты про священников. Сейчас он был тяжелым, как рок, и столь же страшным.

— Сим, сейчас я включу свет...

Щелк.

И вот он появился из темноты.

Мистер Сирс стоял на полу на четвереньках, склонив голову так, что одна его щека прижималась к коврику. Его лицо казалось обрюзгшим и мокрым, глаза провалились куда-то в мясистые складки. Правое плечо на куртке было запачкано землей, грязь была и на джинсах, словно он много раз падал в лесу. Он щурился от света, серебристая нитка слюны свисала с нижней губы.

— Где она? — спросил он. — Ты ее видишь?

— Она... возле твоей правой руки...

Он пошарил левой рукой по полу.

— Проклятая лгунья!

— У другой руки, Сим,— устало сказала миссис Сирс. Его правая рука двинулась в сторону лежавшего рядом металлического предмета. Это оказалась фляга с виски, которую он нащупал и пододвинул к себе поближе.

Мистер Сирс поднялся на колени и посмотрел на жену. Лицо его приобрело свирепое выражение, став на мгновение даже уродливым.

— Только не надо меня поучать,— сказал он.— Не смей открывать этот дерзкий губастый рот.

Я отступил назад, в коридор. Передо мной предстал монстр, выползающий из своей прежней кожи.

Мистер Сирс попытался подняться на ноги. Он схватился за стол, на котором все еще лежали кубики для игры в скрэббл, и они рассыпались по полу, образовав мешанину гласных и согласных. Потом ему все-таки удалось встать, отвинтить колпачок фляги и приложиться к горлышку.

— Ступай в кровать, Сим,— сказала миссис Сирс. Она сказала это достаточно мягко, словно знала наперед, что за этим последует.

— Ступай в кровать! — грубо передразнил он.— Ступай в кровать! — Его губы скривились.— Я не хочу в кровать, ты, толстожопая корова!

Миссис Сирс задрожала, словно ее хлестнули кнутом, закрывая рот рукой.

— О... Сим,— душераздирающе простонала она.

Я еще немного отступил назад. А потом мимо меня прошел Бен в желтой пижаме. Лицо его было лишено всякого выражения, но на щеках блестели засохшие струйки слез.

Есть вещи похуже, чем фильмы о чудовищах. Это когда ужасы сходят с экрана или со страниц книг и при-

ходят к тебе в дом, все переворачивая вверх дном, искажая злобной гримасой лицо любимого человека. Я был уверен, что в тот момент Бен скорее был бы рад взглянуть на марсианина с головой в виде стеклянной чаши, протягивающего к нему свои щупальца, чем смотреть в покрасневшие от пьянства глаза отца.

— А-а, Бенни, мальчик! — сказал мистер Сирс. Он пошатнулся и схватился за спинку стула. — Ха, ты знаешь, что с тобой произошло? Знаешь что? Твоя лучшая часть так и осталась в том рваном презервативе, вот что случилось!

Бен замер рядом с матерью. Какие бы чувства ни терзали его внутри, на лице их не было видно. Он наверняка предвидел, что именно это и должно случиться, догадался я. Бен отлично знал, что если его отец отправляется куда-нибудь с Донни Блэйлоком, он всегда приходит домой измененным, но отнюдь не марсианами, а каким-нибудь самодельным пойлом.

— Вы оба классно смотрите. Только взгляните на себя. — Мистер Сирс сделал попытку завинтить колпачок флаги, но ему не удалось даже приложить его к нужному месту. — Стоите там, открыв ваши наглые рты. И ты находишь это забавным, мой мальчик?

— Нет, сэр.

— Да, ты находишь это забавным! Ждешь не дождешься, когда можно будет посмеяться надо мной и рассказать всем, разве не так? А где этот мальчишка Маккенсонов? Эй! — Он заметил, что я стою в коридоре, и меня всего передернуло. — Можешь сказать этому проклятому молочнику, своему отцу, пусть отправляется прямиком в ад, к чертям собачьим. Слышишь меня?

Я кивнул, и он больше ко мне не приставал. На самом деле все это говорил вовсе не мистер Сирс, а некто гру-

бый и кровожадный внутри его, выпускаемый на волю содержимым его фляги, давивший и мучивший его душу до тех пор, пока ее голос не начинал молить об освобождении.

— Что ты там сказала? — Он пристально посмотрел на миссис Сирс, его веки набухли и отяжелели. — Что ты сказала?

— Я... я ничего не говорила.

Он бросился на нее как разъяренный бык. Миссис Сирс закричала и отступила назад, но он схватил ее одной рукой за полы халата, отведя другую руку с флягой назад, словно собирался ударить ее по лицу.

— Нет, *сказала!* — закричал он. — И не смей мне перечить!

— Папочка, нет! — взмолился Бен и, обхватив обеими руками отца за пояс, повис на нем. Так все и застыло, словно в остановившемся кадре: мистер Сирс вот-вот ударит свою жену, я, потрясенный, стою в коридоре, Бен держит отца за ноги.

Губы миссис Сирс задрожали. Она заговорила, словно не замечая флягу, готовую обрушиться на ее голову:

— Я... сказала... что мы оба любим тебя и... хотим, чтобы ты был счастлив. Вот и все. — Стоявшие в ее глазах слезы тонкими струйками потекли по щекам. — Просто счастлив.

Он ничего не сказал. Глаза его закрылись, а потом он с явным усилием открыл их.

— Счастлив, — прошептал он. Теперь зарыдал Бен, уткнувшись лицом в бедро отца. Костяшки пальцев мальчика побелели от напряжения. Мистер Сирс опустил флягу и разжал руку, сжимавшую халат жены. — Счастлив. Вот видишь, я счастлив. Посмотри, как я улыбаюсь...

Лицо его при этом не изменилось.

Он стоял, тяжело и прерывисто дыша, рука с зажатой в ней флягой бессильно повисла. Сначала он повернулся в одну сторону, потом в другую, но, казалось, так и не смог решить, куда направиться.

— Почему бы тебе не сесть, Сим? — спросила миссис Сирс. Она хлопнула носом, вытерла его носовым платком. — Хочешь, я помогу тебе?

— Да... Помоги, — кивнул он.

Бен отпустил его, а миссис Сирс повела мужа к стулу. Мистер Сирс бессильно плюхнулся на него, словно был не человеком, а огромным ворохом грязного белья. Он смотрел на противоположную стену, рот его приоткрылся. Она пододвинула другой стул и села рядом с мужем. Было ощущение, что в комнате только что прошла гроза. Буря могла еще вернуться в какую-то другую ночь, но сейчас она ушла.

— Мне кажется, — он остановился, словно забыл, что хотел сказать, и несколько раз моргнул, отыскивая нужные слова. — Мне кажется, я веду себя не очень хорошо, — наконец проговорил он.

Миссис Сирс осторожно положила себе на плечо его голову. Он крепко зажмурил глаза, грудь его приподнялась, и он заплакал, а я вышел из дома прямо в холодную ночь в одной пижаме: мне было очень тяжело оказаться свидетелем их боли, ощущая себя чужаком. Я уселся на ступеньках веранды. Тампер пристроился рядом, а потом лизнул мою руку. У меня возникло ощущение, что я очень далеко от дома.

Бен все знал заранее. Ему наверняка понадобилось немалое мужество, чтобы обманывать меня, притворяясь спящим. Он знал это, когда далеко за полночь хлопнула

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

входная дверь и захватчик в обличье его отца вошел в дом. Наверно, это знание и мучительное ожидание заставляли Бена невыносимо страдать.

Через некоторое время Бен тоже вышел на крыльцо и уселся рядом со мной на ступеньках. Он спросил, все ли у меня в порядке, и я ответил, что да. Я спросил его, все ли в порядке у него, и он ответил утвердительно. Я поверил ему. Он научился жить с этим, и хотя это было ужасно, он справлялся, как мог.

— У папы бывают такие периоды, — объяснил Бен. — Иногда он говорит очень плохие вещи, но ничего не может с собой поделать.

Я кивнул.

— Когда он говорил о твоём отце, он так не думал. Ты не должен ненавидеть его, слышишь?

— Я не виню его.

— Ты ведь не ненавидишь меня?

— Нет, — ответил я ему. — Я никого не ненавижу.

— Ты и правда хороший друг, — сказал Бен и обнял меня.

Вышла миссис Сирс, она принесла нам красное шерстяное одеяло. Мы сидели и смотрели, как на небе медленно двигались своим путем звезды, слушали щебетание птиц, предвестников утра.

За завтраком у нас была горячая овсянка и булочки с черникой. Миссис Сирс сказала, что мистер Сирс еще спит и, вероятно, проспит большую часть дня, и спросила, не смогу ли я сказать своей маме, чтобы она позвонила ей, чтобы обо всем поговорить. Одевшись и упаковав в ранец свои вещи, я поблагодарил миссис Сирс за радушный прием, а Бен сказал, что завтра встретится со мной в шко-

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

ле. Он проводил меня до велосипеда, и мы поболтали немало о нашей бейсбольной команде младшей лиги, которая скоро должна была участвовать в соревнованиях, как всегда бывало в это время года.

Никогда больше мы не вспоминали в разговорах между собой тот фильм о марсианах, замышлявших покорить Землю город за городом, семью за семьей. Ведь мы оба уже сталкивались с захватчиком лицом к лицу.

Было воскресное утро. Я ехал домой, а когда оглядывался на тупик в конце Дирман-стрит, видел, что мой друг все еще стоит там и машет мне рукой.

Глава 4

ОСЫ НА ПАСХУ

Как выяснилось, при падении из космического пространства метеорит должен был сгореть почти без остатка. Там, куда он упал, сосны занялись огнем, но к вечеру в воскресенье пошел дождь, и огонь быстро погас. В понедельник утром, когда в школе прозвенел звонок, все еще шел дождь, который не прекращался в течение всего этого серого дня. В следующее воскресенье ожидалась Пасха. Мама высказала надежду, что дождь, вопреки прогнозу синоптиков, не испортит праздничного пасхального шествия, которое обычно устраивалось на Мерчантс-стрит.

Рано утром в пятницу Страстной недели, часов в шесть, в Зефире обычно происходил парад несколько иного свойства. Он начинался в Братоне возле маленького каркасного дома, выкрашенного в пурпурный, а также во всевозможные оттенки оранжевого, красного и золотистого цветов. От этого дома отправлялась в путь процессия, состоявшая обычно из негров-мужчин в черных костюмах и белых рубашках с галстуками, сопровождаемая женщинами и детьми в темных одеяниях, которые шли в хвосте колонны. Двое мужчин несли барабаны и отбивали на них медленный равномерный ритм в такт своим

шагам. В полном молчании процессия, перейдя через железнодорожные пути, направлялась к центру города по Мерчантс-стрит. С тех пор как это стало регулярным событием в Страстную пятницу, многие белые жители Зефира выходили на улицу, чтобы постоять на тротуаре и понаблюдать за происходящим. Моя мама была одной из таких любопытствующих, а папа, как правило, в это время был на работе. Я обычно тоже ходил с мамой, потому что меня, как и всех остальных, захватывало происходящее.

Трое негров, возглавлявших процессию, несли в руках дерюжные мешки. Вокруг их шей, свисая поверх галстуков, болтались ожерелья из янтарных бусин, куриных костей и раковин речных моллюсков. На этот раз в Страстную пятницу моросил противный дождь, однако участники негритянского парада шли по мокрым улицам без зонтиков. Они шествовали молча, не отвечая людям, стоявшим на тротуарах и имевшим смелость заговорить с ними. Посреди процессии я увидел мистера Лайтфута. Хотя он знал в нашем городе всех белых, мистер Лайтфут не смотрел ни вправо, ни влево; он глядел строго в затылок мужчины, шедшего перед ним. Маркус Лайтфут, внесший неоценимый вклад в дело сближения общин Братона и Зефира, был мастером на все руки: он мог починить любую вещь, изобретенную человеком, правда, работал очень медленно. Я узнал мистера Денниса, сторожа начальной школы. Увидел миссис Велвадайн, что работала на кухне при нашей церкви, и узнал миссис Перл из пекарни на Мерчантс-стрит, обычно такую смешливую и веселую. Впрочем, сегодня она была воплощением серьезности и строгости, ее голова была прикрыта от дождя прозрачной шапочкой.

В самом хвосте процессии, позади женщин и детей, шел высокий худой мужчина, одетый в смокинг и цилиндр. Он нес маленький барабан и рукой в черной перчатке бил в него, задавая ритм всей процессии. Именно для того, чтобы посмотреть на этого мужчину и его жену, многие и вышли из дома в это прохладное дождливое утро. Его жена должна была появиться позднее. А пока он шел один с потупленным взором.

Мы называли его Человек-Луна, а настоящего имени не знал никто. Он был очень стар, но насколько стар, сказать было невозможно. Этого человека и его жену очень редко можно было увидеть за пределами Братона, разве что на этой церемонии. То ли он имел врожденное уродство, то ли какая-то кожная болезнь сделала бледно-желтой половину его вытянутого узкого лица, тогда как другая половина оставалась черной как смоль. Обе половины сходились на лбу, переносице и подбородке, заросшем седой бородой, создавая контраст разноцветных пятен. Человек-Луна, человек-загадка, носил по паре часов на каждом запястье, а на его шее висело на цепочке позолоченное распятие размером с приличный окорок. Мы полагали, что он был официальным распорядителем шествия и одновременно кем-то вроде королевской персоны.

Процессия шаг за шагом продвигалась через Зефир к мосту с горгульями через реку Текумсе. Длилось шествие достаточно долго, но ради такого зрелища можно было и опоздать в школу, так что в Страстную пятницу уроки обычно начинались не раньше десяти.

Трое негров с дерюжными мешками дошли до середины моста и застыли там, неподвижные, словно черные статуи. Остальная часть процессии подошла к ним почти вплотную, но так, чтобы не перегораживать проезд через

мост, хотя шериф Эмори и выставил вдоль всего хода шествия козлы для пилаки дров с мигающими огнями.

В этот момент по Мерчантс-стрит из Братона, по тому же маршруту, что и процессия, медленно проехал «понт-иак боневиль», украшенный от капота до багажника мерцающим горным хрусталем. Когда «понт-иак» достиг середины моста с горгульями, из машины вышел водитель и отворил заднюю дверцу, а Человек-Луна подал руку своей супруге, помогая выбраться из машины.

Прибыла Леди.

Выглядела она худой словно тень и почти такой же черной. У нее были роскошные пушистые седые волосы, по-королевски длинная шея, хрупкие, но прямые плечи, морщинистые руки. На ней не было нарядов диковинного цвета и фасона — лишь простое черное платье с серебристым поясом, на ногах белые туфли, а на голове белая шляпка с вуалью, без полей и с плоским доньшком. Белые перчатки доходили почти до худых локтей. Когда Человек-Луна помог ей выйти из машины, шофер раскрыл зонтик и поднял над ее царственной головой.

Говорили, что Леди исполнилось сто шесть лет, значит, родилась она в 1858 году. Моя мама говорила, что Леди была когда-то рабыней в Луизиане, а перед началом Гражданской войны вместе со своей матерью бежала в болота. Она выросла в колонии для прокаженных, беглых преступников и рабов в дельте Миссисипи под Новым Орлеаном и там же получила все образование, которое имела.

Леди была королевой, и королевством ее был Братон. Насколько мне было известно, никто за пределами Братона, как и внутри его, не знал ее под другим именем, кроме «Леди». Оно шло ей, а сама она была воплощением элегантности.

Кто-то вручил Леди колокольчик. Она взглянула вниз, на неторопливо текущую бурюю речку, и стала медлен-но раскачивать колокольчик из стороны в сторону.

Я знал, что она делала. Моя мама тоже знала. Все, кто наблюдал за этим зрелищем, знали.

Леди вызывала чудовище, обитающее на илистом дне реки.

К тому времени я ни разу не видел это чудовище, которое называли Старым Мозесом. Однажды, когда мне было всего девять лет, мне показалось, что я слышал, как после сильного ливня, когда воздух казался столь же густым, как вода, Старый Мозес кого-то звал. Это был гул, похожий на низкий бас церковного органа, столь низкий, что, казалось, кости начинают ощущать его раньше, чем уши. Звук этот постепенно превратился в хриплый рев, который свел с ума всех городских псов, а потом смолк. Все это длилось не более пяти-шести секунд. На следующий день об этом происшествии только и говорили в школе. Свисток паровоза — таково было мнение Бена и Дэви Рэя. Джонни не сказал, что он думает по этому поводу. Мои родители решили, что это наверняка был гудок проходившего поезда, но, как стало потом известно, дождь размыл целую секцию железнодорожных путей в двадцати милях от Зефира, поэтому в те дни не ходил даже товарный поезд до Бирмингема.

Подобные случаи вызывают изумление.

Однажды под мост с горгульями вынесло изуродованный труп коровы. Без головы и кишок, как поведал моему отцу мистер Доллар, когда мы пришли к нему в парикмахерскую обработать свои скальпы. Двое мужчин, ловившие раков на берегу реки на окраине Зефира, разнесли по городу слух, будто по течению проплывал труп

человека: грудь его была вскрыта, словно банка с сардинами, а руки и ноги отсутствовали — однако труп этот так и не нашли. Как-то в октябрьскую ночь что-то ударило по находящейся под водой свае моста с горгульями, да так сильно, что оставило трещины на опорных колоннах, которые пришлось заливать бетоном. «Огромный ствол дерева» — такое официальное разъяснение по этому поводу дал мэр Своуп в «Журнале», издававшемся в Адамс Вэлли.

Леди зазвонила в колокольчик, ее руки работали как метроном. Она начала заклинять и петь на удивление чистым и громким голосом. Заклинания произносились на каком-то африканском наречии, которое я понимал в той же мере, в какой разбирался в атомной физике. Потом Леди ненадолго замерла, слегка склонив голову набок, как будто приглядываясь и прислушиваясь к чему-то внизу в реке, а затем снова стала позвякивать колокольчиком. Она ни разу не произнесла: «Старый Мозес», говорила только: «Дамбалла, Дамбалла, Дамбалла», а потом ее голос вновь взлетел в небеса в африканском песнопении.

Наконец Леди перестала звонить в колокольчик и опустила его. Затем кивнула, и Человек-Луна принял от нее колокольчик. Она не отрываясь смотрела на реку, и я не мог понять, что она там видела. Потом Леди отступила назад, и трое мужчин с дерюжными мешками встали у края моста с горгульями. Они развязали мешки и вытащили оттуда какие-то предметы, завернутые в бумагу из мясной лавки и перевязанные тесемками. Некоторые свертки были насквозь пропитаны кровью — чувствовался отдающий медью запах свежего мяса. Мужчины принялись разворачивать кровавые подношения: в бурлящие ко-

ричневые воды Текумсе посыпались куски мяса, грудинка, бычьи ребра. В реку полетел цельный обшипанный цыпленок, а вслед за ним из пластиковой коробки выскользнули куриные потроха. Из зеленой миски фирмы «Таппервер» посыпались телячьи мозги, из мокрых пакетов были выброшены красные бычьи почки и печень. Была открыта бутыл с маринованными пороссячими ножками, и содержимое ее плюхнулось в воду. Вслед за ножками полетели свиные рыльца и уши. Последним в реку бросили бычье сердце, крупнее борцовского кулака. Оно погрузилось в воду с таким всплеском, словно было огромным красным камнем. Потом трое мужчин свернули мешки, и Леди подошла к краю моста, стараясь не ступать в струившиеся под ногами ручейки крови.

Мне пришло в голову, что во многих семьях обед только что плавно перешел в пьянку.

«Дамбалла, Дамбалла, Дамбалла!» — вновь запела Леди. Затем неподвижно постояла четыре или пять минут, наблюдая за рекой, текущей вниз. Потом глубоко вздохнула, повернулась к своему «понтиаку», и я на мгновение увидел за вуалью ее лицо. Она хмурилась: что бы она там ни увидела в реке или, наоборот, не смогла увидеть, это ее явно не радовало. Леди села в машину, за ней последовал Человек-Луна, водитель закрыл за ними дверцу и скользнул за руль. «Понтиак» немного проехал задом к месту, где можно было развернуться, и двинулся в сторону Братона. Процессия отправилась в обратный путь по тому же маршруту, что и пришла. Обычно в это время уже звучал смех, начинались оживленные разговоры, но на этот раз участники шествия не заговаривали с бледнолицыми зеваками на протяжении всего пути. В эту Страстную пят-

нишу Леди явно была не в духе, и никому не хотелось смеяться.

Я, конечно же, как и все горожане, знал, в чем была суть этого ритуала. Леди устраивала Старому Мозесу ежегодный банкет. Когда это началось, мне было неизвестно: наверняка задолго до моего рождения. Можно было, конечно, присоединиться к мнению священника свободной баптистской церкви преподобного Блессета: мол, это какой-то языческий обряд, которому покровительствует Сатана, и его надо объявить вне закона и запретить указом мэра и городского совета, однако и многие белые в городе верили в Старого Мозеса, не обращая внимания на филиппики святого отца. Люди считали этот обряд чем-то вроде ношения кроличьей лапки или кидания соли через плечо, если вы ее просыпали, что составляло неотъемлемую часть их жизненного уклада: мол, такие вещи надо на всякий случай делать, хотя бы потому, что пути Господни гораздо более неисповедимы, чем это доступно пониманию приверженцев христианства.

На следующий день дождь усилился, над Зефиром разразилась гроза. Пасхальный парад на Мерчантс-стрит пришлось отменить к великому неудовольствию Совета по искусствам и Клуба коммерсантов. Мистер Вандеркамп-младший, семья которого владела магазином кормов и скобяных изделий, последние шесть лет переодевался в костюм Пасхального Кролика и ехал в самом хвосте процессии. Он унаследовал эту роль от мистера Вандеркампа-старшего, который стал уже слишком стар, чтобы скакать, подобно кролику. Зарядивший на эту Пасху дождь рассеял все мои надежды поймать лакомые пасхальные яйца, которые кидали из машин торговцы и их домочадцы, леди из «Саншайн-клуба» не смогли продемонстрировать

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

всем свои новые пасхальные наряды, мужей и детей, зефирские ветераны войны не смогли промаршировать под своими знаменами, а «возлюбленные конфедератки» — ученицы средней школы Адамс Вэлли — не смогли надеть свои кринолины и покрутить зонтиками от солнца.

Пасхальное утро в тот день было хмурым. Мы с папой дружно ворчали по поводу необходимости пригладить волосы, надеть накрахмаленные белые рубашки, костюмы и до блеска начищенные ботинки. Мама дала на наши брюзжания стандартный ответ, похожий на отцовское «верно, как дождь». Она сказала: «Это всего лишь на один день», — словно от этого тесный ворот рубашки и туго затянутый галстук могли стать более удобными.

Пасха считалась праздником семейным, потому мама позвонила дедушке Остину и бабушке Элис, а папа позвонил дедушке Джейберду и бабушке Саре. Мы должны были, как всегда на Пасху, собраться все вместе в зефирской Первой методистской церкви, чтобы выслушать проповедь о пустой гробнице.

Белое здание церкви находилось на Седарвайн-стрит между Боннер и Шентак-стрит. В тот день, когда мы остановили возле нее наш грузовичок-пикап, церковь как раз заполнялась прихожанами. Мы прошли через сырую дымку к свету, струившемуся через витражи церковных окон, наши начищенные ботинки по дороге пропитались влагой и утратили свой блеск. Люди сбрасывали плащи и закрывали зонтики около входной двери, под нависавшим карнизом. Это была старая церковь, ее возвели еще в 1939 году. Побелка в некоторых местах осыпалась, обнажив серые пятна. Обычно к Пасхе церковь приводили в порядок, однако в этом году дождь явно нанес кистям

и газонокосилке сокрушительное поражение, так что сорняки буквально оккупировали передний двор.

— Проходи, Красавица! Проходи, Цветочек! Будьте осторожнее, Лапша! Хорошего пасхального утра, Солнышко! — Это был доктор Лезандер, который исполнял роль распорядителя церковного празднества и выкрикивал приветствия. Насколько я знал, он не пропускал ни одного воскресенья. Доктор Франс Лезандер работал в Зефире ветеринаром — именно он в прошлом году вывел у Бунтаря глистов. Он был голландцем: папа рассказывал мне, что доктор приехал в наш город задолго до моего рождения, однако он и его жена Вероника по-прежнему говорили с заметным акцентом. Ему было сильно за пятьдесят — широкоплечий лысый мужчина с опрятной седой бородой. Доктор носил элегантный костюм-тройку, всегда с галстуком-бабочкой и алой гвоздикой в петлице. Ключам, входящим в церковь, он обращался по придуманным с ходу именам:

— Доброе утро, Персиковый Пирожок! — обратился он к моей улыбающейся маме.

Отцу он с силой пожал руку:

— Дождь для тебя достаточно силен, Буревестник?

А мне стиснул плечи и ухмыльнулся так, что от его переднего серебряного зуба отразился свет.

— Входи смелее, Необъезженный Конь!

— Слышал, как доктор Лезандер назвал меня? — спросил я у отца, когда мы очутились внутри церкви. — *Необъезженный Конь!* — Новое имя всякий раз становилось знаменательным событием.

В храме стоял туман, хотя на деревянном потолке крутились вентиляторы. Сестры Гласс дуэтом играли на пианино и на органе. Они вполне могли послужить ил-

люстрацией к слову «странный». Неидентичные близнецы, эти старые девы были похожи как отражения в слегка кривых зеркалах. Они обе были длинными и костлявыми: Соня с копной русых белесоватых волос, а Катарина с копной волос светлых с коричневатым оттенком. Обе носили очки в толстых черных оправах. Соня играла на пианино, но совершенно не умела играть на органе, а Катарина — наоборот. Сестрам Гласс, которые, казалось, постоянно ворчали друг на друга, но, как ни странно, жили при этом вместе в доме на Шентак-стрит, похожем на имбирный пряник, было, в зависимости от того, кого вы об этом спрашивали, пятьдесят восемь, шестьдесят два или шестьдесят пять лет. Странность их дополнялась еще и гардеробом: Соня носила только голубое во всех его оттенках, а Катарина была рабыней зеленого. Что порождало неизбежное: Соню мы, дети, звали мисс Гласс Голубая, ну а как называли Катарину... думаю, вы догадались. Однако, несмотря на все свои странности, играли они на удивление слаженно.

Церковные скамьи были почти заполнены. Помещение напоминало теплицу, в которой шляпки дам цвели экзотическими цветами. Только что вошедшие искали себе места, и еще один из распорядителей церемонии, седоусый мистер Хорас Кейлор, косивший на левый глаз, отчего, когда он смотрел на вас, мурашки бежали по коже, подошел к началу прохода, чтобы помочь нам.

— Том! Сюда! Боже мой, да ты что, слепой?

На всем белом свете только один человек мог вопить, как лось, в церкви.

Встав на цыпочки, он размахивал руками поверх круговорота шляп. Я почувствовал, как мама съезжилась, а папа обнял ее, словно для того, чтобы она не упала от сму-

щения. Дедушка Джейберд часто выкидывал какие-нибудь номера, о которых отец, думая, что я его не слышу, говорил: «Показывает всем свою задницу». Сегодняшний день не был исключением.

— Мы тут заняли вам места! — заорал дедушка, и из-за его крика сестры Гласс сбились: одна взяла диез, а другая бемоль. — Идите сюда, пока тут не уселся какой-нибудь наглец!

В том же ряду сидели дедушка Остин и бабушка Элис. Дедушка Остин надел по поводу праздника костюм из тонкой полосатой ткани, который выглядел так, словно от дождя разбух и увеличился вдвое; его морщинистая шея была стянута накрахмаленным белым воротничком и голубым галстуком-бабочкой, редкие седые волосы зачесаны назад, в глазах — страдание, деревянная нога выставлена под скамью перед ним. Он сидел рядом с дедушкой Джейбердом, что заставляло его нервничать еще больше: они ладили друг с другом, как кошка с собакой. Бабушка Элис, как обычно, выглядела олицетворением счастья. На ней была шляпка, украшенная на полях маленькими белыми цветочками, перчатки тоже были белыми, а зеленое платье имело оттенок морской воды, освещенной солнечным светом. Ее милое овальное лицо сияло в улыбке. Она сидела рядом с бабушкой Сарой, и они гармонировали друг с другом, как маргаритки в одном букете. Как раз в эту минуту бабушка Сара тянула дедушку Джейберда за полу пиджака от того черного костюма, который он надевал в солнечные дни и в непогоду, на Пасху и на похороны. Она пыталась усадить его на место и тем самым помешать ему и дальше направлять людские потоки. Он попросил людей в одном с ним ряду сдвинуться

поплотнее друг к другу, а потом вновь закричал на всю церковь:

— Здесь хватит места еще на двоих!

— Сядь, Джей! Сядь немедленно! — Бабушка Сара была вынуждена ущипнуть его за костлявую задницу, и тогда дедушка сердито взглянул на нее и уселся на свое место.

Родители и я кое-как протиснулись. Дедушка Остин сказал, обращаясь к папе:

— Рад видеть тебя, Том. — Последовало крепкое рукопожатие. — Да, правда, *видеть-то* я тебя и не могу.

Его очки запотели, он снял их и принялся протирать стекла носовым платком.

— Однако, скажу тебе, народу тут собралось, как не было еще ни на одну Пас...

— Да, народу как в борделе в день полочки, а, Том? — прервал его дедушка Джейберд. Бабушка Сара так сильно пихнула деда локтем под ребра, что клацнули его вставные зубы.

— Я надеюсь, ты позволишь мне закончить хоть одну фразу, — обратился к нему медленно багровеющий дедушка Остин. — Пока я сижу здесь, ты не дал мне еще и слова вымол...

— Мальчишка, ты отлично выглядишь! — прервал его дедушка Джейберд и, перегнувшись через дедушку Остина, похлопал меня по колену. — Ребекка, надеюсь, ты даешь ему достаточно мяса? Знаешь, растущим парням нужно мясо для мускулов!

— Ты что, не слышишь? — спросил его дедушка Остин, покрасневший как рак.

— Не слышу что? — переспросил его дедушка Джейберд.

— Прибавь громкость на слуховом аппарате, Джей,— сказала бабушка Сара.

— Что? — переспросил он ее.

— Громкость прибавь на аппарате! — закричала она ему, окончательно теряя терпение.— Прибавь громкость! Пасха обещала стать запоминающейся.

Дождь продолжал барабанить по крыше. Входявшие с улицы мокрые люди здоровались с уже сидевшими внутри. Дедушка Джейберд, над чьим худым и вытянутым лицом серебристым ежиком торчали коротко стриженные седые волосы, изъявил желание поговорить с отцом об убийстве, но папа покачал головой, давая понять, что не желает касаться этой темы. Бабушка Сара спросила меня, играл ли я уже в этом году в бейсбол, и я ответил, что да, уже играл. У бабули Сары было круглое доброе лицо, с полными щечками и бледно-голубыми глазами в сетке морщин, но я отлично знал, что дедушка Джейберд нередко доводит ее до белого каления своими выходками.

Из-за дождя все окна были плотно закрыты, и скоро в церкви стало нечем дышать. Вокруг царил сырость, пол был влажным, по стенам текло, над головой гудели вентиляторы, со стоном разгоняя густой воздух. Отовсюду доносились сотни разнообразных запахов: духи, лосьоны после бритья, средства для укрепления волос, сладчайший аромат цветов на шляпках и в петлицах пиджаков.

Появились певчие, все как один в пурпурных мантиях. Хор еще не закончил первое песнопение, а я уже обливался потом. Мы встали, чтобы спеть гимн, потом снова сели. Две весьма упитанные дамы — миссис Харджисон и миссис Пратмор — вышли к кафедре и рассказали о пожертвованиях в пользу беднейших семей Адамс Вэлли, после чего все снова поднялись, спели новый гимн и опять

дружно уселись. Голоса обоих моих дедушек напоминали лягушачий рев в болотной трясине.

Потом на кафедру поднялся пухлый, круглолицый преподобный Ричмонд Ловой и начал рассказывать нам о великом дне, ознаменованном воскрешением Христа из мертвых. Левая бровь преподобного Ловоя походила на запятую из пучка коричневых волосков, его виски были тронуты сединой, и каждое воскресенье его зачесанные назад и скрепленные лаком волосы рассыпались и соскальзывали на глаза каштановым потоком после проповедей, сопровождаемых энергичной жестикуляцией. Жену преподобного Ловоя звали Эстер, имена их троих детей были Мэтью, Люк и Джони.

Посреди проповеди, когда голос преподобного Ловоя обрел силу громов небесных, я внезапно понял, кто именно устроился на скамье прямо передо мной.

Демон.

Все знали, что эта девочка умела читать мысли. И в этот раз, как только до меня дошло, что она здесь, голова Демона начала поворачиваться ко мне. Она уставилась на меня своими черными глазами, взгляд которых вполне мог бы заморозить ведьму в самую темную полночь. Демона звали Бренда Сатли. Ей было десять лет от роду, у нее были огненно-рыжие прямые волосы и бледное лицо, усыпанное коричневыми веснушками. Ее густые брови были похожи на гусениц, а несимметричные черты наводили на мысль, что некто пытался сбить пламя с ее лица плоской стороной лопаты. Создавалось впечатление, что правый глаз Демона больше левого, нос напоминал клюв с двумя зияющими дырами, а ее тонкогубый рот, казалось, мог перемещаться с одной стороны лица на другую. С наследственностью не поспоришь: ее мать, имев-

шая огненно-рыжие волосы и коричневые усы, напоминала пожарный гидрант, а рыжебородый отец был худ, как жердь. Не удивительно, что, имея таких необычных рыжеволосых родителей, Бренда Сатли и сама была весьма странной особой.

Свое прозвище она получила, когда в один прекрасный день на уроке рисования изобразила родного отца с рогами и раздвоенным хвостом. После чего поведала учительнице рисования миссис Диксон и одноклассникам, что у ее папочки в дальнем углу чулана хранится целая пачка журналов с картинками, на которых парни-демоны засовывают свои хвосты в дырочки демонов-девушек. Впрочем, Демон не ограничилась разглашением тайн семейного чулана: она принесла в школу в коробке из-под ботинок дохлую кошку с приклеенными скотчем к глазам медными монетками. Выполняя творческое задание по лепке, она смастерила из нескольких брусков зеленого и белого пластилина кладбище, украсив могилки надгробными плитами с именами одноклассников и датами их смерти, результатом чего стала не одна истерика среди тех, кто вдруг понял, что не доживет и до шестнадцати. Она славилась пакостными розыгрышами: например, готовила сэндвичи, используя в качестве начинки собачьи кашки. Ходили слухи, что именно Демон вызвала аварию школьной канализации в ноябре прошлого года, когда кто-то тщательно закупорил тетрадными листами все сливные отверстия унитазов в уборной для девочек.

Спору нет, Бренда была зловещей личностью.

И вот теперь ее королевское страннейшество пристально рассматривало меня.

Ротик Бренды искривился в улыбке. Я смотрел в ее насквозь пронизывающие черные глаза, не в силах отве-

сти взгляд, и в голове у меня крутилась только одна мысль: «Она добралась до меня». Со взрослыми всегда так: когда тебе позарез нужно, чтобы они обратили на тебя внимание и вмешались, их мысли витают далеко-далеко; когда же ты хочешь, чтобы предки вдруг оказались на другой стороне земли, они непременно рядом, буквально дышат тебе в затылок. Глядя на Демона, я мечтал о том, чтобы моя мама или отец, ну хоть кто-нибудь из взрослых, приказал ей повернуться и слушать преподобного Ловоя, но Брендда Сатли без всякого труда сделалась невидимкой. Кажалось, никто не замечал Бренду, кроме меня, ставшего в тот момент ее жертвой.

Ее правая рука поднялась вверх, как голова маленькой белой змеи с грязными ядовитыми зубами. Медленно, со зловещей грацией Демон отставила указательный палец и нацелила его в одну из своих зияющих ноздрей. Когда палец погрузился в ноздрю, мне показалось, что он будет уходить все глубже и глубже, пока не исчезнет совсем. Но она извлекла палец из носа, и я увидел на его кончике зеленоватую блестящую массу размером с пшеничное зернышко.

Немигающий взгляд черных глаз. Ее рот начал открываться.

«Нет, — взмолился я, мысленно обращаясь к своей мучительнице, — пожалуйста, не делай этого!»

Демон устремила покрытый зеленым наростом палец к своему влажному розовому язычку.

Мне ничего не оставалось, кроме как следить за происходящим, чувствуя, как желудок закручивается в тугой узелок.

Зеленое на розовом. Грязный ноготь. Клейкая масса, вот-вот готовая сорваться вниз.

Демон слизнула зеленое с кончика пальца. Должно быть, меня сильно передернуло, потому что отец сжал рукой мою коленку и прошептал: «Слушай внимательно». Конечно, он не заметил невидимого Демона, даже финала устроенной ею изощренной пытки. Бренда, повидимому насытив свои черные глаза, улыbnулась мне и отвернулась — испытание закончилось. Рука ее матери с волосатыми костяшками пальцев погладила огненные пряди Демона, словно не было во всем подлунном мире более кроткого и милого существа, чем ее дочь.

Преподобный Ловой объявил общую молитву. Я опустил голову и крепко зажмурился.

Примерно через пять секунд после начала молитвы в мой затылок врезалось что-то твердое.

Я оглянулся.

И онемел от ужаса. Блестя серыми, как острое лезвие, глазами, прямо позади меня сидели братья Брэнлин, Гота и Гордо. Их родители, сидевшие по обеим сторонам от них, samozабвенно молились. По моему мнению, молиться им надо было прежде всего об избавлении от своего потомства. На братьях Брэнлин были темно-синие костюмчики, белые рубашки и одинаковые галстуки — разница была лишь в том, что белый галстук Готы пересекали черные полоски, а галстук Гордо — красные. Волосы Готы, который был старше Гордо на год, были светлее; лохмы Гордо имели желтоватый оттенок. Лица и того и другого словно были наспех высечены из бурого камня, даже структура их костей: выпирающие подбородки, скулы, казалось готовые прорвать кожу, лбы, подобные гранитным плитам, — все свидетельствовало о снедающей души братьев затаенной злобе. За считанные секунды, пока я разглядывал эти полные коварства физиономии, Гордо успел ткнуть мне в

лицо средний палец, а Гота зарядил духовую трубку новой черной горошиной.

— Кори, не крутись по сторонам! — раздался у меня над ухом шепот мамы, дернувшей меня за рукав. — Закрой глаза и молись!

Так я и сделал. В следующий миг от моего затылка отскочила новая горошина. Подобные снаряды способны причинить острую боль, такую, что и крик порой невозможно сдержатъ. Все оставшееся до конца молитвы время я слышал, как позади меня Брэнлины перешептывались и хихикали, словно пара злобных троллей. Моя голова служила им отличной мишенью.

После молитвы мы исполнили еще один гимн. Были сделаны объявления, всех пригласили почаще посещать церковь. По кругу пустили поднос для пожертвований. Я положил на него доллар, специально врученный мне отцом для этой цели. Хор пел, сестры Гласс играли на пианино и органе. Позади меня хихикали Брэнлины. Потом преподобный Ловой еще раз взошел на свое место, чтобы прочитать пасхальную проповедь, — и именно в этот момент мне на руку села оса.

Моя рука лежала на колене. Заметив осу, я не стал отдергивать руку, несмотря на то что по спине, словно молния, пробежал страх. Добравшись до ложбинки между мизинцем и безымянным пальцем, оса устроилась там и замерла, подергивая своим черно-синим жалом.

Теперь позвольте рассказать вам кое-что об осах.

Осы — это не то что пчелы. Пчелы, толстые и довольные своей судьбой, день-деньской перепархивают с цветка на цветок, безразличные к человеческой плоти. Шершни любопытны и могут подлететь к вам, чтобы изучить, но, как правило, их поведение легко предсказуемо и от них

нетрудно улизнуть. Осы же, в особенности черные осы — проворные насекомые, похожие на кинжал с крохотной головкой, — словно рождены для того, чтобы вонзать свое жало в смертную плоть, вызывая вопли, сравнимые разве что с восторженными криками знатока, откупорившего марочное вино. Если вы заденете головой осиное гнездо, можете испытать ощущение, сопоставимое, по некоторым свидетельствам, с попаданием в тело заряда мелкой дроби. Я сам видел, во что превратилось лицо мальчика, исследовавшего в середине лета заброшенный дом и напоровшегося на осиное гнездо. От укусов в губы и веки лицо так распухло, что такой муки я не пожелал бы даже братьям Брэнлин. Осы безумны: к ним нельзя приноровиться, никогда не знаешь, когда они ужалят. Будь у них жало подлиннее, они бы прокусили вас насквозь. Ярость переполняет их, как братьев Брэнлин. Если у дьявола и есть родственники, то это не черные коты, не обезьяны и не ящерицы — ими всегда были и остаются осы.

В мой затылок впилась уже третья горошина, вызвав сильную боль. Однако все мое внимание было сосредоточено на осе, обнюхивающей ложбинку между мизинцем и безымянным пальцем. Мое сердце бешено билось, кожа покрылась мурашками. Что-то пронеслось мимо моего лица, и, приподняв голову, я заметил вторую осу, которая, совершив облет головы Демона, уселась ей на макушку. Должно быть, Демон почувствовала щекотание. Она подняла руку и смахнула осу, даже не зная, что село ей на голову. Оса с сердитым жужжанием вновь поднялась в воздух, мельтеша черными крыльями. Я решил, что она вот-вот ужалит Демона, но оса, очевидно учуяв родственное существо, внезапно взмыла к потолку.

Преподобный Ловой продолжал свою проповедь, рассказывая о распятом Христе, плачущей Марии и о камне, который откатывают прочь.

Я поднял глаза к потолку церкви.

Возле одного из вращавшихся вентиляторов я заметил маленькую дырочку размером не более четвертака. Из нее на моих глазах одна за другой вылезли три осы и спустились вниз, на прихожан. Через несколько секунд из дырки в потолке появились еще две осы и принялись описывать круги в спертом, удушливом воздухе.

За стенами церкви продолжал грохотать ливень. Стук дождя порой почти заглушал рулады преподобного Ловой. О чем он говорил в те минуты, не знаю: я переводил взгляд с осы, примостившейся между моими пальцами, на дырку в потолке.

Все больше ос снижалось по спирали вниз, в душное закрытое пространство, в насыщенный дождевой влагой воздух церкви. Поначалу я пытался их считать. Восемь... девять... десять... одиннадцать. Некоторые из них садились на неспешно вращавшиеся лопасти вентилятора и кружились, словно на карусели. Четырнадцать... Пятнадцать... Шестнадцать... Семнадцать. Вот сквозь отверстие в потолке протиснулся сразу целый черный подергивающийся шар ос размером с кулак. Двадцать... двадцать одна... двадцать две. Я бросил считать, добравшись до двадцати пяти.

Я подумал, что, должно быть, где-то на чердаке, во влажной тьме шевелится осиное гнездо размером с футбольный мяч. Я заворуженно наблюдал за осами, как, наверно, не могла отвести глаз Мария от ран незнакомца, встреченного ею на дороге. За это время из отверстия в потолке выпорхнуло еще не менее дюжины насеко-

мых. По всей вероятности, никто, кроме меня, их не замечал. А что, если осы были для всех остальных такими же невидимыми, как Демон, когда она лазала пальцем в нос? Осы медленно кружились под потолком в потоках гонимого вентилятором воздуха. Их скопилось уже целое темное облако, словно бушевавшая за стенами церкви буря сумела каким-то образом найти лазейку внутрь.

Оса, сидевшая у меня между пальцев, задвигалась. Глядя на нее, я вздрогнул, когда очередная горошина ужалила меня сзади в шею там, где были острижены волосы. Добравшись до сустава моего указательного пальца, оса остановилась. Ее жало касалось моей кожи: я ощущал его крошечное зазубренное острие, словно то были крупницы разбитого стекла.

Преподобный Ловой был теперь в своей стихии: он бурно жестикулировал, волосы начали сползать на лоб. Снаружи бушевала буря, дождь стучал по крыше, словно настал конец света и пришла пора рубить деревья, чтобы строить ковчег и созывать зверей, каждой твари по паре. Всех, но только не ос, подумал я; на этот раз мы исправим ошибку Ноя. Я продолжал наблюдать за осиным лазом в потолке, и зрелище это меня одновременно ужасало и притягивало. Я подумал, что Сатана нашел-таки способ проникнуть на пасхальное богослужение и теперь кружит над нашими головами, высматривая грешную плоть себе в добычу.

Потом произошло следующее.

Воздев руки, преподобный Ловой проговорил своим хорошо поставленным голосом проповедника: «И в это знаменательное утро, после ухода тьмы, ангелы спустились на землю и га... а... а... кх!»

Устремив руки вверх навстречу ангелам, он внезапно увидел воочию, как они ползут, шевеля крохотными крылышками.

И тут мама накрыла ладонью мою руку с сидящей на ней осой и нежно ее сжала.

Оса укусила ее, и в тот же миг насекомые под потолком, видимо, решили, что проповедь преподобного Ловоя слишком затянулась.

Мама вскрикнула. Одновременно раздался и крик священника. Он и послужил сигналом, которого так долго дожидались осы.

Черно-синее облако насекомых, насчитывавшее более сотни жал, обрушилось вниз, как сеть на головы попавших в западню животных.

Я услышал, как ужаленный дедушка Джейберд заорал: «Проклятье!» Бабушка Элис испустила высокую оперную трель. Несколько ос одновременно укусили мать Демона в шею, и та громко завывала. Папочка Демона замолотил в воздухе своими худыми руками. Сама Демон разразилась хохотом. Позади меня кричали от боли Брэнлины, забыв о своей плевательной трубке. По всей церкви раздавались вопли и крики, люди, нарядившиеся по случаю Пасхи в костюмы и нарядные платья, вскакивали с мест и принимались размахивать в воздухе руками, словно сражаясь с невидимыми бесами. Преподобный Ловой танцевал вокруг кафедры в пароксизме мучительной боли, трясая своими многократно укушенными кистями рук с такой силой, словно вознамерился напроочь оторвать их от запястий. Хор по-прежнему слаженно пел, но с их уст срывались не слова очередного гимна, а крики боли от укусов ос, впивавшихся в щеки, подбородки и носы певчих. Воз-

дух был полон темных вихрей, вращавшихся вокруг лиц и голов людей, подобно терновым венцам.

— Прочь! Прочь отсюда! — зашелся кто-то в крике.

— Бежим! — завизжали у меня за спиной.

Единство сестер Гласс разбилось, как стекло: они мчались к боковым церковным выходам, их волосы были полны ос. Все мгновенно вскочили со своих мест. То, что всего десять секунд назад было мирным собранием прихожан, теперь напоминало охваченное ужасом стадо коров.

И во всем этом были виноваты осы.

— Моя чертова нога застряла! — в отчаянии стонал дедушка Остин.

— Джей! Помоги ему! — крикнула бабушка Сара, но дедушка Джейберд уже пробивался к выходу между забитыми людьми рядами скамеек.

Отец поднял меня на руки. Я услышал злобное гудение над левым ухом, и в следующее мгновение оса ужалила меня в мочку, да так, что от боли у меня из глаз брызнули слезы.

— Ой! — услышал я свой собственный крик, мгновенно утонувший без следа в хоре воплей и пронзительных выкриков. Но две новые осы все же слышали меня. Одна куснула меня в правое плечо через пиджак и рубашку; вторая, как африканское копье, пронеслась к моему лицу и впиалась в верхнюю губу, результатом чего стало *уа-а-ау-а-а-а-ва-а-а*, что выражало неимоверную боль, но не содержало ни единой толики смысла, и я тоже забил в воздухе руками. Кто-то визжал, заходясь от радостного смеха: сквозь залившие глаза слезы я увидел Демона, прыгающую, как заводная, на скамье. Ее рот растянулся в ухмылке, а все лицо было усеяно красными пятнами от осиных укусов.

— Все выходите наружу! — что было силы выкрикнул доктор Лезандер.

Сразу три осы прилипли к лысому черепу доктора, вибрируя и жала его. Осы ползали по широким плечам его седовласой суровой супруги, ее пасхальная шляпка с синими цветками была сдвинута набок. Скрежеща зубами в приступе праведного гнева и стиснув в одной руке Библию, а в другой — свою сумочку, миссис Лезандер наносила могучие удары полчищам наседавших на нее насекомых.

Отталкивая друг друга, люди, забыв о своих плащах и зонтах, рвались к выходу, стремясь поскорее избавиться от этой муки и оказаться под струями ливня. Входя в церковь, пасхальная публика являла собой образцовую модель цивилизованного христианского общества, а теперь наружу вываливались толпы настоящих варваров. Женщины и дети падали в липкую грязь церковного двора, мужчины спотыкались об их тела и тоже валялись лицами вниз прямо в лужи. Пасхальные шляпки разлетались во все стороны и катились, гонимые ветром, подобно мокрым колесам, пока их не расплющивала бушевавшая стихия.

Я помог отцу высвободить деревянную ногу деда Остина, застрявшую под церковной скамьей. Осы нещадно кусали руки моего отца, и каждый раз, когда очередное жало впивалось в него, его дыхание становилось свистящим. Мама, бабушка Элис и бабуля Сара пытались пробиться в проход между рядами скамей, где люди, падая, не могли выбраться друг из-под друга. Преподобный Ловой, пальцы которого распухли как сосиски, тщетно пытался защитить лица своих детей, пряча их между собой и рыдающей Эстер. Хор распался, некоторые из

певчих, убегая, побросали свои пурпурные мантии прямо на пол. Мы с отцом вывели деда Остина в проход между скамьями. Осы налипли на его шею, щеки были мокрыми от слез. Отец отмахивался от ос, круживших вокруг нас, словно кровожадные команчи вокруг вереницы фургончиков. Дети плакали, женщины истошно визжали, а осы продолжали нападать и жалить.

— Скорее наружу! Наружу! — выкрикивал в дверях доктор Лезандер, выталкивая людей под дождь, как только в проходе образовывался затор.

Его жена Вероника, хриплоголая голландская медведица, хватала вырывающихся людей за шиворот и еда ли не вышвыривала их за порог.

Мы уже почти добрались до выхода. Дед Остин шатался, отец поддерживал его. Мама осторожно выбирала ос из волос бабули Сары, словно ее голова была зарослями крапивы. Две раскаленные булавки впились мне в шею, одна за другой с секундным интервалом — боль была такая, что мне показалось: голова моя сейчас лопнет. Но тут меня схватил за руку отец, сильно дернул, и по моей голове застучали капли дождя. Когда все члены нашей семьи наконец выбрались из церкви, отец ступил в лужу, не удержавшись на ногах и упав на колени прямо в грязь. Схватившись рукой за шею, я бегал кругами, крича от боли. Кончилось это тем, что я поскользнулся, ноги мои разъехались, и прямо в своем пасхальном костюме я тоже очутился в густой грязи.

Последним церковь покинул преподобный Ловой. Захлопнув за собой церковную дверь, он со стуком задвинул засов и какое-то время стоял, прислонившись к ней спиной, словно для того, чтобы не выпустить зло наружу.

Буря продолжала бушевать. Тяжелые капли дождя били по нам, как молотки, вколачивающие гвозди, так что

мы вообще перестали что-либо ощущать. Некоторые сидели прямо в грязи, другие бродили вокруг в полной прострации, третьи просто стояли, позволяя холодным струям дождя омыwać их, смягчая боль.

Мне тоже было больно: от этого я впал в такое иступление, что вообразил, как веселятся осы за закрытой дверью церкви. Ведь, в конце концов, эта Пасха была и их праздником. Они так же воспряли из мертвых, вырвавшись из холодных объятий зимы, во время которой осинные гнезда высыхали и крохотные личинки-младенцы обращались в неподвижные мумии. Откатив свой камень, они возродились весной и прочитали нам свою жальщую проповедь о цепкости жизни, которая пребудет с нами гораздо дольше, чем мог бы предсказать преподобный Ловой. Благодаря им каждый из нас испытал на своей шкуре, что такое тернии и гвозди.

Кто-то нагнулся ко мне. Я почувствовал, как чья-то рука приложила комок холодной грязи к моей искусанной шее. Я поднял глаза и увидел залитое дождем лицо дедушки Джейберда. Его волосы стояли дыбом, словно деда только что ударило током.

— Стобой все в порядке, парень? — спросил он меня.

Дедушка Джейберд в самый тяжелый момент повернулся ко всем нам спиной и бежал, спасаясь от осиных укусов. Он стал иудой и трусом, и, предлагая мне целебную грязь, он не обрел искупления.

Я ничего не ответил, глядя как будто сквозь него.

— Все будет в порядке, — сказал он мне, потом выпрямился и отправился посмотреть, как там бабуля Сара, которая стояла рядом с мамой и бабушкой Элис. Уходя, он бросил на меня взгляд наполовину утопленной, тощей крысы.

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

Будь я ростом с моего отца, я, наверно, ударил бы его. Но тогда я был способен только испытывать стыд за дедушку Джейберда, жгучий непереносимый стыд. А кроме того, другая мысль изводила меня: а не перешла ли по наследству и *мне* частичка трусости дедушки Джейберда? В ту пору я не имел об этом ни малейшего представления, но в скором времени мне предстояло все это узнать.

Где-то на другой стороне Зефира зазвонил колокол другой церкви. Звук доносился до нас сквозь дождь, словно во сне. Я поднялся на ноги. Шея, нижняя губа и плечо ныли от боли. Самое ужасное в боли — то, что она тебя унижает. Даже Брэнлины и те растеряли свое бахвальство и ревели, как младенцы. Я, например, никогда не встречал человека, который сохранил бы самоуверенность, будучи весь нашпигован жалами, а вы?

Пасхальный колокольный звон разносился над залитым водой городом.

Служба закончилась.

Аллилуйя.

Глава 5

СМЕРТЬ ВЕЛОСИПЕДА

А дождь все лил.

Серые облака висели над Зефиром, изливая на землю из своих раздувшихся утроб настоящий потоп. Я засыпал под барабанную дробь дождя по крыше и просыпался под грохот урагана. Бунтарь скулил и дрожал в своей конуре. Я представлял себе, что он чувствовал. Волдыри от осиных укусов сошли, на их местах остались только красные пятна, а дождь все лил и лил, и ни один проблеск солнца не озарял мой родной город. Дождь не прекращался, и в свободное от домашних заданий время мне не оставалось ничего другого, кроме как сидеть в своей комнате, перечитывая старые журналы «Знаменитые чудовища» или просматривая комиксы.

Наш дом насквозь пропитался дождевым запахом — ароматом мокрого дерева и сырой грязи из подвала. Из-за ливня был отменен субботний дневной сеанс в «Лирике»: в кинотеатре протекла крыша. Даже сам воздух стал липким, как зеленая плесень, растущая на влажных стенах.

Через неделю после Пасхи отец, пообедав, отложил вилку и нож, посмотрел на запотевшие окна, по которым стекали капли дождя, и заметил:

— Если так пойдет и дальше, нам придется отращивать жабры.

А дождь все лил и лил. Воздух был пропитан водой, облака не пропускали свет к нашим мрачным хлябям. Наши дворы стали прудами, а улицы — полноводными реками. Из школы нас отпускали пораньше, чтобы все сумели засветло вернуться домой. А в среду днем, без семнадцати три, мой старый велик приказал долго жить.

Еще за секунду до этого я пытался пересечь поток, струящийся по Дирман-стрит. Вдруг переднее колесо моего скакуна угодило в трещину тротуара, от удара задребезжал изъеденный ржавчиной каркас. Несколько поломок случилось одновременно: руль, треснув, обвалился, спицы переднего колеса сломались, сиденье отвалилось, рама расползлась по застарелым швам, и я внезапно оказался лежащим на животе в воде, противно устремившейся внутрь моего желтого плаща. Какое-то время я неподвижно лежал, пытаюсь сообразить, что так неожиданно выбило меня из седла. Потом сел, вытер глаза, посмотрел на велосипед и сразу понял: моему старому другу пришел конец.

Велосипед, который, по меркам жизни мальчишки, уже был стар задолго до того, как попал ко мне с блошиного рынка, умер. Я ясно сознавал это, сидя под проливным дождем. То, что давало жизнь этому созданию человеческих рук, лопнуло по швам и воспарило в сочащиеся водой небеса. Рама треснула и погнулась, руль висел на единственном винте, седло повернулось на сторону, как голова на сломанной шее. Цепь слетела, с переднего колеса соскочила шина, во все стороны торчали спицы. При виде таких разрушений я готов был разрыдаться, но, не смотря на то что мое сердце сжимала невыносимая пе-

чаль, я знал, что слезами горю не поможешь. Просто мой велик откатал свое, полностью израсходовав свой ресурс. Я был не первым его владельцем, и, возможно, причина заключалась и в этом тоже. Может быть, велосипед, некогда заброшенный за ненадобностью, многие годы чах от тоски по тем рукам, что впервые держали его руль, год от года все больше старея, он видел свои особые велосипедные сны о дорогах, по которым катился в молодости. По сути, мой велик никогда по-настоящему мне не принадлежал: он носил меня на себе, но его педали и руль хранили память о прикосновениях другого хозяина. Возможно, в эту дождливую среду он убил себя, потому что знал: мне до смерти хочется занять другой велосипед, который был бы создан лишь для меня одного. Может быть, и так. Единственное, что я знал наверняка в тот момент: остаток пути до дома мне придется проделать на своих двоих и я не смогу унести на себе останки своего велосипеда.

Оттащив сломанный велик с дороги к кому-то во двор, я оставил его под дубом и зашагал домой с насквозь пропитанным влагой ранцем за спиной и в башмаках, хлопавших из-за набравшейся в них воды.

Возвратившись домой с работы и узнав о печальной судьбе моего велосипеда, папа усадил меня рядом с собой в кабину нашего пикапа, и мы поехали на Дирман-стрит — забрать обломки велосипеда.

— Наверняка его еще можно починить,— говорил мне отец, глядя на дворники, елозившие взад-вперед по ветровому стеклу.— Мы найдем кого-нибудь, кто сварит раму и руль и все починит. Это уж точно выйдет дешевле, чем покупать новый велосипед.

— Ладно,— отвечал я, хотя знал точно, что велосипед мертв и никакая сварка не способна вернуть его к жизни.— Переднее колесо тоже все вывернулось,— добавил я, но папино внимание было сосредоточено на скользкой дороге.

Наконец мы добрались до того дуба, под который я положил обломки своего велосипеда.

— Где же он? — спросил меня отец.— Ты здесь его оставил?

Хотите верьте, хотите нет, но остатки моего велосипеда исчезли. Папа остановил пикап, вылез под дождь и постучал в двери дома, во дворе которого рос дуб. Дверь отворилась, и на улицу выглянула светловолосая женщина. С минуту отец говорил с ней о чем-то, а потом я увидел, как женщина указала рукой куда-то в сторону улицы. Когда отец вернулся, с его кепки капала вода, плечи ссутулились под мокрой курткой молочника. Он уселся за руль, прикрыл дверь и сказал:

— Эта женщина вышла за почтой, увидела твой велосипед, лежавший под деревом, и позвонила мистеру Скалли, чтобы он приехал и забрал его.

Мистер Эммет Скалли был местным старьевщиком. Он разъезжал по городу на грузовичке, выкрашенном ярко-зеленой краской, на дверце которого было написано красным: «Скалли. Принимаю старые вещи» — и номер телефона. Отец завел мотор и взглянул на меня. Мне был знаком этот взгляд, тяжелый и злой,— будущее отразилось в нем в самых мрачных тонах.

— Почему ты не постучался в дом и не предупредил эту женщину, что вернешься за велосипедом? О чем ты думал?

— Ни о чем, сэр,— вынужден был признать я.— Я вообще ни о чем не думал.

Отец отъехал от тротуара, и мы снова отправились в путь. Но не домой, а на запад. Я знал, куда мы едем. Магазин подержанных вещей мистера Скалли находился на западной, поросшей лесом окраине города. По пути мне пришлось выслушивать нравоучения отца, сводившиеся примерно к следующему: «Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, мне приходилось ходить пешком, если я хотел куда-то добраться. В ту пору я и мечтать не мог о собственном велосипеде, даже о подержанном. Да к тому же мне и моим друзьям не составляло никакого труда пройти две-три мили. И здоровья от этого в нас было побольше вашего. В солнце, в ветер, в дождь, все равно — мы всегда добирались туда, куда нам было нужно, на своих двоих...» — и так далее и тому подобное; вы понимаете, о чем я: отец пел хвалебную песнь своему детству, что свойственно всякому поколению.

Мы выехали за черту города, блестящая от влаги дорога пошла через насквозь промокший зеленеющий лес. Дождь не прекращался, клочья тумана, задевая верхушки деревьев, проплывали над дорогой. Папа сильно сбавил ход, поскольку эта дорога считалась опасной даже в сухую погоду. Он все еще терзал меня рассказами о сомнительных радостях безвелосипедной жизни. Как я понимаю, таким способом он хотел дать мне понять, что если велосипед окажется непригодным к починке, то мне лучше привыкать к пешему образу существования. За холмами, скрытыми в дымке тумана, раздавались раскаты грома, дорога петляла под колесами нашего грузовичка, словно дикая лошадь, не желающая скакать под седлом.

Уж не знаю, что меня толкнуло, но именно в тот момент я повернул голову и посмотрел назад.

Какой-то автомобиль быстро настигал нас.

У меня на затылке волосы поднялись дыбом, а по коже поползли мурашки. Черная приземистая машина позади нас была похожа на грозную пантеру с блестящими хромом зубами. Не снижая скорости, она стремительно делала поворот, который только что с трудом преодолел отец при помощи сцепления, газа и тормозов. Мотор грузовичка надсадно гудел, а машина, приближающаяся к нам, шла почти бесшумно. Я увидел силуэт фигуры и бледное лицо человека, пригнувшегося к рулю. Я различил языки красного и оранжевого пламени, нарисованные на капоте и черных боках, и когда машина уже почти настигла нас и, не снижая скорости и даже не пытаясь свернуть, устремилась под наш задний бампер, я не выдержал и пронзительно закричал:

— Папа!

Отец подпрыгнул и резко крутанул руль. Грузовичок стало заносить влево к середине дороги, отмеченной вылинявшей прерывистой линией. Отец отчаянно боролся, чтобы не скатиться в лес. Потом шины вновь обрели сцепление с асфальтом, грузовичок выправился, и отец сердито посмотрел на меня.

— Ты что, спятил? — бросил он мне. — Чуть было не отправил нас на тот свет!

Я оглянулся назад.

Черная машина бесследно исчезла.

Но она не обогнала нас. И свернуть ей тоже было некуда. Она просто исчезла.

— Я видел... видел...

— Что ты видел? Где? — потребовал ответа отец.

— Мне показалось, что я увидел... машину, — наконец сумел пролепетать я. — Она чуть было не врезалась в нас... я так испугался...

Отец внимательно изучил зеркало заднего вида. Конечно, он в нем не увидел ничего, кроме все того же дождя и пустой дороги. Протянув руку, он пощупал мой лоб и спросил:

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Со мной все в порядке, сэр.

И в самом деле — никакой простуды у меня не было. В этом-то я был уверен. Удовлетворившись тем, что меня не треплет лихорадка, отец отнял от моего лба руку и снова положил ее на руль.

— Тогда сиди спокойно и ничего не выдумывай, — приказал он мне, и я ему подчинился.

Все внимание отца снова сосредоточилось на коварной дороге, но желваки у него на скулах то и дело напрягались, и я понял, что в эти минуты он решает, что со мной делать дальше: то ли отвезти к доктору Пэрришпу, то ли хорошенько выдрать.

Больше я о черной машине не заикался, потому что знал точно: отец ни за что мне не поверит. Но я видел уже эту машину раньше на улицах Зефира: она оповещала о себе грохотом и ревом двигателя, когда она летела мимо, от нее исходил жар, и асфальт дрожал под ее колесами. «Это самая быстрая машина во всем городе», — сказал мне Дэви Рэй, когда в знойный августовский день мы болтались с ним на Мерчантс-стрит возле киоска с мороженым, наслаждаясь прохладой, исходившей от кусков льда.

— Отец говорит, — продолжал откровенничать Дэви Рэй, — что в нашем городе никто не сможет обогнать Полуночную Мону.

Полуночная Мона. Именно так звали эту машину. Парня, которому она принадлежала, звали Стиви Коули. Его прозвище было Малыш Стиви, поскольку он был чуть выше пяти футов, хотя ему уже исполнилось двадцать лет. Он курил «честерфилд», сигарету за сигаретой: может быть, это и задержало его рост.

Но подлинная причина, по которой я ничего не сказал отцу о Полуночной Моне, преследовавшей нас на мокрой дороге, заключалась в событиях прошлого октября. О них знал весь город. Отец состоял тогда в добровольной пожарной дружине, и однажды вечером в нашем доме зазвонил телефон. Папа сказал маме, что это был Марчетт, шеф пожарной дружины. Он сообщил, что какой-то автомобиль попал в аварию на трассе 16 и теперь горит в лесу. Отец торопливо оделся и ушел тушить пожар. Когда он через два часа вернулся, в его волосах было полно пепла, а от одежды пахло горящей древесиной. В ту ночь отец увидел что-то такое, из-за чего не захотел больше быть пожарным.

Именно по трассе 16 мы сейчас и ехали. Тот автомобиль, что потерпел крушение и сгорел здесь в октябре прошлого года, и был Полуночной Моной, а за рулем его был Малыш Стиви Коули.

Сейчас тело Малыша Коули — вернее, то, что от него осталось, — лежало в гробу на кладбище Поултер-Хилл. Полуночная Мона тоже исчезла, очевидно, туда, куда исчезают все сгоревшие автомобили.

Но сегодня я своими глазами видел эту машину, мчавшуюся сквозь туман позади нашего пикапа. И я видел, что кто-то сидел за рулем.

Я решил, что буду держать рот на замке. У меня и так хватало неприятностей.

Отец свернул с трассы 16 на грязный проселок, уходящий в глубь леса. Скоро мы добрались до места, где к деревьям были прибиты гвоздями старые проржавевшие металлические таблички самого разного вида — их было не меньше сотни, от рекламы содовой с апельсиновым соком «Грин спот» и порошка от головной боли «Би-Си» до радио «Гранд ол опри». За опушкой с табличками дорога свернула к серому бревенчатому дому с покосившимся крыльцом и двориком перед ним, хотя его трудно было назвать двором, скорее — зарослями сорняков. Здесь можно было найти самую разнообразную рухлядь: изъеденные ржавчиной машины для отжимания белья и кухонные плиты, светильники и кровати, вентиляторы, холодильники и другую бытовую утварь, наваленную неряшливыми кучами. Там были и мотки проволоки высотой не ниже моего отца, и огромные корзины, полные пустых бутылок, а посреди всего этого барахла высился металлический знак с изображением улыбающегося полицейского, поперек груди которого была выведена надпись красными буквами: «Стои! Не воруй». В голове копа красовались три дырки от пуль.

Не думаю, что у мистера Скалли были проблемы с ворами: не успел отец заглушить мотор пикапа и открыть дверь, как две рыжие охотничьи собаки, лежавшие на крыльце, вскочили и принялись нас облаивать. Через несколько мгновений дверь распахнулась и на крыльцо выскочила невысокая, хрупкая на вид женщина с тугой светлой косой и ружьем в руках.

— Кто вы такие? — заорала она грубо, как дровосек. — Что вам тут надо?

Мой отец поднял руки вверх.

— Я Том Маккенсон, миссис Скалли. Из Зефира.

— Какой такой Том?

— Маккенсон, мэм!

Чтобы перекрыть лай овчарок, отцу приходилось кричать:

— Я приехал из Зефира!

— А ну тих-аа! — прикрикнула на овчарок миссис Скалли. Она сорвала с крючка на крыльце мухобойку и несколько раз вытянула ею псин, что существенно охладило их пыл.

Я выбрался из кабины пикапа и встал рядом с отцом. Наши ботинки увязли в топкой грязи.

— Мне надо повидаться с вашим мужем, миссис Скалли, — сказал отец. — Дело в том, что он по ошибке забрал и увез велосипед моего сына.

— Вот как? — удивилась миссис Скалли. — Обычно Эммет не ошибается.

— Так ваш муж дома?

— Он там, на заднем дворе, в одном из сараев, — ответила жена старьевщика, указывая направление своим ружьем.

— Благодарю вас, мэм.

Мы пошли в нужную сторону, но не успели сделать и десятка шагов, как миссис Скалли крикнула нам:

— Эй, вы! Если споткнетесь и переломаете ноги, мы за вас не отвечаем, понятно?

Перед домом четы Скалли творился, мягко говоря, беспорядок, но задний двор мог привидеться только в кошмарном сне. Сараи оказались ангарами из рифленого железа размером со склады для хранения табака-сырца. Чтобы добраться до сараев, пришлось идти по изры-

той колеями тропинке, петлявшей между горами бесполезной рухляди: тут были проигрыватели, разбитые статуи, садовые шланги, стулья, газонокосилки, двери, каминные доски, горшки и кастрюли, старые кирпичи, кровельная дранка, утюги, радиаторы и умывальные раковины.

— Господи помилуй,— прошептал отец, больше обращаясь к самому себе, когда мы пробрались по узкому проходу между высившимися горами хлама. Все это хозяйство щедро поливал дождь, с вершин металлических эверестов шумными потоками стекала вода. Когда же перед нами предстала огромнейшая куча перекрученного и перепутанного нечто, я понял, что назвать эту свалку удивительной — значит не сказать ничего. Она была просто волшебной. Я застыл как вкопанный.

Впереди высилась гора из сотен велосипедных рам, сросшихся между собой ржавыми гроздьями, без единой шины, со сломанными каркасами.

Говорят, где-то в Африке есть тайное место, куда уходят умирать слоны. Морщинистые серые великаны ложатся там на землю, освобождаясь от бременной телесной ноши, и их души легко воспаряют к небесам. В тот момент я искренне верил в то, что мне посчастливилось наткнуться на скрытое от посторонних глаз кладбище велосипедов. Их мертвые остовы год за годом еще долго постепенно рассыпаются здесь под воздействием дождя и палящего солнца, после того как их непоседливые велосипедные души покинули свои рамы. В некоторых местах этой огромной кучи велосипеды почти исчезли с лица земли, приняв со временем вид палой медно-красной листвы, которую вскоре сожгут на костре в один из осенних дней. Кое-где из кучи торчали разбитые фары, незря-

чие и вызывающие, как глаза мертвых. На гнутых рулях еще виднелись резиновые рукоятки, с которых кое-где свешивались полосы цветного винила, похожие на поблекшие языки пламени. Стоило только напрячь воображение, и все эти велосипеды представляли новенькими, сверкающими от краски и нетерпеливо трепещущими от желания поскорее отправиться в путь, с неизношенными шинами, педалями и ладно пригнанными цепями, пропитанными свежей смазкой. Странно: это видение навевало на меня грусть. Скорее всего, я видел наглядное подтверждение того, что всему когда-то приходит конец, как бы ревностно мы его ни берегли и сколько бы за него ни цеплялись.

— Здорово! — пророкотал кто-то рядом. — Я слышал, какой вы там устроили переполох.

Оглянувшись, мы с отцом увидели мужчину, толкавшего по грязи большую тачку. Мужчина был облачен в комбинезон, ботинки его были заляпаны грязью, обширный живот выпирал вперед, лицо было покрыто пятнами, определенно свидетельствовавшими о неполадках с печенью, а голову украшал единственный клоч седых волос. Лицо мистера Скалли было изрезано морщинами, нос с сеточкой лопнувших красных сосудов на кончике напоминал картошку, его серые глаза смотрели сквозь круглые стекла очков. Глядя на нас, он улыбался во весь рот, скаля темно-коричневые зубы. Поросший сединой подбородок мистера Скалли украшала бородавка с тремя торчавшими волосками.

— Чем могу вам помочь?

— Я Том Маккенсон, — представился отец, протянув руку для пожатия. — Сын Джея.

— Вот черт! Прошу прощения, не признал сразу.

На руках у мистера Скалли были грязные парусиновые рукавицы, перед тем как потрясти руку отцу, он неспешно стянул их.

— А это, выходит, внук Джея?

— Точно. Его зовут Кори.

— Сдается мне, я вроде пару раз видел тебя в городе,— сказал мне мистер Скалли.— Я помню, когда твоему отцу было столько же лет, сколько тебе сейчас. Мы с твоим дедом тогда были не разлей вода.

— Мистер Скалли, мне сказали, что сегодня днем вы забрали велосипед у дома на Дирман-стрит,— сказал старьевщику отец.

— Точно, это я его взял. Да там и посмотреть-то особенно не на что. Он весь сломан.

— Дело в том, что это велосипед Кори. Мы собирались отдать его в ремонт, и если вы сейчас вернете его нам...

— Ну и дела! — протянул мистер Скалли. Широкая улыбка исчезла с его лица.— Том, боюсь, я не смогу этого сделать.

— Почему же нет? Ведь велосипед еще здесь, у вас?

— Да, здесь. Точнее сказать, он *был* здесь.— Мистер Скалли мотнул головой в сторону одного из сараев.— Я поместил его туда всего несколько минут назад.

— Так мы можем забрать его?

Посмотрев на меня, мистер Скалли закусил нижнюю губу, потом перевел взгляд обратно на отца.

— В том-то и дело, что ничего не выйдет, Том.

Он отставив тачку в сторону, прислонив ее к холму из мертвых велосипедов, и сказал:

— Пойдемте, увидите сами.

Мы последовали за мистером Скалли. Он сильно хро-
мал, словно его бедро было соединено с телом шарниром.

— Тут такое дело, ребята, — снова заговорил он. — Уже
года три я все подумываю избавиться от этих старых ве-
лосипедов. Пытаюсь расчистить место для новых поступ-
лений. Все время что-то новое прибавляется... Вот я и по-
обещал Белле — Белла — это моя жена, — я сказал ей: «Бел-
ла, притаскиваю еще один велосипед и тут же начинаю
с ними разбираться. Еще один, и все — хорош».

Вслед за мистером Скалли через проем без дверей мы
вошли в сумрачную холодную сень сарая. Голые лампоч-
ки, болтавшиеся под потолком на проводах, бросали те-
ни на сваленные внутри сарая кучи барахла. Во мраке вы-
рисовывались таинственные силуэты — очертания ка-
ких-то крупных механизмов, напоминающих машины
марсиан. Что-то бегало и попискивало, возможно, кры-
сы или летучие мыши. Сарай более всего напоминал пе-
щеру, в которой чувствовал себя как дома разве что ин-
деец Джо.

— Смотрите под ноги, — предупредил нас мистер
Скалли в следующем дверном проеме. Войдя, он оста-
новился перед большой машиной прямоугольной фор-
мы с шестернями и рычагами по бокам, повернулся к нам
и сказал: «Вот этой дробилке я и скормил ваш велосипед
пятнадцать минут назад. Он первым отправился в пасть
этой машины».

Мистер Скалли кивнул на бочонок, полный переку-
ренных и сплюснутых кусков металла. Другие бочки под-
жидали своей очереди.

— Это я хоть смогу продать как металлолом, вот в чем
дело. Я дал себе зарок: еще один велосипед — и включаю
дробилку. Ваш стал последним.

Мистер Скалли, над головой которого в ореоле испарений влаги сияла лампочка, сочувственно взглянул на меня.

— Извини, Кори. Я даже представить себе не мог, что у такого велосипеда может объявиться хозяин. Если бы я знал, что он твой, я, конечно, попридержал бы его, но он ведь был совершенно никуда не годный, этот велосипед.

— Никуда не годный? — переспросил отец.

— Конечно. Всему приходит конец. Вещь изнашивается, и ее нельзя починить ни за какие деньги. Именно это и случилось с твоим велосипедом. Такое происходит со всем, что мне приносят или просят забрать, позвонив по телефону. Поверь, Кори, твой велосипед был просто грудой ржавого металла, и то, что я засунул его в дробилку, ничего не изменило.

— Да, сэр, — ответил я, — знаю.

— Ему не было больно, — тихо прибавил мистер Скалли, и я молча кивнул.

Слушая мистера Скалли, я думал о том, что такой человек, как он, наверняка понимает сущность жизни до самых ее мельчайших винтиков, потому что, хотя тело его было старым, глаза и сердце оставались молодыми. Он видел космическую суть вещей и потому знал, что жизнь существует не только в созданиях из плоти и крови, но и в предметах — в доброй верной паре ботинок; в хорошей, надежной машине; в авторучке, которая не подведет в трудную минуту; в велосипеде, который проедет много миль, — во всем том, чему мы доверяем и что дарит нам в ответ ощущение защищенности и радостные воспоминания.

На такие слова старые хрычки с камнем вместо сердца могут холодно усмехнуться и сказать: «Чушь это все!»

Но тогда позвольте и мне задать им вопрос: разве вам никогда не хотелось, хотя бы на пару минут, вновь обрести свой первый велосипед? Ведь вы наверняка помните, как он выглядел. Ведь помните? Как его звали: «Курок», «Пахта», или «Вспышка», или, может быть, «Молния»? Кто забрал у вас этот велосипед и куда он потом делся? Вы когда-нибудь задумывались об этом?

— Хочу показать тебе еще кое-что, Кори, — сказал мистер Скалли, касаясь моего плеча. — Иди за мной.

Мы проследовали за мистером Скалли прочь от велосипедодробильной машины в другой отсек сарая. Помимо яркого сияния лампы над головой через маленькое пыльное окошко с улицы сочился зеленоватый свет. Здесь, в этой комнатке, у мистера Скалли стояли письменный стол и картотечный шкаф. Открыв его, мистер Скалли дотянулся до верхней полки.

— Я почти никому этого не показываю, — сообщил он нам, — но вам, ребята, это должно понравиться.

Он немного порылся там, выдвигая и задвигая ящики, потом сказал: «Нашел» — и его рука вновь вынырнула из тьмы.

Мы увидели, что он держит кусок дерева с обесцвеченной корой и налипшими на его поверхности высохшими моллюсками. В самой середине деревянного бруска торчало нечто, напоминающее небольшой, дюймов пяти длиной, кинжал из слоновой кости. Мистер Скалли поднял кусок дерева повыше к свету, его глаза за стеклами очков блеснули.

— Видели? И как вы думаете: что это?

— Понятия не имею, — пробормотал отец. Вслед за ним и я покачал головой.

— А вы взгляните поближе.

Мистер Скалли поднес деревяшку с вонзенным в нее кинжалом прямо к моему лицу. Приглядевшись, я увидел царапины и выбоины на поверхности слоновой кости и что край кинжала зазубрен, словно нож для разделки рыбы.

— Это зуб,— объяснил нам мистер Скалли.— Или, скорее, клык.

— Клык? — изумленно нахмурился отец, переводя взгляд с лица мистера Скалли на предмет в его руке и обратно.— Здоровенная, должно быть, была змея?

— Это была не змея, Том. Три года назад, летом я отпилил этот кусок дерева от бревна, которое выбросило на берег реки. Я хожу туда иногда — ищу бутылки. Видите эти раковины? Этот чурбан от старого дерева, должно быть, он пролежал на дне реки невесть сколько лет, и вот во время прошлогоднего паводка его вымыло из ила.

Мистер Скалли осторожно провел защищенным перчаткой пальцем по зазубренному краю зуба.

— Думаю, что в руках у меня единственное доказательство.

— Неужели вы хотите сказать...— не успел отец закончить, а я уже все понял.

— Да, именно так: этот зуб — клык изо рта Старого Мозеса.

Мистер Скалли снова ткнул деревяшкой мне в лицо, и я в испуге отшатнулся.

— Видно, его зрение здорово ослабло,— задумчиво проговорил мистер Скалли.— Наверно, он принял этот чурбан за большую черепаху. А может быть, в тот день он был чем-то раздражен и бросался на все, что тыкалось ему в рыло.

Палец мистера Скалли постукивал по зазубренному краю зуба.

— Страшно представить, что может сделать с человеком чудовище с такими зубищами. Жуткая получается картина, верно?

— Можно взглянуть? — с любопытством спросил отец. Мистер Скалли передал ему деревяшку с зубом. Пока отец его рассматривал, мистер Скалли подошел к окну и выглянул наружу. После небольшой паузы отец кивнул и проговорил:

— Готов поклясться: вы правы, мистер Скалли! Это действительно зуб!

— О чем я и говорю, — отозвался от окна мистер Скалли. — Зачем же мне лгать?

— Вам обязательно нужно кому-нибудь его показать! Шерифу Эмори или мэру Своупу! Да в конце концов самому губернатору!

— Своупу я его уже показывал, — кивнул мистер Скалли. — Он мне посоветовал убрать этот зуб подальше и запереть дверь на ключ.

— Но почему? Это же новость, достойная первых страниц газет!

— Мэр Своуп так не думает.

Мистер Скалли повернулся к нам, и я увидел, как его глаза потемнели.

— Поначалу Своуп был уверен, что этот зуб — подделка. Он показал его доктору Пэрришу, а док Пэрриш позвал дока Лезандера. И тот и другой в один голос заявили, что клык принадлежит какой-то огромной рептилии. Потом мы устроили совещание в кабинете мэра за закрытыми дверями. Своуп сказал, что, по его мнению, это дело

лучше всего похоронить в зародыше. Мол, чем бы ни был этот зуб — настоящим клыком рептилии или искусной подделкой, — все равно незачем попусту будоражить людей.

С этими словами мистер Скалли забрал кусок дерева из рук моего отца.

— И тогда я сказал мэру: «Послушайте, Лютер Своуп, почему вы не хотите, чтобы люди увидели неоспоримое доказательство того, что в Текумсе водится чудовище?» А он со своей дурацкой трубкой в зубах зыркнул на меня и говорит: «Люди и без того это знают. Доказательство напугает их еще больше. Но как бы там ни было, чудовище в реке — это *наше* чудовище, и мы ни с кем не собираемся им делиться». Вот и весь разговор.

Мистер Скалли протянул мне зуб:

— Хочешь потрогать его, Кори? Потом расскажешь кому-нибудь, что тебе довелось держать в руках.

Так я и сделал — дрожащим указательным пальцем. Клык Мозеса был холодным, каким, по моему мнению, и должен быть ил на дне реки.

Мистер Скалли убрал кусок дерева с клыком в ящик шкафа и затворил дверцу. Дождь на улице снова усилился: он дробью барабанил в металлическую крышу.

— Должно быть, Старый Мозес радуется этому ливню, — заметил мистер Скалли.

— Я все-таки считаю: вам обязательно нужно показать зуб еще кому-нибудь, — сказал ему отец. — Например, газетчикам в Бирмингеме.

— Я так бы и сделал, Том, но боюсь, что Своуп мне этого не простит. Возможно, существует договоренность, что Старый Мозес остается *нашим* чудовищем лишь до тех пор, пока о нем не узнают чужаки: тогда его у нас тут

же отберут. Выловят из реки сетями и посадят в каком-нибудь зоопарке в огромный стеклянный сосуд, как чрезмерно разросшегося сома.— Мистер Скалли нахмурился и покачал головой.— Нет, я не хочу, чтобы это случилось. Уверен, что и Леди этого не хочет. Сколько я себя помню, каждую Страстную пятницу она носила Мозесу угощение. Прошедшая пятница была первой, когда Старому Мозесу не понравилась еда.

— Ему не понравилась еда? — удивился отец.— Что вы хотите этим сказать?

— Разве тебя не было на негритянском шествии в этом году, Том?

Мистер Скалли подождал ответа, вероятно рассчитывая, что отец скажет «нет», но, не дождавшись, продолжил:

— В этом году Старый Мозес впервые не ударил хвостом в сваю моста, как бы говоря: «Спасибо за жратву». Все происходит очень быстро, удар едва можно уловить, но ты различишь этот звук, если слышал его много раз. А в эту Страстную пятницу ничего такого не было.

И я вспомнил, какое встревоженное лицо было у Леди, когда она покидала мост с горгульями, и с каким мрачным видом устремилась назад в Братон процессия негров. Видно, Леди так и не удалось дожидаться удара хвоста Старого Мозеса в сваю. Но что может означать подобное нарушение застольного этикета?

— Трудно сказать, что это может означать,— проговорил мистер Скалли, словно прочитав мои мысли.— Но Леди это очень расстроило, это уж точно.

На улице уже темнело. Отец сказал, что нам пора возвращаться домой, и поблагодарил мистера Скалли за то,

что он уделил нам время и показал, куда делись останки моего велосипеда.

— Я ни в чем вас не виню,— сказал на прощание отец мистеру Скалли, который, хромя, проводил нас до выхода со свалки.— Вы просто делали свою работу.

— Верно, Том. Только один велосипед мне и был нужен. А ваш все равно нельзя было починить ни за какие коврижки,— повторил он.

Уж это я и сам мог сказать отцу. По сути, я так и сделал, но вся беда в том, что, пока ты еще мальчишка, взрослые слушают тебя вполуха.

— Слышал о машине, которая упала в озеро,— сказал на прощание мистер Скалли, и его голос эхом разнесся под сводами. Я ощутил, как напрягся рядом со мной отец.— Негоже так умирать без погребения по христианскому обычаю,— продолжил мистер Скалли.— Шериф Эмори нашел хоть какую-нибудь зацепку?

— Насколько я знаю, ни одной.

Голос отца дрогнул. Я был уверен, что он видел тонущую машину с прикованным к ее рулю наручниками мертвецом всякий раз, когда закрывал глаза, ложась спать.

— У меня есть соображения, что это за человек и кто мог его убить,— продолжал мистер Скалли.

Мы уже стояли в дверях сарая, но дождь снаружи усилился и теперь нещадно хлестал по горам мертвых вещей. Дневной свет угасал, приобретя какой-то зеленоватый оттенок. Взглянув на моего отца, мистер Скалли привалился плечом к дверному косяку.

— Это наверняка был человек, перебежавший дорожку семейке Блэйлок. И парень этот, скорее всего, был не местный, потому что все здешние, кто еще в здравом

уме, знают, что Уэйд, Бодин и Донни — это самые зло-
вредные и безжалостные стервятники во всем штате. Где-
то в лесах у них запрятана винокурня. Плевали они на всех.
А Большое Дуло, их папаша, самого дьявола может за по-
яс заткнуть. Да, сэр, именно Блэйлоки отправили того пар-
ня на дно озера, помяните мое слово.

— Думаю, что шерифу это тоже приходило в голову.

— Может быть, и так. Только дело-то в том, что никто
точно не знает, где прячутся Блэйлоки. Они порой появ-
ляются, чтобы совершить очередное злодеяние, а потом
снова уползают в свою змеиную нору, где их не найти.

Мистер Скалли взглянул на улицу.

— Дождь, похоже, немного стих. Если и вымокнете,
то несильно.

И мы стали с трудом пробираться сквозь грязь к на-
шему грузовичку. Я еще раз взглянул на велосипедную
гору и заметил то, на что не обратил внимания в первый
раз: среди искореженного металла росли вьющиеся стеб-
ли жимолости, среди ржавчины кое-где уже распускались
белые бутончики, испускавшие сладкий аромат.

Внимание отца привлекло что-то, лежавшее далеко за
кучей старых велосипедов, и что мы сразу не заметили.
Внезапно он остановился, вслед за ним замер и я, после
чего и мистер Скалли, который хромал впереди, вдруг по-
чувствовал что-то неладное и обернулся.

— Вот куда ее приволокли... — проговорил отец.

— Да, ее тогда сюда притащили. Хотя надо бы от нее
избавиться — расчистить место для нового хлама.

Говорить о том, что я увидел, было особенно нечего.
Это была груда ржавого смятого железа, лишь кое-где со-
хранилась черная краска. Ветровое стекло отсутствовало,

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

крыша была сплющена. Часть багажника сохранилась, на нем еще были видны нарисованные языки пламени.

Того самого, что поглотило водителя этой машины.

Отец повернулся и двинулся прочь, и я проследовал за ним к пикапу, стараясь держаться к отцу как можно ближе.

— Заезжайте как-нибудь! — сказал нам на прощание мистер Скалли.

Охотничьи собаки снова облаяли нас, и миссис Скалли выглянула на крыльцо, на этот раз без ружья. А мы с отцом покатали по этой посещаемой призраками дороге обратно к дому.

Глава 6

СТАРЫЙ МОЗЕС ОТКЛИКАЕТСЯ НА ЗОВ

Примерно через неделю после нашего визита к мистеру Скалли дома зазвонил телефон. Трубку взяла мама.

— Том! — раздался из коридора ее крик, в котором прозвучал смертельный ужас. — Джей-Ти говорит, что на озере Холман прорвало дамбу! Они созывают в здание администрации округа всех, кто может прийти.

— О господи!

Отец вскочил с дивана, лежа на котором он смотрел по телевизору новости, и принялся натягивать ботинки.

— Дело может кончиться наводнением! Кори! — крикнул он. — Быстро одевайся!

По его тону я сразу понял, что мне лучше поторопиться. Я отложил в сторону листы бумаги, на которых пытался записать рассказ о черном автомобиле с призраком за рулем, и быстро запрыгнул в свои джинсы. Когда чувствуешь, что родители испуганы, твое сердце начинает колотиться со скоростью девяноста миль в минуту. Я услышал, как отец произнес слово «наводнение». В последний раз подобное случилось, когда мне было пять лет. Тогда жители Зефира отделались сравнительно легко, разве что паводок растревожил болотных змей. Но из газет я

знал, что в 1938 году во время наводнения уровень воды на улицах Зефира достигал четырех футов, а в 1930-м во время весеннего паводка вода в Братоне доходила до крыши некоторых домов. Таким образом, наш городок затапливало не первый раз в его истории, а учитывая, какие проливные дожди лили с начала апреля во всех южных штатах, можно было легко предвидеть, что нам грозило в нынешнем году.

Река Текумсе вытекает из озера Холман, расположенного в сорока милях к северу от Зефира. Если считать, что все реки текут в сторону моря, мы оказались как раз на пути водной стихии.

Я убедился, что Бунтарь совершает свой обычный обход вокруг дома, после чего втиснулся вслед за мамой и отцом в наш пикап, и мы взяли курс на старое здание в готическом стиле в самом конце Мерчантс-стрит, где размещалась администрация округа. Почти во всех домах горел свет: видимо, сигнал тревоги дошел до всех. Сейчас дождь лишь слегка моросил, но уровень воды успел подняться до обода колес нашего пикапа: водосточные трубы не справлялись с нагрузкой и подвалы некоторых домов оказались затопленными. Именно по этой причине моему другу Джонни Уилсону с родителями пришлось на время перебраться к родственникам в Юнион-Таун.

На стоянке у здания администрации округа уже скопилось множество машин. Вдалеке в небе полыхнула молния, озарив низко висящие облака. В главный зал окружного собрания плотной массой набились люди. Зал представлял собой просторное помещение с расписным потолком, по которому летали ангелы, несущие тюки с хлопком, — то было наследие прошлого: лет двадцать назад здесь проводились хлопковые аукционы, но потом хлопкоочисти-

тельную машину вместе со складом перевели в Юнион-Таун, где отсутствовала опасность наводнений. Мы нашли себе места на шатких стульях у стены и очень скоро поняли, что нам повезло, потому что народ все прибывал. Вскоре в зале стало нечем дышать. У кого-то хватило сообразительности включить вентиляторы, но это мало помогало из-за горячего дыхания множества собравшихся в зале людей. Миссис Кэтти Ярброу, одна из главных болтушек нашего города, втиснулась рядом с мамой и принялась беспрерывно трещать, а ее муж, молочник из «Зеленых лугов», взял в оборот моего отца. Я увидел, как в зале появился Бен вместе с мистером и миссис Сирс, но устроились они на другой стороне зала. Вошла Демон: ее прическа выглядела так, словно она намазала волосы жиром. Перед ней шествовали ее безобразная мамочка и похожий на жердь папаша. Они нашли себе места совсем рядом с нами. Я содрогнулся, когда Демон заметила мой полный отвращения взгляд и улыбнулась мне в ответ. Явился преподобный Ловой со своим семейством, шериф Эмори с женой и дочками. Потом вошли Брэнлины, мистер Парлоу, мистер Доллар, Дэви Рэй со своими родителями, мисс Гласс Голубая и мисс Гласс Зеленая и много других, мало знакомых мне людей. Зал был набит битком.

— Тихо! Ти-ши-на!

Это крикнул мистер Уинн Гилли, помощник мэра. Он вышел на подиум, где раньше стояли аукционисты, а позади него за столом сидели мэр Лютер Своуп и шеф пожарной дружины Джек Марчетт, который, кроме того, еще и руководил гражданской обороной.

— Тишина! — что было силы заорал мистер Гилли, так что на его тощей шее вздулись жилы. Разговоры постепен-

но стихли, и мэр Своуп поднялся из-за стола, чтобы произнести речь. Мэру Своупу было около пятидесяти; он был высоким и худым человеком с лошадиным унылым лицом и седыми редеющими волосами, зачесанными назад. Во рту у мэра вечно торчала трубка из корня верескового дерева, и он пыхтел ею как локомотив, сжигающий в топке уголь на долгом крутом подъеме. Мэр носил тщательно отутюженные брюки и рубашки с инициалами на нагрудном кармане. Своуп походил на преуспевающего бизнесмена, которым он, по сути дела, и был: мэр владел магазином мужской одежды «Стэгт-шоп» и зефирским городским ледником, принадлежавшим его семье в течение нескольких поколений. Лана Джин, жена Своупа, сидела рядом с доктором Кертисом Пэрришем и его женой Брайти.

— Полагаю, что к настоящему времени все уже слышали о случившемся несчастье, — начал мэр Своуп. С виду Своуп был мэр хоть куда, но говорил он, словно каши в рот набрал. — Так вот: времени у нас осталось не так много. Мистер Марчетт доложил мне, что уровень воды в реке достиг критической отметки. Когда вода из озера Холман доберется до города, у нас начнутся настоящие неприятности. Ожидается, что предстоящее наводнение будет самым сильным из тех, что были на нашей памяти. Это означает, что Братон, расположенный ближе всего к реке, будет затоплен первым. Вэнди, где ты?

Мэр оглянулся по сторонам. В ответ на его зов мистер Вандеркамп-старший поднял трясущуюся руку.

— Мистер Вандеркамп готов открыть двери своего магазина хозяйственной утвари, — продолжал мэр Своуп. — У него там есть лопаты и мешки с песком, которые пригодятся нам, чтобы немедленно начать строить дамбу

между Братоном и рекой. Может быть, нам удастся сдержать самую высокую волну паводка. Это означает, что придется потрудиться всем: и мужчинам, и женщинам, и даже детям. Я только что звонил на базу ВВС Роббинс: они обещали прислать нам людей. Из Юнион-Тауна тоже обещали прислать помощь. А пока всем, кто способен держать в руках лопату, придется сейчас же отправиться в Братон и немного покопать там землю.

— Обожди-ка минутку, Лютер, черт возьми!

Говоривший поднялся со своего места. Однажды увидев этого человека, его уже ни с кем нельзя было спутать. Думаю, книга про белого кита была названа именно в его честь. Лицо мистера Дика Моултри было красным и опухшим, а волосы подстрижены коротким ежиком, так что его голова напоминала коричневую подушечку для булавок. На нем были футболка размером с палатку и синие джинсы, в которые одновременно можно было бы засунуть моего отца, шефа пожарных Марчетта и мэра Своупа. Он поднял жирную руку и нацелил перст в сторону мэра.

— Сдается мне, ты советуешь нам бросить свои дома? Разве нет? Бросить наши дома и отправиться спасать шайку нигтеров!

Этого восклицания оказалось достаточно, чтобы общее единство дало трещину. Некоторые стали кричать, что мистер Моултри совершенно прав, другие вопили, что нет.

— Дик, — ответил мэр Своуп и переложил трубку из одного угла рта в другой, — мне не нужно тебе объяснять, что наводнение первым делом всегда заливает Братон. Там низина. Если мы сумеем удержать там реку, то, может быть...

— Тогда где же обитатели Братона? — спросил мистер Моултри, и его квадратная голова повернулась направо, а потом налево. — Не вижу здесь ни одного черного лица! Где они? Почему никто из них не пришел сюда просить нас о помощи?

— Потому что они *никогда* не просят о помощи.

С этими словами мэр выпустил струйку голубого дыма, и двигатель его локомотива вновь заработал.

— Я абсолютно уверен, что все они сейчас на берегу реки, пытаются построить дамбу. Но они ничего не станут у нас просить, даже когда вода поднимется под самые крыши. Леди им не позволит. Но жителям Братона нужна наша помощь, Дик. Речь идет о жизни и смерти.

— Будь у них голова на плечах, они бы давно съехали из этой низины! — продолжал гнуть свое мистер Моултри. — Черт, мне все уши прожужжали этой Леди! Кем она себя мнит, королевой, что ли?

— Сядь, Дик, — подал голос Марчетт. Шеф пожарной дружины был ширококостным мужчиной с тонкими чертами лица и пронзительными голубыми глазами. — Сейчас нет времени на пустые споры!

— Черта с два! — Мистер Моултри решил проявить упорство. Он стал красным, как пожарный гидрант. — Я хочу, чтобы Леди сама явилась сюда, на территорию белого человека, и *попросила* нас о помощи!

Требование мистера Моултри породило целую бурю как одобрительных, так и негодующих выкриков. Его жена Физер тоже вскочила на ноги и завизжала:

— Да, черт возьми, мы хотим этого!

Миссис Моултри была блондинкой с волосами серебристого оттенка, ее имя Физер означало «перышко», но она

была больше похожа на наковальню. Рев мистера Моултри перекрывал все другие крики:

— Не стану я гнуть спину на нигтеров!

— Ты забываешь, Дик,— не без смущения заметил мэр Своуп,— что они *наши* нигтеры!

Крики и шум не утихали. Кто-то говорил, что наш христианский долг — спасти Братон от наводнения, другие же заявляли, что паводок случился как нельзя кстати: он смое с Братон с лица земли раз и навсегда. Отец и мама сидели молча, как и большинство присутствовавших,— усердствовали только крикуны.

Внезапно по залу волной стала распространяться тишина. Она шла из дальнего конца зала, от дверей, где теснились пришедшие последними. Кто-то хихикнул, но смех тут же придушенно стих. Послышалось какое-то невнятное бормотание. А потом в зал протиснулся человек — толпа расступалась перед ним, как воды Черного моря.

Улыбка играла на губах вошедшего. У него было мальчишеское лицо, светло-каштановые волосы и высокий лоб.

— Что это вы все так кричите? — спросил он. У него был акцент южанина, но чувствовалось, что это образованный человек. — У вас какие-то проблемы, мэр Своуп?

— Э-э-э, нет, Вернон.. никаких проблем. Ведь так, Дик?

Казалось, мистер Моултри сейчас взорвется от злости и начнет брызгать слюной. Лицо его жены под серебристыми локонами стало бордовым, как свекла. Я услышал, как хихикнули Брэнлины, но кто-то шикнул на них, и они замолчали.

— По-моему, причин для споров нет,— сказал Вернон, продолжая улыбаться. — Вы же знаете, как папочка ненавидит проблемы.

— Сядьте, — сказал чете Моултри мэр Своуп, и те послушно опустились на стулья, чуть было не обрушив их своими задками.

— Мне показалось, что в наших рядах нет... как бы это сказать... единства, — продолжал Вернон.

Я почувствовал, как смех щекочет мне горло, грозя вырваться наружу, но в этот момент отец схватил меня за руку и так сильно сжал, что я подавил смешок. Люди вокруг нас неловко ерзали на своих местах, особенно неуютно ощущали себя пожилые вдовы.

— Мэр Своуп, я могу подняться на сцену?

— Господи, помилуй нас, — прошептал отец, в то время как мама тряслась от охватившего ее беззвучного хохота.

— Думаю... что можешь, Вернон. Пожалуйста, если ты хочешь. Поднимайся.

Мэр Своуп сделал несколько шагов назад, унося за собой клубы табачного дыма.

Поднявшись на сцену, Вернон Такстер повернулся лицом к собранию. В электрическом свете его кожа казалась очень бледной. Он весь был бледным, с головы до пят.

Вернон Такстер был абсолютно наг. На нем не было ни клочка одежды.

Все его хозяйство было выставлено на общее обозрение. Вернон был невероятно тощим, наверно, потому, что очень много ходил пешком. Я подумал, что подошвы его вечно босых ног должны быть твердыми, как дубленая кожа. На его белой плоти блестели капли дождя, мокрые волосы свисали сосульками. Он был словно индийский религиозный мистик, сошедший с фотографии из журнала

«Нэшнл джиографик». Хотя для индийца Вернон, конечно же, был слишком белокож, да и на мистика тоже походил мало. Вернон Такстер был просто-напросто законченным психом, стукнутым пыльным мешком из-за угла.

Само собой, появление на людях в чем мать родила было для Вернона вполне нормальным. Как только солнышко начинало пригревать, он только так и гулял. Зимой и поздней осенью он не любил выбираться из дому. Первое появление Вернона в теплые весенние денечки всегда вызывало оторопь, к июлю на него уже переставали обращать внимания, а в октябре куда более интересным казался листопад. Однако приход следующей весны неизменно сопровождался очередным появлением в общественном месте Вернона Такстера, блистающего своей наготой.

Наверно, вас удивляет, почему шериф Эмори тут же не схватил Вернона за шкуру и не потащил в кутузку за нарушение общественной морали? Причина очень проста: Мурвуд Такстер, отец Вернона, являлся владельцем банка, молочной фермы «Зеленые луга» и компании по торговле городской недвижимостью. Чуть ли не все дома в Зефире были заложены через его банк. Мурвуд Такстер владел землей, на которой стоял кинотеатр «Лирик», как и той, где было выстроено здание администрации округа. В его собственности находился каждый булыжник на Мерчантс-стрит. Он был владельцем многочисленных лачуг Братона, а его собственный особняк на двадцать восемь комнат высился на Темпл-стрит. Страх перед известным затворником Мурвудом Такстером, которому было уже за семьдесят, вынуждал шерифа Эмори закрывать глаза на свободно разгуливающего голым по улицам моего род-

ного городка сорокалетнего Вернона. Такой порядок существовал всегда, сколько я себя помню.

Однажды мама рассказала мне, что было время, когда Вернон был вполне нормальным человеком, но потом он написал книгу и укатил с ней в Нью-Йорк. Оттуда он вернулся через год уже совершенно свихнувшимся и принялся появляться всюду в чем мать родила.

— Леди и джентльмены,— начал Вернон Такстер.— А также, конечно, дети.— Вытянув перед собой свои хилые руки, он крепко ухватился ими за край кафедры.— Сложившаяся ситуация крайне серьезна.

— Мапочка,— неожиданно раздался визгливый голосок Демона.— У этого дядьки пиписька видна...

Рука с поросшими рыжими волосками костяшками пальцев поспешно зажала Демону рот. Я понял, что дом родителей Демона, по-видимому, тоже стоял на земле старого Такстера.

— Крайне серьезна,— повторил Вернон, не замечавший ничего, кроме звука собственного голоса.— Так вот, отец послал меня сюда, чтобы я передал присутствующим очень важное сообщение. Он сказал, что в это тяжелое время ожидает от жителей города проявления истинно братских и христианских чувств. Мистер Вандеркамп, сэр?

— Я слушаю тебя, Вернон,— отозвался старик.

— Прошу вас составить список имен тех, кто, чувствуя в себе силы и повинуюсь душевному порыву, возьмет у вас лопаты и другие принадлежности, необходимые для помощи обитателям Братона. Мой отец будет вам очень благодарен за это.

— Рад буду служить ему,— отозвался мистер Вандеркамп-старший. Он был богат, но не настолько, чтобы посметь отказать Мурвуду Такстеру.

— Огромное спасибо. Благодаря вашей услуге мой отец всегда сможет иметь под рукой список на случай роста процентных ставок, что всегда может случиться в наше беспокойное время. По мнению отца, люди, которые всегда готовы прийти на помощь своим соседям, заслуживают особого поощрения.

Вернон улыбнулся и окинул взглядом аудиторию:

— Кто-нибудь желает что-то сказать?

Никто не пожелал ничего сказать. Довольно сложно вести о чем-то разговор с голым человеком. Его можно, конечно, спросить, почему на нем нет одежды, но в зале не нашлось никого, кто бы решился затронуть эту опасную тему.

— В таком случае, я думаю, цели нашей миссии для всех ясны,— заключил Вернон свое выступление.— Желаю удачи.

Поблагодарив мэра Своупа за предоставленное ему слово, Вернон спустился вниз и покинул зал тем же путем, что и пришел. Черное море снова расступилось перед ним и вновь сомкнулось за его спиной.

Минуту-другую все сидели молча, по-видимому ожидая, пока Вернон Такстер покинет зону слышимости. Потом один из присутствующих рассмеялся, его смех подхватил кто-то еще, а потом Демон начала хохотать во все горло и прыгать на месте. Однако на весельчаков зашикали, чтобы они заткнулись. Несколько минут зал напоминал некое веселое подобие ада.

— Спокойствие! Прошу всех успокоиться! — кричал мэр Своуп.

Шефу пожарных Марчетту этого показалось мало, и, вскочив с места, он заревел, как сирена, призывая к тишине.

— Это шантаж, черт возьми! — закричал мистер Моултри. — Никак по-другому эту ерунду не назовешь!

Несколько человек его поддержали, но остальные, в том числе мой отец, крикнули Моултри, чтобы тот замолчал и дал возможность высказаться шефу пожарной команды.

Вот так все и уладилось: Марчетт объявил, что те, кто желает работать, должны немедленно отправляться в Братон, где у моста с горгульями река уже подступила к ближайшим домам. Кроме того, нужно несколько добровольцев, чтобы погрузить в машину лопаты, кирки и другой инвентарь из скобяной лавки мистера Вандеркампа. Когда Марчетт покончил со своими распоряжениями, стало понятно, насколько велика власть Мурвуда Такстера: все как один, включая даже мистера Моултри, отправились в Братон.

Узкие улочки Братона уже были залиты. В воде хлопали крыльями цыплята, плавали собаки. Дождь ударил с новой силой, ритмично, словно выводя какую-то нехитрую мелодию, застучал по жестяным крышам. Темнокожие люди выносили свои пожитки из деревянных домиков и перетаскивали их на более высокие места, пытаясь спасти хоть что-нибудь. Машины и грузовики, шедшие из Зефира, гнали перед собой волны, которые расходились во все стороны по затопленным дворикам и разбивались о каркасы домов, образуя пену.

— Да, река разошлась не на шутку, — пробормотал отец.

На лесистом берегу реки уже вовсю трудилось большинство населения Братона, стоя по колено в воде. Стена из земли и глины росла прямо на глазах, но река была ненасытна. Оставив пикап возле общественного баскет-

больного зала Центра досуга Братона, где уже собралось много машин, мы побрели к реке. Над медленно, но неуклонно поднимавшейся водой клубился туман, в котором беспорядочно метались лучи фонарей. Над головами полыхали молнии, грохотал гром. Со всех сторон неслись призывы работать быстрее и усердней. Мама схватила меня за руку, крепко сжала ее и уже не выпускала, а отец прошел вперед, чтобы присоединиться к группе мужчин из Братона. К реке задом подали самосвал, полный песка. Какой-то негр посадил отца в кузов, и они принялись насыпать в небольшие пеньковые мешки песок и скидывать их вниз, к дамбе, другим насквозь промокшим людям.

— Эй, вы там! Эй, там! — закричал кто-то. — Она же не выдержит!

Голоса накладывались друг на друга, сливались, как лучи фонариков. В них слышался испуг. Мне тоже стало страшно.

Когда стихия выходит из-под контроля, в человеке пробуждается первобытный страх. Мы привыкли верить, что являемся хозяевами своих владений, что Бог дал нам землю с тем, чтобы мы, люди, на ней правили. Эта иллюзия необходима нам, как свет по ночам. Правда куда ужаснее: наши тела так же хрупки и непрочны, как молодые деревца под напором урагана, а наши любимые дома от сплавного леса отделяет всего лишь один паводок. Мы уходим корнями в содрогающуюся от трепета землю, мы живем там, где поднимались и рассыпались в прах горы и где превращались в туманную мглу доисторические моря. Мы и построенные нами города не вечны, да и сама земля — лишь проходящий поезд. Когда вы стоите в

мутной илистой воде, которая доходит вам до пояса, и слышите, как кричат из темноты люди, тщетно пытающиеся сдержать напор неумолимого течения, вы наконец осознаете истину: нам не победить, но мы не имеем права сдаваться. Под проливным дождем, на уходившем из-под ног речном берегу не было ни одного человека, который хоть на секунду верил бы в то, что Текумсе можно остановить. Такого не случалось никогда. Но, несмотря ни на что, работа продолжалась. Грузовик, полный лопат и другого инструмента, прибыл из скобяной лавки, и мистер Вандеркамп-младший тут же принялся выдавать лопаты, а получившие инструмент люди записывали свои имена на листке, укрепленном на дощечке с зажимом. Преграда из земли и мешков с песком продолжала расти, но речная вода тем не менее проникала сквозь эту баррикаду, подобно коричневому супу, вытекающему наружу из беззубого старческого рта. Вода поднялась еще выше, скрыв пряжку моего ремня.

Молнии прорезали небо зигзагами, вслед за каждой вспышкой раздавался раскат грома такой силы, что нельзя было расслышать даже пронзительного визга испуганных женщин.

— Как близко ударило! — крикнул преподобный Ловой, сжимая в руках лопату. Он казался вылепленным из глины.

— Свет гаснет! — крикнула через несколько секунд какая-то чернокожая женщина.

И действительно, Братон и Зефир начали медленно погружаться во тьму. Я видел, как мигают и гаснут огни в окнах. Через мгновение весь мой родной городок лежал во тьме: невозможно было различить, где небо, а где вода. Где-то далеко от Братона, но определенно в пределах Зе-

фира, в окне какого-то дома мерцало пламя свечи. С минуту я следил, как едва заметный огонек перемещается из одного окна в другое. Довольно скоро я понял, что смотрю на особняк мистера Мурвуда Такстера в возвышенной части Темпл-стрит.

Дальнейшее я сперва почувствовал, а лишь потом увидел.

Появившийся слева от меня человек некоторое время молча меня рассматривал. На незнакомце было длинное непромокаемое пальто, человек этот держал руки в карманах. Вслед за ударом грома завыл ветер, разметавший мокрые полы дождевика незнакомца, и у меня замерло сердце: я вспомнил тот силуэт в лесу у озера Саксон.

Постояв немного рядом с нами, незнакомец направился в сторону дамбы. То был высокий и сильный мужчина, в движениях его чувствовалась целеустремленность. Лучи от фонарей на мгновение скрестились в воздухе, словно в фехтовальном поединке, и человек в дождевике вошел в перекрестие света. Мне не удалось разглядеть лицо незнакомца, но зато я увидел кое-что другое.

Голова незнакомца была покрыта насквозь промокшей шляпой-федорой, с которой каплями стекала дождевая вода. Шляпная лента была скреплена серебряной пряжкой размером с полдоллара, а из-под пряжки торчало маленькое декоративное перо.

Перо, потемневшее от сырости, но блеснувшее в свете фонарей явственным зеленоватым отливом.

Точно таким же, как и у пера, которое я отлепил от подошвы кеда в то памятное утро у озера.

Мысли лихорадочно метались в голове. Могло ли быть так, что под пряжкой этой шляпы когда-то была пара декоративных перьев, пока ветер не вырвал одно из них?

Один фонарный луч, побежденный, отступил. Другой, поколебавшись, тоже метнулся прочь. Человек в шляпе с зеленым пером и дождевике, пройдя в каких-то восьми футах от меня, ушел прочь в темноту.

— Мама! — позвал я. — Мама!

Незнакомец все дальше и дальше уходил от нас. На ходу он поднял руку, чтобы придержать шляпу.

— Мама! — снова позвал я. Наконец расслышав меня сквозь шум, она спросила:

— Что такое?

— Мне кажется... мне кажется...

Но я не знал в тот момент, что в точности мне казалось и что я испытывал. Ведь я не мог сказать наверняка, был ли этот человек именно тем, кого я видел на опушке леса через дорогу от озера.

Незнакомец уходил от нас, шаг за шагом рассекая коричневую воду.

Вырвав руку из маминой ладони, я бросился вслед за ним.

— Эй, Кори! — крикнула она. — Кори! Сейчас же дай мне руку!

Я слышал ее, но не послушался. Вокруг меня плескалась вода, но я упрямо шел вперед.

— Кори! — закричала мама.

Но мне нужно было увидеть его лицо.

— Мистер! — крикнул я.

Но вокруг стоял такой шум от дождя, бушующей реки и суеты вокруг дамбы, что незнакомец не слышал меня. Но даже если он и слышал мои крики, я был уверен, что он не оглянется. Я чувствовал, как течение Текумсе срывает с моих ног ботинки. Я по пояс увяз в холодной

жидкой грязи. Человек в дождевике направлялся к берегу реки, туда, где находился мой отец. Лучи фонарей раскачивались и метались из стороны в сторону, их мерцающий свет упал на правую руку мужчины как раз в тот миг, когда он вытащил ее из кармана.

Что-то металлическое блеснуло в его руке.

Что-то, имевшее острые очертания.

Мое сердце ушло в пятки.

Человек в шляпе с зеленым пером направлялся к реке, чтобы встретиться с моим отцом. Он планировал эту встречу, искал ее давным-давно, наверно, еще с тех пор, как отец бросился в озеро вслед за тонувшей машиной. А что, если незнакомец воспользуется ситуацией — шумом, суетой, дождливой мглой — и вонзит нож отцу в спину? Я попытался найти отца взглядом, но не смог этого сделать: все люди казались безликими отблесками, не отличимыми друг от друга силуэтами, изо всех сил пытающимися предотвратить неизбежное.

Незнакомец преодолевал течение гораздо быстрее меня, и расстояние между нами увеличивалось. Я ринулся вперед, пытаясь одолеть реку, но поскользнулся и погрузился в илистую воду, сомкнувшуюся у меня над головой. Я стал колотить руками, пытаясь ухватиться за что-нибудь и вынырнуть, но не нашел никакой опоры. Ноги провалились в жидкую грязь. В голове пронеслась паническая мысль, что я никогда уже не сумею глотнуть воздуха. Я плескался и качался на волнах, а потом кто-то схватил и приподнял меня, так что грязная вода медленно стекла с моего лица и волос.

— Я вытащил тебя, — сказал мне мужской голос. — Все в порядке.

— Кори! Что с тобой? — Это был голос моей матери, и в нем звучал неподдельный страх. — Ты что, с ума сошел?

— Похоже, он попал ногой в яму, Ребекка.

Мужчина поставил меня на твердую почву, которую я теперь ощущал ногами, хотя стоял по пояс в воде. Я отряхнул с глаз комки грязи и увидел над собой лицо доктора Кертиса Пэрриша, на котором тоже были дождевик и непромокаемая шляпа. Шляпа без всякой ленты, серебряной пряжки и зеленого пера. Я оглянулся по сторонам в поисках фигуры человека, которого только что пытался догнать, но она уже слилась с силуэтами людей у речного берега. Он был там с ножом, вытащенным из кармана.

— Где папа? — пролепетал я, вновь впадая в лихорадочное состояние. — Мне нужно обязательно разыскать папу!

— Тихо, тихо, успокойся. — Доктор Пэрриш положил руку мне на плечо. В другой руке он держал фонарь. — Там где-то там.

Доктор осветил лучом фонаря группу перемазанных в глине людей. Направление, в котором он указывал, было совсем не то, куда ушел человек в шляпе с зеленым пером. Но я увидел там отца, работающего лопатой между каким-то чернокожим и мистером Ярброу.

— Видишь его?

— Да, сэр.

Я снова завертел головой, отыскивая таинственную фигуру в дождевике и шляпе-федоре. Но она исчезла.

— Кори, больше не смей убегать! — прикрикнула на меня мама. — Чуть не до смерти меня напугал!

Она крепко, как тисками, стиснула мою руку.

Док Пэрриш был грузный человек лет сорока восьми — сорока девяти, с квадратной крепкой челюстью и носом, расплюснутым в ту пору, когда он сержантом в армии занимался боксом и был чемпионом. Теми же руками, что выгребли меня со дна подводной ямы и поставили на ноги, доктор Пэрриш принял меня при родах из утробы матери. У дока Пэрриша были густые брови цвета стали и темно-каштановые волосы. На висках пробивалась седина, выглядывавшая из-под полей его непромокаемой шляпы.

— Мистер Марчетт сказал мне, что в местной школе открыли спортивный зал, — сказал док Пэрриш маме, — там можно разместиться. Туда уже принесли масляные лампы, одеяла и раскладушки. Вода быстро поднимается, поэтому женщинам и детям лучше идти туда.

— Нам тоже нужно туда пойти?

— Не будет никакой пользы, если вы с Кори останетесь стоять здесь, посреди этого хаоса.

Док Пэрриш указал своим фонарем в противоположную от реки сторону, где на баскетбольной площадке, превратившейся в болото, мы оставили свою машину.

— Туда приезжает грузовик и забирает всех, кто хочет укрыться в спортивном зале. Через несколько минут там как раз должна появиться очередная машина.

— Но тогда папа не будет знать, где мы! — возразил я. Шляпа с зеленым пером и нож все еще не выходили у меня из головы.

— Я ему передам. Тому будет спокойней, когда он узнает, что оба вы в безопасности, и скажу честно, Ребекка: если дело пойдет так и дальше, к утру мы сможем ловить рыбу из окон.

Дополнительных приглашений нам не потребовалось.

— Моя Брайти уже там,— сказал доктор Пэрриш.— Поспешите, чтобы успеть на следующий грузовик. Вот, возьмите.

Док Пэрриш отдал маме свой фонарь, и мы заторопились прочь от разбушевавшейся Текумсе в сторону баскетбольной площадки.

— Держись за мою руку и ни в коем случае не отпускай! — строго предупредила меня мама.

Вокруг нас бурлили речные воды. Оглянувшись назад, я сумел разглядеть только движущиеся в темноте огни, их блеск на поверхности мутной воды.

— Смотри лучше под ноги! — прикрикнула на меня мама.

Дальше по берегу реки, за тем местом, где работал отец, голоса стали звучать все громче, и вот уже люди что-то кричали нестройным хором. Тогда я еще этого не знал, но, как потом выяснилось, именно в тот момент волна перехлестнула через земляную дамбу в самом ее высоком месте, река прорвалась через преграду, и вода, крутясь и пенясь, залила людей по самые локти. В илистой пене луч фонаря на миг выхватил чешую с коричневыми крапинками, и кто-то истошно завопил: «Змеи!» В следующее мгновение люди с изумлением наблюдали за извивающимися в потоках воды змеями. Мистер Стелко, администратор кинотеатра «Лирик», постарел на десяток лет, когда, протянув руку, чтобы за что-то ухватиться, ощутил движущееся мимо него в завихрениях воды покрытое чешуей тело размером не менее бревна. Мистер Стелко обмочился от страха, а когда наконец нашел в себе силы исторгнуть

из легких крик, чудовищное земноводное уже промчалось мимо, унесенное паводком на улицы Братона.

— Помогите! Кто-нибудь помогите! — раздался где-то рядом с нами женский крик, и мама сказала мне:

— Подожди.

Кто-то приближался к нам с громким плеском, неся высоко над головой масляную лампу. Капли дождя, ударявшие в раскаленное стекло лампы, с шипением превращались в пар.

— Помогите мне, умоляю! — крикнула она нам.

— В чем дело? — спросила мама, осветив фонарем лицо охваченной паникой молодой темнокожей женщины. Мне она была незнакома, но мама узнала ее:

— Нила Кастайл? Это ты?

— Да, мэм, это я, Нила. А вы кто?

— Ребекка Маккенсон. Когда-то я читала твоей матери книги.

Должно быть, это было задолго до моего рождения, сообразил я.

— С моим отцом несчастье, миз Ребекка! — запричитала Нила Кастайл. — Должно быть, у него сдало сердце.

— Где он?

— В нашем доме! Вон там!

Нила указала рукой в темноту. Вокруг ее талии бурлила вода. Мне она доходила уже до груди.

— Он не может подняться!

— Я поняла, Нила. Успокойся.

Моя мама, способная ощутить кожей и преувеличить до невероятных размеров малейшую опасность, обладала поразительным свойством излучать спокойствие, когда в утешении нуждался кто-то другой. Это, как я теперь

понимаю, составляет часть сущности любого взрослого. В минуты опасности мама могла проявить качества, которые прискорбным образом отсутствовали у деда Джейберда,— стойкость и отвагу.

— Покажи дорогу,— сказала мама молодой негритянке.

Вода уже врывалась в дома Братона. Жилище Нилы Кастайл, как и большинство других здешних домов, представляло собой узкую серую лачугу. Когда мы вошли в дом вслед за Нилой, река уже бушевала вокруг нас.

— Гэвин! Я вернулась!

В свете масляной лампы Нилы и маминого фонаря мы увидели чернокожего старика, сидящего в кресле. Вода доходила ему до колен, вокруг кружились в водовороте газеты и журналы. Он стискивал рукой рубашку на груди возле сердца, его лицо цвета черного дерева было перекошено от боли, а глаза плотно зажмурены. Рядом со стариком стоял, держа его за руку, маленький мальчик лет семи-восьми.

— Мама, дедушка плачет,— сообщил он Ниле Кастайл.

— Я знаю, Гэвин. Папа, я привела людей помочь тебе. Нила Кастайл поставила на стол лампу.

— Ты слышишь меня, папа?

— О-о-ох-х-х,— застонал старый негр.— На этот раз меня крепко прихватило.

— Мы поможем тебе подняться. Надо выбираться отсюда.

— Нет, дорогуша.— Старик покачал головой.— Ноги старые... отказали.

— Что же нам делать? — спросила Нила, взглянув на мою мать, и я увидел, что в глазах у нее блестят слезы.

Река уже ломилась в домик Нилы. Снаружи грохотал гром, и комната то и дело озарялась вспышками молний. Если бы все это было частью телевизионного шоу, сейчас наступало самое подходящее время для рекламы.

Но в реальной жизни нет места паузам.

— Нужна тачка,— сказала мама.— Нет ли ее у вас?

Нила ответила, что у них нет тачки, но они несколько раз брали ее займы у соседей, и она, наверно, стоит у них на заднем крыльце.

— Кори, ты остаешься здесь,— сказала мама и вручила мне масляную лампу.

Наступил мой черед быть храбрым, хотел я этого или нет. Мама и Нила ушли и унесли с собой фонарь, а я остался в заливаемой водой комнате вместе с маленьким мальчиком и беспомощным стариком.

— Я Гэвин Кастайл,— сказал негритенок.

— А я Кори Маккенсон,— представился я.

Нелегко поддерживать разговор, когда ты стоишь по пояс в коричневой воде и мерцающий свет жалкой лампы едва разгоняет тьму.

— А это мой дедушка, мистер Букер Торнберри,— объяснил мне Гэвин, ни на мгновение не отпуская руки старика.— Ему нездоровится.

— Почему вы не вышли наружу вместе со всеми?

— Потому, паренек,— ответил мне мистер Торнберри, слегка приподнявшись со своего места,— что это *мой* дом. И я не боюсь какой-то проклятой реки.

— Но ведь все остальные боятся,— заметил я, имея в виду: *все, кто в здравом уме*.

— Другие могут драпать, если им так хочется,— отозвался мистер Торнберри, в котором я почуял то же не-

сокрушимое упрямство, которым отличался мой дед Джейберд. Сказав это, старик содрогнулся от нового приступа боли. Он медленно закрыл и снова открыл свои темные глаза, выделяющиеся на фоне его худого лица, и пристально посмотрел на меня.

— В этом доме умерла моя Рубинелл. Прямо здесь. И я тоже не собираюсь умирать в больнице для белых.

— Разве вы хотите умереть? — спросил я его.

Казалось, старик несколько секунд обдумывал мой вопрос.

— Я хочу умереть в своем собственном доме, — наконец ответил он.

— Вода все прибывает, — сказал я. — Все, кто останется, могут утонуть.

Старик нахмурился. Потом повернул голову и посмотрел на маленькую черную руку внука, сжимавшую его ладонь.

— Деда водит меня в кино на мультики! — сообщил мне стоявший уже по горло в воде Гэвин, словно привязанный к худой черной руке старика. — Мы видели «Песенки с приветом».

— Багса Банни, — подхватил старик. — Мы видели старину Багса Банни и того заику, что похож на свинью. Верно, внучок?

— Да, сэр, — отчеканил Гэвин и улыбнулся. — И скоро мы снова пойдем на мультики. Верно, деда?

Мистер Торнберри ничего не ответил. Гэвин ни за что не хотел отпускать его руку.

И тогда я понял, что такое настоящая смелость. Это когда ты любишь кого-то больше самого себя.

Вскоре вернулись мама и Нила Кастайл с тачкой.

— Мы посадим тебя в нее, папочка,— принялась упрашивать старика Нила.— Мы отвезем тебя туда, куда приезжает грузовик и всех забирает. Так говорит миз Ребекка.

Мистер Торнберри глубоко и натужно вздохнул, на несколько секунд задержал вдох и только потом выдохнул.

— Проклятье,— прошептал он.— Старый мотор у старого дурня.

На последнем слове его голос чуть дрогнул.

— Сейчас мы вам поможем,— сказала ему мама.

Мистер Торнберри кивнул.

— Ладно,— проговорил он.— Пора смываться, верно?

Мама с Нилой пересадили мистера Торнберри в тачку, но быстро поняли, что, хоть он и казался с виду весьма тощим, придется затратить немало усилий, чтобы толкать тачку с ним, да еще и следить, чтобы голова оставалась над водой. Кроме того, я видел и другое серьезное затруднение: на улице, залитой паводком, Гэвина наверняка скроет с головой. Течение мгновенно унесет его, как пустой кукурузный початок. Кто сумеет удержать его?

— Нам придется вернуться за мальчиками,— приняла решение мама.— Кори, встаньте с Гэвином на этот стол, ты будешь держать лампу.

Вода в доме поднялась уже до уровня столешницы, но пока что она могла спасти нас от наводнения. Я послушно забрался на стол, Гэвин последовал моему примеру. Мы стояли рядом, я с лампой в руке, на островке из соснового дерева.

— Вот так, отлично,— сказала мне мама.— Кори, отсюда ни на шаг. Если ты вздумаешь уйти, не дождавшись

меня, то я тебя так выпорю, что на всю жизнь запомнишь. Понятно?

— Да, мэм.

— Гэвин, мы сейчас вернемся,— сказала Нила Кастайл.— Только отвезем дедушку туда, где ему помогут другие люди. Ты меня понял?

— Да, мэм,— ответил Гэвин.

— Ребятишки, слушайте своих мам,— проскрежестал мистер Торнберри искаженным от боли голосом.— Не будете слушаться — я отхожу по попам вас обоих.

— Понятно, сэр,— хором ответили мы с Гэвином.

Мне показалось, что мистер Торнберри потерял охоту умирать и решил пожить еще немножко.

Навалившись на ручки, каждая со своей стороны, мама и Нила Кастайл принялись толкать тачку к двери, преодолевая поток коричневой воды. Мама, кроме того, еще и держала лампу. Они подняли тачку вверх, насколько это было возможно, а мистер Торнберри приподнял голову, так что на его тощей шее натянулись все жилы. Я слышал, как мама кричит от напряжения. Медленно, но верно тачка продвигалась по направлению к двери, и они вытолкнули ее за дверь, на затопленное крыльцо, где кружилась в водовороте река. У основания ступенек лестницы из шлакобетона вода доходила мистеру Торнберри до шеи, плескала ему в лицо.

Мама и Нила Кастайл покатали тачку прочь от дома; течение, подталкивая их в спины, помогало везти груз. Мне прежде не приходило в голову, что мама — физически сильная женщина. Думаю, никогда нельзя сказать наверняка, на что человек способен, пока обстоятельства не вынудят его действовать.

— Кори! — позвал меня Гэвин вскоре после того, как мы с ним остались вдвоем.

— Что, Гэвин?

— Я не умею плавать.

Он крепко прижался ко мне. Теперь, когда рядом с Гэвином больше не было дедушки и ему не было больше нужды демонстрировать свою храбрость, он задрожал.

— Не беспокойся, — заверил я его. — Тебе и не придется никуда плыть.

По крайней мере, я на это надеялся.

Мы терпеливо ждали. Конечно, они скоро вернутся. Вода уже заливала наши размокшие ботинки. Я поинтересовался у Гэвина, не знает ли он какие-нибудь песни, и тот ответил, что как раз знает песню «На верхушке старой трубы», которую тут же запел высоким и дрожащим, но не лишенным приятности голосом.

Его пение, похожее по манере на тирольский йодль, не осталось незамеченным: кто-то отчаянно заплескался в дверном проеме — у меня перехватило от страха дыхание, и я поспешно направил туда фонарь.

То была коричневая собака, вся измазанная в грязи. В свете лампы глаза пса дико блестели. Хрипло дыша, он поплыл в нашу сторону через комнату, среди плавающих в воде газет и прочего мусора.

— Давай, друг, плыви! — крикнул я, передавая Гэвину лампу.

Друг это был или подруга — существенного значения не имело, главным для собаки было обрести опору. Собака взвизгнула и заскулила, когда волна, проскользнув через дверь, подняла и опустила ее. Вода с шумом ударила в стену.

— Давай, дружище!

Я наклонился, чтобы помочь взобраться на стол барахтающейся в воде собаке, схватил ее за передние лапы. Розовый язык животного, освещенный тусклым желтым светом лампы, вывалился наружу. Казалось, она взывает ко мне, как утвердившийся в вере христианин к своему Спасителю.

Я уже поднимал пса за передние лапы, когда почувствовал, как он содрогнулся.

И в тот же миг раздался отчетливый *хруст*.

Все произошло очень быстро.

Из темной воды появились голова и плечи собаки, но вдруг я осознал, что она заканчивается на середине спины: вторая половина тела отсутствовала — ни задних лап, ни хвоста, ничего, кроме зияющей дыры, в которую хлынул поток черной крови и кишок в облаке пара.

Пес коротко всхлипнул и умолк. Его лапы еще несколько раз дернулись, а глаза неотрывно глядели на меня: страдание, которым они были наполнены, никогда не изгладится из моей памяти.

Я заорал — что в точности я в тот момент кричал, конечно же, не помню — и выпустил из рук месиво, некогда бывшее собакой. Оно с плеском упало в воду, ушло вглубь, снова всплыло, причем передние лапы по-прежнему пытались грести. Гэвин прокричал что-то нечленораздельное, кажется, про потоп на Марсе. А потом водоворот закружился вокруг половинки туловища собаки, внутренности тянулись за ней наподобие ужасного хвоста, и тут поверхность воды вспороло тело какого-то чудовища.

Оно было покрыто чешуей, формой напоминавшей бриллианты, а цветом — осеннюю листву бледно-коричневого, ярко-пурпурного, густо-золотого и темно-желтого оттенков. Вся палитра речных красок тоже здесь присут-

ствовала — от тинной охры до розоватого лунного цвета. Я заметил целую поросль мидий, прилепившихся к бокам чудовища, глубокие борозды старых шрамов и несколько застрявших рыболовных крючков, уже заржавевших. Я видел перед собой туловище толщиной не меньше ствола старого дуба, медленно, с явным удовольствием переворачивающееся в воде. Я был не в состоянии сдвинуться с места, хотя рядом вопил от ужаса Гэвин. Я отлично знал, кого вижу перед собой. И пусть мое сердце отчаянно колотилось и у меня перехватило дыхание, клянусь: Божьей твари прекрасней этой я не видел никогда.

Потом мне вспомнился зазубренный клык, как лезвие вошедший в кусок дерева, — тот, что мне показывал мистер Скалли. Были Мозес красив или нет, но собаку он просто разорвал надвое.

И он еще не насытился. Так быстро, что мое сознание даже не успело это зафиксировать, громадные челюсти раскрылись, и блеснули клыки, на один из которых был нанизан старый башмак, а на другой — еще трепещущая серебристая рыба. Поток воды с глухим ворчанием устремился в пасть чудовища, засосавшего своими челюстями оставшуюся половину собачьего трупa. Потом пасть осторожно закрылась, словно монстр наслаждался вкусом лимонных леденцов в кинотеатре «Лирик». На миг я поймал на себе взгляд узкого бледно-зеленого, покрытого студенистой пленкой кошачьего глаза величиной с бейсбольный мяч. А потом Гэвин сорвался со стола и шлепнулся в воду. Лампа, которую он держал, с шипением погасла.

Я и не думал о том, чтобы быть храбрым. Но и о том, что боюсь, не думал тоже.

«Я не умею плавать».

Именно об этом я тогда подумал.

И все же я спрыгнул со стола туда, куда только что упал Гэвин. Вода была густой от ила и доходила мне до плеч. Это означало, что Гэвину было как раз по ноздри. Он бил по воде всеми четырьмя конечностями. Когда я обхватил его за талию, он чуть было не оторвал мне руки, как видно решив, что его сцапал Старый Мозес.

— Гэвин! Это я, прекрати пинаться! — крикнул я и приподнял его лицо над водой.

— Уг-ыг-уг,— пробурчал он, как залитый водой мотор, у которого пытаются привести в действие свечи зажигания.

Где-то позади меня в затопленной темной комнате слышался тихий шум, словно кто-то поднимался из воды.

Я быстро обернулся. Гэвин взвизгнул и обеими руками схватил меня за шею, чуть было не задушив.

И тут я наконец увидел, что представляет собой Старый Мозес. Огромный, ужасный — от его вида захватывало дух,— он, как живое бревно, поднимался из воды. У Мозеса была треугольная и плоская, как у змеи, голова, но я все-таки до сих пор уверен, что он был не просто змеей, поскольку прямо под шеей имел пару небольших лап с длинными и тонкими когтями. Хвост Мозеса с такой силой бил в стену, что содрогался весь дом. Голова чудовища ударила в потолок. Из-за того, что Гэвин стискивал мне горло, мое лицо стало наливаться кровью.

Не видя глаз Мозеса, я все же знал, что он смотрит на нас: ведь он был способен разглядеть рыбину ночью в илистой воде. Я чувствовал, что он следит за нами, и ощущение это было сродни тому, которое испытываешь, когда холодное лезвие ножа приставлено к твоему горлу. Оста-

валось надеяться, что мы с Гэвином не слишком напоминали ему собак.

От Старого Мозеса исходил такой же запах, как от реки в полдень, — запах болота, испарений — терпкий аромат жизни. Было бы явным преуменьшением сказать, что этот зверь внушал мне почтение, — скорее, благоговейный трепет. И все же в тот момент я желал только одного: оказаться где уютно на земле, пусть даже в школе, но только не здесь. Впрочем, времени на размышление у меня было немного: змеиная голова Старого Мозеса начала опускаться по направлению к нам с Гэвином. Она напоминала торцевую часть парового экскаватора. Услышав, как с шипением раскрываются его челюсти, я попятился и крикнул Гэвину, чтобы он меня отпустил, но мальчик вцепился в меня мертвой хваткой. На его месте и я бы поступил точно так же. Голова Старого Мозеса метнулась к нам, и я отпрянул назад, очутившись в узком коридорчике, о существовании которого до этого не знал, и челюсти Старого Мозеса вонзились в дверную раму по обе стороны от нас. Неудача взбесила Мозеса. Он попятился и снова ринулся вперед. Результат был тем же, но на этот раз дверной косяк треснул. Гэвин плакал, издавая звуки вроде *хнык-хнык-хнык*. Пенная волна, поднятая перемещениями Мозеса, плеснула мне в лицо, накрыв с головой. Что-то толкнуло меня в правое плечо — от страха по спине побежали мурашки. Я протянул руку и обнаружил метлу, плавающую среди прочего мусора.

Старый Мозес испустил рык, подобный тому, что издает паровоз, продувая свое нутро. Я увидел, что устрашающие очертания его головы возникли в начале коридорчика, и вспомнил Тарзана в исполнении Гордона Скотта, с копьём в руке сражающегося с гигантским питоном.

Я схватил метлу и, когда зубы Старого Мозеса снова ударили в дверь, загнал ее прямо в разверстую глотку этого пожирателя собак.

Уверен, вы отлично знаете, что случится, если вы засунете палец себе в горло. По всей вероятности, то же самое происходит и с чудовищами. Старый Мозес рыгнул столь громко, словно гром прогремел в бочке. Голова чудища дернулась назад, так что метла вырвалась из моих рук, а ее щетка из кукурузных стеблей застряла в глотке Мозеса. После этого Старого Мозеса начало рвать — иначе я не могу это описать. Я услышал, как потоки жидкости и все отвратительное содержимое желудка Мозеса извергается из его рта. В нас с Гэвином полетели рыбыны, некоторые из них — все еще трепещущие, другие — давно мертвые, вонючие раки, черепахи панцири, мидии, покрытые слизью камни, ил и кости. Запах стоял такой... в общем, вы представляете. В сто раз хуже, чем бывает, когда ваш школьный товарищ вываливает из желудка свою утреннюю овсянку прямо на парту. Я окунулся с головой, чтобы спастись от этого мерзкого душа. Гэвину, само собой, пришлось сделать то же самое, хотел он того или нет. Сидя под водой, я думал о том, что Старому Мозесу следует проявлять большую разборчивость к тому, что он собирает со дна Текумсе.

Вокруг нас бурлила и клокотала вода. Я вынырнул на поверхность, и следом появилась голова Гэвина, который хватал ртом воздух, что-то истошно крича. И тогда я тоже завопил во все горло.

— Помогите! — надрывался я. — Кто-нибудь, помогите нам!

В комнату ворвался луч фонаря и, скользя по взбаламученной воде, ударил мне в лицо

КНИГА 1 ТЕМНАЯ БЕЗДНА

— Кори! — раздался глас Судного дня — Я велела тебе не сходить с места!

— Гэвин? Гэвин? Где ты?

— Господи боже мой! — ужаснулась мама. — Чем тут так воняет?

Вода в комнате перестала бурлить. Я догадался, что Старый Мозес уже не сможет воспрепятствовать воссоединению двух матерей с их сыновьями. Дохлая рыба плавала в вязкой коричневой жиже, но мама не обращала на это никакого внимания — ее взгляд был прикован ко мне.

— Я надеру тебе задницу, Кори Маккенсон! — закричала она, пробираясь в дом вместе с Нилой Кастайл.

Но когда они утодили в плавающую в воде массу, исторгнутую из желудка монстра, по возгласу, который издала мама, я понял, что она больше не помышляет о порке.

Будем считать, что мне повезло.

Глава 7

ВИЗИТ К ЛЕДИ

Никто из моих друзей, конечно, мне не поверил.

Дэви Рэй Коллан посмеялся надо мной, качая головой, и сказал, что он при всем старании не смог бы выдумать лучшей истории. Бен Сирс с сомнением взглянул на меня, видимо думая о том, не слишком ли много в последнее время я смотрел в «Лирике» ужастиков. Джонни Уилсон некоторое время размышлял над моим рассказом в своей замедленно-обстоятельной манере, после чего высказал свое мнение:

— Нет, это невозможно.

— Но я говорю правду!

Я сидел вместе с друзьями в тени, на крыльце моего дома. Стоял ясный день с прозрачно-голубым небом.

— Клянусь, все так и было!

— В самом деле? — переспросил Дэви Рэй, самый язвительный и остроумный среди нас, мастер сочинять потрясающие истории. Подняв свою рыжеватую голову, он взглянул на меня бледно-голубыми глазами, в глубине которых всегда таился заразительный смех.

— И почему же, интересно, Старый Мозес не сожрал вас? Неужели он испугался *метлы*, которой ему угрожал такой дохляк, как ты?

— Не знаю,— ответил я, задыхаясь от ярости.— К сожалению, в тот день я не захватил с собой лучевое ружье для истребления монстров. Но все было именно так, как я рассказываю, и если ты согласишься...

— Кори,— тихо сказала мама, появившись в дверях.— Думаю, вам пора прекратить разговоры на эту тему.

Так я и сделал, поняв, что имела в виду мама. Нет смысла заставлять кого-то поверить в то, во что он не хочет верить. Например, я чувствовал, что мама тоже не приняла всерьез мою историю, хотя и Гэвин Кастайл, торопясь и путаясь, рассказал обо всем своей матери. Кстати говоря, мистер Торнберри поправился. Он по-прежнему был жив, и с каждым днем сил у него прибавлялось. Насколько я понимал, он собирался еще не раз сводить своего Гэвина на «Песенки с приветом».

Думаю, друзья скорее бы поверили мне, если бы имели возможность понюхать мою одежду, до того как мама выбросила ее на помойку. Свою дурно пахнущую одежду она тоже выбросила. Отец молча выслушал мой рассказ и только покивал. Он сидел, держа перед собой руки с забинтованными пальцами и ладонями, на них от многочасовой работы лопатой вздулись огромные волдыри.

— Единственное, что я могу сказать,— проговорил отец,— на свете существуют такие вещи, которые нам не понять, будь у нас хоть сто жизней. Слава богу, что и ты, и мама остались целы и что во время наводнения никто не утонул. А как у нас насчет обеда?

Прошли две недели. Апрель остался позади, наступили солнечные майские деньки. Река Текумсе, напомнив нам, кто здесь главный, преспокойно вернулась в свои берега. В четверти домов Братона жить было невозможно,

это относилось и к дому Нилы Кастайл. Вот почему со стороны Братона почти круглые сутки доносился визг пил и стук молотков. Одно было хорошо после дождей и паводка: стоило только пригреть солнышку, и Зефир захлестнуло половодье весенних цветов. Зеленели лужайки, жимолость резко пошла в рост, заросли кудзу покрывали холмы ровным ковром. В двери уже стучалось лето.

Мое внимание было полностью занято подготовкой к выпускным экзаменам. Я никогда не был силен в математике, однако именно по этому предмету мне надо было получить хорошую отметку, потому что иначе мне пришлось бы — от одной мысли об этом я чувствовал, что задыхаюсь, — посещать летнюю школу.

В часы отдыха я часто размышлял о том, каким образом мне удалось одолеть Старого Мозеса простой метлой из стеблей кукурузы. То, что мне с первого раза повезло угодить чудищу прямо в глотку, было просто удачей, а о том, что иначе могло бы случиться, страшно было и думать. Однако здесь сыграло свою роль и то обстоятельство, что Старый Мозес, существо огромное и злобное, был похож на деда Джейберда: он мог лихо загнать беззащитную дичь, но одного укуса осы было достаточно, чтобы обратить его в бегство или заставить уплыть, как в нашем случае. Старый Мозес был трусом: наверно, он привык пожирать тех, кто не способен дать ему отпор, — зубаток, черепах и насмерть перепуганных собак, отчаянно бьющих по воде лапами в тщетных попытках спасти свою жизнь. Получив метлу в глотку, Старый Мозес сообразил, что где-то неподалеку, на дне реки, есть более легкая добыча — прохладный илистый банкетный зал, где никто не посмеет ему сопротивляться.

Такова была моя теория. Но ни за что в жизни я не согласился бы проверить ее путем эксперимента.

Однажды мне приснился человек в длинном пальто и шляпе с зеленым пером. Я брел по воде за ним следом, и, когда схватил его за руку, он повернулся ко мне лицом и оказался вовсе не человеком, а созданием, покрытым не кожей, а чешуей, формой напоминающей бриллианты цвета осенней листвы. Он открывал рот и скалил на меня острейшие, как кинжалы, клыки, а с них капала кровь, стекая у него с подбородка. Опуская глаза, я понимал, что помешал его трапезе, потому что в лапах существо держало небольшую коричневую собаку, уже наполовину съеденную, но все равно продолжавшую биться.

Не слишком приятный сон.

Хотя, может быть, в нем была некоторая доля правды.

Лишенный собственных колес, я поневоле превратился в пешехода. Я с радостью ходил пешком в школу и обратно, однако у всех моих друзей были велосипеды, и я опустился на пару позиций в мальчишеской табели о рангах.

В одно прекрасное утро я играл с Бунтарем: бросал ему палку и катался с ним по зеленой траве. Вдруг с улицы донеслось громохание. Я вскинул голову, Бунтарь сделал то же самое, и мы увидели, что к нашему дому приближается какой-то пикап.

Эта машина была мне знакома — покрытая пятнами ржавчины, с провисшей подвеской, она издавала такой шум, что все окрестные собаки с лаем гнались за ней. Бунтарь тоже пару раз гавкнул, и мне не сразу удалось его успокоить. В кузове пикапа была установлена прикрепленная болтами металлическая рама, на которой висели

в полном беспорядке разнообразные металлические инструменты, казавшиеся столь же древними и бесполезными, как и сам грузовик, и издававшие безумное дребезжание. На водительской двери было не слишком ровно наклеено по трафарету: «Починка Лайтфута».

Грузовичок остановился прямо напротив нашего дома. Поднятый им шум привлек мамино внимание, и она тоже вышла на крыльцо. Отца не было дома, он должен был вернуться с работы через час-другой. Дверца пикапа отворилась, и наружу выбрался длинный костлявый негр в пыльном комбинезоне. Он двигался так медленно, что казалось, будто каждое движение причиняет ему боль. Голова негра была покрыта серой кепкой, а кожа припорошена пылью. Мистер Маркус Лайтфут медленно направился к нашему крыльцу, и, думаю, если бы даже его преследовал разъяренный бык, он вряд ли ускорил бы шаг.

— Доброе утро, мистер Лайтфут, — приветствовала гостя мама, так и не успевшая снять передник. Она готовила еду на кухне и сейчас вытирала руки бумажным полотенцем. — Как поживаете?

Мистер Лайтфут улыбнулся. Его маленькие квадратные зубы были очень белыми, а из-под кепки выбивались седые волосы. Когда он заговорил, слова вытекали из его рта медленной струйкой, как вода из прохудившейся трубы:

— Доброе утро, миз Маккенсон. Привет, Кори, как дела?

То, что мы слышали, было для Маркуса Лайтфута целой речью. Вот уже тридцать лет он слыл мастером на все руки в Зефире и Братоне. Унаследовав дело от своего отца, мистер Лайтфут снискал славу отличного умельца и,

несмотря на свою медлительность, мог починить все, за что брался, вне зависимости от сложности стоящей перед ним задачи.

— Ясный сегодня...— сказал он и замолк, глядя в голубое небо. Секунды текли мучительно медленно. Бунтарь гавкнул, и я зажал ему морду рукой.

— «день»,— наконец решился мистер Лайтфут.

— Да, в самом деле.— Мама ждала, когда мистер Лайтфут продолжит, но тот просто стоял и молчал, разглядывая наш дом. Засунув руку в один из своих многочисленных карманов, он вытащил пригоршню мелких гвоздей и принялся пересыпать их из ладони в ладонь, словно тоже чего-то дожидаясь.

— Гм,— прочистила горло мама.— Могу я вам чем-то помочь, мистер Лайтфут?

— Я просто проезжал,— медленно проговорил он тягучим, как патока, голосом,— мимо. Решил узнать, может, вам...— он замолк и еще несколько секунд разглядывал гвозди в своей ладони,— нужно что-то починить?

— Да вроде бы нет. Хотя, если подумать...— Мама замолчала, и я понял, что она действительно вспомнила о чем-то.— Тостер. Позавчера он вдруг перестал работать. Я уже хотела позвонить, а тут вы сами...

— Да, мэм,— глубокомысленно кивнул мистер Лайтфут.— Время летит так, что и не заметишь.

Мистер Лайтфут возвратился к своей машине и достал оттуда старый металлический ящичек с инструментами, полный болтов и гаек всех видов, о каких только может мечтать мастер. После этого он нацепил на себя пояс, на котором было несколько видов молотков, отверток и каких-то загадочных гаечных ключей. Мама открыла для

мистера Лайтфута дверь и придержала ее, а когда он вошел в дом, посмотрела на меня и молча пожала плечами, словно хотела сказать: «Я, как и ты, понятия не имею, с чего это он вдруг появился».

Я оставил Бунтаря на улице грызть палку и тоже поторопился в дом, чтобы в прохладе кухни выпить чаю со льдом и поглазеть на то, как мистер Лайтфут будет колдовать над неисправным тостером.

— Мистер Лайтфут, не хотите ли чего-нибудь выпить? — спросила мама.

— Не.

— У меня есть свежее овсяное печенье.

— Нет-нет, душевно вас благодарю.

С этими словами мистер Лайтфут извлек из кармана квадрат белоснежной ткани, аккуратно развернул и накрыл им сиденье кухонного стула. После чего выдернул тостер из розетки, положил его перед собой на стол рядом с ящичком и уселся на белую ткань. Все это он проделал так медленно, словно плыл под водой.

Мистер Лайтфут выбрал одну из отверток. У него были длинные изящные пальцы хирурга или художника. Наблюдать за его работой было мучительным испытанием терпения, но зритель не мог усомниться: мистер Лайтфут знает свое дело. Вскрыв крышку тостера, он несколько минут молча разглядывал внутренности агрегата.

— А-га,— проговорил он после продолжительной паузы.— А-га.

— Что такое? — спросила мама, заглядывая мистери Лайтфуту через плечо.— Его можно починить?

— Видите вот это? Маленький красный проводок? Он поддел его кончиком отвертки.

— Контакт ослабился.

— И только-то? Такой малюсенький проводок?

— Да, мэм, и только.

Мистер Лайтфут принялся аккуратно прикручивать провод в месте соединения. Наблюдая за ним, я испытывал состояние, близкое к гипнотическому.

— Все,— наконец объявил мистер Лайтфут. После этого он собрал тостер, включил его в сеть, опустил вниз рычажки таймера, и мы увидели, как начали краснеть, накаливаясь, спиральки.

— Иногда...— сказал мистер Лайтфут.

Мы ждали так долго, что мне показалось: я ощущаю рост волос на своей голове.

— ...какая-то мелочь...

Земля повернулась под нашими ногами.

— ...все портит.

Мистер Лайтфут принялся сворачивать свою белую салфетку. Мы немного подождали, но чернокожий мастер либо сбился с мысли, либо действительно все сказал. Мистер Лайтфут оглянулся по сторонам и осмотрел кухню.

— Что-нибудь еще нужно починить?

— Ничего, спасибо, остальное, кажется, в полном порядке.

Мистер Лайтфут кивнул, но я был уверен, что он ищет скрытые неполадки, словно охотничья собака, вынюхивающая птицу. Он медленно обошел кухню, легонько прикасаясь рукой то к холодильнику, то к четырехконфорочной плите, то к водопроводному крану, словно своими чуткими пальцами определял самочувствие техники. Мы с мамой озадаченно переглянулись: действия мистера Лайтфута становились все более и более загадочными.

— Холодильник, похоже, дребезжит,— заметил он.— Хотите, взгляну?

— Нет, не стоит беспокоиться,— ответила мама.— Мистер Лайтфут, вы хорошо себя чувствуете сегодня?

— Конечно, миз Маккенсон.

Он открыл дверцу буфета и тщательно прислушался к легкому поскрипыванию петель, потом достал из пояса отвертку и подтянул винтики на обеих дверцах. Мама снова откашлялась, на этот раз гораздо более нервно, и проговорила:

— Э-э-э... мистер Лайтфут, сколько я должна вам за тостер?

— Все уже...— начал свой ответ Лайтфут.

После этого были проверены петли кухонной двери, потом Лайтфут подошел к маминому миксеру «мистер Блендер», стоявшему на кухонном столе, и принялся его рассматривать.

— ...оплачено,— закончил он.

— Оплачено? Но... я не понимаю.

Мама уже успела достать из буфета банку с завинчивающейся крышкой, полную долларовых бумажек и мелочи.

— Да, мэм. Все уже оплачено.

— Но я вам еще не давала никаких денег.

Пальцы мистера Лайтфута погрузились в другой карман комбинезона, и оттуда появился белый конверт. Мистер Лайтфут молча передал его маме, и я заметил, что на лицевой стороне конверта голубыми чернилами написана наша фамилия: «Семье Маккенсон». С другой стороны конверт был запечатан белым воском.

— Что ж,— вздохнул мистер Лайтфут,— думаю, что я закончил... на сегодня.

Он поднял свой ящичек с инструментами.

— *На сегодня?* — потрясенно переспросила мама.

— Да, мэм. Вы же понимаете.

Мистер Лайтфут принялся рассматривать выключатели и розетки, словно пытаясь проникнуть в глубину их электрической сущности.

— По телефону, — добавил он. — Если что-то сломается.

Он улыбнулся маме, а потом мне.

— Просто позвоните.

Мы проводили мистера Лайтфута до машины. Он помахал нам рукой и уехал на своем старом пикапе под аккомпанемент брэнчания в кузове инструментов на крючках, приводившего соседских собак в неистовство.

— Том мне ни за что не поверит, — сказала мама, обращаясь в основном к самой себе.

Потом открыла конверт, достала оттуда письмо, развернула его и прочитала.

— Вот это да! — удивленно воскликнула она. — Хочешь послушать?

— Да, мэм.

И она прочитала мне письмо:

— «Имею честь просить Вас почтить визитом мой дом в семь часов вечера в пятницу. Прошу Вас взять с собой сына». И самое интересное: знаешь, от кого оно?

Мама протянула мне письмо, и я увидел подпись.

Леди.

Когда папа вернулся домой, мама рассказала ему о визите мистера Лайтфута и письме Леди, наверно, раньше, чем он успел снять свою фуражку молочника.

— Что ей нужно от нас, как ты думаешь? — спросил отец.

— Не знаю, но как мне сдается, она решила оплатить услуги мистера Лайтфута, чтобы он стал нашим персональным монтером.

Отец снова перечитал письмо Леди.

— У нее отличный почерк, — заметил он, — для такой пожилой женщины. Я всегда считал, что у старух почерк становится корявым.

Он прикусил нижнюю губу, и я понял, что настроение у него портится.

— Знаете, я никогда не видел Леди вблизи. Я, конечно, видел ее на улице, но...

Он покачал головой:

— Нет. Не думаю, что я приму ее приглашение.

— Но, Том! Леди ведь просит, чтобы мы к ней пришли. В ее дом!

— Для меня это неважно, — отец вернул конверт маме. — Я не пойду к ней, и все тут.

— Но почему, Том? Можешь ты мне объяснить?

— В пятницу вечером «Филадельфия» играет с «Пиратами», будет радиотрансляция, — ответил отец, опускаясь в свое удобное кресло. — По-моему, это достаточно веская причина.

— Мне так не кажется, — холодно отозвалась мама.

Здесь я столкнулся с редким в своей жизни фактом: мне всегда казалось, что мои мама и папа ладят лучше девяноста девяти процентов семей нашего городка, но, похоже, и они не всегда находят общий язык. Поскольку нет ни одного идеального человека, брак двух несовершеннолетних людей не может длиться всю жизнь без сучка и задоринки. Бывало, я слышал, как отец раздраженно кричит на маму из-за потерянного носка, тогда как истинная причина папиного недовольства крылась в нежелании начать-

ства повесить его по службе. Я с удивлением слушал, как моя всегда такая миролюбивая мама вся кипит от злости из-за следов грязной обуви на полу, а на самом деле вся беда была в хамстве соседки. Вот почему в путанице проявлений вежливости и вспышек гнева, из которых собственно и состоит жизнь, случаются иногда такие ссоры, как та, что разгоралась теперь между моими родителями.

— Это из-за того, что она цветная, да? — сделала свой первый выпад мама. — Из-за этого ты не хочешь к ней идти?

— Нет, конечно.

— Ты относишься к этому точно так же, как твой отец. Клянусь, Том...

— Замолчи! — внезапно сорвался папа. Даже я вздрогнул. Упоминание дедушки Джейберда, для которого расизм был столь же органичен, как вода для рыбы, было явным ударом ниже пояса. Отец никогда не испытывал ненависти к цветным — в этом я был совершенно уверен. Но он был сыном человека, который всю свою жизнь встречал каждое утро поднятием флага Конфедерации и считал темную кожу меткой дьявола. Этот тяжкий крест отец нес покорно, потому что любил дедушку Джейберда, но при этом он лелеял в душе веру, которую привил и мне: ненавидеть любого человека, по любой причине — значит тяжко грешить против Бога. Вот почему я сразу понял, что следующее заявление отца объясняется исключительно гордыней и ничем иным:

— От этой женщины я милостыни не приму, ни под каким видом!

— Кори, — наконец обратила на меня внимание мама, — по-моему, тебе нужно было заняться математикой?

Я отправился в свою комнату, но это вовсе не означало, что я не слышал их оттуда.

Они разговаривали не так уж громко, но весьма эмоционально. Как я догадывался, ссора давно уже назревала по многим причинам: утонувшая в озере машина, пасхальные осы, невозможность купить мне новый велосипед, опасность, угрожавшая нам при наводнении. Слушая, как отец объясняет маме, что она не имеет права тащить его на аркане в дом к Леди, я начал понимать причину нежелания отца идти к ней в гости: он ее просто-напросто боялся.

— Ни за что, даже не проси! — кричал он. — Я не собираюсь водить знакомство с теми, кто считает, что валять дурака с костями и мертвыми животными — нормальное дело, и кто... — Он замолчал, и тут мне пришлось в голову, что к этой категории людей можно было отнести и дедушку Джейберда и что отец тоже это понял. — Я просто не пойду к ней, и все тут, — беспомощно закончил он.

Мама поняла, что так можно до смерти загнать лошадь. Это стало мне ясно, когда она сказала со вздохом:

— Мне надо пойти и узнать, что она хочет сказать нам. Надеюсь, ты не станешь возражать?

Отец немного помолчал, потом ответил:

— Хорошо, можешь отправляться.

— Кори я тоже возьму с собой.

Эти слова мамы послужили поводом для новой вспышки.

— Зачем он там тебе? Ты что, хочешь, чтобы он увидел все скелеты, висящие в чуланах у этой женщины? Ребекка, я не знаю, чего она от нас хочет, и, честно сказать, мне на это *наплевать*! Но эта женщина занимается кол-

довством с куклами, черными кошками и бог еще знает с чем! Я уверен, что Кори не место в ее доме — ему нечего там делать!

— Но Леди в своем письме просила нас прийти вместе с Кори. Вот, сам посмотри!

— Я уже его видел. Не знаю, что она задумала и что ей от нас нужно, но одно я знаю твердо: Леди не та женщина, с которой следует водить знакомство. С ней вообще не стоит связываться. Ты помнишь Барка Хатчера? Он был помощником мастера на молочной ферме в пятьдесят восьмом.

— Да, помню.

— У Барка Хатчера была привычка жевать табак. Он всегда жевал его и постоянно сплевывал. Дурная привычка, но он вряд ли это понимал. Доходило до того — только не смей никому об этом говорить, — что он забывался и сплевывал прямо в бидоны с молоком.

— Том, ну к чему ты завел этот разговор...

— Сейчас узнаешь. Так вот, однажды Барк Хатчер шел по Мерчантс-стрит, он только что подстригся у мистера Доллара в парикмахерской — а нужно сказать, что у Барка была роскошная шевелюра, такие густые волосы, что их ни один гребешок не брал, — так вот, он опять забылся и спянул прямо на мостовую. Только на мостовую его табак не попал, а угодил Человеку-Луне прямо на ботинок. Табачная жвачка вся по нему размазалась. Не хотел он плевать на Человека-Луну, я в этом уверен. А Человек-Луна и ухом не повел, просто прошел мимо, и все. Но у Барка было странное чувство юмора, и тут ему, как на грех, стало смешно. Вот он и рассмеялся прямо в лицо Человеку-Луне. И знаешь, что после этого случилось?

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

— Что? — спросила мама.

— Через неделю Барк стал лысеть. У него начали выпадать волосы.

— И ты в это веришь?

— Так и было, я точно тебе говорю!

По голосу отца было ясно, что он уверен в своих словах на все сто.

— Я видел лысую, как шар, голову Барка всего через месяц после того, как он сплюнул табачную жвачку на ботинки Человеку-Луне! Ему даже пришлось носить парик, вот до чего дошло! Он едва от этого не спятил!

Я легко мог представить, как отец подался вперед в своем кресле с таким серьезным и мрачным видом, что маме, наверно, нужно было собрать все свои силы, чтобы не рассмеяться.

— Если ты думаешь, что Леди не приложила к этому руку, то ты просто не желаешь смотреть правде в глаза!

— Вот уж не знала, Том, что ты так веришь в колдовство!

— Веришь, не веришь! Но я ведь видел лысую голову Барка! Я такое слышал об этой женщине! Про лягушек, которые выпрыгивали у людей прямо изо рта, или змей в кастрюлях с супом, и еще столько всего... да что там! Ноги моей не будет в ее доме!

— Но если мы не придем к Леди, она может на нас рассердиться,— заметила мама.

Ее слова повисли в воздухе.

— А вдруг она найдет на нас порчу, если я не приведу с собой Кори?

Я отлично понимал по тону ее голоса, что мама ловко блефовала. Отец долго обдумывал ее слова, размышляя

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

над опасностью, которую мы могли на себя навлечь, если ослушаемся Леди.

— Думаю, будет лучше, если я возьму Кори с собой,— заговорила мама.— Хотя бы для того, чтобы оказать ей уважение. Разве тебе не хочется узнать, зачем она зовет нас к себе?

— Нет!

— Совсем-совсем?

— Господи,— вздохнул отец, поразмыслив еще несколько минут.— Ты кому угодно голову заморочишь, не хуже самой Леди. Не удивлюсь, если у ней припрятаны в доме склянки с порошком мумии и крылышками летучей мыши!

В результате этого спора вечером в пятницу, когда солнце начало скользить вниз к земле и на улицах Зефира повеяло прохладой, мы с мамой уселись в наш пикап и поехали к дому Леди, а папа остался у радио слушать бейсбольный матч, которого он так давно дожидался. Знаю точно: в душе он был с нами. Возможно, он опасался совершить ошибку и как-то оскорбить Леди, словами или поведением. Должен сказать, что сам я тоже не слишком был уверен в себе: под галстуком-бабочкой и белой рубашкой, которые мама заставила меня надеть, я вовсе не был тверд, как гранитный утес. Мои нервы были натянуты, как тугой канат.

Работа в Братоне еще продолжалась: негры орудовали пилами и молотками, приводя в порядок свои дома. Мы проехали через центр Братона, где имелись парикмахерская, бакалейная лавка, магазинчик одежды и обуви, другие лавочки, принадлежавшие местным уроженцам. Мама свернула на Джессамин-стрит и, добравшись до конца

улицы, остановила машину перед домом, во всех окнах которого горел свет.

Это был небольшой каркасный дом, покрашенный в яркие цвета: оранжевый, пурпурный, красный, желтый. Сбоку был пристроен гараж, где, как я догадывался, стоял знаменитый «понттиак», украшенный горным хрусталем. Кусты и трава во дворе были аккуратно пострижены, а от дороги к крыльцу вела тропинка. Вид у домика был самый обычный, разве что покрашен он был ярко. Глядя на него, никак нельзя было сказать, что в нем живет особа королевской крови или что здесь вершатся темные дела.

Все же, когда мама открыла передо мной дверь машины, я помедлил, прежде чем выйти наружу.

— Ну, давай, выбирайся, — сказала она.

Голос мамы был чуть напряженным, хотя лицо ее оставалось абсолютно спокойным. Для визита к Леди она надела лучшее выходное платье и красивые туфли.

— Уже почти семь.

Семь часов, пронеслось у меня в голове. А что, если это одно из чисел вуду?

— Может быть, папа прав? — спросил я ее. — Может, нам не стоит туда идти?

— Все будет хорошо, не бойся. Видишь, там всюду горит свет.

Она хотела успокоить меня, но у нее ничего не вышло.

— Прощу тебя, Кори, не нужно бояться, — повторила мама.

И это говорила мне женщина, которая незадолго до того беспокоилась, что побелка, которой недавно покрыли потолки нашей школы, может оказаться вредной для нашего здоровья!

Сам не знаю, как я поднялся на крыльцо дома Леди. Висевший здесь фонарь был выкрашен в желтый цвет, чтобы отгонять жуков. Я воображал, что дверной молоток у нее заменяют череп со скрещенными костями. Как ни странно, стучать полагалось небольшой серебряной дверной ручкой.

— Вот мы и на месте,— сказала мама и постучала в дверь.

Из-за двери донеслись приглушенные шаги и голоса. Мне подумалось, что настало самое время дать тягу, потому что потом будет поздно. Мама обняла меня, и я ощутил биение ее пульса. Наконец дверь открылась, и нам предложили войти в дом Леди. В дверном проеме, занимая его целиком, высился рослый широкоплечий негр, облаченный в темно-синий костюм, белую сорочку и галстук. Мне он показался высоким и плотным, как черный дуб. У негра были здоровенные ручищи, которыми он мог бы при желании раздавить шар для боулинга. Часть его носа, по-видимому, была срезана бритвой. Кроме того, у негра были густые сросшиеся брови, делавшие его похожим на оборотня.

Если выразить мои ощущения в пяти магических словах: негр испугал меня до смерти.

— Э-э-э...— попыталась начать мама,— э-э-э...

— Прошу вас, входите, миз Маккенсон,— улыбнулся нам негр, отчего его лицо стало гораздо менее страшным и куда более приветливым. Но голос его гремел, как литавры, гулом отдаваясь в моей груди. Сделав шаг в сторону, он уступил нам дорогу, и мама, схватив меня за руку, затащила вслед за собой внутрь.

Дверь за нашими спинами затворилась.

Появилась молодая негритянка, с кожей цвета кофе с молоком, и поздоровалась с нами. У девушки было личико сердечком и карие глаза. Подав маме руку, она проговорила с улыбкой:

— Я Амелия Дамаронд. Очень приятно познакомиться с вами, миссис Маккенсон.

На запястьях Амелии звенели браслеты, а верхнюю часть ушей обрамляли золотые заколки для волос — по пять над каждым ухом.

— Мне тоже очень приятно, Амелия. Это мой сын Кори.

— О, тот самый молодой человек! — Все внимание Амелии Дамаронд теперь было приковано ко мне. Воздух вокруг негритянки как будто был насыщен электричеством: от ее пристального взгляда я ощутил проскочивший меж нами разряд. — Очень приятно познакомиться с вами. Это мой муж, Чарльз.

Здоровенный негр благосклонно кивнул нам. Голова Амелии едва доставала ему до подмышек.

— Мы ведем хозяйство в доме Леди, — объяснила нам Амелия.

— Понимаю, — отозвалась мама.

Она по-прежнему крепко сжимала мою руку, а я вертел головой, озираясь по сторонам. Странная вещь воображение! Оно выдумывает паутину там, где нет пауков, создает темноту там, где сияет яркий свет. Гостиная Леди ничем не напоминала храм почитателей дьявола — ни черных кошек, ни котлов с кипящим варевом. Обычная комната с софой и креслами, небольшим столиком с безделушками, несколькими книжными полками и написанными яркими красками картинами в рамках на стенах. Одна из них особенно привлекла мое внимание:

на ней было изображено лицо бородатого темнокожего человека. Глаза его были закрыты в страдании или исступлении, на голове — терновый венец.

До той поры я ни разу не видел изображений черного Иисуса: он не только ошеломил меня, но и открыл в моем сознании такие потаенные уголки, куда раньше не проникал свет.

Неожиданно из прихожей в гостиную вошел Человек-Луна. Увидев его так близко, мы с мамой разом вздрогнули. На нем была голубая рубашка с закатанными рукавами и черные брюки на подтяжках. Нынешним вечером на его запястье были только одни часы, а вместо обычной толстой цепочки с массивным позолоченным распятием в ворота рубашки виднелся белый краешек футболки. На Человеке-Луне не было и привычного цилиндра, две выделяющиеся пятнами половинки его лица, бледно-желтая и цвета черного дерева, сходились на макушке в шапке легкого белого пуха. Седая остроконечная бородадка слегка закручена вверх. Темные, в сеточке морщинок глаза Человека-Луны сначала остановились на маме, потом скользнули по мне, после чего он улыбнулся нам и кивнул. Подняв вверх тонкий палец, он жестом пригласил нас за собой в коридор.

Пришла пора встретиться с Леди.

— Госпожа не очень хорошо себя чувствует, — объяснила Амелия. — Доктор Пэрриш прописал ей витамины.

— Надеюсь, ничего серьезного? — участливо спросила мама.

— От дождя она застудила легкие. В сырую погоду Леди всегда неважно себя чувствует, но теперь, когда солнце вернулось, ей постепенно становится лучше.

Мы подошли к двери, и Человек-Луна, ссутуливший свои худые плечи, отворил ее. Запахло фиалками.

Первой в дверь заглянула Амелия.

— Мэм, ваши гости пришли.

Внутри комнаты зашуршали простыни.

— Пожалуйста,— донесся тихий и дрожащий старческий голос,— попросите их войти.

Мама сделала глубокий вдох и шагнула в комнату. Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ней: мою руку она так и не отпустила. Человек-Луна остался в коридоре, а Амелия нежно проворковала нам вдогонку:

— Если вам что-то понадобится, позвоните мне.

И аккуратно закрыла за нами дверь.

Мы увидели Леди.

Она возлежала на металлической кровати, выкрашенной белой эмалью, опираясь на парчовую подушку, по грудь укрытая белой простыней. Стены спальни были оклеены обоями с густыми переплетениями веток и зеленой листвы, и если бы не деликатное гудение вентилятора, можно было бы подумать, что мы очутились в гуще экваториальных джунглей. Рядом с кроватью на столике горела лампа, там же лежали стопкой газеты и книги, а также очки в проволочной оправе, так чтобы Леди могла легко дотянуться до них.

Несколько мгновений она молча рассматривала нас, а мы ее. На фоне белоснежных простыней ее изрезанное морщинами лицо выделялось каким-то иссиня-черным пятном. Она напоминала одну из тех самодельных кукол с головами из яблок, чьи лица быстро сморщиваются под лучами жаркого полуденного солнца. Мягкое облако волос Леди было белее снега, который я соскребал пригоршнями с труб ледника. На ней была голубая сорочка с

бретельками на худеньких плечах. Ключицы так выпирали из-под кожи, что создавалось впечатление, будто это причиняет ей боль. Скулы тоже были так невероятно остры, что казалось, ими можно было разрезать персик. Сказать по правде, Леди выглядела как обычная худая, как тростник, дряхлая от старости негритянка, чья голова слегка дрожит от старческой немощи.

Но глаза ее были пронзительно зелеными.

Я говорю не о старческой зелени, а о том бледно-изумрудном оттенке драгоценного камня, за которым мог бы охотиться Тарзан в каком-нибудь затерянном африканском городе. Глаза Леди лучились внутренним огнем, когда-то давно пойманным ею и укрощенным. Глядя в эти глаза, легко было поверить, что у вас больше нет от них никаких секретов, что вас только что вскрыли, словно банку сардин, и вы лишились чего-то сокровенного. Но сами вы ничего не имели против, даже испытывали от этого удовольствие, словно вам этого *хотелось*. Ни до, ни после встречи с Леди я не встречал таких глаз. Ее глаза пугали меня, но я не мог от них оторваться, так они были прекрасны, сродни красоте свирепого зверя, с которым ни на мгновение нельзя терять осторожность.

Леди закрыла и снова открыла глаза. На ее сморщенных губах появилась легкая улыбка. Зубы ее казались хорошими, хотя наверняка были вставными.

— Вы оба прекрасно выглядите, — наконец проговорила она чуть дрожащим голосом.

— Благодарю вас, мэм, — выдавила из себя мама.

— Ваш муж не захотел прийти?

— Э-э-э... нет... он сегодня не смог... по радио транслируют важный бейсбольный матч.

— Он именно так это объяснил? — Леди подняла одну белую бровь.

— Э-э-э... не совсем понимаю, что вы имеете в виду?

— Дело в том,— объяснила Леди,— что некоторые люди меня боятся. Можете в это поверить? Они боятся старуху, которой вот-вот стукнет сто шесть лет! Боятся ту, что даже ложку поднести ко рту не может без посторонней помощи. Вы очень любите своего мужа, миз Маккенсон?

— Да, конечно. Я очень его люблю.

— Это хорошо. Настоящая любовь поможет вам преодолеть все невзгоды. А вам, милая, прежде чем вы доживете до моих лет, предстоит испытать немало невзгод, уж поверьте мне, старухе.

Взгляд пугающих и одновременно прекрасных изумрудных глаз на сморщенном лице, словно вырезанном из черного дерева, остановился на мне.

— Здравствуй, мальчик,— приветствовала меня Леди.— Надеюсь, ты не отлыниваешь от домашних дел и помогаешь маме?

— Да,— ответил я. Язык отказывался мне служить.

— Ты вытираешь тарелки? Убираешь у себя в комнате? Подметаешь крыльцо?

— Да, мэм.

— Что ж, хорошо. Хотя могу поспорить, что ты никогда не пользовался метлой так, как решил сделать это в доме Нилы Кастайл, верно?

Я с трудом слотнул. Теперь и я, и мама знали, о чем пойдет речь.

Леди улыбнулась нам.

— Жаль, что меня там не было. Хотелось бы с ним познакомиться.

— Это Нила Кастайл вам все рассказала? — спросила мама.

— Да, она. А кроме того, я долго разговаривала с маленьким Гэвином.

Глаза Леди больше не отпускали меня ни на минуту.

— Вы спасли Гэвину жизнь, молодой человек, вот так. Знаете ли вы, что это означает для меня?

Я отрицательно помотал головой.

— Мать Нилы была моей хорошей подругой, упокой, Господи, ее душу. Можно сказать, что я была приемной матерью Нилы. А Гэвина я всегда считала своим внуком. Гэвина впереди ждет долгая жизнь. Благодаря тебе, Кори, он получил такую возможность.

— Я просто испугался... что Мозес меня съест,— ответил я.

Леди рассмеялась:

— И поэтому ты напал на него с метлой! Господи, господи! Он слишком возомнил о себе, решил, что может запросто выбраться из реки и зайти в любой дом, если ему вдруг захочется есть. Но ты накормил его досыта, это уж точно!

— Он съел собаку,— сказал я.

— Еще бы, в этом он мастер! — Смех Леди затих. Потом она переплела свои худые пальцы на животе и взглянула на маму.

— Вы были очень добры к Ниле и ее отцу. Вот почему с этих пор, если, не дай бог, у вас в доме что-то сломается, вы можете позвонить мистеру Лайтфуту, и он все починит бесплатно. Ваш мальчик спас жизнь Гэвину. И я хочу его как-нибудь отблагодарить, сделать ему подарок. Конечно, если вы не против.

— В этом совершенно нет необходимости.

— Нет, необходимость в этом есть,— возразила Леди. В ее голосе прозвучала нотка раздражения, и мне стало ясно, что в молодости она была дьявольски своенравна.— И я сделаю это.

— Тогда хорошо, я согласна,— ответила явно напуганная мама.

— Итак, молодой человек,— спросила Леди, вновь переводя на меня взгляд,— что бы вам хотелось получить в подарок?

Да, действительно, было о чем подумать.

— Все, что захочу? — переспросил я.

— В пределах разумного,— подала голос мама.

— Все, что угодно,— ответила Леди.

Я еще немного подумал, хотя ответ напрашивался сам собой.

— Велосипед. Совсем новый, который никому до меня не принадлежал.

— Так,— проговорила Леди и кивнула.— Новый велосипед. Очень хорошо. С фарой?

— Да, мэм.

— И с гудком?

— Это было бы здорово,— ответил я.

— Он должен быть быстрым? Быстрее кошки, когда та взбирается на дерево?

— Да, мэм.

Я уже весь дрожал от возбуждения.

— Конечно, я именно такой и хотел бы!

— Тогда ты его получишь! Как только я смогу поднять свои старые кости с постели.

— Мы очень вам благодарны за такое внимание,— сказала мама.— Значит, мы с отцом Кори можем зайти в магазин и выбрать велосипед?

— Велосипед, о котором идет речь, в магазине не продается,— оборвала маму Леди.

— Прошу прощения? — удивилась мама.

— Этот велосипед в магазине не продается,— повторила Леди и немного помолчала, дожидаясь, пока смысла сказанного дойдет до моей мамы.— Те велосипеды, что продаются в магазинах, не достаточно хороши. Ведь вам, молодой человек, нужен *особый* велосипед, насколько я понимаю?

— Я бы взял то... что дают, мэм.

Леди снова рассмеялась:

— А вы, ко всему прочему, еще и джентльмен! Нам с мистером Лайтфуттом придется хорошенько подумать, но, надеюсь, мы найдем решение, которое вас устроит.

Я ответил, что согласен, хотя и не совсем понимал, каким образом получу новый велосипед.

— Подойдите поближе, молодой человек,— сказала мне Леди.

Мама отпустила мою руку. Я подошел к кровати Леди, и ее зеленые глаза, похожие на две спиртовки, оказались как раз напротив моих.

— А что ты еще любишь кроме езды на велосипеде?

— Я люблю играть в бейсбол. Люблю читать. И еще я люблю сочинять рассказы.

— Так ты пишешь рассказы?

Брови Леди снова поднялись.

— Боже правый! Так значит, у нас здесь настоящий писатель?

— Кори всегда любил книги,— вставила словечко мама.— Он сочиняет короткие рассказы про ковбоев, сыщиков и...

— Чудовищ,— добавил я.— Иногда и про них.

— Про чудовищ,— повторила Леди.— И о Старом Мозесе ты тоже напишешь?

— Могу написать и о нем.

— И когда-нибудь ты собираешься написать книгу? К примеру, о нашем городе и его обитателях?

Я пожал плечами:

— Не знаю, может быть.

— Посмотри на меня,— попросила Леди, и я повиновался.— Внимательней.

Я исполнил ее просьбу.

И тут произошла странная вещь. Леди заговорила, и во время ее речи воздух между нами стал переливаться каким-то жемчужным блеском. Ее глаза словно завладели моим взглядом, я просто был не в силах отвернуться.

— Некоторые называют меня чудовищем,— говорила Леди,— и даже куда более скверными словами. Когда мне было чуть больше, чем тебе сейчас, Кори, у меня на глазах убили мою мать. Чужая женщина завидовала дару моей матери и убила ее за это. В тот день я поклялась, что разыщу эту женщину. На ней было красное платье, на плече у нее сидела обезьянка, которая несла всякий вздор. Эту женщину звали Ларуж. Всю свою жизнь я искала ее. Побывала даже в Леперсвилле во время паводка, плавала на лодке среди затопленных домов.

В мерцающем свете морщины на лице Леди начали разглаживаться. Я смотрел на нее, и мне казалось, что она становится все моложе и моложе.

— Там я видела, как ходят мертвецы, а моя лучшая подруга была покрыта чешуей и ползала на брюхе.

На меня теперь смотрела молодая, обжигающе красивая женщина.

— Я встретила человека, изготавливающего маски, однажды плюнула в глаза Сатане и танцевала на балу Общества Тьмы.

Леди превратилась в гордую юную девушку, с высокими скулами, острым подбородком и длинными темными волосами, но в ее глазах отразились воспоминания о чем-то страшном.

— В ту пору я действительно жила, — проговорила она своим чистым и сильным голосом. — Я успела прожить сотню жизней и так и не умерла. Вы видите, какой я была в ту пору, молодой человек?

— Да, мэм, — ответил я и поразился, услышав свой голос, который доносился откуда-то издалека. — Я вижу вас.

И в следующий миг наваждение рассыпалось в прах. Еще секунду назад я смотрел на лицо прекрасной молодой женщины, но вот передо мной вновь возникла Леди, такой, какой она была в свои сто шесть лет. Теплота ушла из ее глаз, а меня трясло как в лихорадке.

— Может, когда-нибудь ты напишешь историю моей жизни, — сказала Леди, и ее слова показались мне скорее приказом, чем пожеланием. — А теперь почему бы тебе не пойти поболтать с Амелией и Чарльзом, пока я тут перекинусь парой слов с твоей мамой?

Я сказал, что так и сделаю. На подгибающихся ногах я прошел мимо мамы к двери. Моя рубашка вся была мокра от пота. Когда я наконец взялся за дверную ручку, что-то словно ударило меня, и я обернулся.

— Прошу прощения, мэм, — нерешительно начал я. — Нет ли у вас средства, которое помогло бы мне сдать математику? Какой-нибудь волшебный напиток или что-нибудь в этом роде?

— Кори! — потрясенно воскликнула мама.

Но Леди только улыбнулась.

— Молодой человек, — ответила она, — у меня есть то, что вам нужно. Передайте Амелии, что я велела дать вам стаканчик Напитка номер десять. После этого вы должны будете отправиться домой и проявить свое прилежание. Нужно по-настоящему приналечь на учебу, и тогда вы сможете решать задачки даже во сне.

Леди подняла палец.

— В этом-то весь фокус.

Я вышел из спальни Леди и тихонько прикрыл за собой дверь, готовый испытать волшебное зелье.

— Напиток номер десять? — переспросила мама.

— Стакан молока, настоящего на мускатном орехе, — объяснила Леди. — У нас с Амелией есть целый список напитков для тех, кому необходимо приобрести чуть-чуть уверенности в себе.

— И в этом заключается все ваше колдовство?

— По большей части, да. Главное — дать людям ключ, а собственные замки они откроют сами.

Леди склонила голову к плечу.

— Но есть и магия другого сорта. И об этом я хотела бы с вами поговорить.

Моя мама, не понимавшая, о чем пойдет речь, молча ждала.

— Я вижу сны, — сказала ей Леди. — Сны по ночам, когда я сплю, и наяву. Заданный порядок вещей нарушился. Ткань мира порвалась и на нашей, и на другой стороне.

— На другой стороне?

— Там, куда уходят мертвые, — объяснила Леди. — На другом берегу реки. Не Текумсе, конечно. Широкой и

темной реки, через которую и мне довольно скоро предстоит переправиться. Там я оглянусь назад, рассмеюсь и скажу: «Так *вот* из-за чего был весь сыр-бор».

Мама покачала головой, все еще не понимая, к чему клонит Леди.

— Мир дал трещину,— продолжала Леди.— И в мире живых, и в мире мертвых все пошло иначе. Когда Дамбалла отказался от угощения, я впервые почувствовала: что-то пошло не так. Дженна Вельвадайн рассказал мне, что случилось в вашей церкви в пасхальное утро. В этом тоже замешан мир духов.

— Но ведь там были просто *осы*! — изумилась мама.

— Для вас это были просто осы. А для меня — некое послание. Кто-то, находящийся на той стороне, испытывает ужасную боль.

— Я не...

— Вы не понимаете,— закончила за маму Леди.— В этом нет ничего удивительного. Я тоже многого не понимаю. Но мне известен язык боли, миз Маккенсон. В детстве я хорошо научилась этому языку.

С этими словами Леди протянула руку к своему ночному столику, выдвинула один из ящичков и достала оттуда листок линованной тетрадной бумаги. Потом показала его маме.

— Вам знаком этот рисунок?

Мама внимательно рассмотрела его. То был карандашный набросок головы мертвеца, череп с крыльями, идущими от висков назад.

— В своих снах я часто вижу человека с такой татуировкой на плече. Кроме того, я вижу руки, в одной из которых бейсбольная бита, обмотанная черной лентой,—

то, что мы называем дробилкой, а в другой — жесткая струна. Я слышу голоса, но слов разобрать не могу. Кто-то громко кричит на кого-то, а еще там играет музыка.

— Музыка? — От страха мама похолодела, потому что на рисунке Леди она узнала череп, вытатуированный на плече несчастного утопленника, ушедшего вместе со своей машиной на дно озера Саксон, о котором не раз рассказывал отец.

— Может быть, это играет пластинка,— продолжала Леди,— или кто-то бьет по клавишам пианино. Я рассказала обо всем Чарльзу. Подумав, он напомнил мне о статье, которую прочел в мартовском номере «Журнала». Ведь это ваш муж видел мертвеца, утопленного в озере Саксон, верно?

— Да.

— Как вы считаете, тут есть какая-то связь?

Мама глубоко вздохнула, надолго задержав дыхание, а потом выдохнула:

— Да.

— Я так и думала. Ваш муж хорошо спит по ночам?

— Нет. Он... тоже видит сны. Сны об озере... и об утопленнике. Его мучают кошмары.

— Очевидно, покойному что-то нужно от вашего мужа, поэтому он пытается привлечь его внимание. Мои сны — это послание с той стороны, которое я смутно слышу. Как в спаренном телефоне.

— Послание,— прошептала мама.— Что за послание?

— Вот этого я и не могу понять,— призналась Леди.— Такая боль кого угодно может свести с ума.

Слезы затуманили глаза мамы.

— Я не могу... Я не...

Она запнулась, слеза прочертила полосу по ее левой щеке.

— Покажите вашему мужу этот рисунок. Скажите, что, если он захочет со мной поговорить об этом, двери моего дома всегда для него открыты. Он ведь знает, где я живу.

— Он не придет. Он боится вас.

— Скажите ему: то, что его мучает, может разорвать его на части, если он с этим не совладает. Передайте, что в моем лице он найдет самого лучшего друга, который у него когда-либо был.

Мама кивнула. Сложив прямоугольником листок с рисунком, она зажала его в кулаке.

— А теперь вытрите глазки,— приказала ей Леди.— Негоже расстраивать такого симпатичного молодого человека.

Заметив, что мама очень быстро взяла себя в руки, Леди удовлетворенно хмыкнула.

— Так-то лучше. Теперь вы просто настоящая красавица. Можете сказать вашему мальчику, что он получит свой велосипед, как только я смогу для него это устроить. И проследите, чтобы он прилежно учил уроки. Напиток номер десять может не сработать, если мама и папа не следят за порядком в доме.

Мама поблагодарила Леди за проявленное к нам внимание. Она добавила, что обязательно попросит отца зайти к Леди, но обещать ничего не может.

— Я все же рассчитываю увидеться с ним,— сказала ей Леди.— А вы позаботьтесь о себе и благополучии своей семьи.

Мы вышли из дома Леди, и вскоре уже усаживались в наш пикап. В уголках моего рта все еще сохранялся вкус

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Напитка номер десять. Я чувствовал себя как лев перед прыжком и готов был разорвать учебник математики в клочья.

Мы выехали из Братона. Текумсе неспешно текла в своих берегах. Вечерний ветерок тихо шелестел в ветвях деревьев, в окнах домов, где люди доедали свой ужин, горел свет. Глядя по сторонам, я мог думать только о двух вещах: о прекрасном лице молодой женщины с чудесными зелеными глазами и о новом велике с фарой и гудком.

Мама думала об утопленнике, покоившемся на дне озера Саксон, беспокойный дух которого являлся в снах моему отцу и Леди и не давал им обоим покоя.

Лето уже было на пороге. Воздух был напоен запахом фиалок и жимолости.

В одном из домов Зефира кто-то играл на пианино.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЕТО ДЬЯВОЛОВ И АНГЕЛОВ

Глава 1

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ШКОЛЫ

Тик... тик... тик.

Что бы там ни утверждал календарь, для меня первым днем лета всегда был последний день школьных занятий. Солнце припекало все жарче и норовило задержаться подольше, земля расцветала зеленью, а небо становилось все чище и чище, оставляя на своем куполе лишь редкие завитки облаков. Жара давала о себе знать с настойчивостью пса, чувствующего, что его время пришло, бейсбольное поле уже было аккуратно скошено и заново размечено, бассейн выкрашен и наполнен чистой водой, и пока наша классная наставница миссис Сельма Невилл рассказывала нам о наших успехах в минувшем учебном году, мы, ее ученики, только что вынырнувшие из водоворота годовых экзаменов, не могли оторвать глаз от стрелок часов.

Тик... тик... тик.

За партой, стоявшей по алфавиту после Рики Лэмбек и Дины Макерди, пока одна моя половинка прислушивалась к словам классной, другая страстно желала, чтобы этот последний урок поскорее закончился. Моя голова была переполнена разными словами. Мне было просто необходимо освободиться от этих слов, стряхнуть их в прозрач-

ный и теплый летний воздух. Но мы вынуждены были пребывать под властью миссис Невилл вплоть до прощального звонка, сидеть и страдать, пока время не придет к нам на выручку и не спасет нас, подобно Рою Роджерсу, наконец перевалившему через гребень холма.

Тик... тик... тик.

Да имейте же сострадание!

Снаружи, за квадратными, окаймленными металлом рамами школьных окон нас ждал настоящий мир. Пока что я не имел ни малейшего представления о том, что за приключения ожидают меня и моих друзей в это лето 1964-го, но в том, что летние дни будут длинными и наполненными истомой, и в том, что, когда солнце наконец сдаться и канет за горизонт, подадут голос цикады, а светляки будут творить свой танец в воздухе, что не будет никаких домашних заданий и что летняя пора будет самой расчудесной, я был твердо уверен. Я сдал экзамен по математике, благодаря чему сумел-таки избежать тягостной ловушки летних занятий для отстающих. И мы с друзьями, наслаждаясь свободой, нет-нет да и прервем свою бешеную гонку, остановимся и вспомним о тоскливой участи одноклассников, связанных узами летней школы, — этой темницы, в которую угодил Бен Сирс в прошлом году, — и пожелаем им разделаться с ней поскорее, а пока время будет течь без них, тогда как сами они никак не станут моложе.

Тик... тик... тик.

Время — царь царей на пьедестале жестокости.

Наших ушей достигли доносившиеся из коридора шум и возня, взрывы смеха и радостные крики. Кто-то из учителей отпустил учеников чуть раньше звонка. Внутри у меня все сжалось от такой несправедливости. Но миссис

Невилл, дама со слуховым аппаратом и оранжевыми кудрями, несмотря на свои по меньшей мере шестьдесят лет, все говорила и говорила, словно в коридоре и не было никакого шума. Наконец я понял: она просто не хотела нас отпускать, стремясь задержать как можно дольше, и не из-за какой-то особой свойственной учителям вредности, а, скорее всего, потому, что дома ее никто не ждал, а лето в одиночестве вряд ли вообще можно назвать летом.

— Хочу надеяться, что вы, молодые люди, не забудете во время летнего отдыха иногда заглядывать в библиотеку.

Голос миссис Невилл был сейчас спокойным и миролюбивым, но, выйдя из себя, она была способна метать такие громы и молнии, по сравнению с которыми падающий метеорит мог бы показаться простой спичкой.

— Занятия закончились, но все равно уделяйте время чтению. Давайте работу своей голове: к сентябрю вы не должны разучиться думать...

3-3-3-ЗВОНОК!

Весь класс одновременно вскочил на ноги, как огромное извивающееся насекомое.

— Задержитесь на минутку,— приказала нам миссис Невилл.— Я вас еще не отпустила.

Боже, сколько может длиться эта пытка! Не исключено, пронеслось у меня в голове, что за стенами школы миссис Невилл тайком отрывает мухам крылышки.

— Сейчас вы покинете класс,— продолжила учительница,— но сделаете это так, как подобает леди и джентльменам. Постройтесь парами и выходите организованно. Мистер Алкотт, будьте добры, возглавьте процессию.

Слава богу, мы наконец пришли в движение. Класс почти опустел, и я уже слышал звеневшие в коридоре ра-

достные выкрики, разносившиеся эхом под сводами школы, когда миссис Невилл снова подала голос:

— Кори Маккенсон! Подойди ко мне на минутку.

Я повиновался, хотя душа моя трепетала от молчаливого протеста. Миссис Невилл улыбнулась во весь рот, напоминая хозяйственную сетку, окаймленную красной помадой.

— Ну что, Кори, надеюсь, ты доволен, что наконец приналег на математику и добился успеха?

— Да, мэм, я очень рад.

— Если бы ты так же старательно занимался все время, то мог бы окончить год с отличием.

— Да, мэм,— повторил я, сожалея о том, что мне не довелось отведать Напитка номер десять еще осенью.

Класс уже опустел. Я слышал, как в коридоре замирает последнее эхо. Пахло мелом от доски, карандашной стружкой, из школьного буфета доносился запах красного перца. Под сводами школы уже собирались на свои летние посиделки призраки.

— Насколько я знаю, ты пишешь рассказы? — неожиданно спросила миссис Невилл, разглядывая меня сквозь свои бифокальные очки.— Верно, Кори?

— Да, мэм.— Я не стал утруждать себя поиском оригинального ответа.

— Твои сочинения были лучшими в классе, у тебя высшая оценка по орфографии. Не хочешь ли в этом году принять участие в конкурсе?

— В конкурсе?

— Совершенно верно, в конкурсе литературного мастерства,— кивнула миссис Невилл.— Ты ведь понимаешь, о чем речь? Об августовском конкурсе, который ежегодно спонсируется Комитетом по искусству.

Я никогда об этом не думал. Комитет по искусству, возглавляемый мистером Гровером Дином и миссис Эвелин Пратмор, спонсировал конкурс литературного мастерства, который включал в себя написание эссе и рассказа. Победителей награждали почетным значком и привилегией прочесть свое творение на званом обеде в читальном зале библиотеки. Я пожал плечами. С тем, что я успел до сих пор сочинить, — историями о привидениях, ковбоях, детективах и космических монстрах, — трудно было рассчитывать на победу в конкурсе. Все это я писал исключительно для собственного удовольствия.

— Тебе стоит серьезно подумать над этим, — продолжила миссис Невилл. — Ты умеешь обращаться со словом.

Я опять пожал плечами. Когда учитель разговаривает с тобой как со взрослым человеком, испытываешь неловкость.

— Счастливого лета, — сказала миссис Невилл, и я вдруг понял, что наконец-то свободен.

Я ощущал себя лягушкой, внезапно выпрыгнувшей из темной болотной воды на яркое солнце.

— Спасибо! — выкрикнул я и опрометью бросился к двери. Но прежде чем выйти из класса, я оглянулся на миссис Невилл. Она сидела за своим пустым столом — без стопок тетрадей, требовавших проверки, без учебников с уроками на завтра. Единственным предметом на ее столе, если не считать промокательной бумаги и точилки, которой долго теперь не придется отведать карандаша, было красное яблоко, которое принесла ей Пола Эрскин. Я увидел, как миссис Невилл, залитая лучами солнечного света, лившегося из окна, медленным задумчивым движением взяла со стола яблоко Пола. Миссис Невилл сидела, глядя на пустые парты, изрезанные инициалами нескольких

поколений учеников, прошедших через этот класс, как волны прилива, устремленного в будущее. Внезапно миссис Невилл показала мне ужасно старой.

— Счастливого вам лета, миссис Невилл! — крикнул я от двери.

— Прощай, Кори, — сказала она и улыбнулась.

Через мгновение я уже летел по коридору. Мои руки были свободны от книг, а голова — от фактов и цифр, цитат и знаменательных дат. Я вырвался на чистый солнечный свет, и мое лето началось.

У меня так и не было велосипеда. С тех пор как мы с мамой побывали у Леди с визитом, минуло три недели. Я изводил маму просьбами позвонить Леди, но она советовала мне набраться терпения: мол, я получу новый велосипед ровно тогда, когда получу, и ни минутой раньше.

После нашего возвращения от Леди мама и отец долго разговаривали, сидя в синих сумерках на крыльце. Хотя, по всей видимости, этот разговор не был предназначен для моих ушей, я услышал, как отец сказал: «Мне нет дела до ее снов. Я к ней не пойду, и все». Но иногда я просыпался среди ночи, разбуженный криком отца во сне, а потом слушал, как мама пытается успокоить его. Он говорил что-то вроде «...в озере...» или «...в глубине, в темноте...», и я мог понять, какие видения черной пиявкой заползают в отцовские сны.

Отец теперь нередко отодвигал тарелку в сторону, не сумев осилить и половины обеденной порции, что было грубейшим нарушением его прежнего девиза: «После себя надо оставлять чистую тарелку, Кори, потому что сию минуту в Индии такие же мальчишки и девочки, как ты, страдают от голода». Он заметно похудел и осунулся, ему приходилось туже затягивать ремень его форменных брюк

молочника. Его лицо сильно изменилось, скулы заострились, а глаза глубоко западали в глазницы. Отец по-прежнему часто слушал бейсбольные репортажи по радио и смотрел игры по телевизору, но теперь довольно часто засыпал в своем кресле, откинув голову на спинку и открыв рот. Во сне его лицо подергивалось.

Становилось страшно за отца.

Мне казалось, я понимаю, что его гложет: не просто сам факт, что он видел мертвеца. Дело было не в убийстве: подобное в Зефире случалось и раньше, хотя — слава богу — довольно редко. Главным тут, насколько я мог разобраться, была низость этого деяния, зверское хладнокровие, с которым оно было исполнено, — вот что грызло его душу. Отец был человеком неглупым, наделенным житейской смекалкой, умел отличить добро от зла и держать свое слово. Но он сохранил наивные представления о мире: боюсь, он едва ли был способен поверить, что в Зефире может существовать подобное зло. Мысль о том, что человеческое существо можно зверски избить, а потом удушить рояльной струной, после чего приковать наручниками к рулю автомобиля и сбросить в озеро, лишив его христианского погребения на божьей земле, глубоко ранила отца, возможно, даже сломала какой-то стержень внутри его. И самое ужасное: это произошло в его родном городке, где он родился и вырос. С этим он не мог справиться в одиночку. Может быть, сыграло свою роль и то, что у погибшего как бы не было прошлого: никто не откликнулся на отправленные шерифом Эмори запросы.

— Ведь он не может быть просто *никем*, — услышал я как-то ночью за стеной. — У него, возможно, были жена и дети, братья и сестры, ну хоть какие-нибудь родственники! Господи, Ребекка, у него должно быть *имя*! Кто он такой? Откуда у нас появился?

— Узнать это — дело шерифа.

— Джей-Ти ничего не способен узнать! Он давно махнул на все рукой!

— Думаю, что тебе все-таки стоит заглянуть к Леди, Том.

— Нет.

— Почему? Отчего такое упрямство? Ты же видел ее рисунок. Это та самая татуировка, верно? Так почему ты не хочешь зайти к ней и просто поговорить?

— Потому что...— Отец замолчал. Я чувствовал, как мучительно ищет он подходящий ответ.— Потому что я не верю в ее магию — сплошное надувательство! Знаешь, откуда она узнала об этой татуировке? Из «Журнала»!

— Там не было никаких подробностей, ты и сам об этом знаешь! Кроме того, она говорит, что слышит голоса и звуки пианино, видит какие-то руки. Тебе нужно потолковать с Леди, Том. Прошу тебя, пойди к ней.

— Мне не о чем с ней говорить,— упрямо твердил отец.— Она не сможет сообщить мне ничего, что бы я хотел услышать.

Он продолжал стоять на своем, и в снах его с неизменным постоянством появлялся призрак безымянного утопленника.

Но в тот первый день лета я ни о чем таком не думал. Я не вспоминал ни о Старом Мозесе, ни о Полночной Моне, ни о мужчине в шляпе с зеленым пером. Я мог думать только о встрече с друзьями, ставшей нашим ритуалом празднования начала лета.

Из школы я помчался домой. У крыльца меня уже ждал Бунтарь. Я предупредил маму, что пойду погулять, и мы с Бунтарем рванули в лес, начинавшийся сразу же позади нашего дома. Чаща встретила нас буйством зелени, теп-

лый ветерок шелестел листвой, сквозь которую пробивались косые лучи солнца. Я выбежал на знакомую тропинку и углубился в лес. Бунтарь следовал за мной, делая петли в стороны, чтобы погонять белок. Через десять минут мы вышли на широкую зеленую поляну, по одну сторону которой открывался крутой склон холма. Весь Зефир был виден отсюда как на ладони. Все мои друзья, прикатившие на велосипедах и тоже явившиеся со своими собаками, уже были в сборе: Джонни Уилсон со своим большим рыжим Чифом, Бен Сирс с Тампером, Дэви Рэй Коллан с темно-коричневым в белых пятнах Бадди.

На поляне ветер дул сильнее. Вырвавшись на открытое место, он кружился веселым летним хороводом.

— Свершилось! — заорал Дэви Рэй. — Школа кончилась! Наконец-то!

— Школа кончилась! — подхватил Бен, прыгая вокруг, как полный идиот, вместе со своим заливающимся радостным лаем Тампером.

Джонни лишь молча улыбался, подставив лицо горячим лучам солнца и глядя сверху вниз на наш родной город.

— Ну что, ты готов? — спросил меня Бен.

— Конечно готов, — отозвался я, и мое сердце забилось чаще.

— Все готовы? — выкрикнул Бен.

Остальные тоже были готовы.

— Тогда вперед! Лето началось!

Сорвавшись с места, Бен побежал, описывая широкий круг по краю поляны возле самых деревьев, за ним по пятам неся Тампер. Следом ринулись мы с Бунтарем, за нами побежали Дэви Рэй и Джонни. Их собаки, играя, носились по поляне взад и вперед.

Мы неслись все быстрее и быстрее. Сначала воздух бил нам в лицо, теперь свистел у нас за спиной. Отталкиваясь от земли сильными молодыми ногами, мы описывали по поляне круг за кругом, слыша, как ветер шелестит ветвями обрамляющих поляну дубов и сосен.

— Быстрее! — выкрикнул Джонни, немного хромавший из-за своей деформированной стопы. — Прибавьте ходу!

Мы продолжали бежать, преодолевая напор ветра, а потом устремились в обратную сторону. Собаки, заливаясь радостным лаем, описывали круги вместе с нами. Солнце блестело в водах реки Текумсе, лазурное небо было чистым, и жар лета наполнял наши легкие.

Решающий момент близился. Это знали и чувствовали все.

— Бен будет первым! — крикнул я. — Он готов! Давай, Бен!

Бен испустил воинственный клич. Из его спины, прямо из лопаток, прорвав рубашку, неожиданно вырвались крылья.

— Смотрите, у него выросли крылья! — крикнул я. — Они становятся все больше и больше! У них цвет волос Бена, но их еще нужно хорошенько размять: ведь за зиму они застоялись без дела. Вот Бен уже бьет ими в воздух! Посмотрите на них! Вы только посмотрите, какие у него крылья!

Ноги Бена оторвались от земли, и взмахи крыльев начали поднимать его вверх.

— Тампер летит за тобой, Бен! — крикнул ему я. — Подожди немножко, пусть он тебя догонит!

Крылья Тампера уже забились в воздухе. Нервно поскуливая от нетерпения, пес взмыл вслед за своим хозяином.

— Давай-давай, Тампер! — кричал ему Бен — Летим!
— Эй, Дэви Рэй! — крикнул я. — Ты готов? Ты уже чувствуешь крылья?

Дэви Рэю страстно хотелось взлететь, я точно знал об этом. Но он был еще не готов, это тоже чувствовалось.

— Хорошо, пусть тогда будет Джонни! — крикнул я. — Джонни, ты можешь взлететь?

Крылья Джонни, вырвавшиеся из его спины, напомнили ослепительно черный взрыв. Сопровождаемый рыжим здоровяком Чифом, он круто взмыл в воздух. Я взглянул вверх на Бена, который уже парил на высоте футов пятидесяти над землей, немного напоминая пухлого орла.

— Эй, Дэви Рэй! Бен вот-вот улетит без тебя. Эй, Бен! Позови-ка Дэви Рэя!

— Давай, Дэви Рэй, ты же можешь! — отозвался из поднебесья Бен, кувыркаясь в воздухе. — Здесь так здорово! Воздух просто отличный!

— Я готов, — отозвался, сжав зубы, Дэви Рэй. — Я готов! Скажи, что мне делать, Кори!

— Чувствуешь, Дэви Рэй, как растут твои крылья? Ого, я уже вижу их! Вот это да — они вот-вот вырвутся наружу! Вот, наконец-то они появились! Все, Дэви Рэй, твои крылья свободны!

— Я их чувствую, чувствую! — На блестящем от пота лице Дэви Рэя сияла улыбка. Его гладкие рыжеватые крылья все сильнее и сильнее бились в воздухе; медленно и плавно, словно он плыл, Дэви Рэй начал подниматься вверх. Я знал, что Дэви Рэй не боится летать, но эта встреча лета была для него первой — никогда раньше он не приходил с нами на эту поляну. Он страшился одного: первого толчка, когда нужно собрать в кулак всю свою веру, чтобы оторваться от земли и взмыть в воздух.

— Бадди летит за тобой! — заорал я им вслед, когда коричневые в белых пятнах крылья пса развернулись в воздухе. По-собачьи перебирая лапами, Бадди упорно поднимался вверх.

Я почувствовал, как мои крылья резко, одним толчком, развернулись позади коричневыми флагами, изголодавшимися по ветру, вырвавшись из лопаток и разорвав рубашку в клочья. Восторг полной свободы сделал легким мое тело. Начав подниматься вверх, я пережил несколько мгновений паники, подобной тому, что мы испытываем, первый раз за лето бросаясь в холодную воду общественного бассейна. В конце августа крылья впадали в спячку и сворачивались, но порой трепетали, напоминая о себе. Это обычно случалось на Хеллоуин, День благодарения, в рождественские каникулы и на Пасху. В остальные дни они лежали совершенно неподвижно, лишь грезя о наступлении лета. Со времен нашей первой ритуальной встречи на лесной поляне я изредка вспоминал о своих крыльях и, ощущая их тяжелыми и непослушными, не понимал, каким образом они обретают такую ловкость, двигаясь в воздухе как бы сами по себе. Приходило время, и мои крылья наполнялись ветром, а я испытывал благоговейный трепет, ощущая их мускулистую мощь. Сначала они лишь слегка дергались, словно в ответ на чихание. Затем взмахи становились более плавными и сильными, после чего наступало ощущение, наверняка знакомое поэтам, дождавшимся прихода своей музыки. Мои крылья двигались теперь в лад с потоками воздуха.

— Я лечу! — громко закричал я, поднимаясь в чистое небо следом за своими друзьями, уже давно дожидавшимися меня там со своими верными псами.

Позади себя, за спиной, я услышал знакомый лай. Оглянувшись, я увидел, как выгросли белые крылья Бунтаря, как

он рвется вверх, силясь догнать меня. Резкими взмахами я настиг друзей под предводительством Бена.

— Не так быстро, Бен! — предупреждающе крикнул я, но он махнул еще выше, на все семьдесят футов. После того что Бен вынес на земле, он заслуживал полета, подумал я. Тампер и Бадди снова затеяли игру, летая друг за другом широкими ленивыми кругами, Бунтарь лаял, желая к ним присоединиться. Чиф, подобно своему хозяину, предпочитал одиночество. Устремившись вниз, Бунтарь облизал мне лицо. Я обнял его за шею рукой, и мы взмыли в небо, выше вершин самых высоких деревьев.

Дэви Рэй уже преодолел свои страхи. Часто дыша, отчего из его рта доносилось мерное *кау-кау-кау*, прижав подбородок к груди, а руки к бокам, он, радостно смеясь, парил возле самой земли со сложенными за спиной крыльями. Напор воздуха искажил черты его лица.

— Осторожно, Дэви Рэй! Помедленнее! — закричал я. Он пронесся мимо вместе с Бадди, который старался не отставать от своего хозяина. — Сбавь ход!

Но Дэви Рэй стремительно снижался к зеленым просторам леса. И когда у меня уже не оставалось сомнений в том, что еще миг — и он врежется в землю словно метеорит, крылья раскрылись у него за спиной подобно чудесному опахалу. Одним сильным движением он развернул свое тело, словно складной нож, в небо, перпендикулярно земле. Стоило ему захотеть — и он мог бы сорвать пригоршню сосновых игл с ветки и пожевать их. Крича от восторга, Дэви летел над вершинами деревьев. Бадди развернулся чуть позже и в результате с треском вломился в раскидистые лапы сосны, но вскоре выпровнялся и опять заскользил над землей. Пес поднялся к нам из ветвей, ворча и отплевываясь, оставив за собой растревоженных и ушибленных белок.

Я продолжал подниматься вслед за Беном. Занятый, как обычно, самим собой, Джонни исполнял правильные плавные восьмерки. Бунтарь и Тампер затеяли веселую возню в шестидесяти футах над землей. Бен улыбнулся мне. Его лицо и рубашка были мокрыми от пота, ее полы, выпростанные из штанов, трепетали у него за спиной.

— Смотри, Кори! — крикнул мне Бен и, прижав руки к животу и подтянув вверх колени, с громким криком камнем рухнул вниз.

Решив повторить маневр Дэви Рэя — замедлить скорость и поймать ветер, — Бен широко распахнул крылья, но что-то у него не вышло. Одно из его крыльев не раскрылось полностью. Почувствовав, что попал в беду, Бен вскрикнул. Он кувырком полетел вниз, размахивая руками во все стороны.

— Я падаю-у-у-у-у! — в отчаянии кричал Бен, полагаясь только на второе крыло и молитву. Животом вперед он врезался в верхушки деревьев.

— Ты жив, Бен? — спросил Дэви Рэй.

— С тобой все в порядке? — крикнул я.

Джонни тоже остановил свой бег, Тампер подбежал к своему хозяину и лизнул его в лицо. Бен поднялся с земли и сел, показав нам локоть с содранной кожей.

— Черт! — сказал он. — Болит немного.

На локте Бена показалась кровь.

— Не нужно было так быстро лететь! — сказал Бену Дэви Рэй. — Вот чудила!

— Все в порядке, — проговорил Бен, поднимаясь. — Мы ведь еще даже не полетали как следует, верно, Кори?

Бен был готов продолжать. Я вновь начал свой бег, мои руки сами собой раскинулись в стороны. Остальные тоже припустили вовсю, раскинув руки и пытаясь поймать ветер.

— Дэви Рэй поднялся на семьдесят футов,— крикнул я,— Бадди тоже летит с ним. Джонни выписывает восьмерки на пятидесяти футах. Давай, Бен! Выбирайся из этих деревьев!

Поднявшись к нам, Бен отряхнул свои волосы от сосновых игл, широко улыбаясь.

Как всегда, первый день лета вышел самым чудесным.

— За мной, ребята! — крикнул нам Дэви Рэй и взял курс на Зефир.

Первым за ним устремился я. Моим крыльям были знакомы маршруты голубых небесных дорог.

Солнце припекало нам спины. Домики Зефира лежали под нами словно игрушечные, улицы казались пластинками жвачки. Автомобили были похожи на заводные машинки, которые можно купить за пять долларов десять центов. Мы пересекли коричневую блестящую змею Текумсе, пронеслись над мостом с горгульями и над старой железнодорожной эстакадой. Я заметил несколько лодок с рыбаками. Если Старый Мозес вдруг решит отведать их наживки, им вряд ли удастся спокойно усидеть, дожидаясь, пока клюнет рыба.

Наши маленькие тени в сопровождении крошечных пятнышек собачьих теней мчались по земле, словно рисуя на ней тайные письма. Мы пролетели над темно-коричневым продолговатым пятном озера Саксон. Мне озеро совсем не нравилось, и потому я, воспользовавшись теплым восходящим потоком, поднялся до высоты в семьдесят футов. То, что лежало в глубине этого озера, пугало меня, как сердцевина гниющего яблока. Резко сбавив высоту полета, Дэви пронесся всего в десяти футах над поверхностью озера. Дэви следовало быть осторожнее: если он намочит крылья, то не сможет продолжить полет до тех пор, пока не просохнут перья. Но вскоре Дэви сно-

ва поднялся к нам, и мы все вместе полетели дальше над лесом, что начинался сразу за озером Саксон, над фермерскими полями, напоминавшими лоскутное одеяло из зеленых и светло-коричневых кусков.

— Где мы теперь, Кори? — спросил меня Дэви Рэй.

— Мы почти уже добрались до... — начал я.

До авиабазы Роббинс, огромного пустого пространства посреди океана лесной зелени. Я увидел серебристый реактивный истребитель, заходивший на посадку. Далеко позади базы, там, куда не могли залететь даже мальчишки с крыльями, находился полигон, где пилоты истребителей вели огонь по наземным имитациям целей, а бомбардировщики время от времени сбрасывали настоящий бомбовый груз, от взрывов которого дребезжали стекла даже в Зефире. Военный аэродром был границей наших вылазок, и мы повернули обратно, устремившись в раскаленную синеву, туда, откуда только что прилетели: над полями и лесами, над озером, рекой и крышами домов.

Вместе с Бунтарем мы покружили над нашим домом. Мои друзья тоже проводали свои дома, со всех сторон доносился радостный собачий лай. Глядя на собственный дом с высоты, я понял, какой он маленький по сравнению с огромным миром, раскинувшимся во все стороны. С высоты своего полета я видел дороги, тянувшиеся до самого горизонта. По дорогам куда-то двигались грузовики. Вместе с летней жарой приходит жажда странствий; я ясно ее ощущал, пытаясь угадать, доведется ли и мне когда-нибудь колесить по этим дорогам и, если это действительно произойдет, куда будет лежать мой путь. Как обычно, я попытался представить себе, что случится, если мама или отец вдруг появятся на крыльце и заметят на земле тени — мою и Бунтаря, после чего, конечно же, посмотрят вверх. Вряд ли они догадывались, что их сын умеет летать.

Сделав круг над трубами и башенками особняка Такстера, что находился в конце Темпл-стрит, я снова рванул навстречу друзьям, и, несомые усталыми крыльями, мы наконец-то добрались до нашей поляны.

Кружа подобно осенним листьям, мы один за другим грациозно опустились на траву. Земля под ногами ходила ходуном — я пробежал еще несколько шагов, пока мое тело и крылья заново приспособлялись к узам гравитации. Мы снова были на земле, бежали по поляне кругами друг за другом вместе со своими собаками, сперва преодолевая сопротивление ветра, потом подталкиваемые им в спину. Наши крылья сложились обратно и скрылись в углубления за лопатками на спине; крылья наших собак втянулись в их плоть и закрылись сверху космами шерсти — белой, коричневой, рыжей и коричневой в белых пятнах. Наши разорванные рубашки сами собой заштопались, да так, что наши мамы никогда бы не заподозрили неладное. Мы насквозь промокли от пота, наши лица и руки блестели, и как только земля снова заполучила нас в свои объятия, мы прервали свой бег и без сил рухнули на траву.

Собаки бросились к нам, норовя лизнуть в лицо. Ритуальный полет был завершен до следующего лета.

Мы немного посидели, тихо беседуя, ожидая, пока обретут свой привычный ритм наши сердца и уляжется душевное волнение. Мы рассказали друг другу обо всем, чем собирались заняться этим летом: дни обещали быть длинными и можно было много чего успеть сделать. Но в одном мы были твердо уверены: этим летом мы обязательно отправимся в поход с ночевкой.

А теперь пора было расходиться по домам.

— До свидания, парни! — крикнул нам Бен, отъезжая на своем велосипеде, вслед за ним бежал его Тампер.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

— Пока, до встречи! — попрощался Дэви Рэй, оседлав своего верного скакуна, а Бадди рванул в кусты, приметив там одичавшего кролика.

— Чао! — сказал мне Джонни, нажимая на педали; его сопровождал верный Чиф.

Я помахал ему в ответ.

— Какао! — крикнул я.

Я направился домой, по пути бросая Бунтарю шишки, за которыми он с удовольствием гонялся. Под одним из кустов Бунтарь обнаружил змеиную нору и залился яростным лаем, но я торопливо оттащил его от греха подальше, потому что оттуда в любой момент могла выползти ее хозяйка. Уж очень большая была нора.

Когда я вошел на кухню, мама с ужасом воззрилась на меня.

— Ты весь мокрый, Кори! — воскликнула она. — Чем это ты занимался!

Пожав плечами, я вытащил из холодильника кувшин с лимонадом.

— Ничем особенным, — отозвался я.

Глава 2

РАЗГОВОР В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

— Немного снимем сверху и подровняем по бокам, так, Том?

— Наверно. Полагаю, так.

— Что ж, тогда приступим.

Таковыми словами мистер Перри Доллар, парикмахер с Мерчантс-стрит, предварял каждую стрижку. Вы могли говорить или не говорить ему, какая именно стрижка вам нужна, все равно у него всегда выходило «немного снимем сверху и подровняем по бокам». Конечно, речь шла о нормальной, «настоящей» стрижке, а не о каких-то там изысках с укладкой, как в парикмахерских салонах. За доллар и пятьдесят центов вы получали полный набор услуг: обертывание шеи хрустящим полотенцем в голубую полоску, щелканье ножницами над ухом, треск машинки, ощущение горячей пены на затылке и прикосновение только что правленной на кожаном ремне бритвы в тех местах, где оставались тонкие короткие волоски, а за этим следовал щедрый душ из одной из волшебных бутылок с наклейками «Дикий Корень», «Виталис» или «Брикрим». Я говорю «волшебных бутылок», потому что, когда бы я ни пришел стричься к мистеру Доллару, в этих бутылках, хранившихся на полке над креслом для кли-

ента, всегда было ровно половина жидкости, и уровень ее никогда не уменьшался и не увеличивался ни на дюйм. По окончании стрижки — в данном случае уместнее было бы сказать «скальпирования» — мистер Доллар расстегивал английскую булавку и снимал с вашей шеи полотенце, после чего заботливо стряхивал умерщвленные волоски с ворота вашей рубашки специальной щеткой, по ощущениям сделанной из щетины со свиного рыла. После процедуры взрослые могли полакомиться из банки карамелью с арахисом, а ребята — выбрать себе леденец: лимонный, лаймовый, виноградный или вишневый.

— Жарковато сегодня, — сказал мистер Доллар, приподнимая папины волосы расческой и срезая их концы острыми ножницами.

— Да уж.

— Бывало и жарче. Знали мы и не такие денечки. В тысяча девятьсот тридцать шестом в этот день было сто три градуса по Фаренгейту.

— А в двадцать седьмом — все сто четыре! — подал голос мистер Оуэн Каткоут, пожилой человек, неизменно составлявший партию в шашки другому старику — мистеру Габриэлю «Джазисту» Джексону в задней комнате парикмахерской, где висящий на потолке вентилятор немного разгонял воздух, и было легче дышать.

Морщинистое лицо мистера Каткуота, сплошь покрытое коричневыми пигментными пятнами, напоминало карту какой-то неизвестной заграничной страны. У него были глаза-щелки и руки с длинными пальцами, спутанные седеющие волосы цвета соломы свисали прядями до самых плеч, что наверняка болезненно резало глаз мистера Доллара. Мистер Джексон был старый негр с большим животом, серо-стальными волосами и небольшими, ак-

курратно подстриженными усами. Он зарабатывал себе на жизнь тем, что чистил и чинил обувь. Люди приносили ее к нему в мастерскую, которая находилась позади парикмахерской мистера Доллара. Свое прозвище мистер Джексон получил за то, что мог, по словам моего отца, «выдуть из своего кларнета целую оперу со всеми шмелями и мухами». Кларнет мистера Джексона, хранившийся в черном футляре, всегда находился под рукой у своего хозяина.

— В июле будет еще жарче, — заметил мистер Джексон, задумчиво глядя на шашки. Протянув руку, он взял было шашку, потом опустил ее на место и снова задумался.

— Оуэн, ты опять решил устроить мне западню — загнать в безвыходное положение?

— Даже не мечтал об этом, мистер Джексон.

— Ладно, не пудри мне мозги, старый ты лис! — усмехнулся Джазист, наконец разглядев простую, но смертоносную ловушку, заготовленную для противника мистером Каткоутом. — Решил освежевать меня и зажарить на обед? Нет уж, зубы сломаешь, жестковат я, понятно?

Следующий ход позволил ему ненадолго выбраться из западни.

Мистер Доллар был невысокий коренастый человек с лицом как у довольного бульдога. Его седые брови торчали во все стороны, как сорная трава, а волосы были подстрижены так коротко, что сквозь них виднелась желтоватая кожа. Он знал все и обо всех, ему можно было задать любой вопрос по истории Зефира и получить исчерпывающий ответ. В течение последних двадцати лет мистер Доллар был единственным парикмахером в Зефире, и ни одна городская сплетня не проходила мимо него. Он мог рассказать вам обо всем, что происходит в городе, если у вас находилось время посидеть и послушать. Кро-

ме того, мистер Доллар был обладателем отличной коллекции зачитанных до дыр комиксов, журналов «Поля и реки», «Спортс иллюстрейтед», а от Дэви Рэя я слышал, что в задней комнате специально для взрослых у мистера Доллара была припасена подборка таких изданий для мужчин, как «Стэг», «Конфиденшиал» и «Аргоси».

— Кори? — спросил меня мистер Доллар, продолжая кромсать волосы моего отца. — Ты еще не познакомился с новым мальчиком?

— Нет, сэр.

Я понятия не имел, что в нашем городе появился какой-то новый мальчик.

— Вчера вместе с отцом они заходили ко мне подстричься. У парнишки отличные волосы, но этот его чуб — я об него чуть ножницы не затупил.

«Чик-чик-чик», — сказали ножницы.

— Они приехали на прошлой неделе.

— Это та новая семья, что сняла дом на углу Гринхоу и Шантук? — поинтересовался отец.

— Да, это они и есть. Их фамилия Керлисс. Приятные люди. У них у всех отличные волосы.

— А чем занимается этот мистер Керлисс?

— Коммивояжер, — ответил мистер Доллар. — Продает рубашки какой-то компании из Атланты. Его паренек на пару лет младше, чем Кори. Я усадил его на «коня», и он несколько не смутился.

«Конь» был вырезанной из дерева пегой золотогривой лошастью, взятой с какой-то обреченной на слом карусели; теперь «конь» был прикручен болтами к полу рядом с парикмахерским креслом. На «коне» стриглись только самые маленькие детишки, но иногда мне хотелось снова сесть на него верхом, засунуть ноги в стремя и сидеть

долго-долго. То обстоятельство, что мальчик Керлисс, девяти или десяти лет от роду, захотел сесть на лошадку, свидетельствовало о том, что он, по-видимому, маменькин сынок.

— Мистер Керлисс, похоже, приличный малый,— продолжал мистер Доллар, проходя ножницами вдоль отцовской головы.— Крепкий орешек, хотя и слишком тихий для коммивояжера.

— Понятно,— отозвался отец.

— Судя по тому, что рассказал этот Керлисс, ему с семьей пришлось немало поколесить по стране: он называл несколько городков, где ему довелось жить. Похоже, уж если ты подрядился коммивояжером, тебе придется ехать, куда бы тебя ни послала компания.

— Это не по мне,— отозвался отец,— я предпочитаю жить там, где пустил корни.

Мистер Доллар кивнул. Оставив Керлисс, он стал перескакивать с одной темы на другую, словно человек, идущий сквозь высокую траву и видящий только на шаг вперед.

— Мне бы сюда этих парней-битлов, я бы из них сделал мужиков, а то патлатые, как бабы.

И тут брови мистера Доллара сошлись на переносице: новая тема пришла ему в голову.

— Коммунисты хвастаются, что вот-вот нас похоронят. Пока мы еще в силах, нужно их остановить, а то, глядишь, они и вправду до Америки доберутся. наших парней шлют, чтобы прищемили им хвост, в этот, как его... туда, где растет этот чертов бамбук...

— Во Вьетнам? — предположил отец.

— Точно. Именно туда. Поубивают там этих комми, и нам больше не придется беспокоиться.

Ножницы мистера Доллара щелкали с пугающей скоростью. Новая мысль зародилась где-то между его ушами.

— Том, Джей-Ти так и не узнал, что за парень утонул в озере Саксон?

Я взглянул отцу в лицо. На нем ничего не отразилось, но я-то знал, насколько его самого мучает этот вопрос.

— Нет, Перри. Ничего он не узнал.

— Думаю, это был агент ФБР,— предположил Джазист.— Выискивал в нашей округе подпольные самогонно-варни. Наверно, Блэйлоки его и пристукнули. Точно, они.

— Мистер Скалли тоже так думает,— вставил отец.

— Да, с Блэйлоками лучше не связываться,— заметил мистер Доллар. Включив машинку для стрижки волос, он принялся подправлять отцу виски.— Это не первый человек, которого они убили.

— Откуда вы знаете?

— Сим Сирс обычно берет виски у младшего из братьев, у Донни. И... э-э-э...— Мистер Доллар покосился на меня.— Так, того и гляди, и до школы дойдет?

— Нет, все в порядке,— отозвался отец.— Говорите.

— Это мне Сим сказал: похоже, за них взялись все-ррез. Донни Блэйлок давно снабжает Сима самогонкой. Так вот, однажды Сим с Донни напились в лесу до чертиков — в ту ночь, когда упал метеорит,— и Донни много всякого наболтал Симу.

— Наболтал? — насторожился отец.— Что он ему наболтал?

— Донни хвалился, что однажды убил человека,— ответил мистер Доллар.— Он не сказал ему, когда, кого и за что. Просто взял да и ляпнул, что убил человека и очень этим доволен.

— Ну а Джей-Ти знает?

— Ничего шериф не знает. Наверняка и не слышал об этом. Я тоже не собираюсь ему ничего рассказывать — просто не хочу, чтобы Джея-Ти пристукнули, как котенка. Ты, Том, сам когда-нибудь видел Блэйлока Большое Дуло?

— Нет.

— Большое Дуло здоровый, как лось, и злой, как дьявол. Если я расскажу Джею-Ти то, что наболтал мне Сим, шерифу придется отправиться в лес, чтобы разыскать Блэйлоков. И если ему удастся найти их гнездо, в чем я сильно сомневаюсь, то эти безжалостные ублюдки подвесят его за пятки и перережут ему горло, словно... — Мистер Доллар снова оглянулся на меня. Я сидел, уткнувшись в комикс о Человеке-Ястребе, а на самом деле весь обратился в слух. — Сдается мне, что тогда нашему шерифу придет конец, — закончил мистер Доллар.

— Почему Блэйлоки чувствуют себя хозяевами всего нашего округа и творят, что хотят? — воскликнул отец. — Если они убили человека, то должны понести за это наказание!

— Точно, когда-нибудь они заплатят за это, — кивнул мистер Доллар, снова взяв в руки ножницы. — Кстати говоря, Большое Дуло как-то раз заглядывал к нам. Точно, это было в прошлом ноябре. Он тогда привез пару ботинок, чтобы поставить на них новые подметки. Помнишь, как он заявился, Джазист?

— Само собой. Хорошие у него ботинки, дорогие. Я здорово перетрусил, пока с ними работал, — боялся поцарапать кожу.

— Знаешь, что сказал Блэйлок, когда расплачивался за свои ботинки? — спросил мистер Доллар моего отца. — Он сказал, что эти ботинки у него давяльные: если он на

кого этим башмаком наступит — тот больше не поднимется. Не стоит, мол, попадаться ему на дороге и вмешиваться в его дела. Поэтому дураков нет: никто за этими Блэйлоками в лес не пойдет, кому захочется рисковать своей шкурой?

— Думаю, это самое и случилось с парнем, что теперь лежит на дне озера Саксон, — подал голос Джазист. — Сунул нос в бизнес Блэйлоков и получил свое.

Джазист сказал «биднес».

— Лично мне нет дела до того, что они гонят самогон и торгуют им со своего грузовичка, — продолжал мистер Доллар. — Мне от этого нет никакого вреда. Плевать мне на то, что они контролируют тотализатор на автомобильных гонках, потому что я никогда не играл на деньги. Меня не волнует, что они вытворяют с девками из заведения Грейс Стаффорд, потому что я семейный человек.

— Стойте-стойте, — вдруг насторожился отец. — Что вы там говорили по поводу Грейс Стаффорд?

— А то, что в своем борделе она не хозяйка. Она там вроде управляющей, ничего больше. На самом деле настоящие хозяева этого значного местечка — Блэйлоки. Все там принадлежит им вплоть до последней папилютки.

Отец тихо хмыкнул:

— Я об этом ничего не знал.

— Да уж откуда тебе знать! — Мистер Доллар намазал немного пены на затылок и шею отца и приготовил опасную бритву, чтобы сбрить остатки волос. — Все в точности так: Блэйлоки загребают там большие деньги. Парни с авиабазы там все время торчат — они на них уже, наверно, состояние сколотили.

Твердой рукой мистер Доллар принялся брить шею моего отца.

— Думаю, что Блэйлоки не по зубам Джею-Ти, слишком уж твердый орешек. Для того чтобы упрятать их в тюрьму, нужен кто-нибудь вроде Эдгара Гувера.

— Уайатт Эрп с ними бы разобрался,— вдруг подал голос мистер Каткоут.— Если бы был еще жив, само собой.

— Судя по твоим рассказам, Оуэн, Эрп был мастак по этой части.— Мистер Доллар снова взглянул на меня, очевидно уже заметив, что я держу ушки на макушке, потом снова повернулся к старику Каткоуту.— Послушай, Оуэн! Сдается мне, Кори еще не слышал о том, что случилась между тобой и Уайаттом Эрпом.— И мистер Доллар заговорщически мне подмигнул.— Может, расскажешь ему эту знаменитую историю?

Несколько секунд мистер Каткоут сидел молча, внимательно разглядывая доску с шашками. Хотя был его ход, ни одной шашки он так и не передвинул.

— Нет уж,— наконец подал он голос.— Что было, то быльем поросло, не стоит ворошить прошлое.

— Да что ты, Оуэн! Расскажи парнишке. Тебе же, небось, хочется услышать эту историю, верно, Кори?

Прежде чем я успел ответить «да» или «нет», мистер Доллар уже продолжал:

— Видишь, Кат? Он до смерти хочет услышать!

— Давно это было,— тихо отозвался мистер Каткоут.

— В тысяча восемьсот восемьдесят первом, точно? Двадцать шестого октября в Тумстоуне, штат Аризона. Ты был тогда девятилетним пацаном, верно, Кат?

— Все так и было,— кивнул Каткоут.— Мне было всего девять лет.

— Вот и расскажи мальчишке, что ты натворил в тот день.

Мистер Каткоут продолжал рассматривать шашки на доске.

— Давай, Оуэн,— толкнул его в бок локтем Джазист.— Не томи душу.

— В этот день, двадцать шестого октября, я убил человека,— наконец проговорил мистер Каткоут.— И спас жизнь Уайатту Эрпу в О. К. Коррал.

— Понял, Кори? — снова подмигнул мне мистер Доллар.— Могу поспорить, ты и не знал, что сидишь здесь с настоящим стрелком с Дикого Запада, точно не знал.

По тому, как мистер Доллар сказал все это, я понял, что сам он нисколько не верит в свои слова и что рассказ мистера Каткута ему нужен только для того, чтобы в очередной раз над ним посмеяться.

Конечно, я много раз слышал рассказы про О. К. Коррал. Не только я, любой мальчишка, который питает хоть малейший интерес к ковбоям и временам Дикого Запада, слышал историю о том, как братья Эрп — Уайатт, Вирджил и Морган — вместе с шулером Доком Холлидеем сошлись на пыльной улице Тумстоуна лицом к лицу с налетчиками из банды Клэнтонов и Маклоуэри.

— Так это взаправду было, мистер Каткоут? — спросил я.

— Да, сынок, все так и было,— ответил старик.— Мне в тот день здорово повезло. Я был малолеткой и ничего не смыслил ни в оружии, ни в стрельбе. Едва ногу себе не отстрелил.

— Расскажи ему, как ты спас жизнь Уайатту,— настойчиво повторил мистер Доллар, стирая горячим полотенцем остатки пены с шеи моего отца.

Мистер Каткоут нахмурился. Я понял, что он либо не любит вспоминать те времена, либо воспоминания во-

обще даются ему с трудом. Девяностолетнему старику нужно отпереть немало замков в своей памяти, чтобы вспомнить тот день, когда ему было всего-навсего девять. Но, полагаю, этот конкретный день вспомнить стоило.

— На улице в тот день никого не было, — начал свой рассказ мистер Каткоут. — Все сидели по домам, потому что было известно, что Эрпы, Док Холлидей, Маклоуэри и Клэнтон обязательно устроят кровопролитие, — между ними давно назревала стычка. Но я специально выбрался посмотреть и сидел, спрятавшись за домом. Дурачок я был, что с меня взять.

Отодвинув стул от доски с шашками, он сидел, сплетя длинные пальцы, ветерок от вентилятора слегка шевелил его волосы.

— Я слышал крики и выстрелы, слышал, как пули входят в человеческую плоть. Этот звук я не забуду никогда, даже если проживу еще сто лет.

Мистер Каткоут, прищурившись, смотрел на меня, но я был уверен, что перед его взглядом проносилось прошлое, где с земли в кровавых пятнах поднимается пыль и тени людей наводят друг на друга свои шестизарядные револьверы.

— Пальба стояла оглушительная, — продолжал он. — Раздался визг пули, пробившей стену хижины рядом с моей головой. Я упал ничком на землю и лежал ни жив ни мертв. Вскоре мимо прошел, шатаясь, какой-то мужчина и упал на колени. Это был Билли Клэнтон. Он был ранен, но револьвер все еще был у него в руке. Он внимательно посмотрел на меня, потом закашлялся, у него пошла кровь горлом и из носа, и он упал лицом вниз рядом со мной.

— Вот это да! — охнул я, чувствуя, как холодеют от ужаса мои руки.

— Но это еще не все, Кори! — снова подал голос мистер Доллар.— Расскажи ему дальше, Кат!

— Вдруг на меня упала чья-то тень,— проговорил мистер Каткоут хриплым голосом.— Я поднял голову и увидел Уайатта Эрпа. Его лицо было покрыто пылью, он показался мне огромным, не меньше десяти футов ростом. «Беги домой, паренек»,— сказал он мне. Я и сейчас слышу его голос так же отчетливо, как свой. Но я так испугался, что ноги меня не слушались, а Уайатт направился к другому концу сарая. Перестрелка закончилась. Клэнтонны и Маклоуэри лежали на земле наспигованные свинцом. А потом случилось это самое.

— Что случилось? — прошептал я, когда мистер Каткоут остановился, чтобы отдышаться.

— Оказалось, один из подручных Клэнтона спрятался в пустой дождевой бочке. Высунувшись оттуда, он направил револьвер в спину Уайатту. Раньше я никогда не видел этого парня. Он стоял совсем рядом со мной, так же близко, как сейчас сидишь ты. Он прицелился в Уайатта, и я услышал, как щелкнул курок.

— Сейчас начнется самое интересное,— подал голос мистер Доллар.— Так что было дальше, Оуэн?

— Дальше... я поднял револьвер Билли Клэнтона, тяжелый, как пушка, вся его рукоятка была перепачкана кровью.

Мистер Каткоут замолчал, прикрыв глаза. Потом заговорил снова:

— Я хотел окликнуть Уайатта, но было уже поздно. Ни на что не оставалось времени, кроме того, что сделал я. Я решил выстрелить в воздух, чтобы испугать этого парня и заодно привлечь внимание мистера Эрпа. Но не успел я как следует взяться за рукоятку пистолета, как прогрехотал выстрел: «бу-у-ум».

КНИГА 1 ТЕМНАЯ БЕЗДНА

Глаза мистера Каткоута при этом воспоминании открылись.

— Отдачей меня сбило с ног и едва не вывернуло плечо. Я слышал, как пуля отскочила рикошетом от камня в каких-то шести дюймах от моей правой ноги. До этого пуля пробила парню правую руку насквозь, так что его револьвер выпал, и размозжила кисть, даже кости показались. Кровь хлынула фонтаном. Он буквально истек кровью и умер, а я стоял над ним и твердил без конца: «Извините, извините, извините». Я не собирался его убивать, просто хотел спасти от смерти мистера Эрпа.

Мистер Каткоут тихо и глубоко вздохнул, словно тихий ветерок подул, поднимая пыль над могилами кладбища на Бут-Хилл.

— Я стоял над убитым с револьвером Билли Клэнтон в руке. Потом ко мне подошел Док Холлидэй, забрал у меня револьвер, достал из кармана четвертак и сказал: «Пойди и купи себе леденец, парень, ты его заслужил». Так я получил свое прозвище.

— Прозвище? — переспросил я. — Какое прозвище?

— Кат Леденец, — ответил мистер Каткоут. — На следующий день мистер Эрп пришел к нам домой на обед. Мой отец был простым фермером. Мы были небогаты, но постарались не ударить лицом в грязь и угостили его на славу. После обеда он подарил мне револьвер Билли Клэнтон вместе с кобурой. Так он отблагодарил меня за то, что я спас ему жизнь.

Мистер Каткоут покачал головой.

— Надо было сразу выбросить этот проклятый револьвер в колодец, как советовала моя мама.

— Почему?

— А потому. — Мистеру Каткоуту не сиделось на месте: он был слишком взволнован собственным рассказом. —

Потому что мне это слишком *понравилось*, вот почему! Я стал учиться пользоваться револьвером. Я любил его запах, его тяжесть в руке, мне нравилось, каким он становится теплым после стрельбы, а главное — то, как бутылки, по которым я палил, в одно мгновение разлетались на куски. Вот в чем загвоздка.

Мистер Каткоут поморщился, словно от оскомины.

— Потом я стал стрелять по птицам, сбивал их прямо на лету и гордился этим, считал, что становлюсь крутым парнем, настоящим артистом. А потом меня стала мучить мысль, сумею ли я выстрелить быстрее другого парня, с таким же револьвером, как у меня. Я продолжал практиковаться в стрельбе. Как только мне исполнилось шестнадцать, я сел в дилижанс и отправился в Юму, где убил известного стрелка по имени Эдвард Бонтил. Это стало моим первым шагом на пути в преисподнюю.

— В свое время старина Оуэн пользовался большой известностью, — заметил мистер Доллар, сдувая остатки волос с плеч моего отца. — Прошу прощения, я говорю о Кате Леденце, само собой. Скольких парней ты отправил на встречу с Создателем, Оуэн?

Мистер Доллар снова взглянул на меня и подмигнул.

— Я убил четырнадцать человек, — проговорил мистер Каткоут. В его голосе не было гордости за совершенное. Он не сводил глаз с красных и черных квадратиков шашечной доски. — Самому молодому из них было девятнадцать, старшему — сорок два. Возможно, некоторые из них и заслуживали смерти, хотя, наверно, не мне об этом судить. Я убил их всех в честной схватке лицом к лицу. Но все дело в том, что я намеренно искал повода убить их. Я хотел создать себе имя, прославиться. И в тот день, когда меня подстрелил более молодой и быстрый стрелок, я решил, что мое время вышло и со стрельбой покончено.

— Вас ранили? — удивился я. — И куда вам попала пуля?

— В левый бок. Но я оказался более метким: попал тому парню прямо в лоб и вышиб мозги. Но мои веселые денечки закончились, я отправился на восток и поселился здесь. Вот и вся история.

— Но твой револьвер и кобура по-прежнему с тобой, так ведь, Леденец? — спросил мистер Доллар.

Мистер Каткоут ничего не ответил. Он сидел неподвижно, и я подумал даже, что он заснул, хотя его глаза под тяжелыми веками были открыты. Потом он резко поднялся с места и на плохо гнувшихся ногах прошел туда, где стоял мистер Доллар. Он остановился прямо перед парикмахером, и я увидел Каткута в зеркале: вид у него был мрачный, а сжатые в полоску губы почти исчезли, отчего его лицо стало напоминать череп, туго обтянутый коричневой кожей. Губы мистера Каткута растянулись в улыбке, в которой не было и тени веселья. Усмешка была пугающей, и я заметил, как мистер Доллар отпрянул, увидев перед собой это лицо.

— Перри, — проговорил мистер Каткоут. — Я знаю, что ты считаешь меня старым, выжившим из ума дурнем, что ты смеешься у меня за спиной, когда думаешь, что я этого не вижу. Но ты забываешь о том, Перри, что, если б у меня не было глаз на затылке, я не дожил бы до старости.

— Э-э-э... хм... ну что ты, Оуэн! — пробормотал мистер Доллар. — Зря ты так горячишься. Я и не думал смеяться над тобой, честно.

— Тогда ты либо лжешь, либо пытаешься назвать лжецом меня, — отозвался старик, и что-то, прозвучавшее в его спокойном голосе, заставило меня похолодеть от страха.

— Извини, если тебе показалось...

— Да, и кобура, и револьвер по-прежнему со мной,— прервал его мистер Каткоут.— Я сохранил их на память о прошлых временах. Теперь послушай меня, Перри.

Мистер Каткоут наклонился ближе. Парикмахер попытался улыбнуться, но его губы лишь сложились в жалкую гримасу.

— Можешь звать меня Оуэном или мистером Каткоутом. Можешь обращаться ко мне просто «эй, ты» или «ты, старик». Но никогда, понял, никогда не смей называть меня так, как меня звали, когда я был стрелком. Ни сегодня, ни завтра, никогда. Надеюсь, ты понял меня, Перри?

— Оуэн, я никогда не называл тебя...

— Ты хорошо расслышал вопрос, Перри?

— Да. Очень хорошо,— кивнул мистер Доллар.— Как скажешь, Оуэн. Я со всем согласен.

— Со всем соглашаться не нужно. Только с тем, что я тебе сказал.

— Все, хорошо. Нет проблем, Оуэн.

Мистер Каткоут еще несколько секунд смотрел в глаза парикмахеру, словно выискивая там ответ. Потом вздохнул и проговорил:

— Мне пора,— и, повернувшись, двинулся к выходу.

— А как же шашки, Оуэн? — подал голос Джазист.— Мы еще не доиграли.

Мистер Каткоут остановился.

— На сегодня с меня хватит игр,— ответил он, потом толкнул дверь и вышел на улицу в июньскую жару.

Закрывшаяся дверь принесла с собой волну теплого воздуха. Поднявшись с места, я подошел к окну из толстого листового стекла и долго смотрел вслед мистеру Каткоуту,

который неторопливо, засунув руки в карманы, удалялся по Мерчантс-стрит.

— Ну и что вы на это скажете? — повернулся к нам мистер Доллар. — С чего это он вдруг так взбеленился?

— Он понял, что ты не поверил ни единому его слову, — объяснил Джазист и принялся собирать шашки в коробку и складывать доску.

— Так это правда или нет? — спросил отец, поднимаясь из парикмахерского кресла. Волосы вокруг его ушей были аккуратно выстрижены, а шея, там, где ее скребли бритвой, покраснела.

— Конечно, он все сочинил! — фыркнул мистер Доллар. — Оуэн просто спятил и уже несколько лет мелет всякую чушь!

— Так значит, все, что он рассказал, — выдумка? — спросил я, не сводя глаз с мистера Каткоута, шагнувшего по тротуару.

— Конечно, выдумка от начала до конца.

— Откуда у вас такая уверенность? — спросил отец.

— Перестань, Том! Что стрелку с Дикого Запада делать в Зефире? И потом, не думаешь же ты, что случай, когда мальчишка спас жизнь Уайатту Эрпу в О. К. Коррал, мог не попасть в книги по истории? Так вот, я пошел в библиотеку и внимательно просмотрел там разные книжки, где это описано. В них нет ни слова о том, что какой-то мальчишка спас жизнь Уайатту Эрпу, а кроме того, я не нашел там ни одного стрелка по прозвищу Кат Леденец.

Мистер Доллар раздраженно смахнул со спинки кресла остатки волос щеткой.

— Твоя очередь, Кори. Садись.

Уже отворачиваясь от окна, я заметил, как мистер Каткоут помахал кому-то рукой. По другой стороне Мерчантс-стрит навстречу мистеру Каткоуту шествовал Вер-

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

нон Такстер, как обычно, в чем мать родила. Он шел с очень целеустремленным видом, словно торопился куда-то, но не забыл поприветствовать мистера Каткоута.

Двое безумцев пошли дальше, каждый своей дорогой.

Мне было не смешно. Мне не давал покоя вопрос: что заставило мистера Каткоута вбить себе в голову, что когда-то он был стрелком, и почему Вернон Такстер был твердо убежден, что ему есть куда идти?

Я подошел к креслу и уселся. Закутав мою шею полотенцем и заколов его булавкой, мистер Доллар несколько раз расчесал мои волосы гребешком. Отец уже сидел в кресле для посетителей и читал «Спортс иллюстрийтед».

— Немного снимем сверху и подравнием по бокам? — спросил меня мистер Доллар.

— Да, сэр, — ответил я. — Это будет в самый раз.

Ножницы запели свою визгливую песню, и маленькие мертвые кусочки меня посыпались на пол.

Глава 3

МАЛЬЧИК И МЯЧ

Когда мы с отцом вернулись домой, он уже стоял у нашего крыльца.

Прямо перед крыльцом, сам по себе, опираясь на специальную выдвижную подножку.

Новенький велосипед.

— Господи,— прошептал я, торопливо выбираясь из нашего пикапа. Ничего больше я вымолвить не мог. К крыльцу я шел словно в трансе, потом, протянув руку, прикоснулся к нему.

Велосипед мне не снился. Он был самый что ни на есть настоящий, и он был прекрасен. За моей спиной оценивающе присвистнул отец.

— Вот это да, потрясающий велосипед, верно, Кори?

— Да, сэр.

Я все еще не мог поверить своему счастью. Передо мной было то, о чем я в глубине души мечтал с незапамятных времен. Теперь это принадлежало одному мне, и потому я чувствовал себя королем мира.

Позже, много лет спустя, я говорил себе, что никогда в жизни не видел женских губ краснее и ярче, чем подаренный мне велосипед. Ни одна иноземная спортивная машина с мягко урчащим мотором не таила в себе столь-

ко скрытой мощи, как мой велосипед. Никакой хром не блестел так, подобно серебристой луне в летнюю ночь. У велосипеда была большая круглая фара и гудок с резиновой грушей, а рама его выглядела такой же сильной и нестигаемой, как мускулы Геракла. Вместе с тем велосипед казался рожденным для скорости: его руль плавно изгибался вперед, будто приглашая отведать напор ветра, черная резина его педалей не знала до меня никаких других подошв. Отец погладил пальцами фару, потом приподнял велосипед одной рукой.

— Господи, да он почти ничего не весит! — восхищенно проговорил отец. — Легче металла я в жизни не держал в своих руках.

Когда он осторожно поставил велосипед на место, тот пружинисто замер на своей подножке, похожий на послушное, но еще не до конца укрощенное животное.

Через пару секунд я уже сидел в седле. Поначалу мне пришлось приспособливаться, потому что из-за наклона вперед руля и сиденья мне все время казалось, что я вот-вот потеряю равновесие и упаду. Голова выдавалась над передним колесом, спина была прямой и напряженной, как рама велосипеда. В моем распоряжении оказалась машина, которая, если я не буду внимателен, с легкостью могла выйти из повиновения; во всем этом было нечто, что одновременно и пугало меня, и приводило в восторг.

На крыльце появилась мама. По ее словам, велосипед привезли всего час назад. Его доставил в кузове своего грузовичка мистер Лайтфут.

— Он просил передать тебе напутствие Леди, Кори. Она говорит, что нужно ездить на этом велосипеде очень осторожно, пока ты не привыкнешь к его норову, — сказала мама. Она посмотрела на отца, который ходил во-

круг нового велосипеда.— Ведь Кори может оставить его себе, Том? — спросила она.

— Я не привык принимать милостыню. И ты это знаешь, Ребекка.

— Это не милостыня, Том. Это награда за доброе дело.

Отец еще раз обошел велосипед кругом. Потом остановился и легонько ударил ботинком по передней шине.

— Должно быть, он стоил ей уйму денег. Но велосипед отличный, это уж точно.

— Я могу оставить его себе? — дрожащим голосом спросил я.

Отец некоторое время молчал, уперев руки в бока. Раздумывая, он жевал нижнюю губу и хмурил брови, потом поднял глаза на маму:

— Значит, это не милостыня?

— Конечно нет.

Глаза отца встретились с моими глазами.

— Хорошо,— проговорил он. Ни одного его слова я не ждал с такой тревогой и надеждой.— Этот велосипед твой.

— Спасибо! Огромное спасибо, папа!

— Ты ведь всегда мечтал о новом велосипеде. Как ты его назовешь?

Я не успел об этом подумать и покачал головой, все еще пытаясь привыкнуть к тому, как клонилось вперед мое тело.

— Попробуй сделать на нем пару кругов,— подмигнул мне отец, потом подошел к маме и обнял ее за талию.

— Хорошо, сэр,— отозвался я, слез с велосипеда и убрал подножку, а потом отвел его за руль к ступенькам крыльца.

Мне казалось невежливым катить по тряской лужайке, пока мы с велосипедом как следует не познакомимся.

лись друг с другом. Я снова сел в седло, упершись ногами в землю.

— Давай! — крикнул мне отец. — Прокатись-ка по этой улице с ветерком!

Я кивнул, но не тронулся с места. Могу поклясться, что почувствовал, как велосипед подо мной дрожит от нетерпения. Хотя, наверно, это дрожал я сам.

— Жми на педали! — крикнул отец.

Для меня это было моментом истины. Сделав глубокий вдох, я поставил одну ногу на педаль и сильно оттолкнулся другой. Потом обе мои ноги оказались на педалях, и я направил велосипед на дорогу. Колеса вращались почти бесшумно, раздавалось только чуть слышное *тик... тик... тик*, словно в часовом механизме бомбы, которая в любой миг готова была взорваться.

— Счастливо прокатиться! — крикнула мне вслед мама и помахала рукой с крыльца.

Оглянувшись, я на мгновение отпустил одной рукой руль, чтобы помахать маме в ответ, но в тот же миг велосипед накренился и начал выписывать дикие зигзаги. Я чуть было не сверзился на землю в первый же выезд, но успел поймать руль и выправить машину. Педали крутились невероятно плавно, словно были смазаны сливочным маслом, колеса быстро вращались по разогретой мостовой. Я понял, что такой велосипед способен выпорхнуть из-под тебя, словно ракета. Нажав на педали, я рванул вдоль по улице. В моих только что подстриженных волосах зашвистел ветер, и, честно говоря, мне показалось, что я достиг самой вершины человеческого счастья. Я привык к старой, провисшей цепи и передаче, которая требовала усиленной работы ногами, но эта машина была послушна малейшему прикосновению. Нажав на тормоза в первый

раз, я едва не вылетел из сиденья вверх тормашками. Сделав широкий круг в конце улицы, я снова набрал скорость и вернулся назад так быстро, что на затылке выступил пот. Впечатление было такое, что велосипед вот-вот оторвется от земли, однако машина была послушна любому, даже самому легкому движению руля и поворачивала, едва я успевал только *подумать* о том, в какую сторону хочу ее направить. Подобно ракете, велосипед нес меня по тенистым улицам родного города. Разрезая ветер вместе с моим новым велосипедом, я понял, каким должно быть его имя.

— Ракета,— сказал я, и это слово, сорвавшись с моих губ, улетело куда-то за спину в порывах ветра.— Тебе нравится это имя?

Велосипед не сбросил меня из седла и не вильнул в сторону ближайшего дерева. Так что ответ можно было считать утвердительным.

Я почувствовал себя значительно увереннее: выписывал восьмерки, запрыгивал на край тротуара, и Ракета повиновалась мне во всем беспрекословно. Склонившись к рулю, я заработал педалями что было сил, и Ракета вихрем понесла меня вдоль Шентак-стрит — полосы тени и света стремительно сменяли одна другую. Я вильнул к тротуару, колеса шли плавно, почти не замечая трещин в асфальте. Ветер теплой волной врывается в легкие и овеивал прохладой лицо, дома и деревья проносились мимо, слившись в одно размытое пятно. В какое-то мгновение мне почудилось, что мы с Ракетой превратились в одно целое, в единое создание из плоти и смазки. Я рассмеялся от счастья, и в тот же миг мне в рот влетел жук. Мне было наплевать — я проглотил жука, потому что был непобедим.

Легко угадать, что случилось потом, — судьба не прощает подобной самоуверенности.

Я налетел на выбоину, не потрудившись затормозить или объехать препятствие, и почувствовал, как Ракета вся содрогнулась от переднего до заднего крыла. Рама хрустнула, руль вырвался у меня из рук, передняя шина ударилась о край бетонного поребрика, отчего велосипед поднялся на дыбы и изогнулся, словно разъяренный жеребец. Мои ноги утратили контакт с педалями, а зад оторвался от седла. Взлетев на воздух, я вспомнил слова мамы: «Ле-ди просила передать тебе, что на этом велосипеде нужно ездить очень осторожно, пока ты не привыкнешь к его норову».

У меня было мало времени для размышлений. В следующее мгновение я с треском рухнул в гущу живой изгороди, окружавшей чей-то двор. Из моей груди вырвалось громкое «ы-ых-х-х!», и зеленая листва приняла меня в свои объятия. Я едва не проломил в живой изгороди сквозную брешь. Сильно исцарапав руки и лицо, я, к счастью, ничего не сломал — крови почти не было. Выбравшись из зарослей и стряхнув с себя листья, я первым делом отыскал глазами Ракету. Она лежала на боку в траве. Меня охватил ужас: если окажется, что я в первый же день сломал новенький велосипед, то отец спустит с меня три шкуры. Опустившись на колени рядом с Ракетой, я проверил, все ли цело. Передняя шина была потерта и крыло чуть помято, но цепь была на месте, и руль смотрел прямо. Фара тоже не разбилась, и рама ничуть не погнулась. Порази-тельно, но Ракета была жива-здорова, отделавшись после ужасного падения лишь легкими ушибами. Поднимая велосипед, я поблагодарил ангела-хранителя, который па-рил все это время над моим плечом, а потом, проведя паль-

чем по смятому крылу, я вдруг заметил в фаре велосипеда глаз.

Золотой глаз с черным зрачком внимательно и спокойно взирал на меня.

Я потрясенно поморгал.

Глаз исчез. Передо мной снова была обыкновенная фара — простое круглое стекло, прикрывающее отражатель с лампочкой посередине.

Несколько минут я внимательно смотрел на фару, но глаз больше не появлялся. Взяв Ракету за руль, я повернул ее вокруг своей оси, со света в тень и обратно, но потрясающее видение не возвращалось.

Тогда я ощупал голову в поисках шишек, но не нашел ни одной.

Я забрался в седло и покатию по тротуару назад к дому. Наученный горьким опытом, я ехал теперь гораздо медленнее и осторожнее, сумев разглядеть уже через какие-то двадцать футов осколки бутылочного стекла, разбросанные впереди. Я свернул на дорогу и миновал опасное место, с ужасом представив себе, что могло бы случиться, если бы я въехал в битое стекло на полной скорости: несколько царапин от кустов живой изгороди показались бы тогда легким испугом.

Нам здорово повезло — Ракете и мне.

Дом Дэви Рэя Коллана находился неподалеку, и я завернул к нему, но его мама сказала, что Дэви с Джонни Уилсоном отправились тренироваться на бейсбольное поле. Наша команда младшей лиги — мы звались «Индейцы», и я играл на второй базе — продула четыре игры подряд, и чтобы остаться на плаву, нам требовалось тренироваться изо всех сил. Я поблагодарил миссис Коллан и направил Ракету к бейсбольному полю.

До поля было рукой подать. Дэви Рэй и Джонни стояли на самом солнцепеке в красной пыли и перебрасывались мячом. Выехав на поле, я сделал вокруг своих приятелей несколько кругов, позволив им насладиться этим зрелищем с раскрытыми от изумления ртами. Потом они хорошенько рассмотрели мой велик, посидели в седле и каждый немного прокатился. По сравнению с Ракетой велосипеды моих приятелей казались покрытыми пылью развалинами. Тем не менее, прокатившись, Дэви Рэй сказал мне: «Им не очень-то легко управлять, ты и сам, наверно, заметил?» Джонни добавил: «Красивый велосипед, но педали туговаты». Я не стал на них сердиться, потому что понимал: слова эти сказаны не для того, чтобы бросить небольшую ложку дегтя в медовую бочку моего триумфа,— Дэви Рэй и Джонни были моими лучшими друзьями и разделяли мою радость. Дело в том, что к своим велосипедам они привыкли, и те нравились им больше. А Ракета была сделана для меня, и только для меня.

Я поставил Ракету на подножку и стал следить за тем, как Дэви Рэй посылает Джонни высокие мячи. Желтые бабочки порхали над травой, высокое небо над головой было голубым и безоблачным. Бросив взгляд на окрашенные в коричневатый цвет трибуны, я внезапно заметил маленькую фигурку, одиноко сидевшую под рекламными вывесками лавочек и магазинов, расположенных на Мерчантс-стрит.

— Эй, Дэви! — позвал я. — Кто это такой?

Дэви оглянулся на трибуны и тут же быстро повернулся назад, чтобы поймать в перчатку ответный бросок Джонни.

— Не знаю, — ответил он. — Этот парнишка торчит тут с тех пор, как мы приехали.

Некоторое время я пристально разглядывал мальчика. Он сидел, подавшись вперед, подперев подбородок согнутой в локте рукой. Повернувшись спиной к Джонни и Дэви Рэю, я направился к незнакомцу. Тот моментально вскочил со скамьи, словно собирался дать дёру.

— Что это ты здесь делаешь? — крикнул я ему.

Мальчик ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел на меня, по-видимому размышляя: остаться ли ему на месте или немедленно удирать.

Подойдя почти вплотную, я еще раз убедился, что вижу его впервые: у мальчика были коротко стриженные темно-каштановые волосы с непослушным вихром надо лбом слева, он носил очки, которые казались на его лице непомерно большими. Ему было лет девять-десять. Тощий, как жердь, и неуклюжий, с худыми руками и ногами. Одет он был в джинсы с заплатками на коленях и белую футболку и, судя по бледно-молочному оттенку кожи, редко бывал на солнце.

— Как тебя зовут? — спросил я незнакомца, дойдя до ограды, отделявшей поле от трибун.

Мальчишка не ответил, словно воды в рот набрал.

— Ты что, немой?

Я заметил, что он дрожит. Перепугался до смерти, словно лань, попавшая в луч охотничьего фонаря.

— Я Кори Маккенсон, — представился я и какое-то время ждал ответа, держась за сетку ограды. — У тебя имя-то есть?

— Эшть! — отозвался мальчишка.

Поначалу мне показалось, что он назвался кем-то вроде Эст или Эрнст, но потом до меня дошло, что парнишка попросту шепелявит.

— И как же тебя звать?

— Немо,— ответил он.

— Немо? Как капитан Немо?

— Кто-кто?

Похоже, он не был знатоком Жюль Верна.

— А фамилия твоя как?

— Керлиш,— ответил он.

Керлиш. Вот оно что. Я мгновенно разобрался что к чему. Не Керлиш, конечно же, а Керлисс. Тот самый новый мальчик, у которого отец был коммивояжером, странствующим из города в город. Именно он стригся у мистера Доллара, сидя на лошадке. Маменькин сынок.

Немо Керлисс. Что ж, имя и фамилия подходили ему как нельзя лучше. Он выглядел так, словно его вытянула сеть в океане за двадцать тысяч лье от берега. Однако родители учили меня, что уважения заслуживает каждый, неважно, маменькин он сынок или нет, тем более что, сказать по правде, и я не мог особо похвастаться своей внешностью и статью.

— Ты недавно переехал в наш город? — спросил я Немо.

Он кивнул.

— Мистер Доллар рассказывал мне про тебя.

— Правда?

— Да. Он рассказал мне... — *как ты стригся, сидя на лошадке*, чуть было не выпалил я, — как ты у него стригся.

— Угу. Чуть налышко меня не облованил, — отозвался Немо и в подтверждение своих слов почесал макушку почти прозрачной рукой с бледным худым запястьем.

— Эй, сверху, Кори! — услышав окрик Дэви, я поднял голову. Вложив всю силу в бросок, Джонни послал мяч так сильно, что тот не только просвистел над перчат-

кой Дэви, но и перелетел через ограду, со стуком упал по второму ряду скамеек и скатился вниз.

— Подкиньте-ка мячик! — крикнул нам Дэви, смачно хлопая кулаком по перчатке.

Спустившись со своего ряда, Немо Керлисс подобрал мяч. Он был самым худым из всех ребят, кого мне доводилось видеть. Мои руки тоже не бугрились мышцами, но у него состояли только из вен и костей. Он глядел на меня, и стекла очков увеличивали его карие глаза, делая их похожими на совиные.

— Бросить ему обратно? — спросил он меня.

Я пожал плечами.

— Бросай.

Потом я повернулся к Дэви и, пусть это было подло, не смог сдержать язвительной улыбки:

— Готовься, Дэви. Тебе принимать.

— Ого! — Дэви попятился в притворном испуге. — Смотри не сшиби меня с ног, парень!

Немо поднялся обратно на трибуну, потом оглянулся на поле.

— Ты готов? — спросил он Дэви.

— Готов, — откликнулся Дэви. — Давай бросай!

— Нет, я не тебя спрашиваю, — поправил его Немо. — Того парня, что штоит дальше, вон там.

Он откинулся назад и, описав рукой круг, который едва ли можно было проследить невооруженным глазом, метнул мяч. Оторвавшись от руки Немо, мяч превратился в размытое белое пятно.

Я собственными ушами слышал, как со свистом, напоминавшим шипение горячей шутихи, мяч рассек воздух, поднимаясь вверх, в небеса.

— Черт! — выкрикнул Дэви и торопливо попятился, чтобы поймать мяч, но тот промелькнул над ним и полетел дальше. Джонни, который стоял позади Дэви, не сводя глаз с падавшей вниз крохотной сферы, сделал три шага вперед. Потом отступил на два шага. После этого еще раз шагнул назад, туда, где он стоял, когда мяч был брошен в его сторону. Руку в перчатке Джонни держал поднятой на уровне своего лица, выставив ее вперед.

Мяч влетел в кожаную перчатку с отчетливым и сочным хлоп.

— Точно в перчатку! — восторженно заорал Дэви. — Черт, парни, вы видели, как он летел?

Стоявший на первой базе Джонни вытащил руку из перчатки и несколько раз встряхнул отбитыми пальцами, которые кололо сотней игл.

Я смотрел на Немо, буквально разинув рот. Я в жизни не мог себе представить, что кто-то такой маленький и тощий способен перекинуть бейсбольный мяч через ограду трибун, да еще так, что он долетит чуть ли не до половины ширины поля и при этом точно попадет в раскрытую перчатку.

Отколов свой номер, Немо теперь стоял как ни в чем не бывало, словно не испытывая ни малейшей боли в руке. У меня после такого мощного броска плечо болело бы не меньше недели, не говоря уже о том, что на такое расстояние я никогда бы не зашвырнул мяч. Наверно, и в старшей лиге так далеко и точно мало кто бросал.

— Немо? — наконец сумел выговорить я. — Где ты научился так кидать мяч?

Его глаза за стеклами моргнули.

— Как так? — переспросил он.

— Иди сюда к нам, на поле, давай спускайся.

— Жачем?

На лице Немо снова появился испуг. Я понял, что на своем веку он набил немало шишек. Городки нашей страны схожи в трех вещах: в каждом из них имеется церковь, у каждого есть своя тайна, и в каждом водятся хулиганы, готовые оторвать голову тощему пареньку, не способному постоять за себя. Я представил себе все эти столкновения Немо Керлисса с обычным злом наших городков, через которые пролегал путь его отца-коммивояжера, и, вспомнив свою насмешливую улыбку, ощутил жгучий стыд.

— Все в порядке, Немо,— ответил ему я.— Просто спускайся вниз к нам.

— Господи, вот это бросок! — продолжал восторгаться Дэви Рэй Коллан.

Он забрал у Джонни мяч и теперь трусцой бежал к проходу для игроков в ограде, через который Немо выходил с трибуны на поле.

— Классно ты зашвырнул этот мяч, парень! Сколько тебе лет?

— Девять. Почти девять ш половиной.

Без сомнения, Дэви был не меньше моего потрясен обликом Немо: ни за что нельзя было поверить в то, что такой коротышка сумеет забросить мяч так далеко, да еще попасть точно в цель.

— Иди встань на вторую базу, Джонни! — крикнул я. Махнув рукой в ответ, Джонни отбежал к указанному месту и встал на позицию.— Побросаешь с нами, Немо?

— Не знаю. Шкоро мне нужно домой.

— Ну, минут десять у тебя найдется? Нам хочется посмотреть, как это у тебя получается. Дэви, можешь отдать ему свою перчатку?

Кивнув, Дэви стянул с руки перчатку. Коричневый рас-
труб поглотил ручонку Немо, словно зев кита.

— Вставай в круг питчера* и брось Джонни мяч не-
сколько раз, лады? — спросил я его.

Вотчет Немо обвел глазами круг питчера, потом вто-
рую базу и, наконец, «дом».

— Я вытану там, — сказал он и уверенно зашагал к ме-
сту бэттера**, провожаемый потрясенными взглядами,
моим и Дэви Рэя. Докинуть мяч от «дома» до второй ба-
зы было трудно даже для парня наших с Дэви лет, не то
что для девятилетнего пацана.

— А не далековато ли для тебя, Немо? — спросил я.

— Нет, нормально, — уверенно отозвался он.

Потом достал из перчатки мяч. В этом движении бы-
ло заметно почтительное отношение к доверенному ему
предмету. Я видел, как длинные пальцы Немо ощупыва-
ли мяч, отыскивая на нем швы, за которые удобнее было
ухватиться

— Ты готов? — крикнул он Джонни.

— Готов, готов! Давай, бро...

Чпок!

Мы видели это собственными глазами, иначе ни один
из нас в это не поверил бы. Размахнувшись, Немо послал
мяч вперед с такой силой, что только отличная реакция
спасла Джонни от разящего удара в грудь — он вовремя
успел выставить вперед перчатку. Мощь удара была так
велика, что Джонни пошатнулся и сделал шаг назад, на
вторую базу, а от его принявшей на себя удар перчатки по-

* Круг питчера — в бейсболе специальный круг на поле, в котором на-
ходится питчер — игрок обороняющейся команды, который должен вбра-
сывать мяч в зону страйка.

** Бэттер — в бейсболе игрок из команды нападения, отбивающий с по-
мощью биты броски питчера в пределах боковых границ площадки

шла пыль. Сморщившись от боли, Джонни сделал круг, стискивая отбитую руку.

— Ты живой? — крикнул ему Дэви.

— Болит немного! — отозвался Джонни.

Мы с Дэви знали, что сказать нам правду Джонни не мог из гордости.

— Давайте приму еще один! — крикнул он нам и тихо добавил так, что мы едва расслышали:

— Если смогу.

Сильно размахнувшись, Джонни послал мяч обратно по высокой дуге. Немо прошел вперед на шесть шагов и, глядя на летевший ему в лицо мяч, успел в последний момент схватить его на лету. Немо умел не расходовать свои силы понапрасну, но я был уверен: замешкайся он на мгновение, и мяч разбил бы ему нос.

Немо вернулся на основную базу, в «дом». Страхнул со своих коричневых кожаных туфель пыль, привычно обтерев их о штанины джинсов, и начал свой замах, а Джонни сконцентрировался для отражения удара. Развернувшись, словно пружина, Немо вновь отправил мяч в перчатку Джонни.

— Брошать не сложно, — сообщил нам после этого Немо, явно смущенный всеобщим вниманием. — Любой это сделает, были бы руки.

— Но только не так! — ответил Дэви Рэй.

— Так вы, парни, считаете, что это *круто*, так, что ли?

— Ты очень здорово бросаешь, Немо, — ответил я. — И очень сильно. Мяч летел страшно быстро. Наш питчер в два раза тебя выше, но он не может бросить мяч так сильно.

— Но это же легко. — Немо взглянул на Джонни. — Давай беги к третьей базе!

— *Что?*

— Беги к третьей базе! — повторил Немо. — И держи перчатку рашкрытой, все равно где, только так, чтоб я видел!

— Не понял тебя.

— Беги так быштро, как только шможешь! — настойчиво повторил Немо. — Можешь не шмотреть на меня, просто держи перчатку открытой, и вше!

— Давай, Джонни! — подхватил Дэви. — Сделай это!

Джонни был не робкого десятка. И он доказал это еще раз, сорвавшись с места и бросившись, вздымая ногами пыль, от второй базы к третьей. Он ни разу не оглянулся на «дом», его голова была глубоко втянута в плечи, а перчатка выставлена на уровне груди углублением для приема мяча в нашу с Немо Керлиссом сторону.

Немо коротко вздохнул. Потом размахнулся, рука мелькнула белой молнией, и выпущенный мяч понесся как пуля.

Джонни припустил изо всех сил, его взгляд был устремлен на третью базу. Мяч влетел в его перчатку, когда Джонни находился в полудюжине шагов от третьей базы. Сочный звонкий шлепок впечатавшегося в кожу мяча был таким резким и пугающим, что Джонни споткнулся, полетел носом вперед и растянулся на земле в пыли, подняв целое облако. Когда пыль стала рассеиваться, мы увидели Джонни, который сидел на третьей базе, ошеломленно разглядывая мяч в своей перчатке.

— Вот это да! — потрясенно повторял он. — Вот это да!

Ни разу в жизни я не видел, чтобы кто-то бросал бейсбольный мяч с такой потрясающей точностью. Джонни не пришлось ни на дюйм сдвинуть руку с перчаткой, чтобы поймать мяч, он даже не знал, что мяч летит в его сторону, пока тот не впечатался в перчатку.

— Немо? — наконец спросил я мальчишку. — Ты когда-нибудь раньше играл в бейсбол в команде младшей лиги?

— Не-а.

— А вообще мяч когда-нибудь в руках держал? — спросил Дэви Рэй.

— Не-а, мама не разрешает. Боится, что меня ударят.

Нахмурившись, Немо снял с носа очки и потер переносицу, покрытую капельками пота.

— Значит, ты вообще *никогда* раньше не играл за команду?

— У меня дома есть и бейсбольный мяч, и перчатка. Иногда я тренируюсь: брошаю мячик вдаль или штавлю бутылки на жабор и шбиваю их мячом.

— А твой отец, он разве не хочет, чтобы ты играл, он не любит спорт? — спросил я Немо.

Пожав плечами, тот зачерпнул пыль кончиком туфли.

— Он всегда занят, у него нет на это времени.

Я был потрясен до глубины души. Передо мной в образе тощего шепелявого очкарика стоял настоящий талант.

— Можешь бросить мне пару мячей? — спросил я, и он согласился.

Я взял перчатку Джонни, которую тот с радостью снял со своей превратившейся в один сплошной синяк руки, и бросил мячик Немо. Потом отбежал ко второй базе и приготовился.

— Давай влепи его прямо в перчатку! — крикнул я и выставил вперед руку, держа свою перчатку на уровне плеча.

Немо кивнул, размахнулся и швырнул мяч. Мне даже не пришлось делать движение рукой. Мяч врезался в пер-

чатку с такой силой, что вся рука от кончиков пальцев до ключицы на несколько мгновений занемела. Когда я бросил мячик обратно Немо, ему пришлось пробежать вперед и вильнуть в сторону, чтобы поймать его. Для второго броска я отошел еще дальше к центру поля, где росли сорняки. Перчатку поднял над головой и снова приготовился.

— Давай бросай, Немо! — скомандовал я.

На этот раз, чтобы как следует размахнуться, Немо припал к земле, почти опустившись на колени. Его голова подалась вперед, словно он хотел завязать себя в тугой узел. Несколько секунд он оставался в таком положении, в его очках блестело солнце. Потом словно взорвался.

Он, как пружина, распрямился из низкой стойки, словно Супермен, выскакивающий из телефонной будки. Правая рука Немо метнулась назад, а потом так же молниеносно рванулась вперед. Попадись чья-нибудь челюсть под костлявый локоть Немо, ее хозяину пришлось бы выплевывать целую пригоршню выбитых зубов. Оторвавшись от ладони Немо, мяч со свистом, словно снаряд, понесся в мою сторону.

Мяч летел удивительно низко, едва не вздымая пыль между кругом питчера и местом отбивающего. Возле круга питчера мячик, как по волшебству, приподнялся повыше и полетел дальше, набирая скорость. Он все еще поднимался вверх, когда со свистом проносился над второй базой. Я слышал, как Дэви что-то орал мне, но не мог разобрать ни слова. Все мое внимание было приковано к мчащейся ко мне белой сфере. Я продолжал держать перчатку над головой в точности там, где она была в момент броска, но при этом был готов в любой миг броситься ничком на землю, чтобы мяч не засветил мне прямо в лоб. Мяч

добрался до дальней границы поля, я слышал, как он, полный энергии и угрозы, шипит и плюется, разрезая воздух. Но я остался на месте. У меня хватило времени ровно на то, чтобы один раз сглотнуть — *хлюп*, а потом мяч с треском скрылся в моей перчатке.

Сила удара была такова, что толкнула меня назад, и, чтобы удержаться на ногах, я был вынужден отступить на пару шагов. Я засунул руку в перчатку, потрогал поймавший мяч и ощутил пульсировавшее в нем сквозь сыромятную кожу тепло.

— Кори! — кричал мне Дэви Рэй, приложив руки ко рту рупором. — Кори!

Я понятия не имел в тот момент, что мне кричит Дэви, да не так это было и важно. Я пребывал в трансе. Немо Керлисс обладал неземной, сверхъестественной рукой. В какой мере это было дано ему от природы, а чего он достиг самостоятельными тренировками, я не знал, но одно было ясно: в лице Немо я видел то редкостное сочетание силы броска и меткости глаза, которое поднимало его на высоту, недостижимую для остальных смертных. Он был парень что надо, своего рода гений.

— Кори! — на этот раз кричал и Джонни. — Смотри, сзади!

— Что? — непонимающе переспросил я.

— Сзади! — повторил Джонни.

Я услышал тихое шуршание, похожее на звук кос, рассекающих воздух на пшеничном поле, и мгновенно обернулся.

Они уже были рядом.

Гота и Гордо Брэнлины, злобно ухмыляясь, катили ко мне на своих черных велосипедах. В высветленных перекистью волосах братьев играло солнце. Налегая на педа-

ли, они мчали ко мне сквозь высокую, по колено, сорную траву, росшую за выстриженными окраинами поля. Зеленые кузнечики и черные полевые сверчки спасали свои жизни, разлетаясь во все стороны из-под скрежещущих колес. Первым побуждением было обратиться в бегство, но ноги отказались мне служить. Братья Брэглин оставались по обе стороны от меня, Гота справа, а Гордо слева. На костлявых лицах братьев блестел пот, а взгляды их злобных глаз проникали мне в самую душу. Где-то в лесу за моей спиной хрипло каркнула ворона, будто сам дьявол насмеялся надо мною.

Гота, старший из братьев, четырнадцати лет, протянул руку и ткнул указательным пальцем в мою бейсбольную перчатку:

— Что ты с ней делаешь — шарики катаешь? А, Кори?

Тон, которым был задан вопрос, придавал ему отвратительно грязный и унижительный смысл.

— Свои *шарики* он катает, — подхватил Гордо и мерзко захохотал.

Ему было всего тринадцать, но он почти не уступал в росте брату. Брэглины не отличались особой статью или силой, но оба были жилисты и быстры, как гончие. Лицо Гордо украшали два шрама — между бровями и на подбородке: это свидетельствовало о том, что он знаком с болью и видом крови. Он посмотрел на «дом» и окинул взглядом Джонни, Дэви Рэя и Немо:

— А это еще кто, мать его, такой?

— Это новенький, — ответил я. — Его зовут Немо.

— Свидуполный придурок, — проговорил Гота. — Пошли, Гордо, позырим на придурка.

Гордо тоже воззрился на Немо, и я заметил, что в глазах Брэглинов появилось что-то волчье, словно они учу-

яли кровь беззащитного ягненка. Гота, нажав на педали, покатил к «дому». Гордо неожиданно ударил снизу по моей бейсбольной рукавице, так что мяч вылетел и упал на землю. Как только я наклонился, чтобы поднять мяч, он сплюнул мне в волосы комок жвачки. Потом как ни в чем не бывало покатил вслед за братом.

Дальнейшие события я в общих чертах себе представлял. Немо был обречен уже в силу своей низкорослости и худобы, а как только Брэнлины услышат, как он шепелявит, они зададут ему на полную катушку. Брэнлины поравнялись с Ракетой, и я затаил дыхание. Проезжая мимо Ракеты, Гота с презрительным высокомерием столкнул ее ногой на траву. Во мне поднялся гнев, но я сглотнул его, будто горькое семя, еще не зная, что скоро оно принесет плоды.

Остановив свои черные велосипеды возле моих друзей, Брэнлины взяли их в клещи.

— Во что это вы тут играете, пацаны? — спросил Гота и улыбнулся, словно змий в райском саду.

— Вот вышли побросать мячик, — отозвался за всех Дэви Рэй.

— А ты что уставился, негритянский ублюдок? — рявкнул в лицо Джонни Гордо. — Что ты там углядел?

Молча пожав плечами, Джонни принялся рассматривать землю у себя под ногами.

— От тебя несет дерьмом, ты это хоть знаешь? — продолжал гнуть свое Гордо.

— Нам не нужны неприятности, — снова подал голос Дэви. — Разойдемся мирно, хорошо, парни?

— О каких это неприятностях ты там щебечешь, пацан? — Плавным змеиным движением Гота слез с велосипеда, поставил его на траве на подножку, облокотился

оружья. — Никаких неприятностей, что ты. Дай-ка мне сигаретку, Гордо.

Тот вытащил из заднего кармана пачку «честерфилда» и протянул ее брату. Гота достал коробок спичек с рекламой магазина «Скобяные товары и корм для скота. Зефир».

Потом, зажав сигарету во рту, он протянул спички Немо Керлису.

— Зажги-ка.

Немо взял спички. Руки у него тряслись. Только с третьей попытки ему удалось зажечь спичку.

— Дай и мне прикурить, — приказал Гордо.

Немо, наверняка повидавший в городках, куда забрасывала судьба его семью, немало таких гордо и гот, молча исполнил то, что ему велели. Глубоко затянувшись, Гордо выпустил дым через широко раздутые ноздри.

— Твое имя Придурок, верно? — спросил он Немо.

— Меня... жовут... Немо.

— *Жовут?* — Гордо сплюнул. — Тебя *жовут*? Что случилось с твоим ртом, придурок?

В тот момент я поднимал Ракету с земли. Мне предстояло сделать выбор: прыгнуть в седло и укатить домой, бросив своих друзей и Немо Керлиса на произвол судьбы, или же остаться и разделить их участь. Я не был героем и никогда не обманывался на этот счет. В драке от меня было мало проку, но я твердо знал одно: если я сейчас отсюда уеду, то буду опозорен на веки вечные. И я остался, хотя каждая частичка здравого смысла во мне кричала, умоляя немедленно сматываться.

Есть здравый смысл, к которому ты прислушиваешься, но есть и внутренний стержень, без которого твоя жизнь теряет всякий смысл.

И я двинулся навстречу побоям, слыша, как бьется, словно мышь, мое сердце.

— А ведь ты похож на пидора,— сообщил Гота Немо Керлиссу.— Тебе кто-нибудь об этом говорил?

— Эй, послушайте, парни.— Дэви Рэй выдавил из себя жалкую улыбку.— Почему бы вам не...

Гота метнулся к Дэви, ловко зацепил туфлей ногу моего друга за лодыжку и сшиб его на землю, сильно толкнув в грудь. Дэви плюхнулся на спину, подняв вокруг себя облако пыли. Встав над повергнутым неприятелем, Гота упер руки в бока, дымя своим «честерфилдом».

— А ты заткнись. Понял?

— Мне нужно домой,— тихо проговорил Немо и повернулся, попытавшись уйти, но Гордо схватил его за ворот рубашки.

— Стоять, пацан,— прошипел он.— Никуда ты не пойдешь.

— Нет, мне нужно скорее идти, потому что моя мама...

Услышав это, Гордо залился визгливым смехом, так что с деревьев, окружавших поле, снялись испуганные птицы.

— Ты только послушай, что этот придурок лопочет, Гота! У него же полный рот дерьма!

— Наверно, оттого, что он постоянно сосет концы,— отозвался Гота.— Верно?

Жесткий взгляд Готы впился Немо в лицо

— Ты же любишь отсосать, верно?

Что заставляло Брэдлинов быть такими, не мог догадаться никто. Возможно, они родились с черной злобой внутри, а может быть, злоба развилась и нагноилась в них потом, превратившись в незаживающую рану. Как бы там ни было, Брэлины не признавали никаких законов,

кроме собственных. Стало ясно, что сложившаяся ситуация может привести к самым ужасным последствиям.

Гордо встряхнул Немо:

— Давай признавайся. Ты ведь сосешь концы, да?

— Нет,— отозвался Немо.

Его голос звучал едва слышно.

— Да врет он все,— подал голос Гота, чья тень тяжело упала на Дэви Рэя.— По роже видно, что он любит отсосать коней подлиннее и потолще, типа конского.

— Нет, не люблю.

Грудь Немо вздымалась от частого дыхания, наружу был готов вырваться первый всхлип.

— Ах, маменькин сыночек сейчас расплачется! — с кривой улыбкой проблеял Гордо.

— Мне... нужно... домой...

Немо уже отчетливо всхлипывал, за толстыми стеклами его очков собирались слезы.

В этом мире нет никого более жестокого, чем юный дикарь с озлобленным сердцем, всегда готовый к драке. Впрочем, братья предпочитали выбирать предметом своих издевательств лишь ребят младше себя по возрасту.

Я оглянулся по сторонам. Мимо бейсбольного поля проехала машина, но водитель даже не взглянул в нашу сторону. Мы были предоставлены самим себе. Лишь равнодушное солнце палило наши головы.

— Поставь-ка детку на колени, Гордо,— приказал Гота. Гордо толкнул Немо, заставив его опуститься на землю.— А теперь накорми малютку,— продолжил со смешком Гота.

Гордо расстегнул ширинку своих джинсов.

— Эй, парни,— подал голос Джонни.— Прекратите! Не нужно!

Гордо, уже державший свой перек в кулаке, стоял над Немо Керлиссом.

— Заткнись, негила, если не хочешь, чтобы и на твою долю досталось.

Я не мог больше этого вынести. Опустив глаза, я взглянул на бейсбольный мяч в своей руке. Немо уже открыто плакал. Гордо дожидался, когда появится первая водичка. Мое терпение подошло к концу.

Я вспомнил, как они пнули и столкнули на землю Ракету. Я видел слезы на лице Немо. И я бросил в Гордо бейсбольный мяч. С расстояния в десять футов.

Нельзя сказать, чтобы я вложил в бросок все силы, но мяч с громким шлепком врезался в правое плечо Гордо. Взвыв, как дикий кот, Гордо пошатнулся, и именно в этот момент его мочевого пузырь расслабился и опорожнился. Моча залила джинсы Гордо сверху донизу, до самых ботинок, но ему было не до того: держась за плечо, он орал благим матом и всхлипывал одновременно. Гота Брэдли повернулся ко мне, выпуская изо рта сигаретный дым. Его физиономия побагровела, он бросился в атаку. Прежде чем я успел отпрянуть, он налетел на меня со всей силы. Еще через мгновение я уже лежал на земле, прижатый сверху Готой, который давил мне на грудь всей своей массой, не давая вздохнуть.

— Я... я... не могу... дышать... — прохрипел я.

— Вот и хорошо, — прошипел он и ударил меня кулаком в лицо.

Только от первых двух ударов боль была по-настоящему сильной. Потом я перестал ощущать боль. Я не прекращал борьбы: извивался и кричал, пытаюсь вырваться, видя собственную алую кровь на костяшках кулаков Готы.

— О, черт, он сломал мне руку! — стонал Гордо, стоя на коленях в траве.

Внезапно в высветленные перекистью волосы Готы впилась чья-то рука. Голова моего мучителя дернулась назад, сигарета выпала из его рта, и я увидел стоявшего над нами Джонни. Потом раздался голос Дэви Рэя: «Держи его крепче!» — и в нос Готы врезался кулак.

Из ноздрей Готы потекла кровь, залив его лицо. Он взревел, как дикий зверь, и скатился с меня. Набросившись на Дэви Рэя, он принялся молотить его кулаками. Джонни попытался схватить Готу за руки, но тот, извернувшись, что было силы врезал ему сбоку в голову. Гордо с перекошенной от ярости физиономией бросился на Джонни и ловкой подсечкой свалил его на землю. Я видел, как Гордо бьет его кулаком в глаз. С криком «сволочи!» Дэви Рэй бросился на Готу, но тот был старше и сильнее и, схватив его за шиворот, словно мешок с бельем, помотал в воздухе и отбросил на несколько шагов в сторону. Я сидел на земле с полным ртом крови. Немо вскочил на ноги и что было силы рванул наутек, спасая свою жизнь, но запутался в собственных ногах, споткнулся и полетел носом в траву.

О том, что происходило потом, я не люблю вспоминать. Сначала Гота и Гордо вдвоем обрабатывали плачущего Дэви Рэя, прижав его к земле, потом взялись за Джонни и долго с жестокой размеренностью трудились над ним. Оставив Джонни, захлебывавшегося кровью, струящейся из ноздрей, лежать на земле, Брэнлины снова двинулись в мою сторону.

— Ты, кусок дерьма, — сказал мне Гота.

Из его носа все еще сочилась кровь. Он ударил меня ногой в грудь, и я снова рухнул на спину. Гордо, по-прежнему держась за свое плечо, заорал из-за спины брата:

— Дай-ка я сам займусь им!

Перед глазами у меня все плыло, я был не в состоянии защищаться. Но даже в лучшей своей форме я мало что смог бы сделать против этой парочки без ошипованной булавы, палаша и дополнительных пятидесяти фунтов веса.

— Надери ему задницу, Гордо! — подзадоривал брата Гота.

Гордо схватил меня за рубашку и рывком поднял с земли. Рубашка разорвалась, и я подумал, что по возвращении домой мама устроит мне головомойку.

— Я тебя убью, — неожиданно раздался чей-то голос. Смех Готы прозвучал как лай.

— Брось-ка это на землю, детка, — проворковал он.

— Я убью тебя. Если ты не отпустишь его, то, клянущь, я убью тебя!

Я немного проморгался, сплюнул кровь и оглянулся. В пятнадцати футах от нас стоял Немо Керлисс. В его толстой руке, отведенной назад для броска, был зажат бейсбольный мяч.

Ситуация принимала любопытный оборот. Я сумел хорошо приложить Гордо мячом в плечо, и, можно сказать, мне повезло, что я вообще попал, в руках же Немо этот твердый маленький шар становился смертоносным оружием. В том, что Немо при желании способен влепить любому из Брэнлинов мячом между глаз и вышибить мозги, я не сомневался ни капельки. Я не сомневался и в том, что, стоит Брэнлинам немного замешкаться, Немо так и сделает! Мне были отлично видны его глаза, увеличенные выпуклыми стеклами очков. Полыхавшую в них неудержимую ярость, похожую на отсвет далекого большого пожара, нельзя было не разглядеть. Немо больше не рыдал и не дрожал. С бейсбольным мячом в руке

он был повелителем мира. Я действительно подумал в тот миг, что он готов пойти даже на убийство. Быть может, то была ярость шепелявого очкарика, самым своим видом привлекающего взгляд хулигана, подобно тому как вид молодого теленка заставляет наполняться слюной пасть хищника. Возможно, количество старых обид — всех перенесенных им тычков и насмешек — превысило некий предел, и чаша его терпения перелилась через край. Но как бы там ни было, в глазах его горела смертоносная решимость.

Гордо разжал руки и отпустил меня. С разбитой губой и в рваной рубашке, я плюхнулся в траву.

— Смотрите, я весь дрожу,— вкрадчиво проговорил Гота, делая шаг в сторону Немо.

Гордо отделял от брата всего один шаг. Его хозяйство все еще болталось на виду, свисая из незастегнутых джинсов. Лучшую мишень трудно было придумать.

— Так бросай же его, куриная душонка! — сказал Гордо.

Он и не подозревал, что был всего на волосок от смерти.

— Эй, ребята! Что происходит?

Донесшийся до нас голос принадлежал человеку, стоявшему на другой стороне поля, на дороге, что проходила по самому его краю.

— Эй, вы, у вас что там, драка?

Я обернулся, ощущая, что мое лицо отяжелело, словно набитый камнями мешок. У обочины дороги стоял грузовичок почтальона. Сам почтальон спешил в нашу сторону. Лицо его было не разглядеть под тропическим шлемом. На нем были шорты, черные носки, голубая рубашка промокла от пота под мышками.

Подобно любому зверю, Брэнлинам отлично был знаком скрип петель на двери клетки, готовой вот-вот захлопнуться. Не сговариваясь, они повернулись и стремглав бросились к своим велосипедам, прочь от устроенной ими бойни. На бегу Гордо торопливо запихнул свой перец обратно в ширинку, застегнул молнию и оседал велосипед. Гота чуть замешкался, тычком ноги вновь свалив Ракету на землю: очевидно, инстинкт разрушения возобладал в нем над всеми прочими побуждениями. Оказавшись в седлах, братья стали неистово крутить педали, стремясь поскорей убраться с места преступления.

— Эй, обождите-ка минутку! — закричал им в спину почтальон, но Брэнлины повиновались только своим внутренним демонам.

Они пронеслись через поле, вздымая за собой клубы пыли, свернули на тропинку среди высокой сорной травы и скрылись в перелеске, что начинался неподалеку. Из леса донеслось воронье карканье: стервятники приветствовали своих собратьев.

Все закончилось, осталось только привести себя в порядок.

Наш почтальон мистер Джеральд Харджисон, ежемесячно доставлявший мне «Знаменитых чудовищ» в простом коричневом конверте, в ужасе остановился, увидев мое лицо.

— Господи боже мой! — выдохнул он. — Кори, неужели это ты?

Я молча кивнул. Моя нижняя губа распухла настолько, что стала большой, как подушка, мой левый глаз совершенно заплыл.

— Ты в порядке?

Я вряд ли был в состоянии крутить хула-хуп, это уж точно. Но я твердо стоял на ногах, и все мои зубы были на месте. Дэви Рэй тоже вроде особо не пострадал, хотя его лицо и превратилось в один сплошной синяк, к тому же кто-то из Брэнлинов наступил ему на пальцы. Больше всех досталось Джонни Уилсону. Мистер Харджисон, плотный краснолицый мужчина, неизменно куривший манильские сигары с пластиковым наконечником, даже содрогнулся от ужаса, помогая Джонни сесть. Нос Джонни, наминавший теперь по форме томагавк индейца племени чероки, был, несомненно, сломан. Из ноздрей его текла красная и густая кровь, взгляд заплывших глаз не мог сфокусироваться на одной точке

— Парень, ты слышишь меня? — с тревогой спросил его мистер Харджисон. — Сколько пальцев у меня на руке?

Выставив руку, он развел три пальца перед носом у Джонни.

— Шесть, — ответил Джонни.

— Похоже, у него...

Затем последовало слово, от которого у меня всегда бегут мурашки по коже: в воображении возникает кровавая каша в голове.

— ...сотрясение мозга. Его нужно срочно отвезти к доктору Пэрришу. Вы сможете сами добраться до дому?

Вопрос был обращен ко мне и Дэви Рэю. Оглянувшись по сторонам, я обнаружил, что Немо и след простыл. Мяч, которым он недавно грозил Брэнлинам, лежал на земле. Мальчик с волшебной рукой исчез.

— Парни, что избили вас, были братья Брэнлин, верно? — Мистер Харджисон помог Джонни подняться на ноги и, вытащив из кармана носовой платок, прижал его к ноздрям Джонни. Не прошло и минуты, как белый пла-

ток стал насквозь мокрым от крови.— Этим негодьям нужно хорошенько надрать задницу!

— С тобой все будет в порядке, Джонни,— сказал я другу, но тот ничего не ответил — на подгибающихся ногах он направился к грузовичку, поддерживаемый мистером Харджисоном.

Мы с Дэви стояли и смотрели, как мистер Харджисон усаживает Джонни в свой грузовичок, потом обходит машину, садится за руль и заводит мотор. Джонни сидел, безвольно откинувшись на сиденье, его голова свесилась на сторону. Ему действительно здорово досталось.

После того как почтовый грузовичок мистера Харджисона, развернувшись, умчался в больницу дока Пэрриша, мы вместе с Дэви откатали велосипед Джонни под трибуны, где он не так бросался в глаза. Брэнлины вполне могли вернуться и разнести его велик на мелкие кусочки еще до того, как отец Джонни заберет его домой. Увы, это было все, на что мы были способны. Чуть позже в наши затуманенные головы пришла мысль, что Брэнлины могли затаиться в перелеске, дожидаясь, пока уедет мистер Харджисон.

Это заставило нас поторопиться. Дэви подобрал бейсбольный мяч и оседлал свой велосипед, а я, садясь на Ракету, на какое-то мгновение увидел в фаре золотой глаз. Глаз взирал на меня с холодной жалостью, словно говорил: «Так вот ты каков, мой новый хозяин! Тебе во многом придется помогать, сам ты мало еще на что годишься!» Первый день у Ракеты выдался тяжелым, но я от души надеялся, что дальше у нас все будет хорошо и мы подружимся.

Мы с Дэви покатали с поля прочь, каждый по-своему страдая от боли. Мы знали заранее, что ждет нас впереди: ужас родителей при виде нас, гнев Брэнлинов, неприят-

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

ные телефонные разговоры, возможно, визит шерифа, пустые обещания мистера и миссис Брэнлин, что их мальчики больше никогда не сделают ничего подобного.

Но мы-то знали, на что способна эта парочка.

Сегодня мы сумели избежать расправы, но Гота и Гордо затаили на нас злобу. В любой момент они могли появиться из-за угла на своих черных велосипедах, чтобы завершить начатое. Или, вернее, то, что начал я, когда бросил в Гордо этот чертов мяч.

Лето внезапно оказалось отравлено этим столкновением с Брэнлинами. Впереди были еще июль и август, но шансов на то, что до сентября нам удастся дожить со всеми зубами, было крайне мало.

Глава 4

«Я тусуюсь!»

Предчувствия нас не обманули.

После возмущенных криков родителей и гневных телефонных звонков шериф Эмори нанес визит Брэнлинам. Готу и Гордо шериф дома не застал — так он сказал потом моему отцу, но их родителям сообщил, что их сыновья сломали Джонни Уилсону нос и едва не проломили череп. На это мистер Брэнлин ответил, что, мол, ничего не поделаешь: мальчишки есть мальчишки, а знакомиться с грубым и суровым миром и учиться жить в нем лучше с детства.

Сдержавшись, шериф Эмори выставил палец перед мистером Брэнлином, взиравшим на него своими слезящимися глазами:

— А теперь послушайте, что я вам скажу! Советую присматривать за своими парнями, иначе им прямая дорога в исправительную школу! Если вы этого не сделаете, я сам займусь ими!

— Не придавайте этому такого значения,— сказал мистер Брэнлин, расположившийся в кресле перед телевизором. Шерифа он принимал в комнате, где по углам валялись грязные рубашки и носки, а на кушетке стонала миссис Брэнлин, жалуясь на больную спину.— Да и

что я могу с ними сделать, шериф? Они меня совсем не боятся. Они вообще никого не боятся. Исправительную школу они спалят дотла и сровняют с землей.

— Я требую прислать их ко мне в участок, или мне придется приехать и доставить их туда силой!

Мистер Брэнлин, ковыряя во рту зубочисткой, лишь хмыкнул в ответ и покачал головой:

— Вам не поймать этих парней, Джей-Ти. Вы пробовали когда-нибудь поймать ветер? Они вольные птицы, и никто им не указ.

Не выпуская изо рта зубочистку, он наконец оторвал взгляд от экрана телевизора, по которому шел какой-то фильм.

— Говорите, мои сорванцы надрали задницы *четверым* парням? Сдается мне, Гота и Гордо просто вынуждены были постоять за себя. Они прибегли к самообороне. Только психи лезут на рожон, когда перед ними стоят четверо. Каково ваше мнение, шериф?

— Насколько я слышал, ни о какой самообороне и речи не шло.

— Я тоже кое-что слышал... — Мистер Брэнлин замолчал, внимательно разглядывая коричневый комочек пиццы на острие зубочистки. — Например, то, что этот Маккенсон бросил в Гордо бейсбольным мячом и чуть не раздробил ему плечо. Гордо показывал мне синяк, черный как уголь. Если родичи этих пацанов будут давить на меня, придется выдвинуть обвинения против мальчишки Маккенсонов.

Зубочистка с коричневым кусочком на кончике вернулась в рот мистера Брэнлина, и он вновь уставился в телевизор, где шел фильм с Эрролом Флинном в роли Робина Гуда.

— То-то и оно. Эти Маккенсоны ходят в церковь и строят из себя праведников, а сами втихаря подучивают своего пацана кидаться в других бейсбольными мячами, а потом, когда его за это хорошенько проучат, скулят и визжат, как побитые собаки.— Мистер Брэнлин негодуяще фыркнул: — Те еще *христиане*!

Но в другом шериф Эмори все же добился своего: мистер Брэнлин согласился оплатить счет от дока Пэрриша за лечение, которое потребовалось Джонни Уилсону. По личному приказанию шерифа Гордо и Готе пришлось целую неделю мести и мыть полы в тюрьме, им было запрещено появляться возле общественного бассейна. Но это только раззадорило злость Брэнлинов, и мы с Дэви Рэем это прекрасно понимали. Мне зашили разбитую губу, наложив шесть швов,— ощущение не приятней того, что я испытал, когда получил эту рану,— но этот счет мистер Брэнлин оплачивать отказался, сославшись на то, что я бросил мяч в Гордо. Мама просто кипела от ярости, но отец не слишком переживал по этому поводу. Дэви Рэю приложили к голове компресс со льдом. Его лицо стало фиолетовым от синяков. От отца я узнал, что у Джонни действительно оказалось сильное сотрясение мозга. Док Пэрриш уложил его в постель на две недели, запретив вставать до тех пор, пока сам не удостоверится, что с Джонни все в порядке. И даже после того, как он поднялся на ноги, ему еще долго не разрешалось бегать, участвовать в мальчишеских играх, а также ездить на велосипеде, который его отец извлек из-под трибун в целости и сохранности. Таким образом, Брэнлины не просто отколошматили нас — они украли у Джонни Уилсона кусок лета, потому что никогда больше ему не будет двенадцать в июне.

Примерно тогда же я сидел с заплывшими от синяков глазами на кровати. Шторы были опущены, чтобы

ослепительный свет не бил мне в лицо. Разложив на коленях пачку моих любимых «Знаменитых чудовищ», я вырезал из журналов самые лучшие картинки. Потом, вооружившись скотчем, стал приклеивать картинки на стенах, над письменным столом, на дверцах стенного шкафа — в общем, всюду, где держала клейкая лента. Когда я наконец закончил свой труд, моя комната превратилась в миниатюрный музей чудовищ. С одной стороны на меня смотрел Призрак Оперы Лона Чейни, с другой — Дракула Белы Лугоши, с третьей — Франкенштейн Бориса Карлоффа и Мумия. Вокруг кровати я развесил мрачные черно-белые снимки со сценами из «Метрополиса», «Лондона после полуночи», «Уродов», «Черного Кота» и «Дома на холме призраков». На дверцах стенного шкафа был коллаж из разнообразных чудовищ: сражающийся со слоном Имир Рэя Харрихаузена; гигантский паук, преследующий Сжимающегося Человека; Горго, переправляющийся вброд через Темзу; Гигантский Человек с лицом, исполосованным шрамами; Тварь из Черной Лагуны с жабрами и, наконец, летящий Родан во всей красе. Над моим письменным столом было особое, если хотите, почетное место: там были вкрадчивый светловолосый Родерик Ашер в исполнении Винсента Прайса и худой кровожадный Дракула Кристофера Ли. Когда мама заглянула в мою комнату и увидела, что я сотворил, ей пришлось прислониться к притолоке, чтобы удержаться на ногах.

— Кори! — вскричала она. — Сейчас же сними со стен весь этот ужас!

— Но почему? — возмущенно спросил я. Швы на моей нижней губе натянулись. — Ведь это моя комната!

— Конечно, но от этих ужасных созданий, которые смотрят на тебя со всех сторон, у тебя начнутся ночные кошмары!

— Ничего со мной не случится,— успокоил я маму.— Правда ничего.

Она милостиво уступила, и картинки остались висеть на стенах.

Иногда у меня действительно случались кошмары, но главными действующими лицами в них бывали только Брэнлины, а не существа, украшавшие мои стены. Меня успокаивала мысль, что они охраняют мой сон и не позволяют Брэнлинам пробраться ко мне в комнату через окно ночью, а днем они вели со мной долгие разговоры в те тихие часы, когда мне нужно было призвать на помощь все свои силы и терпение, чтобы противостоять миру, который боится того, чего не понимает.

Я никогда не боялся своих чудовищ. Они всецело находились в моей власти. Я спокойно спал в темноте, и они никогда не переступали проложенных меж нами границ. Мои чудовища не по своей воле появились на свет с болтами в шее, чешуйчатыми крыльями, жаждой крови, бурлящей в жилах, или обезображенными лицами, от которых хорошенькие девушки в страхе шарахались прочь. Мои чудовища не были воплощением зла — они просто стремились выжить в этом суровом мире. Глядя на них, я думал о себе и своих друзьях. Нескладные, некрасивые, избитые, но непобежденные — все они были изгоями, ищущими себе место среди мировых катаклизмов: совершаемых маньяками поджогов, амулетов, распятий, серебряных пуль, ядерных бомб, реактивных истребителей и огнеметов. Они были несовершенны и героически переносили свои страдания.

Я расскажу вам о том, что испугало меня на самом деле.

В один прекрасный день в стопке журналов, которые мама собралась выбросить, я отыскал старый номер

«Лайф». Усевшись на крыльце, я принялся перелистывать страницы. Бунтарь улегся у моих ног, слышалось стрекотание цикад в кронах деревьев, небо было неподвижно, как на картине пейзажиста. В журнале были фотографии того, что случилось в Далласе, штат Техас, в ноябре 1963 года. На первом снимке улыбающийся президент едет вместе с женой в длинном черном открытом лимузине и машет рукой толпе. Следующий снимок разительно отличался от первого: изображение на нем было размыто. Конечно, я видел по телевизору, как убили человека по фамилии Освальд, и помнил, каким тихим был выстрел, совсем не страшный звук *хлоп*, в общем, ничто по сравнению с оглушительным, как пушечная канонада, грохотом шестизарядных револьверов Мэтта Диллона в «Дымящемся ружье»*. Я вспомнил, как кричал Освальд, падая на пол. Ушибив ногу о камень, я, бывало, кричал гораздо громче.

Рассматривая снимки похорон президента Кеннеди — лошадь без всадника, маленький сын президента, отдающий честь, длинные ряды людей, выстроившихся вдоль улицы, по которой ехал траурный кортеж с гробом президента, — я с ужасом открыл для себя поразительную и пугающую вещь. На всех этих снимках я видел черные пятна, казалось ползущие с краев фотографии к середине. Возможно, это просто были особенности освещения, дефекты пленки или что-то еще, но создавалось впечатление, что эти снимки буквально заполнены мраком. Черные тени висели в углах, протягивали свои щупальца к мужчинам в костюмах и рыдающим женщинам, касались своими пальцами машин, зданий и аккуратно подстри-

* «Дымящееся ружье» — еженедельный телесериал Си-би-эс 1955–1975 годов в жанре вестерна, возглавлял список самых популярных телефильмов

женных лужаек. Темнота нависала над головами людей, собиралась вокруг их ног, подобно лужицам дегтя. На всех фотографиях тьма напоминала живое существо, нечто, зреющее среди людей, словно вирус, стремящийся вырваться за пределы газетного снимка.

На следующей странице журнала я увидел фотографию человека, охваченного пламенем. Мужчина восточного вида с бритой головой спокойно сидел, скрестив ноги, посреди улицы, а пламя бушевало, охватывая его, словно развевающийся на ветру плащ. Его глаза были закрыты, и, хотя огонь уже лизал лицо этого человека, он выглядел столь же безмятежным, как мой отец, когда он слушал по радио Роя Орбисона. В подписи под фотографией говорилось, что этот снимок был сделан в городе под названием Сайгон, а азиат этот был монахом и сжег себя сам: просто облился бензином, уселся на мостовую и чиркнул спичкой.

Кроме того, в журнале была и третья фотография, которую я не могу забыть до сих пор. На ней была церковь после пожара: витражи в окнах выбиты, пожарные пробираются через развалины. На переднем плане несколько негров, по их лицам видно, как они потрясены происшедшим. На деревьях перед церковью нет листвы, хотя в подписи сказано, что пожар случился 15 сентября 1963 года, лето только-только закончилось. Я прочитал, что это случилось в баптистской церкви Бирмингема на 16-й стрит: кто-то заложил бомбу, которая взорвалась, когда заканчивались занятия в воскресной школе. Погибли четыре девочки.

Я поднял голову и окинул взором родной город — зеленые холмы, голубое небо и далекие крыши Братона. Бунтарь у моих ног коротко заскулил в своем собачьем сне.

Я не знал, что такое настоящая ненависть, пока не прочитал, что на свете есть люди, которые запросто могут принести в церковь бомбу и взорвать ее в воскресное утро, убив маленьких девочек.

Я очень плохо себя чувствовал. Разболелась голова, все еще покрытая шишками после кулаков Готы. Поднявшись в свою комнату, я упал на кровать и уснул, окруженный своими чудовищами.

В Зефире было начало лета. Мы просыпались утром в густой духоте, и хотя жаркое солнце постепенно разгоняло туман, воздух все равно оставался влажным, и даже после прогулки к почтовому ящику и обратно рубашка противно прилипала к телу. Ровно в полдень земной шар, казалось, останавливал свое вращение вокруг оси, и тогда даже птицы неохотно летали в душной парной синеве. Ближе к вечеру с северо-востока приплывало несколько облаков с пурпурным обрамлением. Можно было часами сидеть на крыльце со стаканом лимонада и радиоприемником, настроенным на бейсбол, и наблюдать за медленно приближающимися облаками. Потом через какое-то время слышались отдаленные раскаты грома, в небе блестели зигзаги молний, от которых трещало в эфире. Мог разразиться ливень на полчаса, но чаще всего облака просто проходили мимо без всякого громохання и хотя бы капли дождя. В сумерках, когда земля немного остывала, в кустах начинали свой концерт мириады цикад и в воздух поднимались жуки-светлячки. Они, мерцая, садились на деревья и висели на ветвях, словно рождественские гирлянды, не слишком уместные в начале июля. На небе высыпали звезды, выходила луна. Если карта ложилась удачно, я иногда мог уговорить родителей разрешить мне посидеть подольше, часов до одиннадцати. Тогда я оставался

во дворе и смотрел, как один за другим гаснут огни Зефира. Как только исчезал последний огонек, звезды начинали сиять особенно ярко. Я смотрел в самое сердце Вселенной и видел, как кружится звездный водоворот. Дул легкий ветерок, несший с собой сладкие запахи земли и леса, где-то во тьме тихо шелестели невидимые деревья. В такое время было трудно вообразить, что мир устроен вовсе не так идеально, как ранчо Картрайта в «Золотом дне»*, и что не в каждом доме живет семья из «Троих моих сыновей». Я от души желал, чтобы мир был именно таким, но не так давно я собственными глазами видел фотографии с растущими пятнами тьмы, человеком, объатым пламенем, и церковью, разрушенной бомбой, и потому начинал догадываться, как обстоят дела на самом деле.

Когда родители позволили мне вновь кататься на велосипеде, я познакомился с Ракетой поближе. Мама сказала твердо: «Ты можешь упасть. Шов на губе разойдется, ты снова угодишь к доктору Пэрришу, и на этот раз дело закончится пятнадцатью швами, а то и всеми двадцатью!» Я был достаточно умудрен опытом, чтобы не играть с судьбой: старался не уезжать далеко от дома, передвигался медленно и осторожно, как те пони с провислой спиной, что с трудом бредут по кругу на фермерских ярмарках. Иногда я вроде бы замечал в фаре Ракеты золотой глаз, но этого не случилось ни разу, когда я смотрел прямо в фару, ожидая появления глаза. Ракета приняла мои осторожные прикосновения и слушалась меня, хотя я и чувствовал по тому, как плавно вращаются педали и плывет цепь, по тому, как щелкает велосипед на поворотах, что Ракете, как всякому породистому скакуну, хотелось нестись во весь

* «Золотое дно» — телесериал в жанре вестерна, передавался компанией Эн-би-си в 1959–1973 годах

опор. Я понимал, что мне еще многое предстоит узнать о своем двухколесном друге.

Моя губа зажила, лицо тоже. Но моя гордость осталась уязвленной, а уверенность в себе дала трещину. С этими ранами, которые никак внешне не проявлялись, я был вынужден жить дальше.

Однажды в субботу мы всей семьей отправились к общественному плавательному бассейну, где всегда было полно школьников. Правда, вынужден вам сообщить, что вход в бассейн был разрешен только белым. Едва мы добрались до бассейна, мама живо бросилась в покрытую рябью голубую воду, а папа уселся в шезлонге и отказался плавать, как мы его ни упрашивали. Мне тогда не сразу пришло в голову, что в последний раз отцу пришлось купаться, когда он видел мертвеца, погрузившегося вместе с автомобилем на дно озера Саксон. Я посидел немного рядом с отцом, пока мама плескалась в бассейне, и рассказал ему в третий или четвертый раз о необыкновенной силе и точности броска Немо Керлисса. На этот раз все внимание отца целиком принадлежало мне — ведь рядом не было ни телевизора, ни радио, к тому же он сам хотел сосредоточиться на чем-то, никак не связанном с водой, на которую, похоже, у него не было ни малейшего желания смотреть. Он предложил мне поговорить о талантах Немо с тренером Мердоком, чтобы сам тренер убедил маму Немо позволить ему играть за младшую лигу. Этим советом отца я решил воспользоваться позже.

Ближе к полудню возле бассейна появились Дэви Рэй Коллан со своим шестилетним братом Энди и родителями. С лица Дэви уже сошла большая часть синяков. Родители Дэви Рэя уселись рядом с моими, и разговор у них, конечно, зашел о братьях Брэнлин, о том, что с ними делать, потому что я и мои друзья оказались не единственными,

кто был жестоко избит этим мерзким отродьем. Ни мне, ни Дэви не слишком хотелось вновь переживать подробности своего поражения, и потому мы, попросив у родителей денег на молочный коктейль, отправились к «чертову колесу», зажав по долларовой бумажке в руке. Энди тоже хотелось увязаться за нами, но его не отпустила миссис Коллан, и он проводил нас хныканьем.

«Чертово колесо» находилось на другой стороне улицы, напротив бассейна, рядом с выкрашенным в белый цвет оштукатуренным зданием с белыми потеками на крыше. Перед ним высилась статуя белого медведя, вся покрытая надписями: «Мы лучше всех — выпускники 64-го, «Луи, Луи!» и «Дебби любит Арахис», а также множеством других весьма вольных высказываний. Мы с Дэви сходились во мнении, что мистер Самптер Вомак, владелец «чертова колеса», наверняка полагал, что Арахис — имя какого-то парня, да никто и не пытался его разубедить. «Чертово колесо» считалось главным местом сборищ тинейджеров. Трудно было устоять перед соблазном отведать гамбургеры, хот-доги, жареный картофель и едва ли не тридцать сортов молочных коктейлей — от персикового до корнеплодного пива, оттого на местной стоянке всегда было полно старшеклассников — парней и девиц, приехавших в родительских автомобилях или грузовичках. Эта суббота не была исключением. Легковушки и пикапы стояли очень плотно, борт о борт, их окна были открыты, и из радиоприемников лилась музыка, пахучая и пряная, как дымок от жаровен. Я вспомнил, что именно здесь как-то видел Малыша Стиви Коули в его Полуночной Моне, а вместе с ним — молоденькую светловолосую девушку. Ее голова покоилась на плече Стиви. Волосы у него были черными как смоль, а глаза голубыми, словно вода в бассейне. Когда я проходил мимо,

Малыш Стиви мельком взглянул на меня. В тот день я не разглядел лица девушки Малыша Стиви и теперь подумал о том, знает ли она, что Стиви стал призраком и гоняет теперь за рулем Полуночной Моны по дороге между Зефиром и Юнион-Тауном.

Дэви, всегда отличавшийся решительностью, мгновенно выбрал себе «Джамбо с перечной мятой» и получил свой коктейль и пятьдесят центов сдачи. Меня он отговаривал брать «простой с ванилью».

— Ваниль — это не интересно, такой коктейль можно получить где угодно! — сказал он мне. — Попробуй. — Дэви провел пальцем вдоль доски с написанными мелом названиями коктейлей. — Попробуй с арахисовым маслом!

Я так и сделал. И не пожалел, потому что это был лучший коктейль, который я пробовал в жизни. То был стаканчик с замороженной и наполовину растаявшей смесью, вкусом напоминавшей шоколадные конфеты «ризес». А через минуту случилось *это*.

Мы шли через парковку под лучами палящего солнца с большими белыми картонными стаканчиками, наполненными ледяными коктейлями. На стаканчиках была красная надпись «чертово колесо». В тот момент зазвучала песня. Вначале она донеслась всего из нескольких машин, но потом и в других машинах ловкие пальцы тинейджеров подкрутили ручки настройки и нашли нужную станцию. Приемники были включены на полную громкость, и музыка поплыла из динамиков во все стороны, растекаясь в горячем летнем воздухе. Через несколько секунд одна и та же песня играла во всех машинах на парковке. Несколько автомобилей завелись и с урчанием отъехали. Молодой смех искрами разлетался в воздухе.

Я остановился и замер. Просто не мог сойти с места. Эта музыка не была похожа ни на что слышанное мною

раньше: голоса молодых певцов сплетались, потом звучали порознь и вновь сливались в какой-то фантастической, неземной гармонии. Голоса взмывали все выше, как переполненные счастьем полета птицы, а в основе этой гармонии лежали неистовый ритм ударника и звенящее бречение гитар, от которого по моей обожженной солнцем спине пробегал холодок.

— Что это такое, Дэви? — спросил я. — Что за песня?

— *...Тусуюсь... я тусуюсь... и тусуюсь... ва-а... ва-а... ву-у-у-у...*

— Что это за песня? — снова спросил я, охваченный паникой, что так ничего о ней и не узнаю.

— Разве ты еще не слышал? Все старшеклассники только ее и поют.

— *...Снова дорогой привычной я выезжаю в путь... Туда, где клевых парней я могу повстречать...*

— Как называется эта песня? — продолжал расспрашивать я, погруженный в этот всеобщий экстаз посреди парковки.

— Ее крутят по радио раз по десять на дню. Она называется...

Старшеклассники вокруг нас начали подпевать, некоторые, не удовлетворившись этим, принялись раскачивать машины из стороны в сторону. И посреди этого гама стоял я с арахисовым молочным коктейлем в руке. Горячее солнце било мне в лицо, легкий свежий запах хлорки несся со стороны бассейна на другой стороне улицы.

— ...в исполнении «Бич бойз», — закончил тем временем Дэви Рэй.

— Что?

— «Бич бойз», это они поют.

— Господи! — воскликнул я. — Она похожа... похожа...

Я искал подходящие слова и не мог найти их в своем родном языке. Какими словами мог я передать то ощущение юности и свободы, надежды и желаний, сладчайшей жажды приключений и бурлящей в жилах крови? Какими словами можно описать братство старых друзей и уверенность, которая не отпускает тебя, пока звучит песня, уверенность в том, что ты и твоё бесшабашное поколение — самые замечательные ребята на свете и мир принадлежит только вам?

— Круто,— подал голос Дэви Рэй.

Лучше не скажешь.

— *...Забияки знают нас и обходят теперь стороной... Я тусуюсь. Я тусуюсь...*

Я был поражен, охвачен восторгом. Эти несущиеся ввысь голоса подняли меня над землей, оторвали мои ноги от раскаленного асфальта — и вместе с ними я унесся в неведомую страну. Я никогда не ступал на песок пляжа, никогда не видел океана, только по телевизору, в кино и на снимках в журналах. «Бич бойз» — пляжные мальчишки. Стройное звучание их голосов проникло в мое сердце. На мгновение я почувствовал на своих плечах шикарную куртку, увидел себя за рулем красного спортивного автомобиля. Прекрасные блондинки на улицах лезли вон из кожи, чтобы привлечь к себе мое внимание. Я тусовался на славу.

Звуки песни растаяли в воздухе. Голоса затихли в динамиках. Я снова стал прежним Кори Маккенсоном, уроженцем Зефира, но успел почувствовать тепло солнца других краев.

— Я хочу попросить своих родителей, чтобы они позволили мне брать уроки гитары,— небрежно сообщил Дэви Рэй, когда мы переходили на другую сторону улицы.

«Гит-тары» — вот как он сказал.

А я мечтал, вернувшись домой, усесться за свой письменный стол и написать мягким карандашом «тикондерога № 2» рассказ о том, куда уходит музыка, оказавшись в воздухе. Кое-что из услышанного осталось в голове Дэви Рэя, он насвистывал этот мотивчик снова и снова, пока мы не добрались до бассейна и не уселись рядом с нашими родителями.

Четвертое июля выдалось жарким. В парке устроили большое барбекю. Команда взрослой лиги «Перепела» проиграла 3:7 «Шаровым молниям» из Юнион-Тауна. Я заметил на трибуне Немо Керлисса. Он был зажат между темноволосой женщиной в платье с красными цветами и долговязым мужчиной в очках с толстыми стеклами, чья новенькая белая рубашка обильно пропиталась потом. Отец Немо не слишком-то любил проводить время с женой и сыном: после второй подачи он поднялся и ушел с трибун. Позже я заметил, как он бродил среди толпы отдыхающих — под мышкой у него был альбом с образцами рубашек, а на лице застыло выражение отчаяния.

Я не забыл о человеке в шляпе с зеленым пером: Сидя за столом вместе с родителями и обгладывая жареные ребрышки, пока пожилые мужчины состязались в набрасывании подковок на столбики, а подростки гоняли футбольный мяч, я непрестанно следил за толпой, отыскивая в ней подозрительное перо. Очень скоро я понял, что пора зимних шляп давно минула и наступило время соломенных шляп. Например, на мэре Своупе красовалась соломенная федора: я видел, как он шел сквозь толпу, дымя неизменной трубкой, и весело жал протянутые со всех сторон измазанные жиром и соусом руки. Шеф пожарных Марчетт и мистер Доллар тоже носили соломенные

шляпы, да и лысину доктора Лезандера прикрывало соломенное канотье с красной лентой. Он подошел к нашему столу, чтобы осмотреть бледный шрам на моей нижней губе. У доктора были холодные пальцы, он всмотрелся в мои глаза с цепким стальным вниманием.

— Если эти парни еще раз будут к тебе приставать,— проговорил он со своим голландским акцентом,— просто дай мне знать. При случае я покажу им щипцы для кастрирования. Договорились?

Он толкнул меня локтем в бок и улыбнулся, блеснув серебряным зубом. Могучая жена доктора Лезандера Вероника, тоже голландка, чье вытянутое лицо с большими челюстями напоминало мне лошадиную морду, подошла к нашему столу с картонной тарелкой, полной ребрышек, и увела мужа с собой. Миссис Лезандер отличалась суровым нравом и не дружила ни с кем из женщин. Как рассказывала мама, старшего брата миссис Лезандер и всю его семью, участвовавших в голландском Сопротивлении, убили нацисты. Я размышлял об этом и пришел к мнению, что тяжелые испытания могут подорвать в человеке веру в других людей. Перед падением страны Лезандеры бежали из Голландии, причем доктор лично застрелил из пистолета немецкого солдата, который ворвался в его дом. Эта тема очень занимала меня, поскольку мы с Джонни, Дэви Рэем и Беном играли в лесу в войну, и мне хотелось расспросить доктора Лезандера о том, какова война на самом деле, но отец запретил это делать, сказав, что такие воспоминания лучше не бередить лишний раз.

Вернон Такстер тоже почтил пикник своим посещением. Лица женщин покрылись густым румянцем, а мужчины принялись сосредоточенно разглядывать свои тарелки. Большинство же вообще не обращало внимания на сына Мурвуда Такстера, словно он был невидимкой.

Взяв тарелку с жареным мясом, Вернон уселся под деревом на самом краю бейсбольного поля. Должен сказать, что он не был абсолютно наг: на нем была соломенная шляпа с обвисшими полями, в которой он был похож на тронувшегося с годами умом Гекльберри Финна. Насколько я заметил, Вернон Такстер был единственным мужчиной, к которому мистер Керлисс так и не подошел со своим альбомом с образцами мужских рубашек.

В течение дня я несколько раз слышал песню «Бич бойз», доносившуюся из транзисторов, и каждый раз песня нравилась мне все больше и больше. Услышав «Бич бойз», отец поморщился, как от кислого, а мама сказала, что от такого визга у нее болят уши, но я все равно был без ума от песни. Все ребята были в диком восторге от «Бич бойз». Когда я слушал песню, наверно уже в пятый раз, неподалеку, оттуда, где старшеклассники лениво пинали футбольный мяч, донеслись шум и громкие выкрики. Кто-то ревел как бешеный бык. Мы с отцом пробрались сквозь толпу зевак, чтобы посмотреть, в чем дело.

Конечно, это был он. Человек огромного роста с курчавыми рыжими волосами, длинным и узким лицом, искаженным праведным гневом. На нем был бледно-голубой костюм со значком на лацкане, изображающим американский флаг, и маленьким крестиком, болтающимся поверх него, лакированные черные ботинки втоптывали в пыль маленький ярко-красный транзистор, изгоняя из него дьявола.

— Чтобы! Я! Этого! Больше! Не слышал! — орал он, сопровождая каждое слово новым ударом ноги.

Старшеклассники, игравшие в футбол, стояли с разинутыми ртами, во все глаза глядя на преподобного Ангуса Блессета, а шестнадцатилетняя девушка, чье радио только что растоптали на мелкие кусочки, была готова разрыдаться.

ся. Лакированные ботинки заставили наконец замолчать «Бич бойз».

— Этот сатанинский визг необходимо прекратить! — орал преподобный Блессет, проповедник Свободной баптистской церкви, обращаясь к собравшейся толпе. — День и ночь я страдал от этого невыносимого гама, но Господь повелел положить ему конец!

С этими словами преподобный еще раз наступил на вызвавшее всю эту бурю эмоций радио. Из обломков во все стороны полетели проводки и батарейки. После этого преподобный Блессет с покрасневшими щеками и залитым потом лицом обратил свой взор к рыдающей девушке и, раскрыв объятия, направился в ее сторону.

— Возлюбленная дочь моя! Господь благословит тебя!

Развернувшись, девушка обратилась в бегство. И я ее не виню. Если бы кто-то растоптал мой новенький приемник прямо у меня на глазах, мне тоже вряд ли захотелось бы с ним обниматься.

Преподобный Блессет, развернувшийся в прошлом году кампанию против ритуала, совершаемого Леди на мосту с горгульями в Страстную пятницу, теперь обратил свой лик к присутствовавшим.

— Вы видели это? Бедное дитя было настолько смущено, что оказалось не в состоянии отличить благо от греха! И я объясню вам почему. Потому что она наслушалась этого визга, этого дьявольского музыкального мусора!

С этими словами он указал пальцем на останки радио у своих ног.

— Кто-нибудь из вас удосужился узнать, что отравляет уши наших детей этим летом?

— Похоже на жужжание пчел, облепивших осла! — сказал кто-то, и все засмеялись.

Оглянувшись, я увидел мокрого от пота Дика Моултри, его рубашка на груди была вся заляпана соусом для барбекю.

— Смейтесь, если хотите, но когда вы предстанете перед Господом, вам станет не до смеха! — в ярости выкрикнул преподобный Блессет. Не помню, чтобы он когда-нибудь говорил нормальным голосом. — Но стоит вам послушать эту песню, и волосы у вас на голове встанут дыбом, как встали у меня!

— Да будет вам, преподобный! — подал голос мой отец. — Это же просто песня!

— Просто песня? — Блестящее от пота лицо преподобного Блессета мгновенно повернулось к моему отцу, пылающие гневом серые глаза настолько налились кровью, что могло показаться, будто их нарисовали. — Просто песня, говоришь, Том Маккенсон? Что ты ответишь, если я скажу, что эта «просто песня» подрывает мораль наших детей? Что она вызывает у них греховные сексуальные желания, подталкивает к безумным гонкам по улицам на автомашинах, учит их злу большого города? Что ты скажешь на это, Том Маккенсон?

Отец пожал плечами.

— Если вы сумели разобрать все это, прослушав песню один раз, то у вас уши, как у гончей. Лично я не понял из этой песни ни слова.

— Ага! Вот в этом и заключаются проделки Сатаны! — Преподобный Блессет ткнул отцу в грудь указательным пальцем с соусом барбекю под ногтем. — Грех пробирается в головы наших детей, а они даже не понимают, что слушают!

— В самом деле? — спросил отец.

К тому времени мама подошла к нам и встала рядом, взяв отца за руку. Он никогда особо не уважал преподоб-

ного, и мама боялась, что отец может выйти из себя и наговорить лишнего.

Преподобный оставил в покое моего отца и снова обвел глазами толпу. Если на свете и есть что-то, способное привлечь внимание людей, то это крикун, пугающий Сатаной, кажется даже, что в воздухе разносится его запах, как от горелого мяса.

— Добрые христиане, призываю вас прийти в среду вечером, в семь часов, в Свободную баптистскую церковь, вы сможете собственными ушами услышать все то, о чем я говорю!

Взгляд преподобного скользил по лицам людей.

— Если вы любите Господа, наш город и ваших детей, разбивайте любое радио, когда услышите, что из него льются эти помои!

К моему разочарованию несколько человек с горящими от возбуждения глазами поддерживали преподобного одобрительными возгласами.

— Восславим Господа, братья и сестры, восславим Господа!

Преподобный Блессет стал пробираться сквозь толпу, хлопая людей по плечам и спинам, пожимая на ходу руки.

— Он мне всю рубашку соусом испачкал, — проговорил отец, разглядывая пятно.

— Пойдем отсюда. — Мама потянула отца за руку — Давайте посидим в тени.

Направившись следом за родителями, я оглянулся, наблюдая, как уходит преподобный Блессет. Вокруг него образовалось кольцо, люди, окружавшие Блессета, что-то быстро и невнятно говорили. Их лица казались какими-то опухшими, а у самого Блессета на спине расплывалось темное пятно пота, напоминавшее формой дыню

КНИГА 1 ТЕМНАЯ БЕЗДНА

Я не мог понять, каким образом та самая песня, что я сегодня впервые услышал на парковке около «чертова колеса» и сразу же полюбил, вдруг оказалась греховной. Я мало что знал о зле большого города, но не чувствовал в себе ни малейшего желания нарушать мораль. Песня просто была клевой, и на душе от нее становилось .. клево. Я раз двадцать слышал сегодня эту песню, но так и не сумел разобрать, что там поется хором после «*я тусуюсь, я тусуюсь*», и ни Бен, ни Дэви Рэй, ни Джонни, который все еще ходил с перевязанным бинтами клювом и пока сидел из дома, не смогли мне помочь. Меня снедало любопытство: что такое преподобный Блессет сумел услышать в песне, чего не смог уловить я?

Я решил, что обязательно должен это разузнать.

Поздно вечером в парке устроили фейерверк. Красные, белые и синие огни долго загорались над Зефиром.

А после полуночи перед домом Леди запылал крест.

Глава 5

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ЛЮЦИФЕР!

Я проснулся из-за того, что почуял запах гари.

Пели птицы, и солнце стояло высоко в небе, но я понимал, что произошло что-то ужасное.

Три года назад в двух кварталах к югу от нас случился пожар. Тогда лето выдалось особенно жарким и сухим, и той августовской ночью дом сгорел быстро, как растопка из смолистых сосновых веток. Там жила семья Беллвудов: мистер и миссис Беллвуд, их десятилетняя дочь Эмми и восьмилетний сын Карл. Во время пожара, начавшегося из-за короткого замыкания, спящий Карл получил сильные ожоги, прежде чем родители сумели добраться до него сквозь огонь. Карл умер через несколько дней, его похоронили на Поултер-Хилл и поставили на могиле обелиск с высеченной на нем надписью: «Нашему любимому сыну». Вскоре Беллвуды уехали из Зефира, оставив своего сына лежать в здешней земле. Я хорошо знал Карла Беллвуда, потому что тот часто приходил ко мне во двор поиграть с Бунтарем: у мамы Карла была аллергия на шерсть животных и она не позволяла заводить собаку.

Карл был худеньким мальчиком со светлыми волосами, я помнил, как он любил банановое мороженое на палочке, которое продавал со своего грузовичка Весель-

чак. Однажды Карл признался мне, что больше всего на свете ему хотелось бы иметь собаку. После того как Карл умер от ожогов, отец сказал, что у Бога на все есть свой план, вот только в этих планах Господа очень сложно разобраться.

В то утро пятого июля отец отправился на работу, а мама объяснила мне, откуда взялся запах гари. Большую часть утра она разговаривала по телефону. Информационная сеть Зефира, включавшая жительниц города, падких до новостей, как коршуны до дичи, всегда располагала самыми точными сведениями о городской жизни. Когда я ел свой завтрак — яичницу с овсянкой, мама под села ко мне и спросила:

— Ты знаешь, что такое ку-клукс-клан, Кори?

Я кивнул. Я не раз видел по телевизору членов клана, облаченных в белые балахоны с конусообразными капюшонами. Они ходили с винтовками и дробовиками в руках на фоне горящих крестов. Помню, как их оратор, откинув капюшон, так что открылось его лицо, похожее на кусок жира, говорил, что нужно либо хранить традиционный дух южных штатов «Дикси», либо выметаться из наших мест, что никакой вашингтонский политик не заставит нас целовать цветным ботинки.

От злости щеки оратора налились кровью, веки вздулись, а за его спиной фигуры в белых балахонах продолжали свое мрачное шествие вокруг горящего креста.

— Вчера вечером кукуклуксклановцы зажгли крест во дворе Леди,— сказала мне мама.— Так они ее предупреждают — хотят заставить уехать из города.

— Они хотят прогнать Леди? Но чем она им помешала?

— Ты слышал, что говорил твой отец,— некоторые очень боятся Леди. А еще он сказал, что люди считают, буд-

то она слишком много говорит о происходящем в Братоне.

— Но она живет в *Братоне*, — заметил я.

— Да, но некоторые люди боятся, что если дать ей волю, то она начнет говорить и о том, что происходит в Зефире. Прошлым летом она просила мэра Своупа разрешить цветным жителям Братона купаться в общественном бассейне Зефира. В этом году она повторила свою просьбу.

— И отец тоже ее боится?

— Да, — ответила мама, — но по другой причине. Он боится ее не потому, что у Леди темная кожа, а потому... — Мама замолчала и пожала плечами. — Он боится Леди из-за того, что не понимает ее.

Я повозил вилкой в тарелке с овсянкой, обдумывая услышанное.

— А почему мэр Своуп не позволяет неграм купаться в бассейне?

— Потому что они *черные*, — ответила мне мама. — Белые не любят плавать с цветными в одном бассейне, вот в чем дело.

— Но во время наводнения мы были в воде все вместе — и белые, и негры, — заметил я.

— То в реке, — ответила мама. — А в бассейне неграм никогда купаться не разрешали. В петиции Леди просит либо построить в Братоне бассейн, либо позволить неграм купаться в общественном бассейне Зефира. Наверно, поэтому клан хочет выгнать Леди из города.

— Но она всегда жила здесь. Куда она поедет?

— Не знаю, что и сказать тебе, Кори. Но думаю, что тех, кто зажег перед домом Леди крест, это меньше всего волнует.

Мама нахмурилась, в углах ее глаз собрались крохотные морщинки.

— По правде сказать, я никогда не думала, что у нас в Зефире тоже есть клан. Отец говорит, что крест подожгли несколько напуганных человек, которые изо всех сил цепляются за прошлое. И еще он сказал, что, перед тем как дела меняются к лучшему, все обычно идет наперекосяк.

— А что будет, если Леди не захочет уехать? — спросил я.— Неужели эти люди поднимут на нее руку?

— Боюсь, что они способны и на такое. Они могут предпринять что-то очень скверное.

— Она не уедет,— твердо сказал я, вспомнив холодную красоту зеленых глаз на мгновенно и удивительно изменившемся морщинистом лице Леди.— Эти люди не смогут прогнать ее из родного города.

— Я с тобой совершенно согласна, Кори,— поднялась со стула мама.— И мне бы не хотелось, чтобы с Леди случилось что-нибудь плохое. Хочешь еще апельсинового сока?

Я отказался. Тогда мама налила сока себе, а я покончил с яичницей и задал вопрос, услышав который она посмотрела на меня так, словно я просил денег на полет до Луны.

— Можно я схожу на проповедь преподобного Блессета? — спросил я.— Мне хочется узнать, о чем он будет говорить.

Мама буквально потеряла дар речи.

— Он что-то собирается сказать о той песне,— продолжил я.— Я хочу знать, почему он так сильно ее ненавидит.

— Ангус Блессет ненавидит все и вся, — ответила мама, когда к ней вернулась способность говорить.— Он мо-

жет разглядеть верные признаки конца света в паре грошовых теннисных туфель.

— Это моя любимая песня. И мне хочется узнать, что преподобный сумел расслышать там такое, чего не услышал я.

— Ну, с этим все ясно, — чуть улыбнулась мама. — Его уши — это уши взрослого человека. То же самое можно сказать и про меня. Я с трудом выношу эту песню, но не думаю, что в ней заключено какое-то зло.

— Но все равно я хочу его послушать, — настаивал я.

Впервые в своей жизни я высказывал желание посетить проповедь, к тому же не в нашем церковном приходе. Отец, вернувшись домой, всячески пытался отговорить меня от этой затеи. Он сказал, что в преподобном столько горячего воздуха, что им можно было бы без труда надуть дирижабль, и что сам он ни за что бы не переступил порог Свободной баптистской церкви. Однако после негромкого совещания с мамой, из которого я тем не менее уловил слова «любопытство» и «пускай разберется во всем сам», отец скрепя сердце согласился идти вместе с нами в среду вечером на проповедь преподобного Блессета.

Таким образом наша семья вместе еще с сотней других людей оказалась под душными сводами Свободной баптистской церкви, находившейся на Шоусон-стрит, недалеко от моста с горгульями. Сегодняшняя служба не была торжественной, как воскресная. Ни я, ни отец не надели пиджаки и галстуки, некоторые явились прямо с полей, в грязных комбинезонах. Я заметил много знакомых лиц. Прежде чем служба началась, в церковь набилось столько народу, что едва-едва хватало места для того, чтобы стоять. Среди присутствующих было немало утрю-

мых подростков, которых притащили сюда силой их родители. По-видимому, истерические выкрики преподобного, а также расклеенные по всему городу объявления, в которых сообщалось, что «в среду вечером в Свободной баптистской церкви преподобный Блессет вступит в поединок с дьяволом ради спасения наших детей», сделали свое дело.

Перед стоявшей на возвышении кафедрой красовались новенький проигрыватель и колонки. И вот наконец появился преподобный Блессет собственной персоной, облаченный в белый летний костюм и розовую рубашку, раскрасневшийся и уже совершенно мокрый от пота. Широкими шагами он взшел на кафедру с вызвавшей весь этот переполох черной виниловой грампластинкой-сорокапяткой. В другой руке преподобный нес за кожаную ручку небольшой деревянный ящик с маленькими отверстиями по бокам, который поставил на пол в стороне от кафедры. После этого, повернувшись к собравшимся, он выкрикнул: «Братья и сестры, вы готовы сегодня сразиться с Сатаной?»

— Аминь! — закричали со всех сторон в ответ. — Аминь! Аминь!

Аудитория была готова к проповеди.

И преподобный начал страстно вещать о том, как коварно зло большого города, что оно добралось и до Зефира, как кровожаден Сатана, жаждущий заполучить души наших молодых людей и утащить их в ад, и что необходимо денно и нощно сражаться с дьявольскими искусами, дабы не гореть в геенне огненной. При этом преподобный Блессет носился по сцене взад-вперед как одержимый, махал руками и отчаянно потел. Нужно отметить, что шоу он устроил отличное: я даже подумал, не прячет-

ся ли у меня под кроватью дьявольское отродье, дожидаящееся момента, когда я раскрою «Нэшнл джиографик», чтобы посмотреть на фотографии гологрудых африканок.

Потом, внезапно прекратив бег, преподобный Блессет обратил к собравшимся свое блестящее от пота лицо. Двери церкви были распахнуты, но духота все равно стояла невероятная: моя рубашка липла к спине, а преподобный в золотистых лучах солнца просто обливался потом. Он поднял над головой черный диск пластинки.

— Вы пришли услышать это, — сказал Блессет. — Так слушайте!

Он включил проигрыватель, насадил пластинку на вал и задержал на весу иглу над первым желобком.

— Слушайте внимательно, — наказал он нам, — вот они, голоса демонов!

С этими словами преподобный опустил иглу на диск, и динамики наполнились треском от царапин.

Чьи это были голоса — демонов или ангелов? Ох уж эти голоса! *«Я тусуюсь, я тусуюсь и тусуюсь. Из города прочь. Я тусуюсь».*

— Вот оно! — внезапно заорал преподобный, поднимая иглу. — Вы слышали это? Он внушает нашим детям, что по другую сторону изгороди трава зеленее! Разве жизнь в родном городе хуже, чем в другом месте? Сатана разжигает в неокрепших душах дьявольскую тягу к перемене мест, вот о чем тут поется!

Игла снова упала на пластинку. Когда песня дошла до места, где говорилось, как здорово иметь машину без единой царапины, которая ни разу не разминувшись с девчонкой, спешащей на свидание, преподобный Блессет разве что не затрясся от праведной ярости.

— Вот, вы слышали это? Разве дьяволы не призывают целыми днями носиться по улицам на автомобилях? Разве тут не слышно призыва предаться похоти, легкодоступным *плотским* утехам?

Последние слова преподобный произнес с глумливой усмешкой.

— Задумайтесь об этом, люди! Ваши сыновья и дочери горят в пламени этого мусора, в то время как Сатана насмехается над нашей слепотой! Только представьте себе улицы нашего города, красные от крови наших детей, гибнущих в разбитых машинах, наших беременных дочерей и распаленных похотью сыновей! Вы думали, что такое возможно только в больших городах? Вы думали, что наш Зефир защищен от когтей Князя Тьмы? Сейчас я дам вам еще послушать эту так называемую *музыку*, и вы поймете, как вы ошибались!

Игла в очередной раз упала на пластинку. Звук был отвратительным: судя по скрипу и треску, преподобный Блессет прокрутил пластинку по крайней мере раз двадцать. Меня мало трогало то, о чем он твердил: эта музыка была о свободе и счастье, в ней ни слова не говорилось о том, чтобы разбивать машины на улицах. Я слышал в песне совсем иное, чем преподобный Блессет. Отзвук лета — частичку небес, спустившихся на землю, Блессет же ощущал лишь запах серы да видел ухмылку дьявола. Просто поразительно, как служителю Господа, вроде преподобного, везде, во всяком слове слышится зов Сатаны. Разве Бог не правит миром во всех его проявлениях, как это сказано в Библии? Если так, то почему преподобный Блессет так боится за наши души?

— Языческий мусор! — орал он, комментируя ту часть песни «Бич бойз», где говорилось, что не дело оставлять до-

ма подружек, собираясь в субботу на вечеринку.— Отвратительная похоть! Господи, спаси наших дочерей!

— Этот парень,— шепнул отец маме на ухо,— напоминает мне спятившую от жары бездомную дворнягу!

Пластинка играла и играла, а преподобный твердил о неуважении к закону, о разрушении семейных уз, грехе Евы и змее-искусителе в райском саду. Он брызгал на первые ряды слюной и исходил потом, лицо его страшно покраснело, и я опасался, как бы он не лопнул по швам.

— «Бич бойз»! — выкрикнул он со злобным смешком.— Знаете ли вы, кто это такие? Это бездельники, которые не желают зарабатывать себе на хлеб насущный честным трудом! Целыми днями они валяются на калифорнийском пляже, предаваясь блуду на песке, как дикие звери! И *это* сутками напролет слушает наша молодежь! Господи, спаси этот мир!

— Аминь! — крикнул кто-то.

Толпа начала заводиться.

— Аминь, братья! — раздались новые выкрики.

— Но вы ничего еще по-настоящему не слышали, вот что я вам скажу! — заорал преподобный Блессет.

Он поднял иглу и, прижав рукой диск, стал останавливать его вращение, так что аппарат протестующе взвыл. Преподобный принялся отыскивать на пластинке нужное место.

— Послушайте-ка вот здесь!

Он опустил иглу, другой рукой вращая диск в обратном направлении.

Раздался звук, похожий на протяжный стон, что-то вроде: *Даадишлсмаастраабаа*.

— Вы слышали это? Слышали?

Глаза преподобного торжествующе блестели, словно он только что разгадал великую тайну музыки.

— «Дьявол спрятался в моем саду!» Вот что они поют: «Дьявол спрятался в моем саду!» Звучит совершенно отчетливо! Они поют песнь во славу Сатаны, им все равно, чьи души после этого будут гореть в геенне огненной! Эта песня звучит из приемников по всей стране! Наверняка и сейчас ее слушают! Наши дети слушают эту песню дни напролет, не сознавая, что творится с ними, и не узнают ничего до тех пор, пока не станет слишком поздно! К тому времени дьявол полностью завладеет их душами!

— Кажется, примерно то же самое в свое время говорили про чарльстон, — сказал отец маме, но я едва слышал его за хором одобрительных возгласов.

Так уж устроен мир: люди надеются на лучшее, но в любой момент готовы поверить самому плохому. По-моему, если твой слух устроен так, что слышит только то, что желает услышать, можно взять любую песню, самую невинную, и найти в ней послание дьявола. Особенно легко поносить песни, в которых говорится о нашем мире и о людях, живущих в нем, о людях, даже самые лучшие из которых отягощены грехами и сомнениями, — ведь правда о себе воспринимается очень болезненно. Я сидел на церковной скамье и слушал, как преподобный кричит и заходится в ярости. Я видел, как наливается кровью его лицо, как горят глаза и брызжет слюна изо рта. Он боялся — это было ясно видно — и своими испуганными воплями разжигал уголья страха в своих слушателях. Он еще несколько раз ставил иглу на пластинку и проиграл три или четыре отрывка песни задом наперед, извлекая на свет то, что мне казалось полной неразберихой, а ему —

посланием Сатаны. Я подумал: будь на то его воля, преподобный проводил бы у проигрывателя долгие часы и запил бы пластинку вдоль и поперек, отыскивая в ней следы дьявольских происков. И еще я подумал, что преподобному хотелось не защищать, а вести людей за собой. В последнем он преуспел более всего: вскоре почти весь зал по его указке выкрикивал: «Аминь!» Это очень напоминало крики болельщиков школьной команды Адамс Вэлли, когда они приветствуют своего игрока, забившего гол. Отец покачивал головой, сидя со скрещенными на груди руками, а мама, как мне казалось, вообще не понимала причины этого переполоха.

Вдруг преподобный Блессет, у которого пот капал с подбородка, а глаза стали совершенно дикими, заорал:

— А теперь, братья и сестры, настала пора дьяволу появиться перед нами! Пускай потанцует под собственную музыку.

Открыв дверцу деревянного ящика, он вытащил из него какое-то живое существо, дергающееся и вырывающееся. «Бич бойз» продолжали петь, и преподобный, схватив конец поводка, заставил зверька на другом его конце отчаянно прыгать и извиваться под музыку.

Это была маленькая обезьянка с неуклюже болтавшимися длинными лапами. Она злобно скалила острые зубы всякий раз, когда ее мучитель дергал поводок то в одну, то в другую сторону.

— Танцуй же для нас, Люцифер! — кричал преподобный так громко, что его голос перекрывал музыку ансамбля, зовущего в Калифорнию. — Пляши под свою музыку!

Люцифер, который до этого просидел в своей коробке бог знает сколько, был не слишком расположен к подобным забавам. Обезьянка шипела и клала зубы, ее

хвост метался, словно серая плетка, но преподобный все не унимался и орал, продолжая таскать обезьянку на поводке взад и вперед:

— Пляши, Люцифер! Давай, пляши!

Некоторые поднялись с мест, стали хлопать в ладоши и извиваться в проходе между скамьями. Какая-то толстуха с животом величиной с диванную подушку, стоя на своих здоровенных ногах-тумбах, раскачивалась из стороны в сторону, рыдая и взывая к Господу.

— Пляши, Люцифер! — кричал преподобный. Блессет вошел в раж: казалось, он вот-вот начнет крутить бедную обезьянку на поводке у себя над головой, словно кроличью лапку — брелок для ключей. Мужчина, стоявший прямо перед нами, раскинул руки и принялся выкрикивать что-то вроде «Господи, помилуй нас» и «пошли гром на головы грешников». Я смотрел на его коричневый от загара затылок и искал на нем крестообразную отметину инопланетян, полагая, что без них тут явно не обошлось.

Свободная баптистская церковь превратилась в сумасшедший дом. Взяв маму за руку, отец сказал ей:

— Нам лучше уйти отсюда!

Люди вокруг вращались по кругу и тряслись, заходясь в экстазе. А я-то думал, что баптистам не разрешается плясать!

Преподобный Блессет еще раз сильно встряхнул обезьянку.

— Пляши, Люцифер! — приказал он под громохание музыки. — Задай им жару!

И тогда неожиданно для всех Люцифер, как видно, решил наконец выполнить его просьбу.

Испустив пронзительный вопль, обезьянка, которая уже не могла больше переносить тычки и рывки, запрыгнула на голову проповедника. Длинные гибкие лапы цепко ухватились за лицо и волосы преподобного, и Блессет вскрикнул от ужаса, когда маленькие, но острые обезьяньи клыки впились в его правое ухо. Одновременно с этим Люцифер изверг содержимое своего кишечника, коричневое, как соус «Боско», прямо на белый костюм преподобного. Это зрелище мгновенно остановило всеобщий экстаз, на несколько секунд наступила полная тишина. Шатаясь, Блессет принялся метаться взад и вперед, пытаясь сбросить с головы обезьянку, которая безостановочно поливала одежду преподобного отвратительными коричневыми струями. Женщина с огромным трясущимся брюхом пронзительно завизжала. Несколько мужчин из передних рядов бросились на помощь преподобному, ухо которого было настолько изжевано, что свисало клочьями. Как только добровольцы приблизились, обезьяна повернулась и злобно глянула на людей, готовившихся ее схватить, при этом из ее пасти свисал окровавленный кусочек уха Блессета. Что-то злобно вереща, Люцифер наконец отпустил преподобного и бросился наутек по головам прихожан, заставляя их уворачиваться от струй, продолжавших исторгаться из его кишечника. Поводок вырвался из рук Блессета, и Люцифер обрел свободу.

Словно желая оправдать свое прозвище, обезьяна бросалась на людей, пытаясь цапнуть их за ухо, обильно орошая их одежду. Не знаю, чем преподобный накормил Люцифера, но пища эта явно не пошла обезьяне впрок. Люцифер пронесся рядом с нами: мама закричала от страха, а отец едва успел увернуться. По счастью, коричневые

струи нас миновали. Оттолкнувшись от последнего ряда скамей, Люцифер прыгнул, ухватился за люстру, а потом соскочил на голубую шляпу какой-то женщины, украсив ее ложными гвоздиками. Потом он бросился дальше, замелькали лапы, когти и хвост-плетка, защелкали зубы, раздался пронзительный визг. Запах гнилых бананов был настолько силен, что от него впору было потерять сознание. Кто-то из отважных прихожан попытался схватить поводок, но отшатнулся, получив заряд коричневой жижи прямо в лицо. Человек, временно лишившись способности видеть, отшатнулся, его жена отпрянула в сторону. Люцифер издав звук, похожий на хохот, схватил за нос какую-то женщину, испачкал волосы стоявшего рядом с ней мальчика и принялся скакать со скамьи на скамью, словно маленькая бесовская версия Фреда Астера*.

— Держите его! — вопил преподобный Блессет, держась за кровоточащее ухо. — Ловите это исчадие Сатаны!

Кому-то удалось схватить Люцифера, но храбрец тут же отдернул руку со следами клыков на костяшках пальцев. Обезьяна была шустрой и злобной, как живое порождение ада. Большинство присутствовавших были всецело озабочены, как бы не попасть под зловонные струи, и даже не пытались ловить Люцифера. Я лежал на церковной скамье вниз лицом, а мама и отец скорчились в проходе. Тут преподобный Блессет завопил:

— Дверь! Закройте кто-нибудь дверь!

Идея была хороша, вот только пришла она ему в голову слишком поздно. Люцифер уже мчался прямо к двери, его глаза-бусины восторженно блестели. Пробегая, он оставлял на стенах свои автографы.

* Астер, Фред (1899–1987) — танцовщик и актер.

— Остановите его! — орал преподобный, но Люцифер, потанцевав на чьих-то плечах, нырнув с чьей-то головы, с торжествующим визгом вырвался через открытую дверь в вечерние сумерки.

Несколько человек бросились в погоню. Остальные вздохнули с облегчением, хотя воздух был не слишком пригоден для дыхания. Отец помог маме подняться, а потом вместе с двумя другими мужчинами усадил на скамью тучную леди, которая, потеряв сознание в разгар этой суматохи, рухнула на пол, как подрубленное дерево.

— Все сохраняйте спокойствие! — дрожащим голосом возвестил преподобный. — Опасность миновала!

Я поразился, как такое мог сказать человек, ухо которого было наполовину отгрызено, а весь костюм перепачкан обезьяньим дерьмом.

Греховная песня, ради которой мы собрались, была забыта. После всего случившегося «Бич бойз» стали казаться чем-то совершенно незначительным. Постепенно народ начал приходить в себя, и на смену потрясению пришел гнев. Кто-то кричал Блессету, что тот не должен был выпускать из рук поводок с обезьянкой, а кто-то и вовсе заявил, что завтра же с утра придет преподобному счет за чистку костюма. Женщина с укушенным носом кричала, что подаст на Блессета в суд. Негодующий шум нарастал, и я увидел, как преподобный отпрянул в сторону и весь съежился, словно его покинули силы. Он стал таким же смущенным и жалким, как и все остальные.

Мужчины, погнавшиеся за Люцифером, вернулись, обливаясь потом и тяжело дыша. По их словам, обезьянка забралась на дерево и исчезла. Может быть, она покажется где-то завтра, когда станет светло, и ее удастся поймать сетью.

КНИГА 1 ТЕМНАЯ БЕЗДНА

Роли поменялись: теперь не Люцифер кидался на людей, а они пытались схватить его. Вся эта возня показалась мне одновременно странной и смешной, но тут в мои мысли ворвался голос отца:

— Напрасно стараются.

Преподобный Блессет опустился на пол прямо у кафедр. Его паства покидала церковь, а он так и сидел в своем перепачканном белом костюме и смотрел на свои руки. На проигрывателе продолжал крутиться диск, и из динамика доносились размеренные щелчки.

Вечер выдался теплым и влажным. Мы шли домой по тихим улицам. Тишину нарушал только монотонный стрекот насекомых. Меня все время не покидало ощущение, что из ветвей за нами следит Люцифер. Теперь, когда он получил свободу, никакая на свете сила не могла загнать его обратно в деревянный ящик.

Один раз мне показалось, будто я снова ощущаю запах пылающего креста, дым от которого вьется над крышами домов. Но, должно быть, кто-то просто жарил сосиски в своем саду.

Глава 6

МАМА НЕМО И НЕДЕЛЯ С ДЕДУШКОЙ ДЖЕЙБЕРДОМ

А лето, как обычно, шло своим чередом.

Преподобный Блессет попытался и дальше раздувать праведный гнев, но дело закончилось несколькими письмами читателей «Журнала», требовавших запретить продажу пластинки с песней. Вся энергия преподобного обратилась в отработанный пар. Возможно, причиной этого были длинные, наполненные бездельем июльские дни, может быть, внимание было привлечено к тайне горящего креста перед домом Леди. Не исключено, что люди сами послушали знаменитую песню и составили о ней собственное мнение. Так или иначе, жители Зефира поняли, что склочная кампания, затеянная преподобным, не имела никаких серьезных оснований. А потом Блессет и во все получил нокаутирующий удар: мэр Своуп нанес ему визит и потребовал прекратить пугать людей демонами, которых нет нигде, кроме головы преподобного.

Что касается Люцифера, то его видели после этого многие: он скакал по ветвям деревьев то тут, то там. Банановый торт, остывавший на окошке дома Сони и Катаринны Гласс, непонятным образом оказался безнадежно изгаженным. Раньше я бы сказал с уверенностью, что без

Брэнлинов тут не обошлось, но последние недели Брэнлины залегли на дно и вели себя очень тихо. Люцифер же обитал на больших высотах. Несколько человек из добровольной пожарной команды шефа Марчетта предприняли попытку изловить Люцифера в сеть, но все их старания увенчались лишь фонтаном обезьяньего дерьма, обильно оросившим их одежду. Люцифер был отлично экипирован со всех сторон, имея верный глаз спереди и устойчивую струю сзади. Посмеиваясь над незадачливыми ловцами, отец сказал, что это весьма надежный способ самозащиты, но мама заметила, что от одной мысли о свободно бегающей по городу обезьяне ей становится дурно.

Днем Люцифер прятался в листве и никого не беспокоил, но с наступлением ночи приходила его пора. Он вопил так пронзительно, что будил спящих даже на Полутер-Хилл. Не раз и не два я слышал треск ружейных выстрелов: это означало, что кому-то надоел шум, поднятый Люцифером. В него стреляли множество раз, но пули его миновали. После ночной пальбы поднимался собачий лай, и заснуть оказывалось вовсе невозможно. Городской совет Зефира даже принял постановление, запрещавшее ружейную стрельбу после восьми вечера. Вскоре Люцифер научился колотить палками в мусорные баки, причем особенно усердствовал под утро, между тремя и шестью часами. Он не притронулся к грозди отравленных бананов, специально положенных под куст мэром Своупом, и обходил провололочные ловушки. Он полюбил оставлять свои коричневые росписи на свежесмытых автомобилях, а однажды, свалившись с дерева прямо на голову следовавшего своим обычным маршрутом мистера Джеральда Харджисона, отгрыз у нашего почтальона кусочек уха. Мистер Харджисон сам рассказал об этом моему от-

цу, сидя на нашем крыльце и покуривая манильскую сигару в пластиковом мундштуке. Его заметно уменьшившееся левое ухо было забинтовано.

— Жаль, что при мне не было ружья, а то я бы обязательно подстрелил этого маленького ублюдка,— сказал мистер Харджисон.— Но он быстр, как черт, нужно отдать ему должное. Куснул меня и был таков, я его толком и не разглядел.

Мистер Харджисон улыбнулся и покачал головой.

— Что за времена настали: нельзя днем спокойно пройтись по улице, того и гляди на тебя набросится проклятая обезьяна.

— Скоро ее поймают,— подал голос отец.

— Может быть, и так,— отозвался мистер Харджисон, пыхнув дымком и глядя, как голубое облачко тает в воздухе.— Знаешь, что я думаю, Том?

— Что?

— Что-то в ней есть необычное, дьявольское, вот что я думаю.

— С чего ты взял?

— А вот с чего. Почему эта обезьяна так и осталась здесь, в Зефире, а не ушла устраивать переполох в Братоне?

— Не знаю,— ответил отец.— Я об этом даже не думал.

— Я скажу тебе почему. Наверняка тут не обошлось без этой бабы.

— О ком ты говоришь, Джеральд?

— Перестань, Том, ты же все понимаешь.— Мистер Харджисон мотнул головой в сторону Братона.— Это ее проделки. Их королеввы.

— Ты имеешь в виду Леди?

— Точно. Ее самую. Сдается мне, что она наслала на нас какое-то проклятие, из-за того... ну, в общем... ты понимаешь... из-за того, что недавно случилось.

— Из-за сожженного креста? — закончил отец.

— Угу.

Мистер Харджисон отодвинулся в тень, потому что солнце добралось до его коленей.

— Она устроила какой-нибудь ритуал, свое вуду-шмуду, вот что я думаю. И теперь никто не сможет изловить эту проклятую обезьяну, тут точно дело нечисто, говорю тебе, Том. Прошлой ночью эта тварь орала у меня под окнами, словно дух — вестник смерти. Линду Лу едва удар не хватил.

— В том, что обезьяна гуляет по городу, виноват один преподобный Блессет и никто другой, — напомнил отец, — Леди к этому отношения не имеет.

— Но ведь в этом нельзя быть до конца уверенным? — Мистер Харджисон стряхнул пепел в траву и вернул мундштук в рот. — Мы ведь не знаем, какая сила ей подчиняется. Клянусь, клан правильно взял ее на заметку. Нам здесь не нужна эта старуха. Ни она, ни ее петиции.

— Я не желаю иметь ничего общего с кланом, Джеральд, — сказал отец. — И никогда не стал бы поджигать кресты. По-моему, это удел трусов.

Услышав это, мистер Харджисон тихонько усмехнулся, из его полукрытого рта выскользнул клубочек дыма.

— Не знаю, есть ли вообще в Зефире клан, — отозвался он. — Но кое о чем я недавно слышал.

— Что именно?

— Да... просто всякие разговоры. У меня такая работа, что волей-неволей услышишь много всякой болтовни. Люди говорят, что ребята из клана решили: пора Ле-

ди предупредить. Потому что, Том, многим кажется, что настало время выставить ее отсюда, пока она не перевернула все в Зефире вверх дном.

— Леди живет здесь с незапамятных времен, и до сих пор ничего с Зефиром не случилось.

— До сих пор она помалкивала. А теперь обнаглела и качает права. Цветные и белые должны купаться в одном бассейне, только представь себе! Знаешь что, Том? По-моему, этот размазня мэр Своуп склонен пойти ей на уступки — позволить все, что она только потребует.

— Ну, — отозвался отец, — времена меняются. Раньше или позже перемены неизбежны.

— Господи, Том! — воскликнул мистер Харджисон. — Уж не заодно ли ты с ней? На чьей ты стороне?

— Я ни на чьей стороне, Джеральд. Единственное, что я хотел сказать: нам тут в Зефире не нужны ни овчарки, ни брандспойты, ни бомбы террористов. Дни Булла Коннора* давно миновали. Я ничего не имею против того, что времена меняются, — таково положение вещей в этом мире. — Отец пожал плечами. — Перед будущим мы бессильны, Джеральд. Оно придет и нас не спросит. Ничего тут не попишешь.

— Уверен, что ребята из клана могут тут с тобой поспорить. У них совсем другая точка зрения.

— Может быть. Но их дни сочтены. А ненависть всегда порождает только еще большую ненависть.

Мистер Харджисон несколько минут сидел молча. Его взгляд был устремлен на крыши Братона, но что он пытался там увидеть, трудно было понять. Наконец он под-

* Булл Коннор — комиссар полиции в Бирмингеме, штат Алабама, который направил на протестовавших чернокожих, включая Мартина Лютера Кинга, воду из брандспойтов и цепных собак.

нялся и, подхватив свой сумку с письмами, закинул ее на плечо.

— Раньше ты мне казался разумным парнем, Том,— сказал он на прощание и двинулся к своему грузовичку.

— Эй, Джеральд! Погоди-ка минутку. Вернись, прошу тебя! — крикнул вслед мистеру Харджисону отец, но тот даже не оглянулся.

Отец и мистер Харджисон учились в школе Адамс Вэлли в одном классе, и хотя никогда не были близкими друзьями, дороги юности у них была общими. Отец рассказывал, что мистер Харджисон играл в футбольной команде и его имя, выбитое на серебряной табличке, висит теперь на стене почета школы.

— Эй, Большой Медведь! — снова позвал отец, вспомнив школьное прозвище мистера Харджисона.

Но тот молча бросил окурок сигары в канаву, завел свой грузовичок и укатил.

Настал день моего рождения. Я пригласил Джонни, Дэви Рэя и Бена на мороженое и торт, украшенный двенадцатью свечами. Пока мы угощались тортом в гостиной, отец положил праздничный подарок на мой письменный стол.

Еще до того как я его обнаружил, Джонни пришлось уйти домой. Его все еще иногда мучили головные боли и приступы головокружения. Джонни подарил мне два отличных белых наконечника от стрел из своей коллекции. Дэви Рэй принес мне модель Мумии, а Бен подарил пакетик маленьких пластмассовых динозавров.

А в комнате на моем столе стояла пишущая машинка «ройял», серая, как линкор, в ее каретку был вставлен белоснежный лист бумаги.

Пробег этой машины составлял уже немало миль. Часть клавиш была вытерта, на боку, прямо на краске, было вы-

царапано «П. Б. З». Позже я узнал, что это значит «публичная библиотека Зефира»: машинку приобрели на распродаже старого имущества. Буква «е» застревала, точка над «і» отсутствовала. И вот вечером, в сгущающихся сумерках я сел за свой письменный стол, отодвинул в сторону жестянку с карандашами «тикондерога» и с колотящимся сердцем старательно напечатал на листе бумаги собственное имя.

Так я вступил в эру высоких технологий.

Довольно скоро я понял, что печатание на машинке — дело нелегкое. Мои пальцы оказались очень неловкими — придется их тренировать. Этим я и занялся, просидев над машинкой до глубокой ночи, пока мама не велела мне ложиться спать. КОРИ ДЖЭТ МАККЕНСОН. ДЭВИ РЕЙ КАЛКАН. ДЖИММИ КВИЛСОН. СТАРЫЙ МОСИС. ЛЕДИ. ГОРЯЩИЙ КРЕСТ. БРЕМКИНСЫ. ШЛЯПА С ЗЕЛЕНЫМ ПЕРОМ. ЗИФИР. ЗЭФИР. ЗЕФИР.

Мне предстояло пройти очень долгий путь к совершенству, но я уже чувствовал энтузиазм героев вестернов и храбрых индейцев, мощь воинских подразделений, полчищ детективов и отрядов монстров, которые возникали в моем воображении, изо всех сил стремясь появиться на свет и излиться на бумагу.

Однажды днем я катался на Ракете, радуясь свежести воздуха после дождя, и внезапно обнаружил, что нахожусь у дома Немо Керлисса. Сам он гулял во дворе — подбрасывал бейсбольный мяч в воздух и ловко ловил его, когда тот со свистом мчался вниз. Я поставил Ракету на подножку и предложил Немо немного покидать мячик. На самом деле мне просто хотелось еще раз увидеть Немо в деле. Мальчик с совершенной рукой, какой бы хрупкой

она ни выглядела, воистину был осенен десницей Господней. Довольно скоро я пристал к нему, чтобы он попал мячом в дупло дуба, находившегося через улицу. Немо запулил мяч точно в требуемую цель, да не один, а целых три раза, и я едва не упал на колени, готовый чуть ли не боготворить его.

Потом зазвенел колокольчик, открылась входная дверь, и на крыльце появилась мама Немо. Я заметил, как под стеклами очков глаза Немо дрогнули, словно в ожидании удара.

— Немо! — позвала его мама голосом, напомнившим мне жужжание выпускающей жало осы. — Я, кажется, запретила тебе бросать мяч? Я все видела через окно, молодой человек!

Мама Немо сбежала по ступенькам крыльца и обрушилась на нас как ураган. У нее были длинные темно-каштановые волосы, может быть, когда-то ее можно было назвать миловидной, но теперь в ее лице появилась какая-то жесткость. У нее были пронзительные карие глаза с глубокими морщинками в углах и густо наложенный макияж в оранжевых тонах. На ней были обтягивающие черные бриджи и белая блузка с узором в крупный красный горошек, на руках — желтые резиновые перчатки. Помада на ее губах — настолько красная, что я поразился, увидев рот такого цвета. Слишком причудливый вид для домохозяйки.

— Подожди, вот отец узнает! — добавила она.

«Узнает о чем?» — удивился я. Ведь Немо ничего плохого не сделал, просто играл на улице около дома.

— Я ведь не упал, — сказал Немо.

— Но ты *мог* упасть! — резко бросила его мама. — Ты же знаешь, какие хрупкие у тебя кости! Если ты упадешь

и сломаешь себе что-нибудь, что мы будем делать? Где найдем деньги на лечение? Честное слово, Немо, иногда мне кажется, что у тебя не все в порядке с головой!

И тут ее глаза обратились на меня, их свет напомнил мне сияние тюремных прожекторов.

— А *ты* кто такой?

— Это Кори. Мой друг.

— Друг. Ага.

Миссис Керлисс осмотрела меня с головы до ног. Поэтому, как поджались ее губы и сморщился нос, мне показалось, что она приняла меня за прокаженного.

— Какой такой Кори?

— Маккенсон,— ответил я ей.

— Твой отец покупает у нас рубашки?

— Нет, мэм.

— Друг.— Суровый взгляд миссис Керлисс снова обратился к Немо.— Ведь я же просила тебя не перегреваться на солнце, Немо. И не играть в мяч.

— Я не перегрелша, мама. Я прошто...

— Ты просто не слушаешься меня, вот и все,— оборвала его мама.— Господи боже мой, настанет ли в этой семье когда-нибудь порядок! Должен же быть хоть какой-то порядок, какие-то *правила*! Твоего отца целый день нет дома. Когда он возвращается, то тратит денег больше, чем может себе позволить, а ты так и норовишь сломать руку или ногу и сводишь меня с ума!

Тонкая кожа на лице миссис Керлисс туго обтянула кости, в глазах появился нестерпимый блеск.

— Разве я не напоминаю тебе постоянно, что ты *блезненный* мальчик? Достаточно сильного порыва ветра, чтобы сломать тебе руку!

— Шо мной вше в порядке, мама,— отозвался Немо. Его голос звучал очень тихо, и сам он выглядел жалко. На его затылке выступил пот.— Чештно.

— Ты будешь твердить это, пока тебя не принесут домой с сердечным приступом. Или пока не упадешь и не выбьешь себе зуб. Кто, скажи на милость, будет оплачивать счет дантиста — наверно, не отец твоего дружка?

Миссис Керлисс вновь смерила меня презрительным взглядом.

— Поразительно, неужели в этом городке никто не носит хорошие рубашки? Умело сшитые белые рубашки, неужели они тут никому не нужны?

— Нет, мэм,— чистосердечно признался я.— Думаю, что никому.

— Понятно, мой маленький денди,— проговорила она. В голосе миссис Керлисс не было и намека на веселье. Ее ухмылка была раскаленной докрасна, как полуденное солнце, и на нее было так же больно смотреть.— Вас что, еще не коснулась цивилизация?

Она схватила плечо Немо затянутой в желтую перчатку рукой.

— Давай-ка в дом! — приказала она ему.— Сию же минуту!

Мама Немо поволокла его к крыльцу, и он оглянулся на меня с выражением печали и сожаления на лице.

Я должен был спросить ее о том, о чем давно хотел. Просто обязан...

— Миссис Керлисс? Может быть, вы разрешите Немо играть за младшую лигу?

Поначалу я думал, что она собирается уйти, не ответив, не обратив на меня внимания. Но она неожиданно

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

остановилась у ступеней крыльца и резко повернулась ко мне. Ее глаза от ярости превратились в щелки.

— Что ты сказал?

— Я... спросил вас... почему бы вам не позволить Немо играть за младшую лигу. Я хотел сказать... у него совершенная ру...

— Мой сын — *хрупкое* создание, неужели ты еще не уяснил? Ты вообще понимаешь, что означает это слово?

Не дав мне раскрыть рта, она начала кричать:

— Это означает, что у него слабые и хрупкие кости! Это означает, что он не может бегать и безобразничать с другими детьми. Он не *дикарь*, как другие мальчишки!

— Да, мэм, но...

— Немо не такой, как вы все! Он другой породы, как вы этого не поймете? Он воспитанный и цивилизованный мальчик и не станет, как вы, валяться в грязи, словно дикий зверь!

— Но мне казалось, что ему... может понравиться...

— Послушай, мальчик! — снова прервала меня миссис Керлисс, похоже готовая сорваться на визг. — До каких пор ты будешь стоять на моей лужайке и объяснять мне, что хорошо и что плохо для моего сына? Ведь не ты сходил по ночам с ума, когда Немо было три года и он чуть не умер от пневмонии. А где был его отец, ты знаешь? Его отец, как обычно, был в дороге, пытался продать свой товар, чтобы мы могли удержаться на плаву! Но мы все равно лишились нашего дома, прекрасного дома с цветами на окнах! И никто не помог нам! Никто из добродетельных прихожан не помог нам! Ни один человек, можешь себе представить? Мы потеряли наш замечательный дом, где на заднем дворе была похоронена моя собака!

Лицо миссис Керлисс задрожало, на мгновение под маской раздражения и гнева я заметил отблеск настоящего, разрывающего сердце отчаяния и горькой обиды. Она говорила все это, ни на секунду не отпуская плечо Немо. Потом маска снова восстановила свою целостность, и миссис Керлисс презрительно рассмеялась.

— Я знаю, что ты за мальчик! Я много таких перевидала во всех городках, где нам приходилось жить! Вы только и думаете, как бы обидеть Немо, а сами смеетесь за его спиной! Вы испытываете радость, когда он падает и разбивает себе коленку, вам нравится слышать, как он шепелявит,— это кажется вам смешным. Так знайте: вам придется поискать другой объект для издевательств, потому что мой сын не станет с вами водиться!

— Я и не думал над ним издеваться!

— Убирайся в дом! — заорала миссис Керлисс на Немо и пихнула его в спину по направлению к крыльцу.

— Мне нужно идти,— сказал Немо, отчаянно стараясь сохранить видимость достоинства.— Извини, Кори.

Сетчатая дверь затворилась за его спиной. Потом раздался финальный стук внутренней двери.

Птицы продолжали щебетать, глупые в своем счастье. Я стоял на зеленой лужайке Керлиссов, моя черная тень лежала на траве как выжженный след. Я увидел, как на окнах, выходящих на улицу, опустились жалюзи. Не о чем было больше говорить и делать больше было нечего. Я оседлал Ракету и покатил к дому.

Когда я ехал и летний душистый воздух бил мне в лицо, а позади меня кружились вихри пыли и тучи комаров, мне пришло в голову, что не все тюрьмы на свете представляют собой мрачные серые здания со сторожевыми вышками по бокам и рядами колючей проволоки. Иногда

тюрьмы — это обычные дома с закрытыми шторами, не пропускающими внутрь ни единого луча солнечного света. Некоторые тюрьмы — это клетки из хрупких костей с узорчатыми решетками в красный горошек. Невозможно сказать, что за тюрьма перед вами, пока вы не узнаете, какой узник томится внутри. Такие мысли роились в моей голове, когда Ракета вдруг резко вильнула в сторону, чтобы избежать столкновения с Верноном Такстером. Уверен, что золотой глаз Ракеты мигнул от удивления при виде мужчины, разгуливающего по городу голышом.

Прошел июль, похожий на сон в летний полдень. Все эти дни я занимался, как у нас говорили, «ничего неделанием». Джонни Уилсон шел на поправку: голова у него почти перестала кружиться, и ему разрешили присоединиться ко мне, Дэви Рэю и Бену в наших прогулках в окрестностях города. Но Джонни было наказано соблюдать осторожность, потому что, по словам дока Пэрриша, травмы головы проходят очень не скоро и требуют длительного наблюдения. Джонни и прежде был самым тихим и спокойным из нас, а теперь, как я заметил, его движения еще больше замедлились. Обычно Джонни занимал место в хвосте нашей велосипедной процессии, даже позади неуклюжего толстяка Бена. С тех пор как Брэнлины жестоко избили его, Джонни словно повзрослел на несколько лет и как будто отдалился от нас, хотя мне это трудно объяснить. Я думаю, перемены в Джонни были связаны с тем, что ему довелось вкушать горьких плодов боли и обиды и часть того волшебного беззаботного взгляда на мир, что отличает детей от взрослых, навсегда исчезла. Как бы он ни налегал теперь на педали своего велика, он не мог вернуть прежнюю магию детства. В свои юные годы Джонни заглянул в черную дыру смерти, в которой отчетливо увидел то, что нам, его беспечным друзьям, не

дано было видеть: как летнее солнце уже не светит ему и не отбрасывает его тень на землю.

Мы сидели в тени льдохранилища, обдуваемые несшейся из его снежных легких — морозильных камер — прохладой, и говорили о смерти. Эту тему первым затронул Дэви Рэй, поведавший нам, что не далее как вчера его отец сбил на дороге кошку. Когда они приехали домой, часть внутренностей кошки так и не отлепилась от передней шины. Мы сошлись на том, что у собак и котов есть собственный рай, и задались вопросом, есть ли у них свой ад. «Нет, — предположил Бен, — потому что звери не грешат». «А как быть, когда собака взбесится и начинает кусать всех направо и налево, после чего ее приходится усыпить? — поинтересовался Дэви Рэй. — Разве это не смертный грех?» Но ответа на этот вопрос мы не нашли.

— Иногда, — сказал Джонни, который сидел под деревом, прислонившись спиной к его стволу, — я достаю свои наконечники стрел, смотрю на них и думаю о тех, кто их сделал. Мне порой кажется, что призраки этих людей бродят где-то рядом и ищут, куда упали их стрелы. Может, они ищут свои потерянные стрелы. Их больше нет, потому что они все у меня.

— Ну ты даешь! — вскричал Бен. — Никаких призраков не существует, все это сказки! Верно, Кори?

Я пожал плечами. Я никогда не рассказывал друзьям о Полночной Моне, с которой встретился на дороге в лесу. Если мои приятели не захотели поверить в то, что я одолел Старого Мозеса, воткнув ему в глотку метлу, то в шофера-призрака на призрачной машине они тем более не поверят.

— Отец говорит, что есть призрак по имени Перво-снег, — подал голос Дэви. — Его никто не может подстрелить, потому что он и так давно мертвый.

— Никаких призраков нет,— упрямо продолжал гнуть свое Бен.— Все это треп, и Первоснега твоего тоже нет.

— Нет, есть! — Дэви был полон решимости защищать рассказанную отцом легенду.— Папа говорил, что наш дед однажды, когда был маленьким, видел Первоснега своими глазами. А еще отец рассказывал о человеке с бумажной фабрики, знакомый которого тоже видел Первоснега! Тот стоял на опушке леса, огромный, даже представить страшно. Человек выстрелил в него, но Первоснег умчался так быстро, что пуля не смогла его догнать!

— Все это враки,— упрямо твердил Бен.— Призраков не бывает!

— Бывает!

— Не бывает!

— Бывает!

— Не бывает!

В таком ключе наша дискуссия могла продолжаться весь день. Я поднял с земли сосновую шишку и запустил ею Бену в живот, так что тот аж взвыл от негодования, вызвав всеобщий смех. Первоснег был легендой и тайной мечтой всего охотничьего сообщества Зефира. Как утверждало предание, где-то в чаще леса, раскинувшегося между Зефиром и Юнион-Тауном, обитал огромный белоснежный олень с рогами до того большими и раскидистыми, что на них можно было качаться, как на ветвях дуба. Каждый год в начале охотничьего сезона кто-нибудь видел Первоснега, и всякий раз очевидец клялся, что олень взмывал в воздух и исчезал в листве своего лесного царства. Целые отряды охотников отправлялись с ружьями, чтобы выследить Первоснега, но всякий раз возвращались ни с чем, ограничиваясь рассказами о следах гигантских копыт и

свежесодранной коре там, где рога Первоснега задевали деревья. Белый олень был неуловим. Думаю, на самом деле никто из охотников не хотел подстрелить Первоснега, потому что белый олень-гигант, если он действительно бродил в чаще леса, был для них символом всего таинственного и недостижимого, что составляет основу жизни. Первоснег был созданием, которое скрывается в лесной чаще, лишь иногда появляясь на усеянной пестрой осенней лиственной поляне. Первоснег был вечной молодостью, связующей нитью между дедами, отцами и сыновьями, великим ожиданием будущей охоты, дикой природой, которая никогда не покорится человеку. Мой отец никогда не увлекался охотой, поэтому легенда о Первоснеге редко звучала в нашей семье, в отличие от семьи Дэви Рэй. У его отца всегда был наготове «ремингтон», стоило лишь ударить первому утреннему морозу.

— В этом году отец возьмет меня с собой на охоту, — сообщил нам Дэви Рэй. — Он твердо обещал. Посмотрим, будете ли вы смеяться, когда мы притащим из леса Первоснега.

Я сильно сомневался в том, что, увидев Первоснега, Дэви Рэй или его отец решатся нажать на курок. У Дэви было собственное небольшое ружье для подростков, из которого он иногда стрелял по белкам, но ни разу ни одну не подстрелил.

Жуя травинку, Бен подставил лицо прохладному сквозняку, доносящемуся до нас из льдохранилища.

— Сейчас мне больше всего хотелось бы узнать другое, — сказал он. — Кто все-таки этот мертвец в автомобиле, что лежит на дне озера Саксон?

Я обхватил колени руками и принялся рассматривать ворон, круживших в небе у нас над головами.

— Таинственная история,— продолжал Бен.— Но ведь твой отец видел, как тот парень тонул, а теперь он лежит на дне в тине, и его едят черепахи. Что скажешь, Кори?

— Не знаю,— отозвался я.

— Но ты-то сам что думаешь об этом? — не унимался Бен.— Ты же был там и все видел?

— Да, был. Но стараюсь об этом не вспоминать.

Конечно, я не стал рассказывать им, что редкий день не вспоминаю об автомобиле, скатившемся в озеро прямо перед нашим пикапом, о том, как отец бросился в воду, а я заметил в лесу зловещую фигуру незнакомца в шляпе с зеленым пером и ножом в руке.

— Тут что-то нечисто, это наверняка,— высказал свое мнение Дэви Рэй.— Почему этого парня никто не знает, никто не ищет?

— Это потому, что он нездешний,— подал голос Джонни.

— Шериф думал об этом,— ответил я.— Он обзвонил кучу городов.

— Да,— отозвался Бен,— но ведь он не мог позвонить во *все* города? В Калифорнию и на Аляску он ведь не звонил?

— Вот балбес! Скажи, пожалуйста, что парню из Калифорнии или с Аляски делать в нашем Зефире? — с вызовом бросил Дэви Рэй.

— Да мало ли что! Даже ты не можешь все знать, мистер Умник!

— Балбеса я всегда отличу, это точно!

Бен набрал в легкие воздуха, чтобы выдать достойный ответ, но тут снова встрял Джонни:

— А может, тот парень был шпионом?

Услышав такое, Бен прикусил язык.

— Шпион? — поразился я. — Но что делать шпиону у нас в округе?

— Да мало ли что! Авиабазы Роббинс, к примеру. — Джонни принялся щелкать костяшками пальцев. — Может, он был русским шпионом. Что, если он следил за тем, как наши самолеты сбрасывают бомбы на цели? А вдруг у нас тут вообще происходит что-то такое, о чем мы понятия не имеем?

Мы все потрясенно замолчали. В Зефире убит русский шпион? При этой мысли сердце замирало от сладкого страха.

— А кто же тогда убил этого парня? — спросил Дэви Рэй. — Другой шпион?

— Может, и так. — Джонни несколько секунд обдумывал сказанное, слегка склонив голову в сторону. Веко его левого глаза чуть подергивалось — еще одно последствие недавней травмы. — Или, может быть, человек, утонувший в Саксоне, был американским контрразведчиком, а убил его, наоборот, русский шпион, потому что наш парень его раскрыл.

— Вот это да! — засмеялся Бен. — И кто же тогда тут у нас русский шпион?

— Откуда я знаю? — ответил Джонни, и Бен перестал смеяться. Джонни оглянулся на меня. — Твой отец говорил, что этот парень в машине был совершенно голый?

Я кивнул.

— Знаешь, что это может означать?

Я отрицательно покачал головой.

— А то, что тот, кто его убил, все предусмотрел и раздел свою жертву, чтобы ничего не всплыло на поверхность. И еще то, что сам он здешний: ведь он знал, насколько глубоко озеро Саксон. А убитый узнал какую-то тайну.

— Тайну? — наострил уши Дэви Рэй. — О какой тайне ты говоришь?

— Я бы сам хотел это знать, — ответил Джонни. — Но тайна здесь есть, это точно.

Его темные индейские глаза снова уставились на меня.

— Твой отец сказал, что этот человек в автомобиле был зверски избит, как будто его долго пытали. Почему его так сильно избили?

— И почему же? — спросил я.

— Убитого пытали, хотели выбить из него какую-то тайну, это ясно как день. Как в фильмах про шпионов, где плохой парень привязывает хорошего к стулу и бьет, чтобы узнать секретный код.

— Какой секретный код? — спросил Дэви Рэй.

— Это я сказал просто для примера, — объяснил Джонни. — Но я уверен, что если хотят кого-то срочно убрать, его не станут пытаться без всякой причины.

— Но ведь могло случиться так, что его просто забили до смерти.

— Нет, — ответил я. — У парня в машине на шее была струна, его задушили. Если он был уже мертв, зачем тогда его было душить?

— Господи! — вздохнул Бен и сорвал себе травинку пожевать. Над головой у нас каркали и били крыльями вороны. — Выходит, у нас в Зефире живет убийца, который к тому же может оказаться русским шпионом!

Внезапно он перестал жевать травинку.

— Эй! — позвал он нас: новая мысль пронзила его мозг подобно разряду молнии. — А что теперь мешает ему совершить новое убийство?

Я понял, что пришло мое время. Прочистив горло, я поведал ребятам о таинственной фигуре в лесу рядом с

озером, о найденном зеленом перышке и о человеке в шляпе с зеленым пером, которого я видел во время наводнения.

— Я не сумел разглядеть его лицо, но я точно заметил зеленое перо на его шляпе и видел, как он вытащил нож из кармана пальто. Я думаю, он хотел подкрасться сзади к моему отцу и ударить его ножом в спину. Может быть, он и пытался это сделать, но понял, что не уйдет безнаказанным. Видно, он затаил зло, потому что отец рассказал шерифу Эмори про машину, которая свалилась в озеро. Может, он знал, что я *видел* его тогда на опушке. Но его лица я не разглядел и не имею ни малейшего представления о том, кто это был.

Когда я закончил, мои друзья какое-то время сидели молча. Первым раскрыл рот Бен:

— Почему ты не рассказал нам об этом раньше? Ты боялся, что мы станем болтать?

— Я хотел рассказать вам, но после того, что случилось со Старым Мозесом...

— Только не заводи эту шарманку снова,— предупредил Дэви Рэй.

— Я не знаю, кто такой человек в шляпе с зеленым пером,— проговорил я.— Он может оказаться кем угодно. Даже тем... кого мы все отлично знаем и о ком никто из нас не подумает ничего плохого. Отец говорит, что узнать людей до конца невозможно, в каждом есть что-то скрытое от посторонних глаз.

Мои друзья, взбудораженные этими невероятными новостями, с радостью примеряли на себя роль детектива. Все обещали зорко смотреть по сторонам в поисках человека в шляпе с зеленым пером и держать язык за зубами: ни о чем не рассказывать даже своим родителям, ко-

торые могли, сами того не желая, предупредить убийцу. Я вздохнул с облегчением, словно сбросил ношу с плеч, хотя внутреннее беспокойство не исчезло. Кто был человек, которого, по словам мистера Доллара, убил Донни Блэйлок? Что означала фортепианная музыка в снах Леди, о которых она рассказывала моей маме? Отец так и не согласился сходить к Леди, и иногда я слышал, как он ночью кричит во сне. Я знал, что хотя тот злоеущий рассвет давно минул, но события того дня не забыты и воспоминания о прикованном к рулю мертвеце еще долго будут мучить отца. Я подозревал, что он ходил на берег озера Саксон, хотя ничего не говорил мне об этом: я не раз замечал красную землю, которую он соскребал с ботинок, перед тем как подняться на крыльцо.

На гребне душливой жары пришел август. Проснувшись однажды утром, я вдруг понял, что скоро мне предстоит провести целую неделю в компании дедушки Джейберда, и эта мысль заставила меня немедленно натянуть на голову простыню.

Но увы, никому не дано повернуть время вспять. Даже чудовища со стен не могли мне помочь. Каждый год летом, хотел я того или нет, я должен был проводить неделю у дедушки Джейберда и бабушки Сары. Этот обычай был заведен по требованию дедушки Джейберда. Несколько уик-эндов в году я проводил в гостях у дедушки Остина и бабушки Элис, но визит к дедушке Джейберду был апофеозом безумной эксцентричности.

Однако в этом году я собирался заключить с родителями сделку. Уж если мне суждено отправиться на ферму, где дедушка Джейберд будет сдергивать с меня одеяло в пять утра, а в шесть — выгонять с газонокосилкой на лужайку, то я вправе попросить у родителей разреше-

ния отправиться в поход с ночевкой вместе с Дэви Рэем, Беном и Джонни. Но когда я сказал об этом отцу, он ответил, что подумает. Это было самое большее, на что я мог надеяться. Итак, попрощавшись с Бунтарем, я забрался в наш пикап, и папа с мамой вывезли меня из Зефира за город вместе с чемоданом. Свернув на грязную и колдобистую дорогу, идущую через кукурузное поле, мы вскоре добрались до фермы моего дедушки.

Бабушка Сара, несомненно, была милой женщиной. А дедушка Джейберд, как я подозреваю, в молодые годы был изрядным гулякой, человеком предприимчивым, энергичным, обладавшим грубоватым обаянием. Однако с каждым годом его винтики все больше разбалтывались. Отец прямо говорил, что, мол, дедушка Джейберд съезжает с катушек. Мама же говорила, что он просто немного эксцентричен. Что касается меня, то я считал его тупым, злобным старикашкой, который воображает, что весь мир крутится вокруг него, но в одном я должен признаться честно: не будь дедушки Джейберда, я бы никогда не написал свой первый рассказ.

Сроду не видел, чтобы дедушка Джейберд был добр к кому-то, никогда не слышал от него ласкового слова о своих жене и сыне. В его обществе я ощущал себя так, будто являюсь его собственностью (слава богу, временной). Его настроения были переменчивыми, как фазы Луны. Но при этом дедушка Джейберд был прирожденным рассказчиком: стоило ему начать повествование о домах с привидениями, одержимых демонами воронах, индейских кладбищах или собаках-призраках, вам оставалось только слушать его с раскрытым ртом.

Мрачные темы были его коньком. Дедушка Джейберд отличался природной смекалкой, но был совершен-

но не способен к учению и в свое время не сумел осилить даже четырех классов. Иногда я поражался, как моему отцу удалось выйти в люди и стать тем, кем он стал, после семнадцати лет, проведенных в мрачной тени дедушки Джейберда. Как я уже говорил, у деда начала ехать крыша вскоре после моего появления на свет. Полагаю, что разумное начало передалось мне главным образом по линии бабушки. Я никогда не мог знать заранее, какие страдания мне предстоит вытерпеть на этот раз, но можно было быть уверенным: меня ждут нелегкие испытания.

Дом дедушки Джейберда был уютным и удобным для жилья, хотя и не представлял собой ничего особенного. На принадлежавшей дедушке земле кроме чахлого кукурузного поля имелись просторный огород и лужайка. Вокруг простирался лес, где дедушка охотился.

Бабушка Сара была по-настоящему рада нашему приезду и пригласила нас пройти в гостиную, где жаркий воздух разгонялся электрическим вентилятором. Вскоре в гостиной появился и сам дедушка Джейберд, облаченный в комбинезон. В руках он держал стеклянный кувшин с золотистой жидкостью, которую отрекомендовал как «медовый чай».

— Я выбраживал его две недели, — объявил он. — Хотел, чтобы настоялся как следует. Вот, отведайте.

У дедушки были наготове большие глиняные чашки. Он разлил напиток.

Должен сказать, что чай был совсем не плох. Все, кроме самого дедушки Джейберда, выпили по второй чашке. Вероятно, дедушка знал взрывную силу своего напитка. Потом я чуть ли не подняв почти безвылазно провел в уборной с ощущением, что мои внутренности выворачиваются наизнанку. По рассказам отца и мамы, дома с

ними творилось приблизительно то же самое. Бабушка Сара, чей организм наверняка был привычен к дедушкиному пойлу, проспала как убитая все то время, пока я страдал животом. Только посреди ночи она вдруг издала высокий душераздирающий крик, от которого могли подняться волосы на затылке.

Настало время родителям возвращаться домой, в Зефир. Я почувствовал, как переменился в лице. Должно быть, я выглядел как побитый щенок, потому что мама обняла меня на крыльце и шепнула на ухо:

— Все будет в порядке, Кори. Позвони мне сегодня вечером, хорошо?

— Хорошо, — поклялся я и долго смотрел вслед, пока поднятая с дороги пыль не осела на коричневых стеблях кукурузы. «Всего одна неделя, — сказал себе я. — Всего одна неделя, это совсем немного».

— Эй, Кори! — позвал из своего кресла-качалки дедушка Джейберд. Он ухмылялся: это был плохой знак. — Слушай анекдот! Заходят три гитариста в бар. Первый гитарист говорит: «Эй, налейте-ка мне!» Бармен оглядел его с головы до ног и отвечает: «Мы здесь музыкантам не наливаем». Тогда второй гитарист решил попытать счастья: «Налейте-ка мне!» Бармен поглядел на него: «Я же сказал: мы здесь музыкантам не наливаем, так что проваливайте отсюда!» Тогда третий гитарист, у которого в глотке было сухо, как в дьявольской печи, говорит: «Налейте-ка тогда мне!» Бармен прищурился и спрашивает: «А ты что, еще один долбаный музыкант?» А тот выпятил грудь и отвечает: «Боюсь, что нет, сэр».

Дедушка Джейберд зашелся от хохота, а я стоял перед ним и молча его разглядывал.

— Усек, парень? Усек? «Боюсь, что нет, сэр».

Заметив, что я сохраняю серьезный вид, дедушка намурился.

— Черт возьми! — выругался он. — У тебя начисто отсутствует чувство юмора, как и у твоего папаши!

Всего неделя. О господи!

Были две темы, на которые дедушка Джейберд мог говорить часами: о том, как он выжил во время Великой депрессии, когда он кем только ни работал: полировал гробы, был тормозным кондуктором на железной дороге, подсобным рабочим на ярмарке, а также о своем успехе у женщин в молодые годы: он, по его словам, был таким оглушительным, что сам Валентино* мог бы ему позавидовать. Эти похвалы могли бы произвести на меня впечатление, если бы я имел хоть малейшее представление, кто такой этот Валентино. Как только мы с дедушкой Джейбердом оказывались вне досягаемости ушей бабушки Сары, дедушка немедленно начинал рассказывать об «Эдит, дочери священника из Тупело», или о «Нэнси, племяннице кондуктора из Нэшвилла», или просто о какой-то «девчонке с выступающими вперед зубами, что постоянно сосала яблочные леденцы». Во всех рассказах неизменно упоминался дедушкин «джимбоб» и то, как все девчонки сходили по нему с ума. Обманутые мужья и ревнивые поклонники соблазненных девиц стаями гонялись за дедушкой Джейбердом, но он неизменно ловко обходил все ловушки, какими бы хитроумными они ни оказывались. Однажды он почти час провисел, ухватившись за ферму железнодорожного моста, над ущель-

* Валентино, Рудольф (1895–1926) — актер, танцовщик, звезда немого кинематографа.

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

ем на высоте в сотню футов, пока на мосту над ним стояли двое преследователей с дробовиками и вели разговор о том, как они живьем сдерут с него шкуру и прибьют гвоздями к дереву.

— Фокус был в том, что я перепортил всех тамошних девок, — закончил свой рассказ дедушка Джейберд, сладострастно жуя травинку. — Да, мы с моим «джимбобом» когда-то отлично повеселились.

Потом всякий раз дедушкины глаза заволакивала пелена печали, и молодой повеса с огненным «джимбобом» незаметно куда-то исчезал.

— Сегодня я не узнаю ни одну из тех девиц, если повстречаю их на улице. Нет уж, сэр. Теперь они все старухи, и мне неохота с ними знаться.

Дедушка Джейберд презирал сон. Быть может, это было навеяно мыслями о том, что недолго уже ему осталось ходить по этой земле. В пять утра, будь то дождь или солнце, он неизменно сдергивал с меня одеяло, при этом мне казалось, что надо мной проносится ураган. Над моим ухом гремел его глас:

— Вставай, приятель! Ты что, собираешься дрыхнуть весь день?

Мой ответ тоже не отличался оригинальностью.

— Нет, сэр, — бормотал я и принимал сидячее положение, а дедушка Джейберд поднимал бабулю, отдавая распоряжение стряпать завтрак, которого вполне хватило бы, чтобы подкрепить силы сержанта Рока и большей части его беспечного воинства.

Дальше, после завтрака, дни, которые я проводил у бабушки с дедушкой, текли по-разному. Я с одинаковой долей вероятности мог быть отправлен на огород с тяпкой и получить разрешение прогуляться к лесному пруду за

домом. В хозяйстве дедушки Джейберда было несколько дюжин цыплят, три козы, внешне очень напоминавших его самого, и по какой-то странной прихоти — кусачая черепаха по кличке Мудрость, которая обитала в большой железной бочке с илистой водой, стоявшей на заднем дворе. Однажды одна из коз сунула морду в черепашую бочку, и Мудрость цапнула ее так, что мало не показалось. Нередко во дворе дедушки Джейберда стоял шум и гам — «настоящий гадючник», как он сам называл тот хаос, который возник, после того как страдающая от жажды коза была укушена Мудростью. Дело кончилось тем, что коза ураганом промчалась по двору, сорвала с веревки только что развешанное бабушкой белье и, обмотанная простынями, принялась носиться по огороду, незадолго до того мною прополотому.

Особой гордостью дедушки Джейберда была коллекция скелетов маленьких зверушек, которые он тщательно реставрировал, соединяя косточки проволокой. Скелетики эти могли появиться в самых неожиданных местах, потому что дедушка имел отвратительную привычку класть экспонаты своей коллекции то вам под подушку, то внутрь ботинка, так что вы не могли их увидеть, пока на них не натыкались. Вы, конечно, вопили от ужаса, а он хохотал до упаду. Чувство юмора у дедушки Джейберда было, как бы это помягче сказать, несколько нестандартным. В среду днем он рассказал мне, как с неделю назад нашел неподалеку от дома гнездо гремучих змей и убил их всех лопатой. Вечером, укладываясь спать и с содроганием ожидая утренней пятичасовой пробудки, я внезапно услышала, как открылась дверь и из темноты донесся дедушкин шепот, тихий и зловеющий:

— Кори, ты меня слышишь? Ночью, если встанешь пописать, будь осторожен. Сегодня днем бабушка нашла

у тебя под кроватью только что сброшенную змеиную кожу. Здоровенная змея, судя по всему. Спи спокойно, внучок.

Сказав это, дедушка затворил дверь. Я же не сомкнул глаз до самого утра.

Спустя какое-то время я понял, что, подобно человеку, который, желая хорошо заточить нож, тщательно шлифует его острие, дедушка Джейберд доводит мои нервы до крайней степени напряженности. Быть может, он не отдавал себе отчета в своих действиях, но все выглядело именно так. Взять хотя бы эту историю со змеей. Я неподвижно лежал в темноте, чувствуя, как постепенно переполняется мой мочевого пузырь, и представлял себе всякие ужасы. Я воображал, как гремучая змея, свернувшись где-то в углу комнаты, дожидается, когда скрипнет половица под моей босой ногой. Я отчетливо видел чешуйчатую кожу змеи с узорами цвета леса, ее ужасную плоскую голову, неподвижно застывшую в полудюйме от пола, зубы, на острие каждого из которых застыла капелька яда. Я видел, как ходят волнами мышцы на боках рептилии, почуявшей мой запах. Я знал, что она ухмыляется во тьме, словно говорит: «Ну, иди же ко мне, дурачок. Все равно ты будешь моим».

Если бы в мире была школа по тренировке воображения, дедушка Джейберд мог бы стать там директором. Урок, который я получил в ту ночь, — что можно себе вообразить и во что поверить как в истинную правду — намного превосходил то, чему учат в самых лучших колледжах. Попутно я научился часами лежать, скрипя зубами, преодолевая боль и кляня себя за тот лишний стакан молока, что выпил за ужином.

Как видите, дедушка Джейберд учил меня очень важным вещам, сам того не подозревая.

Получил я и другой урок, не менее ценный, который оказался также испытанием на стойкость и мужество. В пятницу днем бабушка Сара попросила дедушку Джейберда прокатиться в город и купить в бакалее «сухое мороженое» — порошок, который разводили молоком и получали отличный пломбир. Обычно дедушка Джейберд не слишком любил ездить за покупками, но в тот день он оказался на удивление сговорчивым и прихватил с собой меня. На прощание бабушка сказала нам, что чем быстрее мы вернемся домой, тем скорее будет готово ее вкуснейшее мороженое.

День как нельзя лучше подходил для хорошей порции пломбира. Было девяносто градусов по Фаренгейту. Как говорится, так жарко, что стоит собаке выбежать на солнце, как ее тень тут же останавливается, чтобы передохнуть. Благополучно закупив сухое мороженое, мы покатали назад в громоздком стареньком «форде», и тут дедушка Джейберд устроил мне еще одно испытание.

— Здесь неподалеку живет Джером Клэйпул, мой старый приятель, — сказал он. — Хочу его проведать.

— Но бабушка ждет, когда мы привезем сухое мороже...

— Да, Джером мой старинный кореш, — прервал меня дедушка Джейберд, сворачивая к жилищу своего друга.

Проехав около шести миль, он остановился у ветхого фермерского домика, во дворе которого были свалены прогнивший диван, сломанная машина для отжимания белья и целая гора дырявых автомобильных покрышек и ржавых радиаторов. Насколько я мог оценить, мы уже пересекали воображаемую линию, проходящую между Зефиром и Доптэтчем, и уже несколько миль ехали по Табач-

ной дороге. Судя по всему, дедушка Джейберд был не единственным корешем Джерома Клэйпула: у его дома уже стояло четыре машины.

— Выходи, Кори,— сказал мне дедушка Джейберд.— Мы всего на пару минут.

Мы еще не поднялись на крыльцо, а я уже учуял запах дешевых сигар. Дедушка Джейберд постучал в дверь: *тук-тук, тук-тук-тук*.

— Кто там? — осторожно спросили изнутри.

— Кровь и потроха,— отозвался дед.

Я испуганно посмотрел на него, решив, что он лишился и тех крох разума, которые еще имел. Дверь приоткрылась, отчаянно скрипя петлями, появилось вытянутое морщинистое лицо с темными глазами.

— А *это* кто такой?

— Мой внук,— ответил дедушка Джейберд и положил руку мне на плечо.— Его зовут Кори.

— Господи, Джей! — сердито заорал человек.— Какого хрена ты приволок сюда мальчишку?

— Все в порядке. Он не станет болтать. Ты ведь не станешь болтать, Кори?

Рука деда стиснула мое плечо.

Я совершенно не понимал, что происходит, но ясно было одно: эта ферма определенно не относилась к числу мест, посещение которых обрадовало бы бабушку Сару. Почему-то я вспомнил дом мисс Грейс на другой стороне озера Саксон и девушку по имени Лэйни, которая показала мне свой розовый язык.

— Нет, сэр, я не буду болтать,— ответил я.

Дедушкина хватка ослабла. Его тайна, в чем бы она ни заключалась, будет сохранена.

— Бодину это не понравится,— предупредил человек, стоявший в двери.

— Послушай, Джером, если Бодину станет невмоготу, он может засунуть свою башку себе в задницу, потому что мне на него наплевать. Так тыпустишь меня в дом или нет?

— Зелень есть?

— Уже дыру в кармане прожгла,— отозвался Джейберд, хлопнув себя ладонью по карману штанов.

Он потащил меня к двери, но я уперся:

— Дедушка, нам нужно отвезти сухое мор...

Он оглянулся на меня, и я увидел в его глазах частицу истинной натуры моего деда. Его взгляд полыхал, как далекая доменная печь. Он выражал нестерпимый голод, распахнутый тем, что происходило в глубине этого дома. Сухое мороженое было напрочь забыто, да и вообще вся эта поездка за мороженым, по-видимому, была только частью плана, ничтожным фрагментом иного мира, начинающегося за шесть миль в сторону от шоссе.

— Иди за мной, я тебе сказал! — прорычал он.

Я продолжал упорствовать:

— Мне кажется, что нам нужно...

— Тебе ничего *не должно* казаться! — заорал на меня дед, и то, что тянуло его внутрь дома с такой нестерпимой силой, заставило его лицо исказиться от злобы.— Ты будешь делать то, что я сказал! Понял или нет?

После этого он сильно дернул меня и волоком втащил в дом. Мое сердце оборвалось. Мистер Клэйпул закрыл за нами дверь и задвинул засов. Сигарный дым клубился под сводами комнаты, в которую не проникал солнечный свет: все окна были заколочены досками, лампочки под потолком еле светили. Вслед за мистером Клэйпулом мы про-

шли по коридору в заднюю часть дома, и он открыл дверь. В комнате, где мы оказались, не было окон, под потолком плавали клубы дыма, в центре ее стоял круглый стол, за которым сидели четверо мужчин и при свете яркой лампочки играли в карты. Под рукой у каждого игрока лежали столбики покерных фишек, перед каждым стоял стакан с янтарной жидкостью.

— Что за дела, мать вашу! — прорычал один из игроков, отчего у меня сразу же побежали по спине мурашки. — Я никому не позволю мухлевать!

— Тогда прими еще пятерку, мистер Наглец, — отозвался другой игрок.

Красная фишка опустилась на столбик в центре круглого стола. Кончик сигары первого игрока горел подобно жерлу вулкана в преддверии стихийного бедствия.

— Принимаю пятерку! — выкрикнул третий игрок, втискивая сигару в угол рта, напоминающего шрам.

— Давай, или повышай ставку, или отваливай...

Я заметил, как его маленькие пороссячи глазки метнулись ко мне. Мужчина бросил свои карты на стол лицевой стороной вниз.

— Эй! — крикнул он. — Что этот пацан тут делает, черт его дери?

Я моментально оказался в центре всеобщего внимания.

— Джейберд, ты что, совсем спятил, мать твою? — спросил один из игроков. — Выведи его вон!

— Это мой внук, — ответил дедушка. — Он будет держать язык за зубами.

— Может, он и твой внук, но не мой.

Мужчина с сигарой в зубах подался вперед, его могучие руки стиснули стол. Каштановые волосы были ко-

ротко острижены, а на мизинце правой руки сверкало кольцо с бриллиантом. Он вытащил изо рта сигару, и его глаза превратились в щелки.

— Ты знаешь правила, Джейберд, — сурово проговорил он. — Никто не может войти в этот дом без разрешения.

— Но этот паренек — мой внук. Он нормальный пацан.

— Мне плевать, кто он такой — хоть долбаный принц. Ты нарушил уговор, Джейберд.

— Эй, послушай, у нас нет причин собачиться...

— Ты просто придурок, Джей! — заорал мужчина с сигарой. Его рот кривился на одну сторону, когда из него вылетали слова. На его полном лице блестел пот, белая рубашка была вся в мокрых разводах. На кармане рядом с пятном от табачной слюны имелась монограмма «ББ». — Ты придурок! — орал он. — Ты хочешь, чтобы сюда нагрянули копы и всех замели? Пацан завтра же все разболтает своим друзьям! С таким же успехом ты мог бы вручить шерифу карту с крестом на нужном месте!

— Кори не станет болтать. Он соображает что к чему.

— Вот как?

Маленькие свиные глазки снова уставились на меня.

— Ты ведь такой же придурок, как и твой дед, верно, пацан?

— Нет, сэр, — ответил я.

Мужчина с сигарой рассмеялся. Его смех напомнил мне те звуки, что исторгал из себя в апреле Фил Кеннер, когда его рвало на парту овсянкой. Поросячьи глаза мужчины так и остались недобрыми, хотя теперь он слегка улыбался.

— Ты, как видно, неглупый парнишка?

— Он весь в меня, мистер Блэйлок,— торопливо вставил дедушка Джейберд.

Я вдруг понял, что человек с пороссячими глазками — не кто иной, как Бодин Блэйлок собственной персоной, брат Донни и Уэйда Блэйлок и сын пользующегося дурной славой Блэйлока Большое Дуло. Я вспомнил, как при входе дедушка нахально заметил, что если Бодину что не нравится, он может засунуть голову себе в зад, а на поверку вышло, что в заднице оказался не кто иной, как мой дедушка.

— Сильно сомневаюсь, Джей,— сказал Бодин, после чего расхохотался, повернувшись лицом к остальным игрокам, и те тоже радостно засмеялись, словно добропорядочные индейцы, послушные своему вождю. Неожиданно смех Бодина оборвался.

— Давай-ка вали отсюда, Джейберд,— приказал он дедушке.— Сегодня здесь собирается приличная публика — крупные игроки, зачетные пижоны, которые надумали сорвать с меня немного денег.

Дедушка взволнованно откашлялся. Его глаза не могли оторваться от горки покерных фишек.

— Э-э-э... я просто хотел спросить... раз уж я здесь... то не могу ли я сыграть пару партий?

— Говорю тебе: бери своего пацана и вали отсюда, Джей,— услышал он в ответ.— Здесь люди играют в покер, а не нянчат младенцев.

— Кори может побыть снаружи,— торопливо ответил дедушка Джейберд.— Он и сам не против. Подождешь меня на улице, ладно?

— Бабушка ждет нас с сухим мороженым,— ответил я.

Бодин Блэйлок снова расхохотался. Я с ужасом увидел, как покраснели щеки деда.

— О каком мороженом ты тут болтаешь? Мне дела нет ни до какого мороженого! — орал на меня дедушка, и в его глазах были ярость и мука. — Она может ждать нас хоть до завтрашнего утра, а я сделаю так, как решил!

— Думаю, тебе все-таки лучше двигаться домой, Джейберда! — подал голос другой мужчина. — Иди отведай любимого лакомства. Тебе лучше держаться подальше от неприятностей, Джей!

— А ты заткнись! — сорвался дедушка. — Вот, бабки при мне! — Он порылся в кармане, вытащил двадцатку и припечатал ее к столу. — Я в игре или нет: отвечай!

Я чуть не задохнулся. Рисковать двадцатью долларами в покер! Это же целая куча денег! Бодин Блэйлок снова засунул сигару в рот и молча сидел, переводя взгляд с денег на лицо дедушки Джейберда.

— Двадцать долларов, — наконец проговорил он. — Этого тебе едва хватит, чтобы сесть за стол.

— У меня есть еще, не беспокойся.

Я понял, что либо дедушка забрался в семейную кубышку, либо у него имелась особая покерная заначка, о которой не знала бабушка. Само собой, она не одобрила бы такую пустую трату денег, и поэтому поездка за мороженым просто удачно подвернулась как повод вырваться из дома. Может быть, поначалу дедушка хотел лишь посмотреть, кто сейчас здесь играет, но потом его обуял азарт, и он решил пуститься во все тяжкие.

— Так я в игре или нет?

— Выведи своего пацана.

— Кори, подожди меня в машине, — приказал дед. — Я вернусь через несколько минут.

— Но ведь бабушка ждет...

— Делай, как я велел! Живо! — заорал на меня Джейберд.

Бодин пристально рассматривал меня сквозь завесу сигарного дыма с таким выражением лица, словно говорил: «Видишь, пацан, ну что я могу поделать с твоим дедом?»

Я вышел на улицу. Прежде чем взяться за ручку входной двери, я услышал, как к столу придвинули новый стул. Потом я вышел на пекло, засунул руки в карманы и в сердцах пнул сосновую шишку. Я ждал. Прошло десять минут. Потом еще десять. Подъехала машина. Из нее вылезли трое молодых мужчин и постучали в дверь, после чего мистер Клэйпул впустил их внутрь. Дверь закрылась. Дедушка все не появлялся. Я немного посидел в машине, но жара в ней была такая, что моя рубашка тут же промокла насквозь. Отлепив себя от сиденья, я снова выбрался наружу. Некоторое время я вышагивал перед домом взад-вперед, потом наблюдал, как муравьи обгладывают до костей мертвого голубя. К тому моменту прошло уже не меньше часа. Я понял, что дедушка просто ни во что меня не ставит, как и бабушку Сару. Зародившись в животе жгучим пульсирующим теплом, злость все больше закипала во мне. Я уставился на дверь, пытаюсь внушить дедушке, что нужно выйти наружу. Но дверь по-прежнему оставалась закрытой.

Тогда мне в голову пришла новая мысль, шокирующая в своей определенности: «Ну и черт с ним!»

Я вытащил из машины коробку с сухим мороженым и двинулся в обратную дорогу пешком.

Первые две мили я прошел очень бодро. На третьей миле меня стала одолевать жара. Пот стекал обильными струйками по моему лицу, а макушку прилекало так, слов-

но там развели костер. Дорога расплывалась у меня перед глазами между стенами сосен. Мимо прошли всего две машины, да и те двигались мне навстречу. Раскаленный асфальт прожигал мои ступни сквозь подошвы башмаков. Мне хотелось присесть в тени и отдохнуть, но это стало бы проявлением слабости, с тем же успехом я мог бы признаться себе, что не должен был пускаться в дорогу длинной в шесть миль в такую жару под раскаленным солнцем, а надо было оставаться и ждать, пока дедушка наконец соизволит выйти. Ну уж нет! Я должен идти во что бы то ни стало, а о волдырях позабочусь потом.

Чтобы скоротать время, я решил обдумать историю, которую мог бы потом написать обо всем этом. Может, я напишу о мальчике, которому пришлось пешком пересечь раскаленную добела пустыню, чтобы донести до места коробку с драгоценными алмазами, которую ему доверили. Я поднял голову, чтобы поглядеть на стервятников, парящих в восходящих потоках теплого воздуха, отвлекся, и в ту же секунду моя нога утонула в выбоину. Подвернув лодыжку, я грохнулся на дорогу. Коробка с сухим мороженым раскрылась, все ее содержимое высыпалось. Я упал на нее прямо животом.

Я готов был разрыдаться.

Я чуть не плакал.

Моя нога сильно болела, но я мог стоять. Больше всего мне было жалко сухого мороженого, блестящего на мостовой. Дно коробки лопнуло. Я собрал порошок ладонями, сколько смог, и насыпал в карманы, потом захромал дальше.

Я не собирался останавливаться, сидеть в тени и лить слезы, несмотря на то что порошок медленно, но верно высыпался из моих карманов. Мне совсем не хотелось, чтобы дедушка устроил мне взбучку прямо посреди дороги.

Я прошел уже три мили, когда позади меня просигналил автомобиль. Я быстро обернулся, ожидая увидеть дедушкин «форд», однако вместо него ко мне приближался медно-красный «понттиак». Машина притормозила, и я узнал доктора Кертиса Пэрриша, который глядел на меня через опущенное стекло.

— Кори, это ты? Тебя подбросить?

— Да, сэр,— с благодарностью отозвался я и забрался в машину.

Мои подошвы словно горели огнем, а лодыжка здорово распухла. Док Пэрриш нажал на газ, и мы поехали.

— Я сейчас в гостях у дедушки с бабушкой,— счел необходимым объяснить я.— Это около трех миль отсюда.

— Я знаю, где живет Джейберд.— Док Пэрриш взял свой врачебный чемоданчик, который лежал между нами, и перекинул его на заднее сиденье.— Сегодня ужасно жарко. Откуда же ты держишь путь?

— Я... э-э-э...— Нужно было придумать что-нибудь правдоподобное.— Бабушка тут посылала меня кое-куда,— наконец выдал я из себя.

— Вот как.

Док Пэрриш несколько секунд молчал.

— Что там сыплется у тебя из кармана? Песок?

— Нет, это сухое мороженое.

— Понятно.— Док Пэрриш понимающе кивнул, словно в этом не было ничего особенного.— Как дела у твоего отца? Как у него на работе, полегче стало?

— Не понял, сэр.

— Я говорю о его работе. Том приходил ко мне на прием несколько недель назад и сказал, что сильно устает на работе и поэтому плохо спит. Я прописал ему таблетки. Знаешь, Кори, стресс — очень серьезное дело. Я посоветовал твоему отцу взять отпуск.

— Ага.

На этот раз кивнул я, так, словно сказанное доком Пэрришем было мне очевидно.

— Мне кажется, ему становится лучше,— сказал я.

Я не слышал, чтобы отец хоть раз говорил, что у него тяжелая работа или что он собирается идти к доку Пэрришу. «Я прописал ему таблетки». Я уставился прямо перед собой, на разворачивавшуюся впереди ленту шоссе. Отец все еще пытается избавиться от беспокойных призраков, казалось бы оставшихся в прошлом. Я понял, что отец скрывает свои переживания от меня и мамы точно так же, как дедушка Джейберд скрывает от бабушки свою одержимость покером.

Док Пэрриш довез меня до самой дедушкиной фермы, поднялся вместе со мной на крыльцо и постучал в дверь. Когда бабушка Сара нам открыла, док Пэрриш сказал, что встретил меня на дороге, когда я шел по обочине.

— А где же твой дед? — спросила бабушка.

Должно быть, выражение лица у меня было самое кислое, потому что, поразмыслив несколько мгновений, она сама ответила на свой вопрос:

— Наверняка снова впутался в какую-то авантюру. Горбатого могила исправит.

— Коробка с сухим мороженым лопнула,— объяснил я бабушке и показал ей пригоршню порошка, оставшегося в моих карманах.

Мои волосы были мокры от пота.

— Ничего, купим еще коробочку. А содержимое твоих карманов я оставляю Джейберду.

Позже я узнал, что целую неделю после этого происшествия каждое блюдо, которое Джейберд получал к столу, было изрядно приправлено порошком сухого мороже-

ного, и так продолжалось до тех пор, пока он буквально не взвыл.

— Не хотите ли войти в дом и выпить холодного лимонаду, доктор Пэрриш?

— Нет, благодарю вас. Мне нужно возвращаться в свой кабинет.

Глаза дока Пэрриша затуманились, на его лице лежала печать новых забот.

— Миссис Маккенсон, вы ведь знакомы с Сельмой Невилл?

— Конечно, я ее знаю, хотя и не виделась с ней месяц или даже больше того.

— Я как раз от нее, — ответил док Пэрриш. — Вы, возможно, не знаете: у нее был рак и весь последний год она боролась с ним.

— О господи! Я понятия не имела об этом.

— Да, она была стойкая женщина, но вот уже два часа, как ее нет в живых. Она хотела умереть у себя дома и отказалась ехать в больницу.

— Боже мой, я и не знала, что Сельма больна!

— Она не хотела, чтобы по городу шли разговоры. Каким образом ей удавалось преподавать весь этот год — понятия не имею.

До меня наконец-то дошло, о ком идет речь. О миссис Невилл. О моей миссис Невилл. Об учительнице, которая посоветовала мне в этом году обязательно принять участие в конкурсе на лучший рассказ. «Прощай», — сказала она мне, когда я выходил из класса в первый день лета. Не «увидимся в следующем учебном году» или, скажем, «до сентября», а короткое и твердое «прощай». А ведь она, наверно, уже знала, что умирает, сидя тогда в зали- том солнечным светом классе, одна за своим учительским

столом, и уже знала, что для нее никогда не наступит новый учебный год, не будет в сентябре нового класса и гогочущих юных маргышек.

— Я подумал, что вам нужно это знать,— объяснил док Пэрриш и прикоснулся к моему плечу рукой, той самой, которая, может быть, всего два часа назад накрыла простыней лицо миссис Невилл.— Береги себя, Кори,— сказал он мне на прощание.

Спустившись с крыльца, он уселся за руль своего «понтиака» и укатил прочь. Мы с бабушкой долго смотрели ему вслед.

Еще через час домой приехал дедушка Джейберд. На его лице было выражение человека, которому только что дал под зад пинка лучший друг, а последняя бумажка с президентом уплыла в чужой карман. Он попытался изобразить вспышку гнева: ругался, кричал на меня, что я, мол, «сбежал и испугал его до полусмерти». Но не успел он толком разойтись, как бабушка Сара очень тихо и спокойно поставила его на место, спросив, где сухое мороженое, за которым его посылали. Кончилось тем, что дедушка Джейберд до вечера сидел с вытянутым усталым лицом на крыльце в сгущающихся сумерках среди порхавших вокруг него мотыльков, в таком же угнетенном состоянии духа, в каком, по всей видимости, находился и его притомившийся «джимбоб». Мне даже стало его жалко, хотя дедушка Джейберд был совсем не тот человек, которого стоило особенно жалеть. Одно единственное сочувственное слово с моей стороны — и он тут же начал бы снова глумиться и чваниться. Джейберд никогда ни перед кем не извинялся; он всегда и во всем был прав. Вот почему у него не было настоящих друзей, и именно поэтому он торчал теперь на крыльце в полном одиноче-

стве, в компании глупых мотыльков, вившихся вокруг него подобно воспоминаниям о прелестных фермерских дочках.

Остаток недели у бабушки и дедушки был ознаменован еще одним происшествием. В пятницу вечером я долго не мог заснуть и потом несколько раз просыпался среди ночи. Мне снилось, будто я вошел в совершенно пустой класс. Только миссис Невилл сидела за своим учительским столом, исправляя наши сочинения. На полу лежали пятна золотистого света, полосы света пересекали и классную доску. Кожа туго обтягивала лицо миссис Невилл, ее глаза казались огромными и блестящими, как глаза ребенка. Она сидела, как обычно, прямо, будто аршин проглотив, и глядела на меня, стоявшего в нерешительности на пороге класса.

— Кори? — спросила она меня. — Это ты, Кори Маккенсон?

— Да, мэм, — отозвался я.

— Подойди поближе, — позвала она.

Я подошел к ее столу и увидел, что красное яблоко, лежавшее рядом, высохло.

— Лето почти кончилось, — сказала мне миссис Невилл. Я кивнул ей в ответ. — И ты повзрослел, стал старше за это время.

— У меня был день рождения, — сказал я.

— Очень мило.

Я почувствовал запах дыхания миссис Невилл, не то чтобы неприятный, но похожий на тот дух, что идет от цветов, которые вот-вот завянут.

— На моих глазах повзрослело очень много мальчиков — некоторые выросли и пустили корни здесь, другие

вообще уехали из нашего города. Мальчишеские годы проходят очень быстро, Кори, оглянуться не успеешь.

Миссис Невилл улыбнулась мне краешком рта.

— Мальчики хотят поскорее стать похожими на мужчин, но приходит день, когда они с грустью понимают, что вернуться во времена детства им не суждено. Но я открою тебе один секрет, Кори. Хочешь узнать его?

Я кивнул.

— На самом деле, — прошептала миссис Невилл, — никто никогда не взрослеет.

Я нахмурился. О чем это она говорит? Вот тебе и секрет! Взять хотя бы моих родителей — ведь они давным-давно уже повзрослели. Или мистера Доллара, шефа Марчетта, дока Пэрриша, преподобного Ловоя, Леди, да кого угодно старше восемнадцати лет.

— Со стороны кажется, что они повзрослели, что им много лет, — продолжала миссис Невилл, — но все это маскировка, патина времени, что ложится на их лица. В глубине души все взрослые мужчины и женщины остаются детьми. Им по-прежнему хочется поиграть, побегать и попрыгать, но тяжкий груз времени не позволяет им делать это. Они втайне мечтают сбросить бранные оковы, которые наложил на них мир, снять с рук часы, а с шеи галстуки, освободить ноги от тесных выходных ботинок и голыми броситься в пруд, чтоб хотя бы на один день снова ощутить себя детьми. Нет такого человека, который не мечтал бы о детской свободе и беспечности, когда дома ждут папа и мама, которые обо всем позаботятся и будут любить тебя, что бы с тобой ни случилось. Поверь мне, под маской самого жестокого мужчины скрывается все тот же испуганный маленький мальчик, который думает

только о том, как бы забраться в укромный уголок, где его никто не обидит.

Миссис Невилл отодвинула в сторону тетради и положила руки на стол.

— На моих глазах многие мальчики превратились в мужчин. Но тебе, Кори, я хочу сказать одну вещь: не забывай. *Не забывай*, понимаешь?

— Не забывать? Что?

— Все,— ответила моя учительница.— Все, что видишь вокруг себя каждую секунду своего детства. Попрощавшись с прошедшим днем, обязательно заведи с собой его кусочек, спрячь в самый дальний уголок памяти и храни там как драгоценное сокровище. Потому что твоя память и есть самое главное сокровище на свете. Память — это дверь в твое прошлое, Кори. Память — твой учитель, воспитатель и друг. Когда ты смотришь на что-то, помни, что смотреть просто так недостаточно, ты должен *видеть*. Так, чтобы, когда будешь писать об этом, это видели и другие. Легче всего пройти по жизни глухим, слепым и бесчувственным ко всему. К несчастью, таких людей большинство — это почти все, кого ты знаешь и кто встретится тебе в будущем. Они проходят мимо чудес нашей жизни, не удостоивая их даже мимолетного взгляда. Но ты, если захочешь, сможешь прожить тысячу жизней. Ты сможешь говорить с людьми, которых никогда не встречал и не встретишь, сможешь посетить страны, где никогда не бываешь.

Миссис Невилл кивнула, наблюдая, как изменяется выражение моего лица.

— Если ты проявишь мудрость, если тебе улыбнется удача и будет что сказать, тогда ты сможешь продлить свою

жизнь на долгие годы.— Миссис Невилл на мгновение замолкла.— А может быть, не умрешь никогда.

— Но это невозможно! — пораженно пробормотал я.

— Начни с малого. Например, с участия в конкурсе на лучший рассказ, как я уже говорила тебе.

— Да какой из меня писатель...

— Никто и не говорит, что ты настоящий писатель. Просто постарайся показать все, на что ты способен, и пошли свою работу на конкурс. Ты сделаешь так, как я тебе говорю?

Я пожал плечами:

— Но я не знаю, о чем мне написать.

— Ничего страшного. Если долго сидеть и смотреть на пустой лист бумаги, тема обязательно появится. И не думай об этом как о писательстве. Представь, что ты просто рассказываешь историю своим друзьям. По крайней мере, сделаешь попытку?

— Хорошо, я подумаю,— ответил я.

— Тут не надо долго ломать голову,— напутствовала меня миссис Невилл.— Иногда понимание приходит в процессе работы.

— Хорошо, мэм.

— Ну вот и ладно.

Миссис Невилл глубоко вдохнула, а потом медленно и тихо выдохнула. Обвела взглядом пустой класс с рядами парт, на которых были вырезаны инициалы многих поколений учеников.

— Я очень старалась,— тихо проговорила она,— и сделала все, что от меня зависело. А у вас, детей, впереди еще целая жизнь.

Ее взор вновь обратился ко мне.

— Урок окончен,— сказала она.

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

И тогда я проснулся. Еще по-настоящему не рассвело. Кукарекал петух, возвещая о скором восходе солнца. В спальне бабушки и дедушки уже наигрывало радио, настроенное на кантри. От тихого перезвона стальных гитарных струн, теряющегося в бескрайних просторах темных лесов, лугов и дорог, мое сердце едва не разрывалось на части от грусти.

Днем мама и папа приехали за мной на нашем пикапе. На прощание я поцеловал в щеку бабушку Сару и по-мужски пожал руку дедушке Джейберду. Мне показалось, что его рукопожатие на этот раз было особенно сильным. Мы поняли друг друга без слов. Родители взяли с собой Бунтаря, и я удобно растянулся в кузове, свесив ноги через борт, а Бунтарь свернулся в клубок рядом. Он радостно дышал мне в лицо, но мне это было приятно.

Провожая нас, бабушка Сара и дедушка Джейберд долго стояли на крыльце и махали нам вслед. А я ехал домой, в родные места.

Глава 7

ПОХОД С НОЧЕВКОЙ

На свете нет ничего, что могло бы вызвать столь необычайный восторг или внушить такой ужас, как чистый лист бумаги. Вам страшно: наконец-то вы остались наедине с самим собой и вам предстоит проложить черные тропы по этой белоснежной равнине. А восторг вы испытываете потому, что никто, кроме вас, не знает места назначения и даже вы сами не можете сказать, что будет в конце.

Усевшись за машинку с намерением писать рассказ на конкурс, проводимый Советом по делам искусств города Зефира, я почувствовал такой испуг, что все, на что я был способен вначале, — напечатать наверху листа свое имя. Сочинять историю для себя или рассказ, который сможет прочитать всякий, кто захочет, — это два абсолютно разных зверя: первый из них — привычный и удобный в езде пони, второй — дикий и необъезженный жеребец. Тут остается только вцепиться покрепче в поводья, а там будь что будет.

Некоторое время я просто сидел перед чистым листом бумаги, и мы с ним смотрели друг на друга. В конце концов я решил написать рассказ о мальчике, который убежал из своего маленького городка, чтобы увидеть мир. Я успел настучать две страницы, когда понял, что ду-

ша у меня не лежит к этой истории. Тогда я начал писать рассказ о мальчике, который нашел на свалке волшебную лампу. Эта писанина тоже отправилась в мусорную корзину. История об автомобиле-призраке шла хорошо до тех пор, пока этот автомобиль не налетел на стену моего воображения, сгорев в пламени.

Я сидел, уставясь в лист чистой бумаги.

За окном в листве звенели цикады. Где-то во тьме лаял Бунтарь. Издалека доносилось урчание автомобильного мотора. Я задумался о сне, в котором видел миссис Невилл, вспомнил, что она мне сказала: «Не думай об этом как о писательстве. Представь, что ты просто рассказываешь историю своим друзьям».

«Но как это сделать? — спросил я себя. — Как если бы я собрался писать о том, что было на самом деле?»

Может, написать о мистере Скалли и зубе Старого Мозеса? Нет, это не пойдет. Мистер Скалли не обрадуется гостям, которые зачествят к нему из любопытства. Хорошо... тогда, может быть, стоит написать про Леди и Человека-Луну? Нет, я их почти не знаю. Тогда о чем же? Что, если мне написать...

...об утопленнике в машине на дне озера Саксон?

Что, если я напишу рассказ о том, что случилось со мной и отцом в то утро? Как автомобиль свалился в озеро у нас на глазах, как отец прыгнул в воду, надеясь спасти водителя? Если я напишу обо всем, что я почувствовал и увидел в то мартовское утро перед восходом солнца? А что, если... что, если... я напишу про человека в шляпе с зеленым пером, который следил за нами с опушки леса?

Да, тут я сумел бы развернуться. Начал бы прямо со слов отца, когда он разбудил меня: «Кори? Просыпайся, сынок. Пора».

И вот уже я вновь сижу рядом с ним в нашем грузовичке, и мы едем по тихим предрассветным улицам Зефира. Мы разговаривали тогда с отцом о том, кем я собираюсь стать, когда вырасту. Но потом из леса прямо перед нами выскочил автомобиль, и, чтобы избежать столкновения, отец резко крутанул руль, после чего неизвестный автомобиль свалился с красного утеса в озеро Саксон. Я вспомнил, как отец со всех ног бежал к озеру, как сжалось мое сердце, когда я увидел, что он бросился в воду и плывет к машине. Я отлично помнил, как машина тонула в озере, как бурлила вокруг нее вода. Я помнил, как, оглянувшись зачем-то в сторону леса, заметил на опушке фигуру в длинном пальто, полы которого разлетались на ветру. На голове человека была шляпа с зеленым...

Минуточку.

Все было не совсем так. Я наступил на зеленое перышко и только потом обнаружил его на подошве своего ботинка, измазанного грязью. Но откуда еще могло взяться это перо, если не из-за шляпной ленты? Так я все и напишу, не отступая от истины ни на йоту. До самой ночи наводнения я, по сути дела, не видел шляпы с зеленым пером. Поэтому, решив строго придерживаться фактов, я напечатал на чистом листе бумаги о зеленом перышке и о том, как я нашел его. Я решил умолчать о мисс Грейс, Лэйни и о заведении с дурными девушками, потому что маме наверняка не понравился бы этот кусок.

Добравшись до конца, я перечитал рассказ, решил, что некоторые фразы можно улучшить, и перепечатал свое произведение заново. Переносить на бумагу разговорную речь оказалось делом нелегким. После того как я перепечатал его трижды, мой рассказ был наконец готов. Он занял две страницы через два интервала. Это был мой шедевр.

В мою комнату вошел отец, чтобы пожелать мне доброй ночи. На нем была пижама с красными полосами, волосы еще не просохли после душа. Я показал ему на печатанные страницы.

— Что это такое? — спросил он, поднося мое творение к свету настольной лампы. — «До восхода солнца», — прочитал он заголовок и вопросительно посмотрел на меня.

— Это рассказ, который я хочу послать на литературный конкурс, — ответил я. — Я его только что закончил.

— Вот как? Я могу его прочитать?

— Конечно, сэр.

Отец начал читать. Я следил за выражением его лица. Когда повествование добралось до места, где из леса нам наперерез выкатывается неизвестный автомобиль, его челюсти чуть сжались. Потом отец оперся рукой о стену, и я понял, что он читает то место, где описывалось, как он плывет к тонущей машине. Я видел, как его пальцы медленно напрягаются и расслабляются.

— Кори! — позвала мама. — Пойди посади Бунтаря на цепь!

Я направился к двери, но отец остановил меня:

— Задержись на минуту.

Его взгляд вернулся к первым абзацам.

— Кори! — снова позвала мама из гостиной, где она смотрела телевизор.

— Мы разговариваем, Ребекка! — ответил маме отец, положив страницы с рассказом на мой письменный стол.

Потом повернулся и взглянул на меня. Лицо отца было наполовину скрыто в тени.

— Тебе понравилось? — спросил я.

— Это не похоже на то, о чем ты обычно пишешь, — тихо ответил отец. — Обычно это истории о привидении.

ях, ковбоях, космических полетах. Почему ты решил написать именно такой рассказ?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Просто решил... что если уж писать о чем-то, то лучше о том, что случилось на самом деле.

— Значит, все, что ты здесь написал, правда? И то, как ты заметил человека среди деревьев?

— Да, сэр.

— Тогда почему ты не рассказал об этом раньше? Почему не сообщил ни мне, ни шерифу Эмори?

— Не знаю. Может быть, потому, что не был до конца уверен в том, что действительно кого-то видел.

— Но теперь ты уверен? Прошло почти полгода с того дня, как все это случилось. Почему ты промолчал, хотя должен был сразу обо всем рассказать шерифу?

— Да... наверно, я должен был так поступить. Я хочу сказать, мне *показалось*, что я увидел там какого-то человека. На нем было длинное пальто, и он...

— Это точно был мужчина? — перебил меня отец. — Ты разглядел его лицо?

— Нет, сэр.

Отец покачал головой. Желваки на его скулах снова напряглись, на виске пульсировала жилка.

— Господи, зачем мы вообще оказались на этой дороге! Не надо было мне прыгать в озеро за этой машиной! Человек, что покоится сейчас на дне озера, не дает мне покоя ни днем ни ночью!

Отец крепко зажмурился. Когда снова открыл глаза, они были полны слезами и мукой.

— Кори, никто не должен больше видеть этот рассказ, я требую этого! Ты меня понял?

— Но, сэр... я хотел отдать его на конк...

— Нет! Господи, ни в коем случае!

Рука отца сильно стиснула мое плечо.

— Слушай меня внимательно! Все полгода назад началось — тогда же и закончилось. Не нужно опять все вытаскивать наружу!

— Но я написал правду! — чуть не плакал я. — Все так и было.

— Это был дурной сон, — ответил отец. — Ночной кошмар. В городе никто не пропал, шериф это точно выяснил. В полицейские участки округа, да и всего штата, не поступали заявления об исчезновении мужчины с татуировкой, которую я видел у утопленника. Ни одна жена или мать не обратилась в полицию с заявлением о пропавшем муже или сыне. Ты понимаешь, что это означает, Кори?

— Нет, сэр, — признался я.

— Это означает, что человека, утонувшего в озере Саксон, никогда не существовало, — объяснил мне отец хриплым, срывающимся голосом. — Никто его не ищет, никому *нет дела*, что с ним случилось. Перед смертью он был так сильно избит, что и на человека-то едва стал похож. И покоится он на дне озера, а не на кладбище, как это принято у добрых христиан. Я последний человек на этой земле, который видел его, перед тем как его машина навсегда погрузилась в темную воду Саксона. Ты знаешь, что стало со мной после этого?

Я потряс головой.

Отец взял со стола мой рассказ, потом положил страницы на место, рядом с пишущей машинкой.

— Я знал, что в этом мире существуют зло и жестокость, — сказал он, избегая моего взгляда. — Жестокость — часть нашей жизни, но... она всегда где-то не здесь, может быть, в соседнем городе, но только не здесь. Помнишь,

когда я был пожарным, мы ездили тушить машину, что разбилась и сторела на полдороге между Зефиром и Юнион-Тауном?

— Это был автомобиль Малыша Стиви Коули,— ответил я.— Полуночная Мона.

— Точно. На дороге остались следы шин. Было очевидно, что другая машина вынудила Стиви Коули съехать с дороги, намеренно его столкнула. Бензобак машины Коули взорвался. Это была чудовищная жестокость, и, увидев, что осталось от молодого, полного жизни парня, я... Отец содрогнулся, быть может вспомнив обугленные кости Малыша Коули.— У меня до сих пор в голове не укладывается, как один человек может сделать такое с другим. Мне не понятна подобная ненависть. Я не знаю, как люди становятся такими. Как нужно изуродовать свою душу, чтобы быть способным отнять у другого человека жизнь с легкостью, с какой давишь муху?

Глаза отца наконец остановились на мне.

— Знаешь, как звал меня дедушка, когда мне было столько же лет, как тебе сейчас?

— Нет, сэр.

— Трусишка. Потому что я не любил ходить с ним на охоту, не любил драться, не любил многое, что положено любить мальчику. Отец заставлял меня играть в футбол. У меня это плохо получалось, но я хотел ему угодить. Он говорил мне: «Парень, ты ничего не добьешься в этой жизни, если не воспитаешь в себе инстинкт убийцы». И еще: «Врежь им посильнее, сбей их с ног, покажи им, кто здесь по-настоящему крутой». А все дело в том, что я никогда не был крутым. Мне всегда хотелось тихой и спокойной жизни.

Отец подошел к окну и некоторое время стоял там, слушая, как звенят на улице цикады.

— Сейчас мне кажется,— снова заговорил отец,— что долгое время я только делал вид, что я сильный и решительный человек. Я, наверно, вполне мог бы оставить машину с мертвецом за рулем тонуть в озере и проехать дальше. Но я не смог этого сделать, Кори. И вот теперь он зовет меня со дна озера.

— Он... *зовет* тебя? — потрясенно переспросил я.

— Да, он зовет меня.

Отец по-прежнему стоял ко мне спиной. Его руки были стиснуты в кулаки и прижаты к бокам.

— Он говорит мне, что хочет, чтобы я выяснил, кто он такой. Он хочет, чтобы я разыскал его семью и узнал, оплакивает ли его хоть кто-нибудь на этой земле. Он хочет, чтобы я узнал, кто и за что убил его. Он хочет, чтобы я не забывал о нем, и говорит, что пока тот, кто так жестоко избил его и задушил, ходит безнаказанно по земле, мне не будет покоя, даже если это продлится до конца моей жизни.

Отец повернулся ко мне. Мне показалось, что он постарел лет на десять, после того как взял в руки две странички с рассказом.

— Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я верил, что живу в волшебном городе,— мягко проговорил он,— в котором никогда не случится ничего плохого. Мне хотелось верить, что все вокруг — добрые, честные и справедливые люди. Я хотел верить, что тяжкий труд в конце концов вознаграждается по заслугам и что каждый человек — хозяин своему слову. Мне хотелось верить, что люди — истинные христиане все дни недели, а не только по воскресеньям, что закон справедлив, а политики мудры, и если ты идешь по жизни прямой и ровной дорогой, то обрешь покой, которого ищешь.

Отец улыбнулся, но на его улыбку было тяжело смотреть. На мгновение мне показалось, что я вижу в нем мальчика, скрытого под той субстанцией, которую миссис Невилл в привидевшемся мне сне назвала «патиной времени».

— В мире нет, не было и никогда не будет такого места,— продолжал отец.— Но понимание этого не может помешать вам страстно желать, чтобы оно было, и каждый раз, закрывая перед сном глаза, я слышу, как мертвец со дна озера Саксон говорит мне, что я проклятый дурак и всегда был им.

Я не знаю, что меня подвигло на это, но я сказал ему:

— Может быть, Леди сумеет помочь тебе.

— Каким образом? При помощи гадалых костей, свечей и ладана?

— Нет, сэр. Я просто думал, что вам стоит с ней поговорить.

Он уставился в пол. Потом глубоко вздохнул, медленно выдохнул и сказал мне:

— Пора спать.

И направился к двери.

— Папа?

Отец остановился.

— Ты хочешь, чтобы я порвал свой рассказ?

Он ничего не ответил, но я не ждал немедленного ответа. Он переводил взгляд с листков бумаги на письменном столе на меня.

— Нет,— наконец отозвался он.— Это хороший рассказ. Ведь все, что в нем написано, правда?

— Да, все правда.

— Ты очень старался?

— Да, сэр.

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

Он огляделся по сторонам, взглянул на картинки чудовищ, прилепленные к стенам, и наконец его глаза остановились на мне.

— Может, будет лучше, если ты представишь на конкурс рассказ о привидениях или о пришельцах с Марса? — спросил он меня, чуть заметно улыбнувшись.

— Только не в этот раз.

Отец кивнул, закусив нижнюю губу.

— Тогда действуй, — сказал он. — Предложи его на конкурс. — И вышел из комнаты.

На следующее утро я положил рассказ в конверт из манильской бумаги, оседлал Ракету и покатил к публичной библиотеке, которая находилась на Мерчантс-стрит, рядом со зданием суда. В прохладном помещении библиотеки, где под потолком шелестели лопасти вентиляторов, а солнечный свет струился сквозь жалюзи на высоких арочных окнах, я передал свой конверт с конкурсным сочинением, на котором написал темно-коричневым восковым мелком: «Короткий рассказ», миссис Эвелин Пратмор.

— И о чем наш маленький рассказик? — сладким голосом спросила миссис Пратмор и ласково мне улыбнулась.

— Об убийстве, — коротко ответил я. Улыбка тут же исчезла с ее лица. — Кто входит в жюри в этом году?

— Я, мистер Гровер Дин, мистер Лайл Рэдмонд, преподаватель английского языка школы Адамс Вэлли, мэр Своуп, наша широко известная поэтесса миссис Тереза Аберкромби, а также мистер Джеймс Коннахот, литературный сотрудник «Журнала».

Она взяла мой рассказ двумя пальцами, как тухлую рыбу, и взглянула на меня поверх своих очков в оправе жемчужного цвета.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

— Так говоришь, рассказ об убийстве?

— Да, мэм.

— Почему такой вежливый и приличный молодой человек не нашел темы лучше, чем убийство? Неужели на свете нет других, более приятных тем? Можно написать, например, о своей собаке, лучшем друге или... — Миссис Пратмор нахмурилась, очевидно смутившись из-за того, что перечень более приятных тем оказался так короток. — Короче говоря, о чем-то, что может развлечь и просветить.

— Нет, мэм, — ответил я. — Я должен был написать об утопленнике, который лежит на дне озера Саксон.

— Ах вот как. — Взгляд миссис Пратмор остановился на конверте из манильской бумаги. — Ладно. А скажи, Кори, твои родители знают, что ты предлагаешь этот рассказ на конкурс?

— Да, мэм. Мой отец вчера вечером прочитал его.

Миссис Пратмор взяла шариковую ручку и написала на конверте мое имя.

— Назови свой номер телефона, — попросила она, и когда я это сделал, она приписала цифры ниже. — Хорошо, Кори, — холодно улыбнулась она. — Я прослежу, чтобы рассказ попал по назначению.

Поблагодарив ее, я пошел к выходу. Прежде чем выйти за дверь, я еще раз оглянулся на миссис Пратмор. Она распечатывала конверт, но, заметив, что я смотрю на нее, отложила его в сторону. Мне показалось хорошим знаком, что она так торопится ознакомиться с моим сочинением. Я вышел на солнечный свет, отцепил Ракету от парковой скамейки и покатил к дому.

Лето шло к концу, в этом не было сомнений.

По утрам стало заметно прохладней. Ночи съедали все больше дневного света. Звук цикад казался теперь ка-

ким-то усталым: их жужжание превратилось в глухой гул. Сидя на нашем крыльце, можно было глядеть на восток и любоваться одиноким иудиным деревом на лесистом холме: его листва за одну-единственную ночь приобрела темно-красный цвет, резко выделяясь на общем зеленом фоне. И самое грустное для нас — страстных поклонников летней свободы: радио и телевизор с мучительной настойчивостью возвещали о продаже школьных товаров в преддверии нового учебного года.

Время текло неумолимо. Вот почему в один из вечеров за ужином я поднял давно уже волновавший меня вопрос. Собрал все свое мужество в кулак и взял быка за рога. Бросился вперед очертя голову.

— Можно мне пойти с ребятами в лес, в поход с ночевкой? — задал я свой вопрос, и за обеденным столом повисла тишина.

Мама взглянула на отца. Отец взглянул на маму. Они оба старались не смотреть на меня.

— Вы обещали, что разрешите мне пойти в поход, если я проведу неделю в гостях у бабушки Джейберда, — напомнил я родителям.

Откашлявшись, отец принялся ковырять вилкой в тарелке с картофельном пюре.

— Что ж, — наконец заговорил он, — почему бы и нет? Можете поставить палатку на нашем заднем дворе и развести костер.

— Нет, я совсем не о том говорю. Мы хотим пойти в лес и там заночевать.

— Сразу за нашим домом начинается лес, — ответил отец. — Лес как лес, что вам еще нужно?

— Нет, сэр, — возразил я, чувствуя, как часто бьется мое сердце, потому что такой разговор с моей стороны

был сушей дерзостью.— Мы хотим пойти туда, где настоящий лес, где не видно ни одного огонька Зефира. Мы хотим, чтобы у нас был настоящий поход с ночевкой.

— О господи! — тихо проговорила мама.

Отец хмыкнул и положил на стол вилку. Потом переплел пальцы и задумался, нахмутив брови, отчего поперек лба у него образовалась складка. Все это, как я знал по прошлому опыту, предвещало заключительный вердикт из одного твердого «нет».

— Значит, вы решили прогуляться в лес? — снова спросил отец.— И как же далеко?

— Я еще не знаю,— ответил я.— Думаю, что мы пройдем какое-то расстояние, потом выберем место, чтобы остановиться на ночь, а утром вернемся домой. Мы возьмем с собой компас, сэндвичи, порошок для приготовления прохладительных напитков, рюкзаки — в общем все необходимое.

— А что вы будете делать, если кто-нибудь из вас сломает ногу? — подала вдруг голос мама.— Или кого-то укусит гремучая змея? А что, если вы угодите в заросли ядовитого плюща или бог знает куда? Ведь летом в лесу полно опасностей.

Я притих, потому что мама разошлась не на шутку.

— Что ты будешь делать, Кори, если на вас нападет рысь? Господи, да мало ли что может случиться в лесу!

— Все будет хорошо, мама,— ответил я.— Мы уже не малые дети и сможем сами о себе позаботиться.

— Но еще не такие взрослые, чтобы одним отправиться в лес! Ты собираешься забраться на несколько миль от дома, а что, если ночью разразится гроза с громом и молниями? Что вы будете делать, если у кого-нибудь из вас разболится живот? Если в лесу с вами случится беда, то ты

не сможешь позвонить домой по телефону! Том, что же ты молчишь? Скажи ему, что этот поход — плохая идея!

Отец поморщился: самые трудные решения в нашей семье всегда выпадали на его долю.

— Давай, Том, — продолжала гнуть свое мама. — Скажи ему, что он никуда не пойдет, пока ему не исполнится хотя бы тринадцать.

— Год назад, мама, ты говорила, что надо подождать, пока мне не исполнится двенадцать, — напомнил я.

— Хватит умничать, Кори! Том, скажи ему сейчас же! Я дожидался решительного и окончательного «нет». Вот почему моему удивлению не было предела, когда отец наконец произнес:

— А где вы возьмете компас?

Мама с ужасом посмотрела на него. Я почувствовал, как в моей груди зажглась искра надежды.

— Компас даст нам отец Дэви Рэя, — ответил я. — Он ходит с ним на охоту.

— Компас ведь может разбиться, верно, Том? — снова подала голос мама.

Отец пристально смотрел на меня, выражение его лица было серьезным.

— Поход в лес с ночевкой — это не детская забава, Кори. Я знаю немало взрослых мужчин, которые заблудились в нашем лесу. Они могли бы тебе рассказать, что значит провести ночь на мокрых листьях без подушки и одеяла. Да еще мошка искушает так, что будешь чесаться не переставая. Думаешь, тебе это понравится?

— Все равно я хочу идти в поход, — ответил я.

— Ты уже договорился с другими ребятами? — спросил отец.

— Да, сэр. Мы все твердо решили идти, если, конечно, остальным тоже разрешат родители.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

— Том, он еще ребенок! — воскликнула мама. — Может быть, в следующем году?

— Нет, — возразил отец. — Кори уже не маленький.

У мамы был беспомощный и несчастный вид, она открыла рот, чтобы пуститься в дальнейшие споры, но отец приложил к ее губам палец.

— Мы с Кори договорились, — сказал он ей. — А в этом доме мужчина держит свое слово.

Глаза отца снова встретились с моими.

— Позвони приятелям. Если их родители скажут, что разрешают своим детям идти в поход, то и тебя мы отпустим. Но прежде мы должны договориться, как далеко вы пойдете и когда придете назад. Если ты не вернешься к условленному сроку, просидишь в наказание дома целую неделю. Договорились?

— Договорились! — крикнул я и бросился к телефону.

Отец сказал мне вслед:

— Подожди, не торопись. Сначала доешь свой ужин.

Сразу же после этого события стали развиваться быстро. Родители Бена не возражали против похода. Предки Дэви тоже дали добро. К сожалению, Джонни не удалось присоединиться к нам, хотя он даже попросил поговорить с его отцом моего папу. Тот сделал все от него зависящее, но решение уже было принято. Из-за того что Джонни все еще временами испытывал головокружение, его родители побоялись отпустить его в лес на всю ночь. Так Брэдлины еще раз ограбили Джонни.

И вот в солнечный полдень пятницы я, Дэви Рэй и Бен, нагруженные рюкзаками с сэндвичами, флягами с водой, средством от moskitov, противоядием от змеиных укусов, спичками, фонариками и картами местности, начали свой путь к вожденному лесу. Все мы попрощались со своими родителями, посадили на цепь наших псов, убра-

ли в сарай велосипеды. Дэви, на голове у которого была охотничья шапка с камуфляжным рисунком, принес компас своего отца. На нас были надеты длинные штаны и зимние ботинки, чтобы защитить ноги от острых колючек и змеиных укусов. Мы были хорошо подготовлены для долгого похода и подставляли свои лица лучам солнца, словно пионеры-первопроходцы, входящие в девственный лес. Прежде чем деревья сомкнулись за нашими спинами, до меня донесся последний выкрик моей беспокойной мамы:

— Кори, ты взял с собой достаточно туалетной бумаги?

Я крикнул в ответ, что вполне достаточно. Я представил себе Дэниела Буна*, мать которого задает ему перед дальней дорогой аналогичный вопрос.

Поднявшись на холм, мы пересекли поляну, откуда состоялся наш памятный полет в первый день лета. По другую сторону поляны начинался настоящий лес, густая зеленая чаща, которая заставила бы остановиться и призадуматься самого Тарзана. Оглянувшись, я посмотрел на раскинувшийся внизу Зефир, вместе со мной остановились Дэви Рэй и Бен. Все отсюда выглядело таким аккуратным: улицы, крыши, тротуары, цветники и подстриженные лужайки. А впереди нас ждали дикая лесная чаща, всяческие трудности — мир, где нет места ни безопасности, ни комфорту, — только теперь я действительно понял, во что впутался.

— Что ж, — наконец произнес Дэви Рэй. — Думаю, нам пора двигаться дальше.

— Да, — поддержал его Бен, — пошли, парни.

— Ага, — отозвался я.

* Бун, Дэниел (1734–1820) — охотник, строитель дорог, шериф округа, участник освоения Дикого Запада.

Мы стояли на опушке, ветерок дул в лицо, охлаждая наши потные шеи. Лес шелестел ветвями. Я вспомнил многоглавую шипящую гидру из фильма «Ясон и аргонавты».

— Все, пора, — сказал Дэви и шагнул вперед.

Оторвав взгляд от Зефира, я последовал за ним — ведь у него был компас. Бен подтянул потуже лямки своего рюкзака и, заправив в штаны выбившуюся рубашку, крикнул «держись!» и быстро зашагал вперед.

Лес впустил нас в себя и замкнул свои ветви и листья за нашими спинами, словно ждал сотню лет таких зеленых юнцов, как мы. Теперь мы вступили во владения дикой природы и оказались предоставлены самим себе.

Довольно скоро наши рубашки стали мокрыми от пота. Взбираться на склоны лесистых холмов, а потом спускаться вниз было нелегкой задачей в душливый августовский зной. Запыхавшийся Бен попросил Дэви Рэя сбавить темп.

— Змеиная нора! — заорал Дэви, указывая на мнимую ямку прямо у ног Бена, что заставило его вновь понестись во весь опор.

Наш путь пролегал через солнечный свет и тени безграничного зеленого царства, сквозь густую жимолость, сладчайшие россыпи ежевики. Время от времени мы, конечно, останавливались, чтобы отведать ягод, а потом продолжали свой путь, следя за компасом и солнцем — повелителями наших судеб. На вершине холма мы нашли огромный валун, на котором расположились отдохнуть. Присмотревшись к царапинам на камне, мы обнаружили символы индейцев. Увы, мы оказались не первыми, кто побывал здесь: рядом валялись обертка от печенья «Мун-пай» и осколки бутылки «Севен-ап». Мы отправились дальше, еще больше углубившись в лес, полные ре-

шимости найти такое место, где еще не ступала нога человека. По пути нам попало пересохшее русло ручья, и мы пошли прямо по нему, хрустя мелкой галькой. Затем на несколько минут наше внимание привлек мертвый опоссум, облепленный мухами. Дэви Рэй пугал Бена, делая вид, что подберет дохлятину с земли и бросит ее в Бена, но мне удалось отговорить приятеля от такой омерзительной шалости, и Бен вздохнул с облегчением. Дойдя до места, где деревья поредели, а из земли повсюду торчали камни, напоминавшие ребра динозавров, Дэви Рэй снова зачем-то остановился. Он поднял с земли и показал нам черный наконечник стрелы почти идеальной формы, который положил в карман, чтобы пополнить им коллекцию Джонни.

Солнце клонилось к закату. Мы здорово вспотели, наша одежда запыхлилась, комары настойчиво вились вокруг наших лиц и лезли в глаза. Я никогда не мог понять, чем глаза так привлекают комаров, видимо, тем же, чем огонь мотыльков. Как бы то ни было, но нам то и дело приходилось тереть слезящиеся глаза, извлекая оттуда останки мертвых насекомых. По мере того как солнце спускалось к горизонту, а воздух становился прохладнее, комаров становилось все меньше и меньше. Мы стали подыскивать место для ночлега, и вскоре выяснилось, что разбить лагерь не так-то просто.

Мам и пап, которые могли бы приготовить ужин, с нами не было. Не было ни телевизора, ни радио, ни ванны, ни постели, ни простого электрического света, что стало особенно заметно, когда небо на востоке начало темнеть. Мы понятия не имели, насколько далеко забрались от дома: последние два часа пути нам не попадались следы цивилизации.

— Мы могли бы сделать здесь привал, — сказал я Дэви Рэю, указывая на видневшуюся неподалеку полянку, однако у разгоряченного Дэви были другие планы.

— Давай пройдем еще немного, — предложил он.

Я понял, что желание узнать, что скрывается за гребнем следующего холма, неудержимо влечет его вперед. Мне и Бену не оставалось ничего другого, как шагать за Дэви следом, — я уже говорил, что он был единственным обладателем компаса.

Вскоре лучи наших фонариков разогнали сгуставшиеся вокруг сумерки. Что-то затрепетало перед моим лицом и унеслось прочь: возможно, это была выискивающая добычу летучая мышь. Кто-то еще пронесся в подлеске, испуганный нашим приближением. При каждом звуке Бен беспрестанно спрашивал: «Что это? Что это было?», но никто из нас не мог ему ответить. Наконец Дэви Рэй остановился, осветил фонариком по сторонам и объявил:

— Разбиваем лагерь здесь.

Мы с Беном тоже полагали, что для остановки самое время, потому что ноги уже отказывались нести нас дальше. Освободив от рюкзаков измученные плечи, мы сбросили свой груз на ковер из сосновых игл и принялись собирать хворост для костра. Нам не пришлось много трудиться, потому что вокруг было полно сосновых сучьев и шишек, которые запылали от одной спички. Очень скоро разгорелся приличный костер, со всех сторон обложенный камнями, в точности так, как учил меня отец. В свете пляшущих красных языков пламени мы с аппетитом принялись за припасенные для нас матерями сэндвичи, ощущая себя первопроходцами.

Весело трещал костер. Бен вытащил из своего рюкзака пачку суфле из кукурузного сиропа, которыми его снабдила мама. Мы наломали палочек и принялись жарить это

лакомство на костре. Вне освещенного круга от нашего костра стояла непроглядная тьма, в которой не было видно ничего, кроме поблескивавших на ветках светляков. Ветер колыхал вершины деревьев, а на небе можно было разглядеть полоску Млечного Пути.

В лесном уединении наши голоса звучали особенно тихо: этот храм природы требовал к себе уважения. Мы обсудили свой провальный сезон в младшей лиге и поклялись во что бы то ни стало привлечь в нашу команду Немо на следующий год. Потом разговор перешел на Брэнлинов, которые вполне заслужили, чтобы им набили морды за то, что они испортили лето Джонни. Поспорили, сколько миль до нашего дома, — пять или шесть, на чем упорно настаивал Дэви, или миль десять-двенадцать, как считал Бен. Поговорили и о том, что сейчас подделывают наши родители: они наверняка сходят с ума от беспокойства, но подобный опыт пойдет им только на пользу. Мы уже выросли, пора им понять, что наше детство почти закончилось.

Где-то вдали заухала сова. Дэви Рэй поделился своим предвкушением возможного появления Первоснега, который, должно быть, сейчас бродит где-то рядом в лесу, слышит те же звуки, что и мы, видит те же пейзажи. Не исключено, что он тоже слышал эту сову. Бен завел разговор о том, что скоро начнутся занятия в школе, но мы на него шикнули, чтобы он не портил настроение. Лежа на спине, мы смотрели, как гаснут угли костра, потом стали глядеть на небо, рассуждая о Зефире и людях, что в нем живут. Мы пришли к общему мнению, что наш городок воистину волшебный. Печать волшебства лежит и на нас, потому что мы тут родились.

Чуть позже, когда костер совсем погас и от него остались только тлеющие красные угольки, сова умолкла, а

теплый нежный ветерок принес сладковатый аромат дикой вишни. Мы стали наблюдать за яркими лазурными и золотыми полосами падающих звезд, пронесившихся в ночном небе. Но и это шоу скоро закончилось. Мы молча лежали, думая каждый о своем. Дэви Рэй сказал:

— Послушай, Кори, не расскажешь ли нам какую-нибудь историю?

— Не знаю,— отозвался я.— Что-то ничего не идет в голову.

— Подумай, может, что-нибудь проклянется,— не унимался Дэви Рэй.— Хорошо, Кори?

— Да, Кори,— подхватил Бен.— Только чтобы не слишком страшно, а то мне опять будут сниться кошмары.

Я немного подумал и начал так:

— Наверно, вы, парни, слышали, что где-то неподалеку был лагерь для пленных немецких фашистов? Недавно отец рассказал мне об этом. Он сказал, что в самой чаще нашего леса был лагерь для нацистов. Там держали самых страшных убийц, какие только бывают на свете. Лагерь находился там, где сейчас авиабаза, только тогда ее не было.

— Ты правду говоришь? — осторожно прошептал Бен.

— Ты просто болван! — крикнул Дэви Рэй.— Он же сочиняет прямо с ходу!

— Может, и сочиняю,— ровным голосом отозвался я,— а может, и нет.

Дэви Рэй промолчал.

— И вот однажды,— продолжал я,— в лагере начался пожар, и несколькими фашистам удалось убежать в лес. Они здорово обгорели, их лица превратились в кошмарные маски, но они бросились прямо в лес и...

— Ты, похоже, видел триллер на эту тему? — спросил меня Дэви Рэй.

— Нет, — отозвался я, — мне рассказал отец. Это случилось очень давно, прежде чем мы родились. Фашисты убежали в лес, но держались все вместе. У них был вожак — здоровенный детина по имени Бруно с обожженным лицом, покрытым шрамами. Они нашли пещеру и стали в ней жить, но в лесу не хватало еды на всех, и когда кто-нибудь из них умирал, они разрезали его тело ножами на части...

— О господи! — выдохнул Бен.

— ..и ели, а Бруно, тот всегда брал себе мозги. Он разбивал череп камнем, как грецкий орех, черпал из него мозги горстями и запихивал себе в глотку...

— Меня сейчас вырвет! — прохрипел Дэви Рэй, издав отвратительный звук, и дико захохотал.

Бен засмеялся вместе с ним.

— Прошло довольно много времени, года два, и в пещере остался только Бруно, который сделался еще больше и сильнее, чем раньше, — продолжал рассказывать я. — Но на его лице остались страшные ожоги. Он стал настоящим уродом: один его глаз оказался на лбу, а другой свисал с подбородка.

Последняя моя фраза вызвала новый приступ смеха.

— Так вот: прожив все это время в пещере, питаюсь мозгами и мясом своих товарищей-фашистов, Бруно совершенно спятил. Он испытывал постоянный голод, но больше всего желал человеческих мозгов, которые стали для него главным лакомством.

— Просто супер! — выкрикнул Бен.

— Он хотел добыть мозги и мог думать только об этом, — вещал я тем временем своей аудитории, состо-

явшей из двух друзей.— Он был здоровенным мужиком семи футов ростом, весил три сотни фунтов, и у него был длинный и острый охотничий нож, которым он мог одним махом снести верхушку черепа. Бруно разыскивали целые отряды полиции и армейские подразделения, но так и не сумели поймать. Они нашли лишь лесника, а после — старого самогонщика. У обоих были вскрыты черепа и выедены мозги. Стало понятно, что Бруно подбирается все ближе и ближе к Зефиру.

— И тогда власти вызвали Джеймса Бонда и Бэтмена, чтобы они разобрались с ним! — предположил Дэви Рэй.

— Нет! — мрачно покачал головой я.— Некого было звать на помощь. Были только полицейские и солдаты. Каждую ночь Бруно бродил по лесу с лампой и охотничьим ножом, такой уродливый и страшный, что от одного его вида люди застывали на месте, парализованные ужасом, будто перед горгоной Медузой. Тогда он подходил к ним и — *вжик!* — вскрывал череп и ел мозги, запихивая их прямо себе в глотку!

— Могут поспорить,— хихикнул Бен,— что старина Бруно до сих пор живет в этих лесах и лакомится на ужин человеческими мозгами.

— Нет, это не так,— ответил я, подводя итог своей повести.— Полиция и солдаты в конце концов выследили Бруно и так наспиговали пулями, что он стал похож на швейцарский сыр. Но охотники до сих пор рассказывают, что иногда видят темными ночами, как кто-то огромный бродит в чаще с лампой.

Это я произнес особенно тихо и зловеще, леденящим душу шепотом. Никто не засмеялся — ни Дэви Рэй, ни Бен.

— До сих пор призрак Бруно скитается по лесу в поисках жертв, чтобы полакомиться их мозгами. Он водит лампой из стороны в сторону, и если вы окажетесь рядом — увидите, как сверкает его нож. Самое главное: не смотрите ему в лицо! — Я предостерегающе поднял палец вверх. — Ведь если человек увидит лицо Бруно, он сходит с ума и ему тоже нестерпимо хочется съесть чьи-нибудь мозги! — проорал я последнее слово и вскочил.

Бен завопил от страха, а Дэви Рэй снова только покатился со смеху.

— Послушай, но это совсем не смешно! — обиженно протянул Бен.

— Тебе не стоит бояться встречи со стариной Бруно, — сказал ему Дэви Рэй, — всем известно, что у тебя нет никаких мозгов, поэтому можешь смело...

Внезапно Дэви Рэй замолчал и напряженно уставился в лесную темноту.

— Что ты там увидел? — спросил я.

— Он хочет нас напугать! — хохотнул Бен. — Ничего не выйдет!

Но Дэви Рэй страшно побледнел. Я мог поклясться, что на его голове с шелестом поднимаются волосы.

— Го... го... го... — выдавил из себя Дэви и поднял руку, указывая ею во тьму.

Повернувшись, я вгляделся в ту сторону, куда была простерта рука Дэви Рэя, и услышал затрудненное дыхание Бена позади меня. Волосы зашевелились у меня на голове, сердце забилося как сумасшедшее.

Петляя между деревьями, к нам приближалось пятно света.

— Го... го... Господи всемогущий! — прохрипел Дэви Рэй.

Мы были поражены страхом, от которого хочется вырыть в земле нору, забраться в нее и закидать за собой вход. Пятно света между деревьями двигалось очень медленно, приближаясь к нам. Неожиданно пятно раздвоилось, и мы одновременно упали на животы, вжавшись в сосновые иглы. Еще через мгновение я понял, что вижу автомобильные фары. Казалось, что машина вот-вот проедет прямо через наш лагерь, но потом фары резко отвернули в сторону, зажглись габаритные задние фонари — водитель нажал на тормоза. Он ехал по извилистой лесной дороге, которая, как оказалось, проходила всего в ярдах пятидесяти от нашего лагеря. Еще через пару минут машина исчезла за деревьями.

— Вы видели? — прошептал Дэви Рэй.

— Само собой! — шепотом отозвался Бен. — Мы же не слепые, черт побери!

— Интересно, кто в этой машине и что ему здесь нужно? — спросил Дэви Рэй и оглянулся на меня. — Тебе хотелось бы это узнать, Кори?

— Это, наверно, самогонщики, — ответил я. Мой голос еще дрожал от страха. — Думаю, не стоит к ним соваться.

Но Дэви Рэй уже взял свой фонарь. Его лицо все еще было мертвенно-бледным, но глаза уже сверкали живым любопытством.

— Я буду не я, если не узнаю, что тут творится! А вы можете дожидаться здесь, если хотите!

Поднявшись с земли, Дэви щелкнул фонариком и осторожно двинулся в ту сторону, куда укатила машина, но, увидев, что мы не собираемся следовать за ним, остановился.

— Вы что, на самом деле испугались?

— Можешь идти куда хочешь,— отозвался Бен,— я остаюсь.

Я поднялся на ноги. Если у Дэви Рэя хватает духу пойти, то хватит и у меня. Да мне и самому до смерти хотелось узнать, кто разъезжает в лесу по ночам.

— Пошли! — сказал мне Дэви.— Только смотри под ноги, чтобы сучья не хрустели!

— Я здесь один не останусь, вот уж дудки! — воскликнул Бен и тоже вскочил.— А вы просто спятили!

— Ладно, молчи,— высокомерно осадил его Дэви Рэй.— Идем тихо и не разговариваем.

Мы переползали от дерева к дереву, стараясь держаться лесной дороги, которую не увидели, когда выбрали место для ночной стоянки. Дэви Рэй светил только себе под ноги, чтобы никто нас не заметил. Дорога петляла между деревьями. Где-то опять заухала сова, вокруг нас крохотными огоньками мелькали светляки. Так мы прошли не меньше двухсот ярдов. Неожиданно Дэви Рэй остановился и прошептал:

— Вот они!

Мы увидели машину на дороге. Она стояла на месте, но фары ее по-прежнему горели, а мотор урчал. Мы припали к земле и затаились. Не знаю, как у других, но у меня сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Автомобиль не двигался. Тот, кто сидел за рулем, не торопился выходить.

— Мне нужно отлить! — вдруг прошептал Бен.

Дэви Рэй приказал ему заткнуться и терпеть.

Минут через пять я заметил еще два пятна света, приближавшихся к нам сквозь деревья, на этот раз с противоположной стороны. Вторая машина, черный «кадил-

лак», подкатила к первой и остановилась напротив нее. Дэви Рэй взглянул на меня: по выражению его лица было понятно, что на этот раз мы действительно вляпались во что-то серьезное. По правде говоря, мне было наплевать на то, что здесь происходило: больше всего на свете мне хотелось побыстрее убраться с этого ночного сборища тех, кого я считал самогонщиками. Дверицы первой машины открылись, из нее выбрались два человека.

— О господи! — прошептал Дэви Рэй.

Стоявшие в перекрестье света фар мужчины носили обычную одежду, но лица были скрыты под белыми масками. Один из них был среднего роста, другой — высокий и толстый, поверх пояса джинсов свисало большое пузо. Тот, что был пониже, курил то ли сигарету, то ли сигару, то и дело наклоняя голову в маске, чтобы выпустить дым из угла рта. Когда открылась дверица «кадилака», сердце у меня ушло в пятки: на дорогу выбрался не кто иной, как Бодин Блэйлок. Это точно был он: я отлично его запомнил, когда он смотрел на меня через покерный стол в игорном притоне, где мы были с дедушкой.

Другой мужчина, худой, с прилизанными черными волосами и выступающим вперед подбородком, выбрался из «кадилака» с правой стороны; на нем были узкие черные штаны и красная рубашка с ковбойскими блестками на плечах. Поначалу мне показалось, что это Донни Блэйлок, но у Донни не было такого подбородка. Черноволосый открыл заднюю дверицу «кадилака», и вся машина закачалась, когда тот, кто в ней сидел, стал выбираться наружу.

То была гора о двух ногах.

Рубаха в красную клетку и комбинезон туго обтягивали его необъятное брюхо. Когда человек-гора выпрямился

в полный рост, в нем оказалось не меньше шести с половиной футов. Он был почти совершенно лыс, если не считать венчика седых волос, обрамлявших его похожий по форме на желудь череп. Он имел аккуратно подстриженную остроконечную бороду и пыхтел как паровик. Лицо его напоминало красную морщинистую маску.

— Чего это вы так вырядились, словно на маскарад? — прорычал он голосом, похожим на скрежет бетономешалки. Утробное *zbi-zbi-zbi*, следовавшее за этим, можно было сравнить с тем звуком, который издает изношенный мотор, когда его заводят. Бодин рассмеялся, а вслед за ним и его спутники. Двое в масках неуверенно переступали с ноги на ногу.

— Парни, вы похожи на мешки с дерьмом, — проговорил человек-гора, с трудом волоча ноги.

Могу поклясться, что его ладони были величиной с добрый окорок, а ногами в изношенных башмаках он за просто растоптал бы молоденькое деревце.

— Мы хотим сохранить полное иког... никог... инкогнито, — пробормотал пузан в маске. — Не хотим, чтобы нас узнали.

— Черт, Дик! — заревел бородатый монстр, раздражаясь новым приступом хохота. — Только законченный идиот не узнает твой жирный зад и огромное пузо!

«Говорил горшку котелок: уж больно ты черен, дружок», — пронеслось у меня в голове.

— Мистер Блэйлок, было бы лучше, чтобы вы не упоминали наши имена, — раздраженно проскулил тот, кого называли Диком, и я, содрогнувшись, понял, что передо мной не кто иной, как мистер Дик Моултри, а человек-гора — это сам Блэйлок Большое Дуло, грозный глава семейного клана Блэйлоков.

Очевидно, до Бена это тоже дошло.

— Давайте убираться отсюда,— свистящим шепотом прошипел он, но Дэви Рэй оборвал его:

— Заткнись!

— Ну что ж,— продолжал тем временем Блэйлок, уперев руки в могучие бедра.— Рядитесь хоть в дерюгу, мне плевать, только бабки платите. Вы привезли деньги?

— Да, сэр,— отозвался мистер Моултри, вынимая из кармана пачку банкнот.

— Пересчитай, чтоб я видел,— пророкотал Большое Дуло.

— Хорошо, сэр. Пятьдесят... сто... сто пятьдесят... двести...

Счет продолжался до четырехсот долларов.

— Забери у них деньги, Уэйд,— рыкнул Большое Дуло.

Мужчина в красной рубашке бросился исполнять его приказание.

— Минутку, сэр,— подал голос второй человек в маске.— Мы хотели бы взглянуть на товар.

Этот человек говорил неестественно низким, хриплым голосом, и мне показалось, что где-то я его слышал.

— Бодин, дай этим парням то, за чем они приехали,— приказал Большое Дуло.

Вытащив ключи из зажигания «кадилака», Бодин обошел машину кругом и стал возиться в багажнике. Большое Дуло не сводил глаз с человека с фальшивым голосом. Я был благодарен судьбе за то, что не я сейчас оказался объектом этого пристального внимания: ведь сила взгляда Большого Дула была такова, что, казалось, железо могло расплавиться.

— Самый лучший товар, парни,— пророкотал Большое Дуло.— То, что вам нужно, можете не сомневаться.

— Другого и не ждали, мистер Блэйлок. Цена ведь тоже не маленькая.

— Может, хотите проверить качество? — усмехнулся Большое Дуло, обнажив ряды крепких зубов. — На твоём месте, дружок, я бы выбросил сигарку.

Неизвестный в маске послушно сделал последнюю затяжку и выбросил окурок в кусты, как раз туда, где мы прятались. Окурок упал на сосновые иглы всего в четырёх футах от меня, и я увидел изжеванный пластиковый мундштук. Я знал, кто курил манильские сигары с таким мундштуком, — мистер Харджисон, наш городской почтальон.

Тем временем Бодин открыл багажник. Достав что-то из машины, он захлопнул багажник и вернулся к людям в масках с небольшим деревянным ящичком в руках. Бодин нес ящик очень осторожно, словно спящего младенца.

— Можно мне взглянуть? — спросил мистер Харджисон тоном, которого я у него никогда не слышал.

— Покажи ему: он имеет право видеть, за что платит деньги, — приказал сыну Большое Дуло, и Бодин, аккуратно освободив защелку ящичка, открыл крышку и продемонстрировал его содержимое. Никто из нас не мог разглядеть, что находилось внутри, но мистер Моултри заглянул внутрь и удовлетворенно присвистнул под маской.

— То, что вам надо? — спросил Большое Дуло.

— Все в порядке, — ответил мистер Харджисон. — Они поймут, что случилось, только когда будут бить чечетку в аду.

— Я добавил туда пару штук на всякий случай, — усмехнулся Большое Дуло, и я подумал, что именно так, наверно, выглядит сам Сатана. — Ладно, удачи вам. За-

крывай коробку, Бодин. А ты, Уэйд, заberi у них наши деньги.

— Дэви, по мне что-то ползет! — прошептал Бен.

— Заткнись, придурок!

— Я правду говорю: по мне что-то ползет!

— Вы ничего не слышали? — настороженно вскинул голову мистер Моултри, заставив меня всего похолодеть.

Стоявшие на дороге замолчали, напряженно прислушиваясь. Мистер Харджисон держал обеими руками ящичек, а Уэйд Блэйлок стискивал в кулаке деньги. Голова Блэйлока Большое Дуло медленно поворачивалась из стороны в сторону, его раскаленные, как домна, глаза проникали в самую чашу. «Хут-хут», — ухнула сова где-то вдалеке. Бен испустил тихий испуганный вой. Я изо всех сил вжался лицом в сосновые иглы, чувствуя, как совсем рядом со мной тлеет окурок сигары, выброшенный мистером Харджисоном.

— Я ничего не слышу, — наконец сказал Уэйд Блэйлок и передал отцу деньги.

Большое Дуло еще раз пересчитал деньги, то и дело облизывая нижнюю губу. Наконец он сунул банкноты в карман.

— Лады, парни, — удовлетворенно пророкотал Большое Дуло, обращаясь к людям в масках. — На этом, джентльмены, наши дорожки расходятся. В следующий раз, когда снова захотите сделать особый заказ, вы знаете, где меня найти.

С этими словами он стал втискиваться обратно на заднее сиденье «кадиллака», при этом Бодин предупредительно распахнул перед ним дверь.

— Огромное вам спасибо, мистер Блэйлок.

Что-то в голосе мистера Моултри заставило меня думать о жалкой собачонке, угодливо лижущей руку грозного хозяина.

— Мы высоко ценим внимание, которое вы...

— Пауки-и-и-и!

Казалось, земной шар перестал вращаться. Невидимая сова онемела. Млечный Путь у нас над головами вспыхнул и почти погас, тускло мерцая.

— Пауки! — снова завопил Бен и принялся кататься по подстилке из сосновых игл. — Они на мне повсюду!

От ужаса у меня перехватило дыхание. Я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Лежа рядом со мной, Дэви Рэй с открытым ртом смотрел на извивающегося и орущего Бена. Пятеро мужчин застыли на месте, все без исключения повернувшись в нашу сторону. Мое сердце бешено колотилось. Прошли три бесконечные секунды, и рев Большого Дула разнес ночную тишину в клочья:

— Хватайте их!

— Бежим! — выкрикнул Дэви Рэй, моментально вскочив на ноги. — Бежим, если жизнь дорога!

Бодин и Уэйд рванули к нам через кусты, их тени в перекрещивающемся свете фар были огромны. Дэви Рэй уже несея в обратную сторону, туда, откуда мы недавно пришли.

Крикнув Бену: «Беги!» — я припустил вслед за Дэви. Вскочив, Бен еще несколько секунд отряхивался, испуганно взвизгивая. На бегу глянув через плечо, я увидел, как протянулись к Бену руки Уэйда, но поймали вместо своей жертвы пустой воздух, потому что Бен припустил изо всех сил.

— Стоять, маленькие ублюдки! — заорал нам в спину Бодин Блэйлок.

— Хватайте их! — командовал с дороги Большое Дуло.— Не дайте им смыться!

Дэви Рэй всегда был самым быстрым из нас, и тут он вскоре оставил меня позади. К тому же у него был фонарик. Я бежал, не разбирая дороги, все время слыша сзади хриплое дыхание Бодина. Еще раз оглянувшись, я увидел, что Бен бежит в другую сторону от нас, по пятам преследуемый Уэйдом. Участвовали ли в погоне мистер Моултри и мистер Харджисон, я не знаю. Бодин Блэйлок уже почти догнал меня, пытаясь схватить за воротник, но я пригнулся и рванул в другую сторону, а он поскользнулся на сосновых иглах. Я летел, не разбирая дороги, навстречу тьме и неизвестности.

— Дэви Рэй! — крикнул я, потому что потерял из виду свет его фонарика.— Где ты?

— Я тут, Кори! — откликнулся он, но с какой стороны донесся его голос, я так и не смог разобрать.

Позади меня снова трещал подлесок под ногами Бодина. Я бежал изо всех сил, чувствуя, как пот заливает лицо.

— Кори! Дэви Рэй! — раздался зов Бена откуда-то справа.

— Черт возьми, да поймаете же вы их наконец? — ревел в ярости Большое Дуло.

Страшно было даже представить, что могли сделать с нами это похожее на гору чудовище и его выводок, окажись мы у них в лапах. Заключение только что в лесу сделка наверняка была противозаконной, и теперь Блэйлоки хотели сохранить это в тайне. Я решил крикнуть Бену в ответ, но не успел открыть рта, как моя левая нога поскользнулась на сосновых иголках и я полетел кувырком, словно мешок с зерном. Оказавшись под кустом, перевитым лозой дикого винограда, я затаился, трепеща от страха и чувствуя тошноту, от которой едва не вылез наружу

недавно съеденный ужин. Я тихо лежал на животе, чувствуя, как саднит царапина на подбородке, и ждал, что из темноты вот-вот возникнет сильная злая рука и схватит за шиворот. Я с ужасом услышал, как неподалеку от меня треснула сухая ветка — Бодин был уже близко. Я затаил дыхание, опасаясь, что он услышит стук моего сердца, который, как мне казалось, звучит в тишине так же громко, как кузнечный молот, бьющий в наковальню, и если Бодин ничего не слышал, то определенно он был глух как тетерев.

Внезапно откуда-то слева послышался его голос.

— Эй, вылезай-ка, пацан! Я знаю, где ты!

Я уже готов был повиноваться — голос Бодина звучал очень убедительно, но вовремя понял, что тьма была для него такой же непроглядной, как и для меня. Поэтому, стиснув зубы, я промолчал и остался лежать неподвижно.

Еще через несколько секунд голос Бодина раздался по-дальше:

— Вам не спрятаться от нас, маленькие ублюдки! Лучше сразу вылезайте, а то хуже будет!

Он уходил от меня все дальше прочь. Я выждал еще пару минут, прислушиваясь, как перекликаются в лесу Блэй-локи. Судя по всему, и Бену, и Дэви Рэю удалось ускользнуть, а Большое Дуло теперь сходил с ума от злости.

— Вы найдете мне этих проклятых пацанов, пусть даже для этого вам придется бродить по лесу всю ночь! — орал он на своих сыновей, которые отвечали ему покорно и односложно:

— Хорошо, сэр. Мы найдем их, сэр.

Решив, что настала пора улепетывать, пока позволяет ситуация, я встал и начал осторожно, как побитый щеночек, пробираться в глубь леса.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Я понятия не имел, куда иду, зная лишь одно: надо убраться как можно дальше от Блэйлоков. Какое-то время я размышлял, не вернуться ли назад по собственным следам, чтобы разыскать своих друзей, но отказался от этой затеи из страха, что Блэйлоки схватят меня. Я продолжал идти дальше во тьму. Встреча с рысью или гремучей змеей представлялась мне менее опасной, чем то, что могли сотворить со мной преследовавшие меня двуногие звери. Я шел, может быть, с полчаса, потом мне на пути попался большой валун, к которому я прислонился, усевшись рядом. При свете звезд я осознал, что оказался в весьма неприятной ситуации: рюкзак со всем содержимым остался у нашего костра, который теперь находился неизвестно где. У меня не было ни воды, ни еды, ни фонарика, ни спичек, ни Дэви Рэя с его компасом.

И тут мне пришла в голову убийственная мысль: мама была права — мне следовало дожидаться тринадцатилетия.

Глава 8

ЧИЛИ УИЛЛОУ

Мне и прежде приходилось не спать ночами, ожидая наступления рассвета. Так было, когда у меня случился острый фарингит: болело горло и я не спал всю ночь, каждая минута которой стала для меня бесконечной мукой. Или когда у Бунтаря были глисты, и всю ночь он скулил и кашлял, а я не мог заснуть. Ночь, которую я провел скрючившись под валуном, показалась мне вечностью, наполненной раскаянием, страхом и чудовищным дискомфортом, — все это втиснулось в рамки шести часов. Одно я понял наверняка: это был мой последний поход в лес с ночевкой. От любого звука я подскакивал на месте и всматривался в лесную тьму, видя внушительные силуэты там, где росли только тощие сосенки. Я готов был швырнуть в костер самый дорогой моему сердцу номер «Нэшнл джиографик», если бы получил взамен пару сэндвичей с ореховой пастой и бутылку «Грин Спот». Незадолго до рассвета меня обнаружили москиты. Они были такие здоровенные, что при желании я вполне мог схватить парочку из них за ноги и добраться до Зефира по воздуху. Я был в самом жалком состоянии: весь в красных пятнах от укусов этих мерзких тварей, да еще и желудок урчал от голода.

В общем, у меня оказалось уйма свободного времени. Помимо прихлопывания кровососов и вслушивания в ночную тишь в ожидании звука приближающихся шагов я имел отличную возможность поразмыслить о том, что находилось в деревянном ящике, за который мистер Моултри и мистер Харджисон выложили Блэйлокам четыре сотни долларов. А уж если к этому делу причастны Блэйлоки, наверняка замышляется какое-то злодейство. Для чего мистер Моултри и мистер Харджисон собирались использовать содержимое этого ящичка? В моей памяти всплыли слова, которые с усмешкой сказал мистер Харджисон: «Они поймут, что случилось, только когда будут бить чечетку в аду».

Что бы ни содержалось в этом ящике, дело было опасным и незаконным, иначе сделка не заключалась бы в лесу под покровом ночи. Я не сомневался, что Блэйлоки, а может быть, и мистер Моултри с мистером Харджисоном, не задумываясь, перерезали бы нам глотки, чтобы сохранить эту сделку в тайне.

И вот наконец на востоке забрезжило солнце, окрашивая небо в розовый и пурпурный цвета. Я решил, что пора идти дальше: не исключено, что Блэйлоки где-то поблизости. Вчера мы весь день шли вслед за солнцем, поэтому я решил, что мой путь должен лежать на восток.

Первым делом надо было забраться на какую-нибудь возвышенность и посмотреть, в какой стороне лежит Зефир, или озеро Саксон, или какие-нибудь шоссе и железные дороги. Я поднимался на несколько холмов, но и оттуда, кроме леса, ничего не было видно. Часа через два после рассвета я решил устроить небольшой привал. Над моей головой с ужасным ревом пронесся реактивный самолет, я видел, как он выпустил шасси. Тогда я немного изменил направление движения, взяв курс туда, где, как

я надеялся, находилась авиабаза. Я шел и шел вперед, а лес все не редел, наоборот, он становился гуще. Солнце начало припекать, местность вокруг была неровной, и вскоре я здорово вспотел. Вновь появились комары и прочие кровососы, их кузины и кузены, дядюшки и тетушки — вся эта нечисть черным ореолом беспрестанно кружилась над моей головой.

Вскоре я вновь услышал рев реактивных двигателей, хотя самих самолетов за деревьями не было видно, а потом глухие разрывы. Я остановился, догадавшись, что нахожусь поблизости бомбового полигона. С гребня следующего холма я увидел вдали, там, где по моим расчетам находился северо-восток, столбы черного дыма и пыли, поднимавшиеся к небу. Это означало, что мне предстоит еще очень долгий и трудный путь к родному дому.

Желудок и солнце в зените подсказали мне, что время близится к полудню. По нашему с родителями уговору я уже давно должен был вернуться. Я представил себе, как сходит с ума мама, как потирает руки отец, готовя ремень для порки. Самым обидным было признать, что я вовсе не стал взрослее, как мне казалось еще вчера.

Я двинулся дальше, огибая полигон, на который падали бомбы. Меньше всего мне хотелось, чтобы на меня с неба свалилось несколько сотен фунтов взрывчатки. Мне приходилось продираться сквозь заросли покрытого шипами кустарника, который рвал мне одежду и ранил кожу, но я терпел, стиснув зубы. Паника никак не проходила: каждая тень казалась мне затаившейся гремучей змеей. Как никогда, я жалел, что не умею летать.

Потом совершенно неожиданно сосны расступились передо мной, и я вышел на изумрудно-зеленую поляну. На покрытой рябью поверхности маленького пруда блестели солнечные лучи. В пруду плавала девушка. По-види-

мому, она только что вошла в воду: мокрыми были только концы ее длинных золотистых волос. Она ровно и хорошо загорела, на ее руках и плечах во время гребков поблескивали капли воды. Я хотел было ее окликнуть, но она вдруг перевернулась на спину и я увидел, что она купается абсолютно голой.

Сердце у меня скакнуло, я мгновенно отступил за дерево и затаился, больше всего боясь испугать ее. Лежа на спине, она блаженно бултыхала в воде ногами, маленькие бутоны ее груди были видны над поверхностью воды. Ничто не прикрывало место между ее длинными и гладкими бедрами. Подглядывать было стыдно, но я смотрел на нее, словно замороженный. Девушка перевернулась на живот и скользнула под воду, потом вынырнула на середине пруда и, откинув тяжелые мокрые волосы со лба, снова перевернулась на спину и медленно поплыла, глядя в голубое небо.

Ситуация сложилась интересная. Голодный, изнывающий от жажды, весь в укусах moskitov, исцарапанный колючками, я стоял за деревом в лесу в двадцати футах от сверкающего на солнце зеленоватого пруда, в котором плескалась обнаженная золотоволосая девушка, а в это самое время мои родители названивали шерифу и шефу пожарной команды. Я не успел еще толком разглядеть ее лицо, но она явно была старше меня, лет пятнадцати-шестнадцати. Девушка была высокой и стройной, в том, как она держалась на воде, в ее движениях было не детское легкомыслие, а изящество и грация. На противоположном берегу пруда я заметил ее одежду, лежавшую под деревом, и уходившую в лес тропинку. Еще раз нырнув, девушка сильно ударила ногами по воде, потом появилась на поверхности и быстро поплыла к своей одежде. Когда

ее ноги нащупали скользкое дно, она встала во весь рост и побрела к берегу. И тогда меня посетил момент истины.

— Подождите! — закричал я.

Девушка обернулась, мгновенно покраснела. Руки ее взметнулись, чтобы прикрыть грудь, и она мигом присела в воду по горло.

— Кто здесь? Кто это сказал?

— Это я звал вас, — смущенно отозвался я, появляясь из своего укрытия. — Извините.

— Кто ты такой? Давно там стоишь?

— Я только что вышел из леса, — ответил я, решив, что невинная ложь в данном случае устроит нас обоих. — И ничего не видел.

Девушка негодуя смотрела на меня, чуть приоткрыв рот. Мокрые волосы волнами раскинулись по плечам. Сквозь листву на ее лицо лился солнечный свет, и даже в гнев она была прекрасна. Удивительно, что ее красота пронзила меня подобно разряду молнии. Мальчик моих лет может посчитать красивым многое: окраску велосипеда, блеск собачьей шерсти, вращение диска йо-йо на нитке, желтый свет полной луны, сочную зелень луга, несколько предстоящих свободных часов. Черты девичьего лица, какими бы они ни были правильными, обычно не входят в этот перечень. Однако в тот момент я начисто забыл о пустом желудке, укусах moskitov и царапинах от колючек. На меня глядела девушка с самым красивым лицом, какое я когда-либо видел. Глядя в ее глаза василькового цвета, я будто пробудился от долгого сна, вышел из состояния ленивого оцепенения и очутился в мире, о существовании которого даже не подозревал.

— Я заблудился, — наконец выдал я из себя.

— Откуда ты идешь? Ты подсматривал за мной?

— Нет. Я пришел вон оттуда.

Я махнул рукой в глубь леса.

— Бри больше! — презрительно фыркнула девушка. — Никто не живет на этих холмах!

— Да, я знаю.

Она по-прежнему сидела на корточках под водой, обхватив себя за плечи руками. Я видел, что гнев ее постепенно проходит, взгляд смягчается.

— Значит, ты заблудился? — повторила она. — А где ты живешь?

— В Зефире.

— Опять врешь! Зефир — по другую сторону долины!

— Мы с друзьями вчера заночевали в лесу, — объяснил я. — Случилась одна неприятность, и я заблудился в темноте.

— Что за неприятность?

Я пожал плечами.

— За нами погнались какие-то люди.

— И ты думаешь, что я поверю тебе?

— Я говорю правду, клянусь.

— Значит, ты пришел сюда аж из самого Зефира? Должно быть, ты валишься с ног от усталости?

— Так оно и есть.

— Давай-ка отвернись, — приказала она. — И не смей оглядываться, до тех пор пока я не разрешу тебе. Понял?

— Хорошо, — кивнул я и повернулся к ней спиной.

Я слышал, как она выходила из воды, и мысленно представил себе ее, всю обнаженную с головы до ног. Тихо зашуршала одежда. Прошла минута-другая, и она сказала мне:

— Теперь можешь повернуться.

Когда я увидел ее снова, на ней была розовая футболка, джинсы и теннисные туфли.

— Как тебя зовут? — спросила она, откидывая волосы со лба.

— Кори Маккенсон.

— А меня Чили Уиллоу,— представилась она.— Ну что ж, пошли, Кори.

О, как чудесно было слышать свое имя из ее уст!

Я углубился по тропинке в лес вслед за девушкой. Чили была выше меня, ее походка сильно отличалась от манеры ходить, принятой у моих одноклассниц. Ей не меньше шестнадцати, решил я. Шагая за ней следом, я вдыхал ее запах, сравнимый разве что с ароматом росы на свежескошенной траве. Я старался идти за ней след в след. Если бы у меня был хвост, я бы всю им вилял.

— Я живу здесь недалеко,— сказала мне Чили.

— Ясно,— отозвался я.

У обочины пыльной дороги стояла крытая толью лачуга с курятником неподалеку. Посреди заросшего сорняками двора на блоках из шлакобетона стоял ржавый автомобильный кузов. Жилье выглядело даже более жалким и запущенным, чем тот притон, в котором мой дедушка Джейберд спустил в покер свою последнюю рубашку. Я уже обратил внимание на то, что ее джинсы были обтрепанными и залатанными, а на футболке светились дыры размером с десятицентовик. И вот я увидел ее дом, по сравнению с которым последняя братонская лачуга выглядела дворцом. Поднявшись на крыльцо, Чили отворила сетчатую дверь со скрипящими петлями и крикнула в темноту внутри:

— Мама? Смотри, кого я нашла в лесу!

Вслед за Чили я вошел в хижину. Внутри стоял запах сигаретного дыма и зелени с огорода. В кресле-качалке сидела женщина с вязаньем на коленях. Она подняла на

меня васильковые глаза, такие же, как у красавицы дочери, только лицо у матери было морщинистое, с потемневшей от тяжелой работы на солнце кожей.

— Можешь выбросить его обратно,— отозвалась она.

Спицы снова замелькали в ее руках.

— Он заблудился,— объяснила Чили.— Говорит, что пришел из Зефира.

— Из Зефира? — переспросила женщина. Ее глаза снова обратились ко мне. На ней было голубое платье с желтыми, вышитыми на груди узорами и резиновые шлепанцы.— Далековато же ты забрался, паренек.

Голос женщины был низким и хриплым, словно солнце вместе с кожей высушило и ее легкие. На низеньком столике рядом с креслом-качалкой стояла пепельница, полная окурков, в ней дымилась наполовину выкуренная сигарета.

— Да, мэм,— согласился я.— Мне очень надо позвонить своим родителям. Нельзя ли воспользоваться вашим телефоном?

— Здесь его нет,— ответила женщина.— У нас тут не Зефир.

— А, ясно. Тогда... не мог бы кто-нибудь отвезти меня домой?

Мать Чили взяла из пепельницы сигарету и, сделав глубокую затяжку, положила ее обратно. Когда она снова заговорила, из ее рта струйкой вился дым.

— На грузовике уехал Билл, но он должен вскоре вернуться.

Мне захотелось узнать, как быстро наступит это «вскоре», но спрашивать об этом было бы невежливо.

— Можно мне выпить стакан воды? — обратился я к Чили.

— Само собой. И снимай-ка рубашку, она у тебя насквозь промокла. Снимай, не стесняйся.

Я прошел вслед за Чили в темную кухоньку, расстегнул пуговицы на рубашке и отлепил ее от тела.

— Ты весь исцарапался,— сказала мать Чили, снова выпуская изо рта сигаретный дым.— Достань-ка йод, Чили, и подлечи своего гостя.

— Хорошо, мама,— отозвалась Чили, а я, повесив мокрую от пота рубашку на спинку стула, замер, ожидая, когда наступит мгновение боли и блаженства.

Чили накачала насосом воду, которая булькала и плескалась во все стороны. Я отпил из кружки с Фредом Флинтстоуном* на боку и обнаружил, что вода теплая и имеет коричневатый оттенок. Вкус у нее был какой-то затхлый. Потом лицо Чили Уиллоу оказалось рядом, сладость ее дыхания напоминала аромат роз. В ее руках был ватный тампончик и пузырек с йодом.

— Будет немножко больно,— предупредила она.

— Ничего, этот стерпит,— отозвалась из своей качалки ее мать.

Чили принялась за работу. Боль была острой, потом стала еще сильнее. Я морщился и старался дышать глубже. Боль все усиливалась, а я глядел на лицо Чили. Ее волосы высохли и падали на плечи золотистыми волнами. Она опустила на колени, красновато-коричневая ватка в ее пальцах оставляла следы того же цвета на моей коже. Мое сердце забилося чаще. Ее светло-голубые глаза встретились с моими, и она улыбнулась мне.

— А ты молодец,— проговорила она.

* Персонаж мультипликационного телесериала «Семейство Флинтстоунов» (1960–1966).

Я улыбнулся ей в ответ, хотя мне было так больно, что я готов был заплакать.

— Сколько тебе лет, мальчик? — поинтересовалась мать Чили.

— Двенадцать, — ответил я и снова прибег к невинной лжи: — На самом деле мне уже почти тринадцать. Говоря это, я не сводил глаз с лица Чили.

— А тебе сколько? — спросил я ее.

— Мне? О, я уже почтенная леди. Мне шестнадцать.

— Ты еще учишься в школе?

— Один год отучилась, — ответила она. — Мне этого хватило.

— Ты не ходишь в школу? — Я был потрясен таким известием. — Вот это да!

— Ее школа еще не окончена, — подала голос мать Чили, не переставая вязать. — Школа тумачов, которые раздает жизнь, я ее тоже прошла.

— Ох, мама! — вздохнула Чили.

Сорвавшись с ее губок в форме лука Купидона, эти два слова прозвучали для меня как музыка.

Я позабыл о боли. Для такого мужчины, как я, боль была просто ничем. Я выдержу все, что угодно, — правильно сказала мама Чили. Я окинул взглядом полутемную комнату, обставленную старой, обшарпанной мебелью, а потом вновь посмотрел на Чили и словно увидел солнце после долгой ночной бури. Йод безжалостно жег, но прикосновения рук Чили были легки и нежны. Я подумал, что, должно быть, нравлюсь ей, иначе бы она не стала обращаться со мной так заботливо. Я видел ее совсем голой. До этого я никогда не видел обнаженных женщин, если не считать мамы. Я познакомился с Чили совсем недавно, но что значит время, когда говорит сердце? Сейчас

мое сердце говорило с Чили Уиллоу, которая смазывала мне царапины йодом и улыбалась. Мое сердце говорило ей: «Если бы ты была моей подружкой, я бы подарил тебе сотню светлячков в банке из зеленого стекла, чтобы ты не сбилась в темноте с пути. Я бы подарил тебе лут, весь в полевых цветах, среди которых не было бы двух одинаковых. Я бы отдал тебе свой велосипед с золотым глазом в фаре, чтобы он защищал тебя. Я бы написал для тебя рассказ, в котором ты была бы принцессой и жила в замке из белого мрамора. Если бы я знал, что нравлюсь тебе, я бы подарил тебе волшебство. Только скажи, что я тебе небезразличен.

Только скажи...»

— А ты храбрый парень,— сказала мне Чили.

Где-то в дальнем углу хижины заплакал ребенок.

— О господи,— вздохнула мама Чили, откладывая вязанье.— Бубба проснулся.

Она встала и направилась туда, откуда доносился плач, шлепая своими резиновыми тапками по растресканному дощатому полу.

— Сейчас я его покормлю,— сказала Чили.

— Ничего, не отвлекайся, я сделаю это сама. Билл скоро вернется, и на твоём месте я бы надела колечко — ты же знаешь, как он бесится, когда ты его снимаешь.

— Да, знаю,— вздохнула Чили.

Ее глаза потемнели. Она приложила ватку к последней моей царапине и закупирила пазырек с йодом.

— Все, дело сделано.

Мать Чили вышла к нам, держа на руках младенца, которому, как видно, не было еще и года. Я остался стоять посреди комнаты, а Чили поднялась с колен и прошла на кухню. Когда она вернулась, на среднем пальце ее левой руки появилось тоненькое золотое колечко. Чили взяла

у матери ребенка и стала его укачивать, что-то напевая вполголоса.

— Ужасный плакса,— сказала мать Чили.— Истинное наказание.

Подойдя к окну, она чуть отодвинула легкую занавеску.

— А вот и Билл. Он подкинет тебя до дома, паренек.

Я услышал, как во дворе прогремел грузовик, подъехавший чуть ли не к самому крыльцу. Открылась и с шумом захлопнулась дверь. Вошел Билл, высокий и стройный, с коротко остриженными волосами, карими глазами с тяжелыми веками, на вид ему было лет восемнадцать. На Билле были грязные джинсы и голубая рубашка с пятном машинного масла на груди. Он жевал спичку.

— А это кто такой? — первым делом поинтересовался он.

— Паренька нужно подвезти в Зефир,— ответила Биллу мать Чили.— Он заблудился в лесу.

— Обратно в Зефир я ни за что не потащусь! — отрезал Билл, смерив меня сердитым взглядом.— Чуть не изжарился в этом чертовом грузовике!

— Где ты был? — спросила Билла Чили, укачивая ребенка.

— Чинил мотор у старика Уолша. И если вы думаете, что это было плевое дело, лучше не злите меня.

Бросив взгляд на Чили, Билл прошествовал на кухню. Я заметил, что он смотрел словно сквозь нее, как будто ее и не было здесь вовсе. Глаза Чили угасли и наполнились тоской.

— Деньги-то хоть привез? — подала голос мать Чили.

— Конечно. Вы что, совсем за идиота меня держите? Думаете, я буду задарма работать?

— Нужно свежее молоко для Буббы! — подала голос Чили.

Я услышал, как полилась илистая вода, закачиваемая насосом.

— Черт! — ругнулся Билл.

— Так ты отвезешь паренька в Зефир или нет? — снова спросила мать Чили.

— Нет, — ответил Билл.

— Подержи-ка. — Чили встала, передавая ребенка матери. — Тогда я сама отвезу его.

— Черта с два! — Билли вошел в комнату, держа в руке кружку с изображением еще одного Флинтстоуна, в которой плескалась коричневатая вода. — Ты не можешь никуда ехать, потому что у тебя нет водительских прав!

— Я же тебе сказала, что должна...

— Не твоя забота — развозить пацанов по домам, — оборвал ее Билли. Он снова смотрел на Чили, словно не видя ее. — Твое место в доме. Объясните ей, миссис Перселл.

— Я не пою под чужую дудку, — ответила мать Чили.

Отстранив ребенка, которого протянула ей дочь, она снова опустилась в кресло-качалку, закурила новую сигарету и взялась за вязанье.

Допив коричневатую воду из кружки до дна, Билли поморщился.

— Ладно. Черт с ним. Отвезу его на бензозаправку рядом с авиабазой. Там есть платный телефон.

— Тебя это устроит, Кори? — спросила меня Чили.

— Меня... — Моя голова до сих пор шла кругом от вида золотого колечка на руке Чили. — Вполне.

— Тебе придется согласиться на то, что я тебе предлагаю, иначе я попросту выброшу тебя за дверь, — предупредил Билл.

— У меня нет денег, чтобы позвонить из автомата, — сказал я.

— Слушай, парень, у тебя чертовски жалкий вид,— заявил Билл, возвращаясь с кружкой на кухню.— Тех денег, что я заработал, я тебе точно не дам, можешь не рассчитывать.

Чили засунула руку в карман джинсов.

— У меня тут есть пара монеток,— сказала она, извлекая маленький красный пластиковый кошелек в форме сердечка. Кошелек потрескался и истрепался, он был из тех, что покупают маленьким девочкам в магазинах Вулворта за девяносто девять центов. Чили открыла защелку кошелька. Я увидел внутри несколько монет.

— Мне хватит десятицентовика,— торопливо сказал я.

Чили протянула мне дайм с головой Меркурия на обратной стороне, я взял у нее монетку и засунул в карман. Она подарила мне улыбку, что само по себе стоило целого состояния.

— Счастливо добраться до дома.

— Больше не заблужусь.

Я взглянул на личико ребенка и увидел, что у него такие же красивые васильковые глаза, как и у Чили.

— Если идешь, пошли,— сказал Билл, проходя мимо меня к двери.

Свою жену и ребенка он даже не удостоил взглядом. Он вышел на улицу, крепко хлопнув дверью, и я услышал, как зафыркал мотор пикапа.

Я просто не мог оторваться от Чили Уиллоу. Позже, по прошествии многих лет, я услышал о «химии», неких флюидах, что возникают между людьми, и узнал, что это означает. Отец рассказал мне, как это бывает у птиц и пчел, но тогда я уже многое узнал от своих одноклассников. А в тот миг я ощущал лишь невыносимую тоску и

страстное желание быть старше, выше, сильнее и красивее, чтобы решиться поцеловать губы на этом милом лице. И еще мне хотелось, чтобы время повернуло вспять и чтобы она не держала на руках ребенка от Билли. В тот момент я хотел сказать ей только одно: «Ты должна была дожждаться меня».

— Тебе пора домой, мальчик,— сказала мне миссис Перселл.

Она внимательно рассматривала меня. Спицы замерли в воздухе, и я подумал, уж не догадывается ли она о том, что творится в моей голове.

Никогда мне не суждено больше переступить порог этого дома. Никогда больше я не увижу Чили Уиллоу. Я точно знал это и потому пожирал ее глазами, пока мог.

На улице Билл надавил на гудок. Бубба снова заплакал.

— Спасибо,— сказал я Чили, взял свою мокрую рубашку и вышел из дома на солнцепек.

На бортах ядовито-зеленого пикапа Билла были вмятины, а кузов заметно заваливался на левую сторону. На зеркале заднего вида болталась пара игральные костей из красного бархата. Я уселся рядом с водительским местом, пружины больно впились мне в зад. На полу машины стоял ящик для инструментов, валялись мотки проволоки. Все окна были опущены, но в кабине стоял устойчивый запах пота и чего-то тошнотворно сладкого, что я впоследствии стал связывать с крайней бедностью. Я оглянулся и увидел, что Чили вышла на крыльцо с ребенком на руках.

— Билл, пожалуйста, на обратном пути зайди в магазин и купи Буббе молока! — крикнула Чили.

В затхлом полумраке хижины я заметил мать Чили — она тоже стояла и смотрела нам вслед. Внезапно я

понял, что обе женщины очень похожи друг на друга, хотя мать сильно изменилась под гнетом времени и обстоятельств. Как я догадывался, ей пришлось пережить немало горестей и разочарований. Я искренне надеялся, что Чили удастся избежать столь тяжелого жизненного пути, что она не запрет свою улыбку на замок, потеряв ключ от него.

— Пока! — крикнула мне Чили.

Я помахал в ответ. Билл отъехал от дома и вывел пикап на дорогу. Между Чили Уиллоу и мной поднялись клубы пыли.

Нам пришлось проехать не меньше мили, прежде чем на дороге появился асфальт. Билл всю дорогу молчал и высадил меня у заправки возле авиабазы. Только когда я выбрался наружу, он бросил:

— Когда подрастешь, паренек, трижды подумай, прежде чем сунуть куда-нибудь свой стручок.

Билл укатил, а я остался стоять один посреди раскаленной солнцем дороги.

Боль ничего не значила для такого человека, как я.

Хозяин бензозаправки показал мне телефон-автомат. Уже взяв в руку дайм с головкой Меркурия, чтобы опустить его в щель автомата, я передумал — не мог расстаться с дорогой мне монеткой. Ведь совсем недавно эти десять центов лежали в кошельке Чили Уиллоу. Я просто не мог бросить эту монету в телефон и попросил у хозяина бензоколонки дайм взаймы, пообещав, что мой отец вернет ему деньги.

— У меня здесь не банк, — недовольно сказал хозяин, но монетку мне все-таки выдал, взяв ее из ящика кассы.

В следующий миг монета провалилась в щель телефона. Я набрал свой номер. Мама сняла трубку со второго звонка.

Примерно через полчаса за мной прикатили родители. Я ожидал самого худшего, но мама чуть не задушила меня в объятиях, а отец с улыбкой потрепал по затылку. Я понял, что это хороший знак. По дороге домой я узнал, что Дэви Рэй и Бен добрались до Эффира сегодня в семь часов утра. Они рассказали шерифу Эмори всю приключившуюся с нами историю, а также о том, что два человека в масках купили в лесу у Блэйлока Большое Дуло что-то в деревянном ящике, после чего Блэйлоки гнались за нами по лесу.

— Люди в масках были мистер Харджисон и мистер Моултри,— сказал я.

Мне тут же стало неловко, потому что я вспомнил, как мистер Харджисон спас нас во время памятной стычки с Брэнлинами. Но как бы там ни было, шерифу нужно было знать обо всем случившемся.

Мы проехали мимо авиабазы. Казармы, взлетно-посадочные полосы и ангары обнесены высоким забором из металлической сетки, поверх которого натянута колючая проволока. Дальше мы покатали по дороге, идущей вдоль леса, миновав поворот к дому с дурными девушками. Когда мы проезжали мимо озера Саксон, отец едва заметно сбросил скорость, но даже не взглянул на него. Опушка, где я видел человека в длинном пальто, теперь заросла высокой травой, и точно определить это место стало невозможно. Как только озеро осталось позади, отец снова прибавил скорость.

Когда мы вернулись домой, я оказался в центре внимания. Я съел большой стакан шоколадного мороженого и все печенье «Орео», которое нашел на кухне. Отец называл меня «приятелем» и «компаньоном» чуть не через слово. Бунтарь в восторге обслуживал мне все лицо. Я вырвался из чащи леса и теперь был в полном порядке.

Само собой, родители захотели узнать подробности о моих похождениях, в том числе и о девушке, которая так заботливо смазала йодом мои царапины. Я назвал ее имя, сказал, что ей шестнадцать лет и что она прекрасна, как Золушка из мультика Уолта Диснея.

— Похоже, наш парень втрескался в лесную красавицу поуши,— подмигнул маме отец, на что я хмыкнул и отозвался:

— У меня нет времени на каких-то старых девиц!

Но уснул я на диване с десятицентовиком в кулаке.

Под вечер в субботу к нам заглянул шериф Эмори. Он уже успел побывать у Дэви Рэя и Бена, теперь настала моя очередь отвечать на его вопросы. Мы уселись на крыльце, Бунтарь улегся у моих ног и лишь иногда поднимал голову, чтобы лизнуть мне руку, а тем временем где-то за горизонтом в темнеющих тучах ворчал гром. Шериф Эмори внимательно выслушал мой рассказ о деревянном ящике, когда же я заявил, что узнал двоих людей в масках — то были мистер Джеральд Харджисон и мистер Дик Моултри,— шериф сказал:

— Ты уверен, что это были именно они? Ведь ты не видел их лиц?

— Блэйлок Большое Дуло назвал толстого Диком, и потом я видел окурок, который выбросил мистер Харджисон,— тех самых сигар с белым пластиковым мундштуком, что он курит.

— Ясно.

Шериф кивнул, но его лицо с выступающим подбородком осталось бесстрастным.

— Дело в том, Кори, что в городе есть немало мужчин, которые курят такие сигары. И если Большое Дуло назвал кого-то Диком, это не обязательно Дик Моултри.

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

— Это были они,— твердо ответил я.— Уверен в этом.

— Дэви Рэй и Бен сказали, что они не узнали людей в масках.

— Может быть, и так, сэр, но я-то узнал.

— Ну хорошо, я выясню, где были Дик и Джеральд прошлой ночью около одиннадцати. Дэви Рэй и Бен сказали, что вряд ли смогут найти то место, где вы видели Блэйлоков и тех двоих. А ты сумеешь его отыскать?

— Не знаю, сэр, это будет трудновато. Я точно помню, что это было возле лесной дороги.

— Ага. Проблема в том, что на холмах в лесу уйма тропинок и дорог для вывозки леса. Ты не видел, что там у них было в этом ящике?

— Нет, сэр. Зато я слышал, что содержимое этого ящика поможет кое-кому отправиться прямо в ад бить чечетку, так сказал мистер Харджисон.

Шериф Эмори нахмурился. В его темных глазах блеснула искра неподдельного интереса.

— Что он, по-твоему, имел в виду, когда так говорил?

— Не знаю. Но Большое Дуло сказал, что он добавил туда пару штук на всякий случай.

— Штук чего?

— Не знаю, сэр.

Я увидел вспышку молнии на горизонте от неба до самой земли.

— Вы теперь будете искать Блэйлока Большое Дуло, чтобы допросить его?

— Большое Дуло,— ответил мне шериф,— человек-невидимка. Я много слышал о том, что вытворяют он и его сыновья, но ни разу в жизни его не видел. Думаю, он скрывается где-то в лесу, возможно, неподалеку от того места, где вы его видели.

Шериф Эмори тоже наблюдал за молниями. Пальцы его больших рук были сплетены, костяшки нервно двигались.

— Если бы мне удалось подловить одного из его сыновей на какой-нибудь проделке, то, возможно, смог бы выкурить Большое Дуло из его норы. Сказать по правде, Кори, в нашем городе у полиции всего один сотрудник, это я. Округ выделяет шерифу очень скромные средства. — Он грустно улыбнулся. — Я получил эту работу только потому, что ею не хотел заниматься никто другой. Жена чуть ли не каждый день уговаривает меня бросить это занятие и вернуться к тому, чем я занимался раньше, — красить дома.

Шериф пожал плечами.

— Что ж, — заключил он, прогоняя невеселые мысли, — весь город боится Блэйлоков, в особенности Большого Дула. Можно, конечно, прочесать лес, но вряд ли удастся собрать для этого больше пяти-шести человек. Прежде чем мы найдем его, Большое Дуло узнает о наших планах и предпримет ответные шаги. Ты понимаешь, в чем трудность, Кори?

— Да, сэр. Блэйлоки сильнее закона.

— Они не сильнее закона, — ответил шериф. — Просто меньше стесняются в средствах.

Гроза приближалась. Ветер гнул вершины деревьев. Бунтарь поднялся на ноги и стоял, нюхая воздух.

Шериф Эмори встал со стула.

— Мне пора идти, — сказал он. — Спасибо за помощь.

В сумеречном свете приближавшейся грозы Эмори казался старым и обремененным заботами, он слегка сутулился. Заглянув в дом, шериф попрощался с моими родителями. Отец вышел на крыльцо, чтобы пожать ему руку.

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

— Впредь будь осторожен, Кори,— сказал мне Эмори, и вместе с отцом они пошли к машине шерифа.

Я сидел на крыльце и гладил Бунтаря, а отец с шерифом поговорили еще несколько минут. Когда тот наконец уехал, отец вернулся на крыльцо. Его лицо тоже показалось мне усталым.

— Пойдем в дом, приятель,— сказал он мне, открывая дверь,— сейчас начнется дождь. Негоже сидеть в такую грозу на улице.

Ветер завывал всю ночь напролет. Дождь стучал в окна, а молнии выписывали над городом зигзаги, словно волшебник что-то писал пальцем на небе.

В ту ночь я впервые увидел сон о четырех девушках-негритянках, одетых во все праздничное, в начищенных туфлях. Девушки стояли под деревом с облетевшей листвой и раз за разом повторяли мое имя. Снова и снова, без конца.

Глава 9

КОНЕЦ ЛЕТА

Август медленно умирал, а с ним умирало и лето. Впереди ждала школа, долгие дни учебы в обрамлении золотой осени, строгость и порядок, пришедшие на смену летней вольнице.

Это случилось в последние дни лета: я узнал, что шериф Эмори побывал у мистера Харджисона и мистера Моултри. Жены и того и другого клятвенно заверяли шерифа, что всю ту ночь, когда мы втроем лежали в кустах у дороги ни живы ни мертвы, их мужья провели дома и никуда не выходили. Шериф был бессилен сделать что-либо еще; ведь, в конце концов, я не видел лиц двух людей в масках, которым передал деревянный ящик Большое Дуло.

В сентябре в моем почтовом ящике появился новый номер «Знаменитых чудовищ». На конверте с моим именем были размазаны зеленые сопли.

Однажды утром мама сняла трубку телефона и позвала:

— Кори, тебя!

Я взял у мамы трубку. На другом конце линии была миссис Эвелин Пратмор. Она известила меня, что на литературном конкурсе, устроенном Советом по делам ис-

кусств города Зефира, я занял третье место в номинации коротких рассказов, о чем будет свидетельствовать имен-ная пластинка, которую мне вручат. Она звонила, чтобы предупредить меня, что мне предстоит прочитать свой рассказ на церемонии награждения в библиотеке во вторую субботу сентября.

Я буквально лишился дара речи. Пробормотав «Да, хорошо, мэм», я положил трубку на рычаг. Первым мо-им чувством была безудержная радость, от которой я чуть было не воспарил к потолку, а вторым — панический ужас, от которого я едва не рухнул на пол. Мне придется про-читать свой рассказ перед всеми? Вслух? Перед полным залом людей, которых я едва знаю?

Мама успокоила меня. Это было частью ее работы, и она с ней хорошо справлялась. Она сказала, что у меня еще предостаточно времени, чтобы как следует потрениро-ваться, что она очень гордится мною и ужасно рада мо-ему успеху. Она немедленно позвонила отцу на работу, и он сказал, что сегодня привезет мне в награду две бутыл-ки холодного шоколадного молока. После этого я сооб-щил по телефону новость Джонни, Дэви Рэю и Бену. Они тоже поздравили меня, сказав, что третье место на кон-курсе — это классно, но, уловив дрожь в моем голосе, по-играли у меня на нервах, представляя на разные лады, как я буду выглядеть, читая вслух свой рассказ.

«Что, если на твоей ширинке сломается молния и тебе не удастся ее застегнуть?» — спросил Дэви Рэй. «Что, ес-ли твои руки начнут трястись так, что ты не сумеешь удер-жать свое сочинение?» — спросил Бен. «А вдруг ты от-кроешь рот и не сможешь произнести ни слова?» — спро-сил Джонни.

И это мои друзья! Кто лучше них знает, как сбросить тебя с пьедестала?

За три дня до начала школы стоял отличный ясный день: по небу плыли кудрявые облака, а с юга дул теплый ветерок. Мы подъехали на великах к бейсбольному полю, перчатки были привязаны к рулю шнурками. Мы заняли позиции вокруг поля, заросшего за лето сорной травой. Взглянув на табло, мы убедились в том, что не только наша команда младшей лиги терпит бедствие; команда взрослых «Перепела» тоже проиграла 0:5 «Хайфлайерс», команде военно-воздушной базы. Стоя в высокой траве и перебрасываясь мячиком, мы с грустью рассуждали о том, что лето подходит к концу. Однако в глубине души мы с радостью предвкушали начало учебного года, потому что свобода уже... как бы это сказать, несколько приелась. Мы уже были готовы к тому, что на нас накинут узду, а следующим летом мы снова сможем полетать всласть.

Мы бросали фастболы, делали финты, высоко отбивали мяч вверх, посылали его низом. Бен делал такие сильные подачи, которые мало кому удавались, а Джонни пускал крученный так, что перед тем, как влететь в перчатку, мяч делал «рыбий хвост». Увы, все мы были свергнутыми королями. Ну что ж, новый сезон всегда впереди.

Мы тренировались уже минут сорок и хорошо пропотели, когда Дэви Рэй крикнул:

— Эй, смотрите-ка, кто идет!

Мы дружно оглянулись. Глубоко засунув руки в карманы джинсов, через траву к нам брел Немо Керлисс. Он был таким же тощим, с молочно-белой кожей даже в конце лета. Мать явно держала его на коротком поводке.

— Привет! — крикнул я.

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

— Привет, Немо! — подхватил Дэви Рэй. — Иди к нам, сделай пару бросков!

— Отлично! — подал голос Джонни без особого энтузиазма: он хорошо помнил отбитые пальцы. — Может быть, на этот раз Бен попробует принимать твои подачи!

Немо грустно покачал головой с потупленным взором. Пройдя через поле мимо Джонни и Бена, он направился ко мне в «дом», на основную базу. Когда он остановился передо мной и поднял лицо, я увидел, что он плачет. Его глаза за толстыми стеклами очков были красными и распухшими от слез, следы которых блестели на его щеках.

— Что случилось? — с тревогой спросил я. — Кто-то обидел, избил тебя?

— Нет, — всхлипывая, ответил он. — Прощто я... я... К нам подошел Дэви Рэй с бейсбольным мячом в руке.

— Что случилось, Немо? Ты плачешь?

— Я...

Немо всхлипнул. Он изо всех сил пытался взять себя в руки, но у него ничего не получалось.

— Я уешаю, — наконец выдал из себя он.

— Уезжаешь? — Я нахмурился. — Но куда?

— Прощто уешаю. Уешаю иж города. — Немо махнул своей тощей рукой в неопределенном направлении. — Мы переешаем.

К нам в «дом» подошли Джонни и Бен. Так мы и стояли кружком вокруг Немо, который всхлипывал, поминутно вытирая нос. Бен не смог долго это выносить и, отойдя в сторону, принялся пинать ногами камешки.

— Я зашел к тебе домой, Кори, чтобы попрощаться, но твоя мама шкажала, что ты на бейсбольном поле, — объяснил мне Немо. — Я прощто хотел попрощаться.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

— Ясно. А куда вы едете? Навестить кого-то? — спросил я.

— Нет.

Новые потоки слез заструились по лицу Немо. Смотреть на это было тяжело.

— Мы переешаем в другой город, Кори.

— Переезжаете? Куда же?

— Не жнаю. Куда-то далеко отсюда.

— Господи,— протянул Джонни.— Да вы всего-то лето в Зефире и прожили!

— Мы надеялись, что в следующем году ты будешь играть в нашей команде! — воскликнул Дэви.

— Вот именно,— подхватил я.— Ты же должен был пойти в нашу школу.

— Нет,— покачал головой Немо, и я отчетливо увидел в его распухших глазах невыносимую муку.— Жавтра мы уешаем.

— Завтра? Куда вы так торопитесь?

— Так шкажала мама. Жавтра мы уешаем. Туда, где папа шможет продавать рубашки.

Рубашки. Вот в чем дело. Рубашки. Никто в Зефире не носит хорошо сшитые белые рубашки. Я сомневался, что они пользовались большим спросом хотя бы в одном городе, куда привозил жену, сына и свои образчики ткани мистер Керлисс. Не думаю, что где-нибудь нашлось бы такое место.

— Я не шмог..

Немо поднял на меня глаза. От боли в его взгляде у меня зацемило сердце.

— Я так и не шмог.. жавешти себе дружей,— сказал он.— Потому что мы вше время переешали.

КНИГА 1 ТЕМНАЯ БЕЗДНА

— Мне жаль, Немо,— сказал я.— Очень жаль, что тебе приходится переезжать.

Под влиянием внезапного порыва я вытащил из своей бейсбольной перчатки мяч и протянул его Немо.

— Вот, возьми,— сказал я ему.— Сохрани его, чтобы иногда вспоминать о приятелях, которые остались у тебя здесь, в Зефире. Ладно?

Мгновение Немо колебался. Потом протянул свою волшебную руку и схватил мяч тощими пальцами, принимая подарок. Вот тут Джонни проявил себя истинным джентльменом: мяч принадлежал ему, но он не сказал ни слова против.

Немо вертел мяч в руках, перекладывая из ладони в ладонь, и я видел отражение красных швов мячика в стеклах его очков. Он рассматривал этот мяч с таким вниманием, словно это был магический кристалл.

— Я хочу оштатшя ждешь, ходить в школу, иметь друзей,— тихо проговорил Немо. Из носа у него по-прежнему текло, и он чихнул. Потом снова посмотрел на меня.— Я хочу жить, как вше. Мне до шмерти хочетшя оштатшя ждешь ш вами.

— Может, когда-нибудь вы вернетесь,— подал голос Джонни, но это было слабое утешение.— Может быть, ты сможешь...

— Нет,— перебил его Немо.— Мы никогда не вернемся. Никогда, даже на один-единственный день.

Немо повернулся лицом к дому, который так скоро ему предстояло покинуть. По его щеке скатилась слеза и, дрожа, повисла на подбородке.

— Мама говорит, что папа должен продавать рубашки, чтобы у наш были деньги. По ночам она иногда кричит

на него, называет ленивым и говорит, что не должна была выходить за него замуж. А он вше отвечает ей: «Вот пожди, в шледующем городе мне непременно повежет».

Немо снова посмотрел на меня. В это мгновение выражение его лица изменилось. Он по-прежнему плакал, но теперь в его глазах был гнев такой силы, что я вынужден был отступить на шаг, чтобы жар его ярости не опалил меня.

— В шледующем городе у наш шнова не будет удачи,— продолжал он.— Мы так и будем переешать из города в город, и мама будет кричать на него по ночам, а папа будет говорить, что в шледующем городе нам обязательно повежет. Но все это ложь.

Немо замолчал. Теперь в нем говорил только гнев: пальцы крепко стиснули мяч, костяшки побелели, а глаза усталились в никуда.

— Нам будет не хватать тебя, Немо,— сказал я.

— Да,— подхватил Джонни.— Ты хороший парень.

— Когда-то и ты пойдешь в гору, Немо,— уверил его Дэви Рэй.— Когда доберешься до вершины, ты еще всем покажешь, чего стоишь. Ты мне веришь?

— Верю,— отозвался Немо, но в его голосе не было убежденности.— Мне ужашно не хочетшя...

Он умолк. Слова не имели смысла: Немо был всего лишь маленьким мальчиком и должен был идти домой.

Стиснув в руке бейсбольный мячик, Немо направился через поле домой.

— Счастливо! — крикнул я ему, но он ничего не ответил.

Я попытался представить, какая у Немо жизнь: игра, для которой ты рожден, для тебя запретна; тебе прихо-

дится сидеть взаперти то в одном, то в другом доме в разных городах и жить там ровно столько, чтобы тебя успели поколотить местные хулиганы, но недостаточно долго для того, чтобы успеть сойтись со сверстниками, которые так и не узнают, что за мальчик скрывается под бледной кожей, натянутой на тощий костяк, что таится за шепелявым ртом, за толстыми стеклами очков. Я бы не вынес такой муки.

Немо закричал.

Крик был таким громким, что мы едва не подпрыгнули от неожиданности. Потом крик превратился в пронзительный вой, тоскливый и жалобный, он поднимался все выше и выше. Немо обернулся — сначала только голова, потом плечи и торс — и я увидел его расширенные, полные ярости глаза и стиснутые зубы. Правая рука с мячом мелькнула в стремительном замахе, превратившись в размытое пятно, позвоночник щелкнул как хлыст — и Немо запустил мяч прямо в небо, почти вертикально вверх.

Я видел, как летит мяч, как он уносится в небо и становится темной точкой. Потом его поглотило солнце.

Немо упал на колени, по-видимому, крик и бросок отняли у него последние силы. Он щурился, очки криво сидели на его носу.

— Лови его! — крикнул Дэви Рэй, глядя в небо. — Вон он падает!

— Где? — спросил Джонни, выставяя вверх свою перчатку.

— Где ты его видишь? — спросил я, шагнул в сторону и попытался разглядеть мяч в сияющей голубизне.

Бен тоже смотрел вверх. Его рука в перчатке висела вдоль туловища.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

— С ума сойти,— тихо проговорил он,— мяч *исчез*.

Мы ждали, глядя в небо.

Мы ждали, держа перчатки наготове.

Мы ждали.

Я взглянул на Немо. Он поднялся с земли и шел к дому, не быстро и не медленно, просто ему уже все было безразлично. Он знал, что ждет его в следующем городке и в другом, куда они переедут потом.

— Немо! — позвал я, но он шел дальше и даже не обернулся.

А мы ждали мяч, когда же он упадет к нам с небес.

Потом уселись на красную глинистую землю и смотрели на небо, где плыли кудрявые облака, а солнце склонялось к западу.

Все молчали. Никто не знал, что говорить.

Впоследствии Бен высказал предположение, что мяч, скорее всего, снесло в сторону ветром и он упал в реку. По мнению Джонни, мяч угодил в гущу птичьей стаи, изменил свою траекторию и потерялся. Дэви Рэй настаивал на том, что в самом мяче крылся какой-то дефект и что он, стремительно взлетая к небесам, просто разлетелся на куски, и мы не разглядели, как его обшивки и внутренности упали на землю.

А что думал я?

Я просто верил.

Мало-помалу ступились сумерки. Мы с друзьями оседали велосипеды и разъехались с бейсбольного поля по домам, распрощавшись с нашими летними мечтами. Наши взоры были теперь обращены в сторону осени. Я собирался вскоре рассказать кому-нибудь свой сон о четырех черных девушках, которые звали меня по имени, стоя под де-

КНИГА 1. ТЕМНАЯ БЕЗДНА

ревом с облетевшей листвой. Кроме того, мне предстояло прочитать перед целым залом свой рассказ о человеке, лежащем на дне озера Саксон. Нужно было также выяснить, что находилось в деревянном ящике, который Блэйлок Большое Дуло продал ночью на лесной дороге людям в белых масках за четыреста долларов.

Мне предстояло помочь моему отцу обрести спокойствие.

Мы, четверо друзей, катили вперед, нажимая на педали, за нашими спинами ревел ветер, и все дороги вели нас к будущему.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Почему я написал «Жизнь мальчишки»	5
Часть первая. ПРИЗРАКИ ВЕСНЫ	19
Глава 1. До восхода солнца	21
Глава 2. Падение в темноту	49
Глава 3. Захватчик	60
Глава 4. Осы на Пасху	92
Глава 5. Смерть велосипеда	120
Глава 6. Старый Мозес откликается на зов	143
Глава 7. Визит к леди	176
Часть вторая. ЛЕТО ДЬЯВОЛОВ И АНГЕЛОВ	209
Глава 1. Последний день школы	211
Глава 2. Разговор в парикмахерской	229
Глава 3. Мальчик и мяч	247
Глава 4. «Я тусуюсь!»	279
Глава 5. Добро пожаловать, Люцифер!	300
Глава 6. Мама Немо и неделя с дедушкой Джейбердом	316
Глава 7. Поход с ночевкой	362
Глава 8. Чили Уиллоу	397
Глава 9. Конец лета	418

Литературно-художественное издание

Роберт Р. Маккаммон

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Книга 1

Темная бездна

Ответственный редактор *Е. Березина*

Редактор *М. Абушик*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Шубик*

Компьютерная верстка *М. Львов*

Корректоры *Л. Самойлова, Е. Павлова*

ООО «Издательский дом «Домино».

191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.

Тел. (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 17.02.2011. Формат 84х108 1/32.

Печать офсетная. Бум. офс. Усл. печ. л. 22,68.

Тираж 5000 экз. Заказ № 1655.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-47839-2



9 785699 478392 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

A boy with long hair, seen from behind, is riding a bicycle on a dirt path. The path leads towards a bright, glowing light source, possibly the sun, which is partially obscured by dark, dramatic clouds. The scene is misty or foggy, creating a sense of mystery and atmosphere. To the left of the path, there is a wooden fence and some tall grass.

ТЕМНЫЙ МИР

Кори Маккенсон — 12-летний американский мальчишка, фантазер с живым воображением и явными способностями к сочинительству. Он живет в особом, ярком мире, где проза жизни тесно переплетена с волшебством, явь — со сном, реальность — с мечтой. Особый колорит происходящему придает атмосфера американского Юга: на первый взгляд, сонный, захолустный городок Зефир таит в себе множество нераскрытых загадок и населен людьми с причудливыми, эксцентричными характерами.

Ранним мартовским утром Кори и его отец случайно становятся свидетелями ужасного преступления...

«Жизнь мальчишки» — лучшая из полутора десятков книг мастера мистического романа Роберта Рика Маккаммона, принесяшая ему две престижные литературные премии — Bram Stoker Awards 1991 и World Fantasy Award 1992.

ISBN 978-5-699-47839-2



9 785699 478392 >